

84 (2Рос.Рус)6
К К59

ВИКТОР КОЗЛОВ

БЛУЖДАЮЩИЙ РУЧЕЙ



ВИКТОР КОЗЛОВ

БЛУЖДАЮЩИЙ РУЧЕЙ

Повесть. Рассказы

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

-075852-

Екатеринбург
Средне-Уральское

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

книжное издательство

обяза-
тельный
экз.

2001

ББК 84.Р(2Рос.Рүс)6
К 59

ВЫКТОР КОЗЛОВ

ИНДИОАДЖУЛЭ ПҮРЕН

История культуры

КО	Халык-Милләт тәрбияләгече органнары башкармачылыгы
----	--

Сред.-Урал. кн. изд-во
Сред.-Урал. кн. изд-во
Сред.-Урал. кн. изд-во

ISBN 5-7529-0015-8

- © Козлов В.Н., 2001
- © Комардин К., оформл., 2001
- © Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001

Халык-Милләт тәрбияләгече органнары башкармачылыгы	Сред.-Урал. кн. изд-во
--	------------------------

БЛУЖДАЮЩИЙ РУЧЕЙ

ПОВЕСТЬ

I. «Они что – опупели?!»

– Пива привез? – хмуро спросил Шлык, подавая главному геологу вялую ладонь.

– К-когда-эт я привозил?! – совершенно искренне возмутился тот, вскинув бровки домиком и приподняв плечи. – Хо! Губы раскатал!

– Да... дождешься от вас! Поди, если и покупал, то в самолете высосал, алкаш несчастный! Это начальник для вас, как ишак, канистрами возит, а вы ему – бутылочку не можете довести... Ладно, нехай. Что там, рассказывай, с планами...

– Чо рассказывать? Сам грамотный: смотри! – Лазаренко раздраженно подал начальнику фирменный бланк с большой печатью и развернул на длинном разнарядочном столе из полированной дээспэ «планшет» – секретную карту-«пятиверстку», сплошь усыпанную озерами, старицами, болотными черточками и кочками, – словно шитый синим бисером подол праздничного хантыйского платья.

– Вот «точки» по координатам нанесены. При выдаче на местности туда-сюда метров на пятьсот можем сами сдвинуть. Подъездов к ним – и так видно – нет. А с водой... Хоть вокруг вода, один бог ведает... Смотреть надо! – Борис Михайлович быстро-быстро поперебирал сухими бесцветными губами, словно беззвучно матюкаясь, и закурил беломорину.

Он только что вернулся из геологоуправления, где рассматривались планы работ нефтегазоразведочных

экспедиций на будущий год. Еганской экспедиции помимо продолжения разведочных работ на четырех старых площадях предписывалось начать поисковое глубокое бурение еще на трех структурах, только что выявленных полевой геофизикой, проще говоря, сейсмиками. Все три структуры находились у черта на куличках.

– Они – шо там? Совсем опупели?! – начальник оторвался от карты и тяжелым взглядом уставился на геолога. – А ты, Борис Михайлович, не мог бы объяснить?! Или с бодуна был – слова вымолвить не мог?! Они шо там? У них там, в главке, их куриные мозги жиром совсем позаплывали, что ли?.. Да мы... Если даже только на одну площадку выходить, на самую ближайшую, – и то надо весь маломерный флот кидать туда. А это значит, что сорвем завоз на подбазу для тех площадей, с которых кормимся! И с которых метраж берем! План делаем! Об этом-то ты мог сказать?! А буровые установки? Комплекты техники: трактора, бульдозеры, краны?.. Та же каротажная техника! Считай – три дополнительных комплекта... А вертолеты? Площади – вразброс!.. Где керосин брать? Куда его сливать? Нашего резервуарного парка, при таких подлетах, даже если полностью зальемся, до нового года не хватит...

Главный геолог поправлял зачесанный на бок серый чубчик, ничего не говорил, только изредка возмущенно то ли фыркал, то ли быстро, будто сплевывая, говорил: «Я-то при чем!»

В темно-сером, с искрой, хорошем костюме, аккуратненький, как цесарка, рядом с одетым в плотный, неяркого рисунка свитер начальником он выглядел отчужденно и чиновно.

Шлык чуть успокоился, жестом подозвал главного геолога поближе и деловитым голосом продолжил:

– Ну, глянь сам, Борис Михайлович... Про эти два номера я не говорю, на них только зимником можно заб-

раться, про них отдельный серьезный разговор предстоит «там», – движениями длинной брови вверх и большого пальца за спину он показал, где – «там». – Глянь: верховье Егана несудоходно. А этот Кыл-Еган – тем более. Краем уха от лесников слышал я, что там два добрых завала есть. И такие, что лесом поросли! Разобрать их невозможно, только взрывать. А это опять проблема! Предположим, решаемая. Да. С сейсмиками попробую договориться: у них летом работы нету. Помогут...

Шлык глубоко задумался. Лазаренко тоже молчал. Оба не отрывали глаз от карты.

– А вот это еще шо за ручей?.. У самой «точки»? – начальник ткнул толстым пальцем в голубую пунктирную линию.

Борис Михайлович глянул на указанное место.

– Это, Асандроныч, так называемый блуждающий ручей, – скороговоркой произнес он. И, увидев вопросительно подтянутую бровь, пояснил: «Когда бывает, когда нет. Как в Каракумах: по сезону. Да! Имеет подлую натуру – по другому руслу может потом потечь... – добавил язвительно.

– Так шо ж, буровая может оказаться без воды? Тэ-экс! Придется водную скважину бурить... Ладно! – Александр Родионович прихлопнул тугим кулаком по столешнице. – Главинж с забурки подъедет, – полетим с тобой смотреть места... Ежели подходящие, выдадим «точку» и будем пинать все службы, чтобы закрутить буровую до конца года.

– А если неподходящие?

– Ежели неподходящие, подамся сам до шефа: он поймет меня, бо вин ще с глузду не з'ехав.

2. Выдача «точки»

Любил Александр Родионович Шлык высаживаться в глухих местах, где не ступала нога человека – современно-

го человека! Людей или следы их пребывания он встречал повсюду. Поэтому употребление слова «первопроходец» применительно к себе воспринимал со здоровым скепсисом, а к другим – с язвительной иронией. В отношении разведки недр – другое дело, там геологи – истинные первопроходцы! На этот счет он был полностью согласен с Михайловым, главным инженером, своим первым заместителем, которого часто звал просто Инженером, как, впрочем, всех остальных главных специалистов: без прилагательного.

Едва Инженер появился на базе экспедиции после забурки «нулевки» на одной из старых площадей, Шлык, прихватив с собой Геолога – Лазаренко и Комиссара – водителя Лешку Сухих, фактически освобожденного секретаря экспедиционной парторганизации и одновременно ординарца, вылетел на «выдачу точки в натуре» – поисковой скважины № 101 на Кыл-Еганской площади.

Побаражировав, выгрузились на ближайшей удобной косе Кыл-Егана. Шлык с Лешкой поставили палатку, Лазаренко развел костер. Гнуса было немного: косу продувало. Берега были светлые. Вода чистая, прозрачная.

Пили чай, делились первыми впечатлениями.

– Чувствуется водораздел, – заметил Лазаренко, – и течение побыстрее, и вода повкуснее...

– Может, и харюз е? А, Асандроныч, как думаете? – загорелся Леша.

– Может, и есть да не про твою честь! – осадил его Шлык. – Вы дрыхли чи шо? Зря, что ли, мы вдоль речки кренделя выписывали? Вот же ж мне штурман на планшете три завала отметил. Парочку разобрать, выпилить можно, а третий... С третьим и увязнуть не долго! – И дал команду: – Комиссар – со мной на рекогносцировку, Геолог обустроивает стоянку! – и стал запускать подвесной мотор на легкой «казанке». – Пару сеток из сидора вытащи и ружьишко прихвати! – крикнул замешкавшемуся Лехе.

Вернулись они часа через три. На дне лодки темнели черные, широкие, как черноморская камбала, ленивые

караси: немного, штук шесть-семь. У Геолога тоже все готово: костер полыхал, вода в котелке клокотала, носик чайника, стоявшего обочь костра, почихивал.

Пока Лешка вытаскивал лодку, развешивал сетки, Шлык разделал несколько карасей. Лазаренко, поняв что к чему, готовил маринад. Шлык, привычно орудуя острым самодельным ножом, удалил из рыбин спинные плавники, вырезал пластами спинную мякоть, посек ее на аккуратные кусочки и положил их в приготовленный маринад – на стойку, остатки опустил в кипяток. Вода в котелке перестала бурлить и вдруг стала, как в горной речке, молочно голубеть... Обошлись без картошки. Когда караси стали всплывать, бросили лук, перец, лаврушку.

Закончив свои дела, к костру подошел Леха, повел сладострастно тонким носом, вдыхая аромат ухи.

– Отнака, Ратионыч, юшка котова... Воточки плеснуть в нее та и сымать пора! – дурашливо заговорил, обращаясь к своему шефу, и, уже обычно, поинтересовался у Лазаренко: – Как там шашлычок, не замариновался?

Сняли котелок с огня. Нарезали крупными ломтями ноздристый, упругий хлеб, слава о котором, благодаря пилотам, перешагнула границы экспедиции. По кружкам разлили водку.

– Ну, кто тост сказать хочет? А то без тоста, как у нас в парткоме говорят, пьянка, зато с тостом – мероприятие! Нет желающих? Тогда – за все хорошее! – Комиссар весело глянул на своих спутников. – Хоп! – лихо плеснул водку в маленький, губки бантиком, на мгновенье приоткрывшийся рот, поморщился: – И как только ее, проклятую, беспартийные пьют? – и выразительно посмотрел на Лазаренко: беспартийным в этой компании был только он.

– Вот так и м-маемся! – чуть заикаясь, отшутился тот и зачерпнул уху этой же, из-под водки, кружкой.

Холодный шашлык из миски брали прямо руками; был он вкусен, и сметали его «первопроходцы» в момент.

Юшка была горячая, дымилась: дули на нее, смаковали, хлеб с ней мялся как вновину: вторую буханку распластали!

Лазаренко вторую бутылку распечатал. Налил одному, второму... Себе стал лить – больше всех вышло, чуть не всклень.

– О, ёкэлэмэнэ! Промазал!

– Да, Борис Михайлович! – хохотнул Леха. – Сам нахал, но таких – давно не встречал!

– Он довыступает у меня! – расслабленно пригрозил начальник. – Слышь, Геолог, даже наркомовских лишу, абы не хамил.

Отвалившись от костра, молча закурили. Слева – песчаная коса, сзади и справа – обрыв высотой метра полтора, поросший тальником. Кыл-Еган неширок, метров двадцать, не более – как раз для стотонных баржонок с водометами... Чуть повыше перекат: вода рябит, словно рыба молодь играет, да и легонькое многоголосое журчанье слышно...

Вечер ясный. Закатное солнышко спокойно, небо мягкое, тихое, пастельных тонов.

Из-за спины накатывает прохладный смолистый воздух, периодически, девятым дуновеньем, обдает багульником...

Тишина. Даже головешки молчат – не стреляют.

– Ах, хорошо, мужики, а?.. – восклицает Леха-Комиссар. – Но, по-моему, для полноты счастья чего-то все ж не хватает, а? – в прищуренных глазах его голубые искорки ярко полыхают. – Не находите? Здесь ведь гнуса практически нету! Что это такое, – ни капли крови не пролил! Неужели здесь всегда так? Так это ж рай, в таком разе! Здесь не буровые надо ставить, а всесоюзную здравницу открывать! Центр туризма: где еще такая красота? А угожья? Сетку ставишь, и она уже ходуном ходит. Ондатра, дура, под винт лезет. И соболушка долгон быть, слышь, Асандроныч...

В ответ Шлык потянулся большим телом, затяжно зевнул и приказал:

– Давайте на боковую!

Наутро они вдвоем собрались плыть снова, Лазаренко возмутился:

– Не наглейте! Выдадите «точку» в стороне – с меня штаны спустят! На фигу меня сорвали? Летели бы тогда одни, ёкэлэмэнэ!

– Борис Михайлович, шо кипяتيشься? Лодка же ж по дну шкрябает: вчера винт погнули! Выберу в допуске: не меньше тебя в интересе! Ты пока окрестности поизучай, поблесни... Нас не теряй: фарватер посмотрим до верхнего залама...

Шлык, когда надо, бывал очень обходителен и убедителен: жена его, Оксана Ионовна, с осуждением-гордостью жаловалась знакомым, что он «слона может уговорить»...

Взяли с собой сухой паек и пару бутылок водки. «Вдруг хозяев угодий встретим!» – объяснил Шлык.

– Так бы и сказали – что с аборигенами поехали знакомиться, а то – «лодка шкребет»...

Но ворчал Борис Михайлович для вида.

Как только лодка скрылась за поворотом, он оживился: словно перед тяжелой и приятной работой, сделал несколько резких движений, разминаясь. Почти на цыпочках подошел к урезу воды, наклонился, прислушиваясь: приглушенный расстоянием звук мотора был ровный, далекий... Он выпрямился и, потирая руки, произнес вслух:

– Браконьеры пусть изучают сельву, обирают аборигенов, а мы в это время... расслабимся!

...Борю в детстве дворовая шпана прозвала обидно: Хмырь. Повезло ему: отец с войны вернулся целый-невредимый, относительно других жили они безбедно. Но все внимание родителей было обращено на его сестру.

Разница в возрасте у них была большая: целая война. Когда он пошел в школу, сестра училась в физкультурном техникуме. Была она белокурой, смазливой девицей со спортивной фигуркой. Ко всему, у нее оказался приятный голосок. «Вылитая Шульженко!» – восхищались соседки. В те времена старух-пенсионеров было мало, но многие матери семейств не работали: обихаживали и кормили семью, стояли в очередях, ходили за детьми. Родители его работали на заводе в разные смены, оба были рослыми, голубоглазыми, с приятными лицами. Борис, как говорили, уродился ни в мать ни в отца: маленький был, тяжелый, как свинцом налитой, но быстрый и ловкий; смуглый – летом он загорал до черноты, как галчонок был. А прожорлив – как утка. Только дома набузукается, а увидит во дворе пацана, вышедшего пожевать на людях булку с маргарином или повидлом, сразу пристает к нему: «Ухмырни!» Кто-то поделится великодушно, а кто-то и на место поставит: «Сорок один – ем один!» «Ухмырни» да «ухмырни» – вот и стал «хмырем»... Потчевали его и ухажеры сеструхи в расчете на его помощь: записку передать, вызвать сестру во двор – телефонов ни у кого из соседей не было, а некоторые – с дальним прицелом.

Друзей у него, в добром понимании слова, не было, зато он был – всем друг! За «своего» принимала его шпана постарше, хотя он и не являлся членом их кодлы. Еще до школы он уже кое-что «по фене ботал», докуривал – в себя! – чинарики, попробовал водку... Куда бы он скатился годам к шестнадцати, один бог знает! Да в жизни произошли резкие перемены: отец завербовался на строительство Павловской ГЭС, они уехали в Павловск, а сестра после техникума выскочила замуж... Неуютно показалось ему на новом месте, и от этого ли, от того ли, что пришло время взяться за ум, но вдруг обнаружили у Борьки способности к учебе и к спорту... Он стал ходить в секцию гимнастики. И хотя в первое время было трудно привыкать к жесткому распорядку, желание подрасти, – а он не раз слышал совет сест-

ры насчет этого, – помогло ему в занятиях. Вытянуться выше метра и шестидесяти пяти сантиметров ему не сподобилось, но мышцы он укрепил и выносливость приобрел завидную. При своем росте весил семьдесят пять килограммов. «Ну и бутуз! – восхитился им физкультурный аспирант в университете, чувствительно растянув кисть, после «дружеского» толчка «бутуза». – Где успел накачаться? На лыжах ходишь? Стреляешь? Биатлоном с тобой попробуем заняться!» И как в воду глядел аспирант: Боря Лазаренко университетскую команду ни разу не подвел!

Однако биатлон был на втором плане, на первом – учеба. Учился он с интересом. Полюбил геологические практики: в разных концах Союза побывал. Но специализироваться пришлось по нефти и газу, о чем сначала жалел, так как считал, что настоящий геолог – это рудознатец! И он ностальгически вспоминал работу в «поле», камеральные работы... «Снег, снег, снег!.. Снег над палаткой кружится... По берегам замерзающих рек – снег, снег, снег...»

Впрочем, попав в нефтеразведку по направлению, он хорошо вписался в ее дружный, почти семейный коллектив. В нефтеразведке, когда была возможность, работали истово, с наслаждением. Зато в простое время, как крестьяне в межсезонье, оттягивались на все сто! Борис Михайлович проявил себя, как он шутил, «малопьющим». «Все вы, – говорил он друзьям, – «застенчивые»! Чуть выпили – и уже за стенку держитесь. А я – «малопьющий»! Сколь ни выпью – мне все мало...» И – как по пологой горке укатанной пошел... Другой раз и попытается тормознуть – да куда? – несет! На бок падай или лети дальше: куда кривая выведет. Несколько женщин пытались охомутать Борю, да отступались, поняв, что он не собирается менять «гусарский» образ жизни. Он уже работал главным геологом экспедиции и приближался к возрасту Христа, как похвалялся, когда его «стопанула» Людка-белорыбица, чертежница оформбюро. Была она

чем-то похожа на его сестру, и, может, поэтому он признавал ее старшинство (хотя она на десять лет младше его). Ростом она на полголовы выше, вся нежно-семужная, фигуристая. «Людка у меня курс держит без девальвации – что доллар! – хвастался иногда Борис Михайлович и выписывал пальцем знак доллара: – Что так, что так!» Несмотря на разницу в габаритах, он ее легко вскидывал на руки, и возможно этим когда-то и покорила: она млела, как та белорыбица; впрочем, он тоже терял голову, ощущая ее млеющую тяжесть. В первый же год после женитьбы родилась у них девочка, названная Виолетой. Росла красивенькой, милой, но – болезненной. Люда считала, что ей не хватает витаминов, и на лето увозила дочь к матери на юг Томской области, а иногда оставляла ее там и на зиму. Боря, горячо полюбивший дочь, в этом случае начинал гусарить. На попреки жены, поперебрав губами, чего, кстати, она не выносила, отвечал: «Сама виновата! Вильку надо было привезти!» Жена сердилась: «Эгоист! Не хочешь, чтоб ребенок здоровым рос? Бессердечный!..» На это он невозмутимо замечал: «У других растут, и ничего!» – и приводил известные примеры. Правда, в последнее время она в пререкания не вступала, лаской брала, уводила домой. Жилье Лазаренко имели стандартное – половину брусчатого дома. Соседи у них были надежные: Тишевы, он начальник каротажной партии, жена его – экспедиционный фельдшер, заведующая медпунктом. Нелли (по паспорту Неонила) Потаповну в поселке все, и стар и млад, звали просто Потаповной, точно так же, как Людмилу Федоровну – Белорыбицей; сближала их одна беда: Вениамин Георгиевич Тишев, как и Борис Михайлович, из «малопьющих», но, в отличие от последнего, был еще и из разряда «застенчивых»! Для межсоседского общения (и для конспирации) в разделительной переборке сеней они сделали дверь. Это было удобно: закроем Белорыбица благоверного на замок и спокойна: проспавшегося мужа соседка

выпустит. И войти в дом, при закрытой квартире, он мог тем же путем. Если кто и пытался прояснить способность Бориса Михайловича быть невидимкой, Людмила Федоровна бесцеремонно ставила того на место. Ее небесно-лазурные глаза нестерпимо светлели. «Ну-ка, ну-ка! – подбоченивалась она – в профиль доллар, в анфас ферт! – Повторите, шо вы казали? Ах, вам «показалось»! Кре-ститься надо!» Боря, в общем, был у нее под каблук и в том, что касалось денег: она получала по доверенности и зарплату, и все виды премий, у него никогда не бывало с собой наличных. В отпуске, в командировке – другое дело, брал, сколько хотел. Не терпел он слез и нотаций и сразу сказал жене: врежу без предупреждения, а рука у меня – тяжелая. И нежная супруга восприняла обещание серьезно, ощущала только силу и ласку мужниных рук и ни разу – их тяжесть.

...С «чуйством», с толком, с расстановкой приласкав пузырь «водяры», Борис Михайлович в свое удовольствие поблеснил. Рыбалка была не особенно удачна: пяток крупных, красноперых окуней и пара щук. Ушицу готовить он не стал, насадил рыбу на кукан, а себе вскипятил чайку. Почаевничав и преодолев соблазн приложиться к еще одному «пузырю», он натянул энцефалитку, проверил, на месте ли портсигар, спички, взял штурманский планшет (подарок знакомого пилота) с картой, заткнул за пояс аккуратный острый топорик, с которым уже более пятнадцати лет выезжал на выдачу «точек». Сколько ж он их навывывал? Один и с топографами. С начальниками и прорабами вышкомонтажных цехов. И просто с начальниками – вроде Шлыка – любителями глухих, нехоженных мест. На катерах, на моторках, на гидросамолетах и на вертолетах. Было даже – на оленьих упряжках!

Местами встречались непроходимые буреломы – еще достаточно крепкие сушины повалены в хаотическом беспорядке. И рельеф нехороший: рядом и сплошь неболь-

шие, вроде карстовых воронок, заторфянившиеся уже озерки, и еще только зарастающие, но проточные еще, меандры. Да-а, с подъездами к буровой – дело швах! – Лазаренко поперебирал губами. Не позавидуешь Игорю! Как будут оборудование затаскивать по таким буеркам?! Огибая одну полукруглую старицу, он вышел наполовную гриву, покрытую некрупным сухостоем; по предварительной прикидке, она тянулась в сторону «точки». Судя по подросту, пожар на этой гривке случился с десяток лет назад и был низовой: от бурелома, выложенного своеобразным пионерским костром, остались одни головешки, и те поросли мохом и брусничником.

Стал продвигаться, делая памятные затеси; в характерных местах сверялся с аэрофотоснимком (этот снимок, чуть бракованный, он выиграл в преферанс пару лет назад у работавших здесь аэрогеодезистов, не думая, что когда-либо он может ему пригодиться, а хранил – чтобы при случае продемонстрировать возможности аэрофотосъемки: на снимке можно различить каждое деревцо! Начальнику он свой трофей не показывал: отнимет). Грива была бесптична: даже дятла не слышно! Проскрипит – ронжа или сушина о припавшую к ней другую сушину, и снова тишь глухая. «Зато дровишек здесь навалом!» – подумалось. Он потесал серебристо-серую лесину – затесь обнажила золотистую древесину. «Дрова что надо!» Еще несколько раз сориентировавшись, Лазаренко вышел точно к обозначенному на карте и аэрофотоснимке месту. «Топографическая привязка покажет, конечно, но вроде бы – тика-в-тику! – самодовольно подумал Борис Михайлович и пожалел: – Зря пузырь не прихватил! Половинку бы отпил, а другую – под репер спрятал!» Посмеялся: как было бы оригинально! Хорошее место! Он был искренне рад. Буровую разместить между этими двумя воронками; одну из них можно использовать под шламоборник, вторую – как аварийный котлован при фонтанировании... И под вертолетку место есть...

Лазаренко благодушно строил планы в голове, а руки его делали привычное дело: топор послушно, насколько можно выше – чтоб и в снегу было видно – срубил отдельно стоявшую сосенку, затесал на конус оголовков, со стороны Кыл-Егана сделал широкий, на четверть диаметра, ровный стёс с порошком внизу для установки геодезической рейки, а затем маркировочным карандашом вывел: П-101 Кыл-Еганская площадь ЕКГРЭ Н=2600 20.05.79 г.

По гриве же он вышел к Кыл-Егану, чуть выше того места, где они устроили лагерь.

У них были гости, это Борис Михайлович определил по второй лодке, а затем по количеству силуэтов у костра. Он шел навстречу заходившему солнцу и не мог рассмотреть детали, но в ароматном тельниковом дыме его нос – а, кстати, обоняние его и слух – не музыкальный, просто слух, были очень тонки – учуял новый оттенок: мясной! Захотелось есть.

– Здорово, Геолог! – приветствовал его начальник. – Знакомьтесь! Это тот самый геолог, который винку, что квас, хлещет, и видит сквозь вашу землю в глубь на три километра, – прищуренные глаза Шлыка излучали лукавство, рука покойно обнимала твердое, как антоновка, плечо Лазаренко. – А это, Борис Михайлович, – показал на сидевших на корточках у костра крупных хантов, – это Прохоры Прохоровы, хозяева этих угодий, а с сегодняшнего дня – работники экспедиции! Улавливаешь мысль? Мы им через пару дней завозим бензопилу, бочку бензина, продукты, палатку, а они – разбирают два нижних завала, пока мы собираем команду, ищем взрывников, оформляем разрешение на взрывные работы и прочее. Как думаешь, Геолог, заработал начальник стопаля? Комиссар, ну-ка, плесни всем! По «четырнадцать капель»...

Леха раздал всем по ивовому шампуру: шашлык был из баночного колбасного фарша польского производ-

ства, с мягким, нечерствеющим хлебом. Он очень вкусным показался и гостям, и хозяевам...

По поводу гостей и хозяев Леха не упустил случая покаламбурить. «С одной стороны, – говорил он Прохорам, отзывчивым на юмор, – вы – хозяева, мы – гости. Но, если верить народной мудрости, которая гласит: «Купи бутылку – хозяином будешь!» – сейчас мы – хозяева, а вы – гости! Так что – угощайтесь, гости – хозяева дорогие! Чем... геолог послал!

– Ну, а ты как сходил, Геолог? Выдал «точку»? – снова обратился к Борису Михайловичу Шлык. И, словно он следил за ним и видел каждый его шаг, заметил: – Вот в конце той гривки и разместимся – нашел ее? Я ж впередсмотрящим был, когда баражировали здесь, – заметил ее! Ничего гривка? Ну и добре: по ней и затаскиваться будем. Придется вызывать МИ-шестой, бросать сюда бульдозер, трелевочник, вышкомонтажников – трассу готовить и площадку под буровую. Комиссар, проводи мероприятие!

Леха раздал остатки «шашлыка» и, наливая водку в кружки, ехидно заметил:

– Самому приходится разливать – Геолог разучился, он теперь только «закладывать» может...

Подождав, пока все просмеются, продолжал:

– Ну, что? Мероприятие так мероприятие. Так и запишем в протокол. Тост! За удачную закладку «точки»!

– Это у вас «закладывают»... друг друга, а у нас «точки» – выдают! – быстро пробурчал Борис Михайлович, так быстро, что никто, пожалуй, и не понял, кроме Шлыка.

А Шлык после тоста разговорился с хантами на охотничью тему: сам рассказывал забавные случаи из своей богатой охотничьей биографии, внимательно слушал и оживившихся хозяев угодий.

Быстрым, мышинным взглядом окинул Лазаренко начальника, Комиссара, гостей и понял, что выход на эту площадь – дело решенное! Со скрытой отстраненной

завистью еще раз оглядел Шлыка: «Бульдозер!.. Сам как бульдозер! Объезжать не будет, в землю зароет да потом еще и заасфальтирует...»

3. Завалы речные, житейские, производственные

Под новые площади геологоуправление, хоть и не густо, но раскошело: выделило две легкие буровые установки (глубина бурения до двух с половиной тысяч метров), несколько тракторов и два крана. Лихтер с плановым и дополнительным оборудованием был уже в пути. Плавкрана в экспедиции не было, и перегрузка тяжелого оборудования с лихтеров на берег, а затем на мелкосидящие баржи каждую навигацию становилась проблемой что на подбазе, куда можно было пройти по большой воде, что в поселке. Работы приобретали повышенную опасность. Поэтому на пирсе постоянно находился кто-нибудь из технарей: главный инженер Михайлов или главный механик Кулак. Помимо руководства сложными работами они проверяли по техдокументации комплектность и исправность прибывшего оборудования.

Проверенное и скомплектованное оборудование перегружалось на баржи-площадки; сформированному каравану предстояло идти следом за недавно ушедшим «авангардом», задачей которого было расчистить речные завалы. Риск, конечно, огромный – а как не одолеют завалы? Но и медлить не менее рискованно: вода могла быстро упасть, и тогда оставалось надеяться на осеннюю воду, а она не каждый год поднимает уровень таежных речушек.

Шлык, как только прилетел с рекогносцировки, все дела текущие на Михайлова свалил.

– Идите к Инженеру – он сейчас за меня, а я «шабашку» взял: завалы расчищать! – и всех отправлял к Михайлову.

На одну из площадок он поставил новенький голубой балок, маленькую электростанцию, продукты, рацию, свою моторку, шкипером назначил верного ординарца Леху, а поварихой взял молоденькую практикантку-коллекторшу и отправил их с катером-водометом, а сам вылетел к сейсмикам – за взрывчаткой и взрывниками.

Михайлов привык уже, что начальник время от времени «линяет»: зимой – на проминку дорог, летом – проверить работу флота, а уж на отбивку «точек» – обязательно. Когда причины нету, дурашливо отпрашивается: «Инженер, отпусти на три дня в отгулы». Михайлов с невыдаваемым удовольствием отпускал его, но требовал письменных ЦУ по существенным вопросам. «Чтоб правильно понять!» – с нажимом говорил Михайлов, намекая на несколько случаев, когда Шлык отмежевывался от своих устных распоряжений.

Отношения между начальником и главным инженером были сложные: в душе каждый из них не выносил другого, но и ценил в другом профессионала в той области, которая не давалась, или менее давалась самому. Михайлов знал одну из больших своих слабостей: способность войти в положение людей, что очень мешало ему в достижении и личных – житейских, и производственных целей. То ли дело Шлык! «Начальник»! Это слово, по мнению Михайлова, Шлык мог писать в графе «специальность». Подбор и расстановка кадров – это для Михайлова. А вот Шлык еще мог из каждого выжать максимум, приближая и отдаляя и... держа каждого на «крючке»! Последнее особенно было противно натуре Михайлова. Однажды у них в связи с этим произошла неприятная стычка. Горнотехнический инспектор, предвзято относившийся к экспедиции из-за того, что Михайлов не поил его и не давал дефицитных подачек, напился как-то в гостинице в одиночку и уснул прямо в холле в непотребном виде. «Что ж не сфотографировали, мудаки! Такой случай упустили: он бы на крючке у нас си-

дел!» – рвал и метал Шлык. «Это нечестно было бы, некрасиво!» – стоял на своем Михайлов. Больше на эту тему они не говорили. Но Михайлов видел, что Шлык стал системой «крючков» пользоваться изощреннее: на длинный поводок отпускал, чтобы сидящий мог и жирок нагуливать, и икру, так сказать, выметать, но про «крючок» не должен был забывать, – для этого его опытный рыбак дергал время от времени. «Неприятное, верно, это ощущение – «крючка» под жаброй? – думал он порой. – А может, и я у него на «крючке», а не чувствую – так поводок подлиннее, чем у других?» – отгонял эту мысль, иронически усмехаясь. Нет, не зря, когда начальник задерживался, его просили вести разнарядку, надеясь, что тот – «слинял». Но если Шлыка долго не было, чувствовал Михайлов, скучала по нему разнарядка! Это было непонятно и злило. Вот и в этот раз не подошел еще контрольный срок, а все заволновались: как там шеф? Дело осложнялось тем, что «авангард», хотя у них и была радиостанция, несколько дней не выходил на связь в обусловленное время. Даже Борис Михайлович, обычно улавливавший речь в сплошной какофонии радиопомех, был бессилён. «Авангард! Авангард! Ответь базе!» – тщетно рассыпалась в эфире его скороговорка.

А тут еще жена Шлыка пришла возбужденная:

– Егор Васильевич, вывозите мужа! Когда он на проминке ... даже на охоте!.. я понимаю, терплю... А тут... курорт он себе устроил! Прихватил эту молодую сучку и развратничает... Поселок весь смеется! Лопнет мое терпенье, пожалуйюсь в райком! – И готова была заплакать.

Он, как мог, успокоил Оксану Ионовну: «Там же взрывные работы! Надо было с сейсмиками договориться насчет этого. И насчет оплаты решить: они же наверняка наличку потребуют! А это – только Александр Родионыч может уладить».

И, хотя с вертолетами была напряженка, пришлось лететь.

«Заодно и караван с оборудованием и материалами поищем!»

Полетел Михайлов с экипажем, уже бывавшем на Кыл-Егане на рекогносцировке: у вертолета были дополнительные баки. Заправились керосином под завязку. Лететь решили сначала по прямой и только в верховьях – по-над Кыл-Еганом.

«Все до мелочи надо завозить водой, – размышлял Михайлов. – На вертолеты – только смену вахт и продукты... да оперативные грузы. И график смены вахт придется менять – чтоб не каждый день вертолет гонять. Один вертолет – один рейс. Два – не получается... с одним экипажем... А с октября по февраль и светового времени не хватит на два рейса... Эта площадь – не подарок...»

– Ну, что, Васильич, повальсируем? – первый пилот повернул к Михайлову по-бульдожьей брыластое лицо с детски-голубыми глазами – тот, сбочась, сидел рядом с бортмехаником.

Пилот, не дожидаясь согласия, заложил вираж и стал выписывать кренделя, повторяя все речные загогулины... Что это был за полет! Он напомнил Михайлову и скольжение по льду на школьном катке, и затяжной спуск с пологой горы на лыжах... Вспоминая свои прежние ощущения, он одновременно пропускал через себя увиденное. «Сплошь песчаные отмели... как стиральные доски!.. Дно – почти полностью просвечивает, только возле одного берега темная полоска... едва-едва площадку протиснешь».

Наконец увидели у широкой песчаной косы площадку с голубым вагоником, катер и чуть в стороне – моторку...

– Караван прозевали! – сказал Михайлов.

– На этом участке не могли прозевать, – возразили пилоты. – Значит, он гораздо ниже идет. Ничего, керосина в достатке: на обратном пути поищем.

Когда песчаный самум улегся, к вертолету подошел Шлык.

Вид у него был и в самом деле курортный: хороший заггар, плавки и – особое! – отпускное! – без озабочинки! – выражение лица.

– Инженер – молоток! Пять с плюсом! Вовремя прибыл! У меня ж Комиссар, что Чапай сашку... тьфу, шашку! – баранку знает да протоколы: спалил рацию, подлец! Сижу, как у негра в ж...! И курево кончилось! Докладай: как и что дома!

Затянулся сигаретой со вкусом, малопонятными восклицаниями обменялся с вертолетчиками, с улыбкой махнул рукой в сторону баржи – где картинно, словно на сочинском пляже, изогнулась, подставляя солнышку не загорающие в труде участки обольстительного тела, кормилица «авангарда» – юная практикантка...

Заметив, что Инженер смотрит туда же, Шлык деловито ввинтил окурок в песок – они стояли в тени вертолета, от которого, как от живого человека, несло теплом и особыми, свойственными каждому трудяге запахами трудового пота. Цыкнул сквозь щербинку и сказал:

– Похоже, Инженер, ты, как всегда, прав! Зря я в эту «шабашку» ввязался! Это, как минимум, на два года растянуть, если по-хорошему.

Они помолчали, закурили снова.

– Я уже ж кукарекнул! – Шлык стукнул по дюралево-му борту вертолета так, что бортмеханик испуганно выглянул в открытый блиссер. – Эрдэ дал главному геологу главка, что – забурим до конца года. Пойми, Инженер, он – мой первый начальник, он меня буровым мастером назначал. Теперь – кровь из носа, надо делать!

Дела с расчисткой фарватера шли плохо. Получив бензин и продукты, Прохоры первым делом сплавали вниз до первой «мыр-лавки», купили «винки» и к расчистке нижних завалов приступили только пару дней назад. «Пока я их, как наших работников, как следует не «похмелил»!.. – Шлык покрутил своим загорелым кулаком. – Потому вы караван и не видели: он, верно, у ниж-

него завала стоит. Мы-то налегке, проскочили, а у них – осадка!»

– Залети к ним, пусть поднимаются и помогают Прохорам! Вода падает со страшной силой: могут не вернуться! Если что – сам останься с ними! Текучка – подождет!.. – стал давать ЦУ Михайлову.

В это время к ним подошел высокий, цыганистого вида, пожилой мужчина. Михайлов пригляделся: Петя-Носик! «Какими судьбами?» – «Да вот – Родионыч сблатовал на шабашку!»

– Санродыч! – как все, обратился Михайлов к Шлыку. – В таком разе, как у нас говорят: полетели до дому, до хаты! Это же знаменитый Петя-Носик! «Спец» по речным завалам: весь Север его знает! Им руководить – только портить! Полетели на базу!

Петя-Носик, знакомый Михайлову еще по тем временам, когда экспедиции были комплексными, а они – молодыми, довольно гоготал, встряхивая смольно-черной кудрявой гривой: «Так, Васильич, так! Сколько лет, сколько зим!»

Шлык задумчиво почесал квадратный, с ямочкой подбородок. Брови ему не надо было хмурить: между ними с рождения пролегла задумчивая глубокая складка. Он тихонько тронул Михайлова за локоть и почти заискивающе заглянул в глаза:

– Оксана, что ли, допекла? Ладно! Скажи: через пару дней вылечу! Присылай вертолет. – И обезоруживающе откровенно, по-мужски, пояснил, поведя длинной бровью в сторону баржи: – Не могу ж я с твоим другом оставить наедине такую ярочку! – и похотливо хохотнул. Петя-Носик поддержал его громким смехом-клекотом. – Ты, Инженер, в семейный «завал» не лезь! – заключил Шлык.

На обратном пути, ниже обследованного места, они полетели на высоте: картинка за блистером приобрела голубизну и выпуклость... И река, как на глобусе, стала видна вся: со всеми ее меандрами, старицами, озерами,

гривами... Был полдень. И самые высокие ельники не могли укрывать в своей тени по сути несколько караванов: каждый катер тянул по две площадки, за ними шли «наливнушки» с дизтопливом, бензином и керосином...

В салоне вертолета стало холодно. Михайлов глянул на альтиметр – почти тысяча метров!

Погода была прекрасная: ни облачка!

Из пилотской кабины вид открывался вообще космический!..

«Средний пилот по образованию – все равно что наш «академик»: бурильщик, выпускник нашего ГПТУ! Заработки у них тоже сопоставимы – сдельные; у наших от метража, у этих от налета часов... Но ведь и у тех, и у других бывают простои: нелетная погода – у одних, ожидание забурок – у других... Так чего ж за эти работы они так остервенело цепляются? Что среди пилотов, что среди бурильщиком – такие мужики есть!»

К этим мужикам Михайлов втайне причислял и себя.

Он был самокритичен: полностью, то есть и внешним видом, и внешним, со стороны, своим «Я», как бы он ни старался, он чувствовал, что он – БУРОВИК! По духу! По сути! И, одновременно, ПИЛОТ!

«Да! Им легко лететь в этом голубом просторе... Легко виражи делать... У них – небо! А у нас – земная твердь! Пусть в этой тверди мы не можем так легко, по-птичьи, чувствовать себя, но у нас есть большее: знание!.. Точнее – фантазия... Нет! Предвиденье!»

Так думал главный инженер Еганской экспедиции. А один из авиаторов протянул ему наушники с ларингами: «Поговори с командиром!»

Караван сопровождал начальник вышкомонтажного цеха Игорь Корень... Приземлиться возле каравана мешали поросшие берега: черные, еловые – с одной стороны, светлые, продувные, сосновые – с другой. Покачав корпусом, командир вертолета показал, где он может зависнуть над караваном. Корень, в чем мать родила,

сцепил над головой руки и резко опустил вниз. Это означало: зависай здесь! Сам куда-то юркнул, закрутил бумажку в алюминиевую проволоку и показал: мол, вира! Бортмеханик догадался: выпустил трос подвески, Игорь примотал к крюку записку, и вскоре Михайлов мог прочесть: «Егор Василич! Будь спок! На пузе проползем! И. Корень».

Михайлов таким же образом передал ему свою записку, в которой сообщал, что начальник «кровь из носа» прорвется!

Игорь написал: «Я и не сомневался!» – и дал отмашку: «Пока!»

4. Э-э-й, ухнем!..

Игорь Корень и так-то был не стар, а выглядел вообще: новорожденным!

Ни буйная шевелюра, ни смуглая кожа, ни естественная баритонинка в голосе, ни отпущенные – навесом, поххлацки, гнедые усы, ни искусственная хмурость бровей, – ну ничего не могло добавить «бильше» к его законным двадцати трем годикам!

Игорь любил напустить на свою биографию молочного тумана. Посему одним казался он недобитым бендеровцем или его пасынком. Другие, наоборот, считали его чудом уцелевшим сыном знаменитого Ярослава Галана. «Да он внук Сергея Лазо!» – уверяли третьи. Сам, мол, слышал, как он рассказывал...

Михайлов быстро его раскусил!

Год назад Игорь чуть ли не на месяц задержался в отпуске. Предъявил какие-то липовые справки. Стал объяснять, что, мол, начитался в «Науке и жизни» статей академика Амосова о полезности много-многократности простых упражнений. Вроде приседаний. И вот, сделав пятнадцать тысяч приседаний, он вдруг надсадил колен-

ные шарниры: они – заскрипели! Пришлось лечиться. И конечно, потратиться...

– А ты в это время и не спал, и не питался?

– Когда? – чуть опешил Игорь.

– Ну... когда, например, эти свои «пятнадцать тысяч» приседаний делал...

– Эт-то... Ну, зачем?.. Делал и делал...

Игорь крутанул ладошкой, лихорадочно просчитывая – на чем же попался?..

Михайлов прощающие хохотнул: «Ладно, фантазер! «Пятнадцать тысяч»! Ярар! Я сам таким был... Пятнадцать тысяч приседаний?.. С большим допуском... на одно приседание многократное ... ладно! – берем четыре секунды. Итого имеем 60 тысяч секунд... То есть шестнадцать и шесть в периоде часов! Ну? Как же тут без еды? Так что было на самом деле, скажи?..

Что было? Что и у всех – семейные неурядицы!

Родители разошлись, сестренка то с матерью жила, то с отцом... Это у Игоря все было хорошо: попал в комендантскую роту военного округа, по комсомольской линии продвинулся, заочно в техникум поступил. Был в любимцах у военных начальников, но выпросился «на фронт»: понюхал порох во время советско-китайского конфликта, был награжден... Кем он будет, Игорь Евсеевич еще не определился: он это понимал. Но одно дело, когда это понимаешь сам, и совсем другое дело, когда это понимают другие да еще советуют...

Короче, Игорь Корень, поняв, что и Михайлов «такой же, как он» – обиделся на него всем своим нутром: стыдно перед собой стало!

«Такой же»! – хмыкал он, поглаживая вислые, по тарас-шевченковски, усы. – «Такой» да не такой! Я чуть не на двадцать лет тебя моложе! А он – «такой»! Держи карман шире!»

Михайлов в школьные годы, под влиянием друга, увлекался мичуринскими опытами. Увлечение прошло пос-

ле двухлетних опытов. Не каждый привой, он понял, рад подвою, и – наоборот!

Он, не отдавая себе в этом отчета, хотел быть Игорю подвоем, а тот – отвергал его. Михайлову было дискомфортно наблюдать за теми, к кому Игоря влекло, и он с непонятной надеждой следил за всем, что делал Игорь, и за всем, что делалось вокруг него... Особенно обижало, как тот боготворил Шлыка: чуть ли не в рот ему смотрел, когда начальник посвящал Игоря в тонкости управления коллективом, неизменно повторяя совет: «...И не забывай их вовремя «пинать»! А то – на шею сядут и ножки свесят! Пинай – уважать больше будут!»

Мысли о Корне и – вперемежку – о себе еще некоторое время занимали Михайлова, пока он под монотонный гул турбин и мелодичное позвякивание откидных сидений не сморился, и приснилось ему что-то смутно-тревожное, из детства...

А Игорь Корень, прочитав записку, воодушевленный примером начальника («Кровь из носа!..»), собрал на флагманском катере экипажи всех водометов, своих вышкомонтажников и механизаторов, сопровождавших технику, восторженно их «попинал», настраивая на ударный труд по предстоящей расчистке завалов и грядущей разгрузке, а заодно сказал и об обустройстве площадки и монтаже буровой установки. А для солидности, попритусив голос, сообщил: «...Эта площадь – особая! Структура под ней выявлена аэросейсмомониторингами и гравииоразведкой. Но – что принципиально важно! – здесь космической разведкой... – он сделал паузу, – космической разведкой зафиксировано так называемое «желтое» пятно, свидетельствующее о наличии в недрах углеводородов... Потому, товарищи, такая спешка: надо как можно быстрее подтвердить данные геологов-космонавтов. Если данные подтвердятся – представляете, как повысится эффективность поисков нефти?! Прошу понять важ-

ность нашей одиссеи... «Про эрис эт фоцис!» «За алтари и отечество!»

В результате ли проведенной Игорем идеологической обработки, или просто соскучились мужики по привычной работе за неделю «курортной» – авральчики мелкие, вроде расчистки фарватера от упавших в реку лесин, не в счет; выпивки не было, а карты – обрыдли, – но, когда подошли в этот день к первому завалу, где неохотно трудились скучные Прохоры, все, включая мариманов, обычно игнорировавших, подобно шоферам, посторонние работы, с веселым остервенением занялись разборкой завалов. Топоры, двуручные пилы «Дружба-2», мотопилы, багры, ваги, лебедки – все было в деле!

Эй, ухнем! Эй, ухнем!
Еще разик, еще раз!

Шалый припев этот, вероятно, впервые огласил берега Кыл-Егана! Но об этом никто не думал, даже Игорь Корень. Он был занят с механизаторами, проявившими смекалку: решили использовать для извлечения самых неудобных лесин лебедки кранов; в запале они один кран чуть не утопили, он уже начал юзить по палубе, да вовремя заметил это шкипер...

Не зря сказал классик: «Воля и труд человека дивное диво творят», – на третий день караван воссоединился с «авангардом».

Прораб буровзрывных работ Петя-Носик знал свое дело, не зря его хвалил Михайлов. Когда подошел караван, завала, которым занимался приглашенный специалист-шабашник, как препятствия для дальнейшего продвижения маломерных судов, не существовало!

Шлык и Петя-Носик в этот же день улетели, Михайлов прислал, как договаривались, вертолет: в экспедиции было много других, не менее важных забот, где требовалось вмешательство начальника...

А Игорь перешел в голубой балок – Шлык шутиливо-торжественно передал его на попечение обольстительной поварихи.

Через полтора суток «авангард» во главе каравана пришел на место и начал выгрузку.

Работа шла быстро и благополучно: берега были невысокие, почти вровень с палубами площадок, крепких деревьев, за которые можно было надежно расчлаться, также хватало. Первым делом сошла своим ходом гусеничная техника: бульдозер сразу же стал готовить площадку для размещения 50-кубовых емкостей: в них стали скачивать дизельное топливо и керосин из наливных барж. Монтажники установили голубой балок на самом высоком, продуваемом месте, раскинули антенну, неподалеку от балка установили передвижную электростанцию под навесом, пару палаток, и пустынный берег стал выглядеть привычным лагерем первопроходцев («недропроходцев», по Михайлову).

А катера с порожними площадками, разгрузившись поодиночке, побежали вниз по течению, за новыми грузами. Путь вниз с пустыми площадками и наливными баржами для мариманов потруднее, пожалуй, чем вверх: внимания требует и мастерства, чуть зевнул – и занесло порожнюю посудину или на косу, или под крутояр...

Белые ночи в силу входят: хоть круглые сутки стой за штурвалом, не обращая внимания на вспугнутых уток, на играющих чебаков, разбойничающих щук, на черемуховый дурман... Кому-то помнится шуточный наказ: «Не садись на пенек, не ешь пирожок», а кто-то спокойно ткнется в протоку да и отведет душу: поохотится, сетку кинет, похлебает потом супчику с особой – от дичины идущей горчинкой да дреманет минут шестьсот, и плевать он хотел на космическую геологию вместе с Игорем!

5. 101-я строится

Маломерный флот успел-таки сделать еще одну многотрудную ходку на новую площадь. Буровицкое хозяйство – тяжелое и громоздкое! И неудивительно: наземное оборудование – целый завод! Завод со своей основной и резервной электростанцией, котельной установкой, блоками приготовления и очистки промывочного раствора, буровые насосы, блоки основания, приемный мост, стеллажи под трубы, вышка, силовые блоки... А техники сколько: трактора, бульдозер, кран, цементирувочные агрегаты, каротажная техника... А материалы: десятки тонн глинопорошка, химреагентов... Одного цемента под сотню тонн!.. Почти по три километра бурильных, обсадных, насосно-компрессорных труб... Емкости под ГСМ... Полторы сотни тонн солянки для дизелей; авиамасло, бензин... Керосин для дозаправки вертолетов... Пиломатериал для обшивки буровой, земляных амбаров, для настилов и перил... И наконец, балки для жилья... Культбудка, котлопункт, четыре – вахтовые, женский (повар, кочегар), гостевой. Однако последние грузы до причала П-101 не дошли: баржа с обсадными трубами осталась в районе последнего завала, напрямую от буровой километрах в двадцати, и наливнушка с керосином, та – далеко, километрах в ста, поэтому дозаправку решили устраивать там: неудобно – двух заправщиков держать – да что делать?

Игорь Корень весь июль пропадавал на 101-й, один раз прилетал для оформления нарядов по другим вышкомотажным бригадам.

– Уж не подженился ли ты там на прелестной поварихе? – подкольнул Михайлов, когда Игорь пришел к нему с нарядами. – Что ж те бригады не «попинаешь»?

Игорь сощурил лучистые карие глаза, усмехнулся.

– «Квод лицэт Йови, нон лицет бови!» – и пояснил: – Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку! – намекая на Шлыка. И продолжил: – Плохо вы обо мне дума-

ете, Егор Васильевич. А Нинка – что ж? Неплохая деваха! За ней, кстати, бурильщик ваш, Макаров Володя, ухлестывает. Его вахта там сейчас такелажничает.

Михайлов вспомнил высокого сероглазого бурильщика с красивым, чуть надменным лицом.

– Красивая пара получится! – заметил серьезно. – А где это ты латыни нахватался? Только честно!

– Та! В штабе был у нас один... философ!.. Так, случайно запали в память некоторые его выражения.

В середине августа Игорь официальной радиogramмой вызвал комиссию: для приемки буровой из монтажа...

Михайлов, как председатель комиссии, вылетел на Кыл-Еган. С ним были главный механик Глеб Игнатьевич Кулак, лысоватый, круглощекий крепыш, энергетик Жора Рязанов, стройный предупредительный москвич, и чета Соловьевых, новичков в экспедиции: Виктор Иванович принят буровым мастером, Лариса Валерьевна – инженером по нормированию в отдел труда и зарплаты.

Хотя в экспедиции даже молодые специалисты прочно укореняются, ротация кадров все же происходит: кто-то уходит на повышение, у кого-то семейные обстоятельства. Вот и этим летом вслед за женой, переведенной в геологоуправление, уехал опытный и известный бурмастер. И его бригада, оказавшаяся к тому же в «окне», без готовой буровой, была на грани развала: две вахты работали на подхвате на 101-й, две другие – заняты на освоении и опробовании скважин. Вот эту бригаду и рассчитывал Михайлов доверить новому буровому мастеру, хотя его до сих пор и терзали сомнения: «Может, надо было кого-то из своих молодых специалистов продвинуть? Да уж больно безынициативны все трое! – перебрав в памяти известные ему данные о молодых инженерах, заключил он, оправдывая этим свое решение. – Технологами – еще пойдут, а в мастера – не годятся! С людьми не умеют работать! Хоть новенький тоже для мастера вяловатым кажется, но – «будем посмотреть», исправиться никогда не поздно».

«С мастером – хоть какой-то вариант, а вот что делать с заместителем по технике безопасности...» – продолжал размышлять Михайлов.

Дело в том, что его нынешний заместитель по ТБ – технике безопасности – устроил, как сказал Шлык, подлянку – подал заявление о переводе его в горнотехническую инспекцию, а к заявлению приложил ходатайство райкома партии, в котором говорилось: «...с целью укрепления парторганизации РГТИ рекомендуем дать – имярек – перевод...» Зам уверял Михайлова, что не желает перевода! И может, остался бы, да ввязался Шлык: «Рекомендация райкома – это вам не шухры-мухры! Это – приказ! Ты, хлопц, давай поезжай: укрепляй ряды РГТИ, но наши секреты не вздумай продавать! Ибо знай: у меня в горном округе волосатая лапа есть – усек?» – и Шлык поиграл желваками.

«А это – уж как придется!..» – мелко, но не подобострастно, как бывало, хихикнул без пяти минут инспектор.

«Неприятно: будто голые мы теперь перед РГТИ, – поморщился Михайлов. – Хотя, с другой стороны, не станет же Лев Степаныч себя с головой выдавать: все это делалось с его ведома и при его участии. Или же покается и, выслуживаясь, будет закладывать нас? Да... И кого поставить вместо него? – и вдруг его осенило: – А может, Игоря? Корня. В бурении когда-то работал... монтаж знает... Эрудированный... Латынь цитирует!» – усмехнулся, вспомнив недавний случай.

Соловьевы появились в экспедиции месяц назад с направлением геологоуправления: там знали о предстоящей вакансии должности бурового мастера. К Михайлову в кабинет они вошли с визой начальника на направлении: «Инженеру! Ваше усмотрение».

Михайлов побеседовал с ними, присмотрелся.

– То, что семейные, хорошо! Холостяки определенный диссонанс вносят в устоявшуюся жизнь поселка, – попытался говорить шутливо. – И специальности у вас – подходящие! Вот с жильем... Где же вас разместить?..

– Нам из-за жилья и дали к вам перевод из Пургая, – видя затруднение Михайлова, сказал Соловьев. – Сынишке мы пока оставили у бати в Полесье, поэтому на первый случай нам хватит комнаты, – он поправил массивные очки на носике-пуговке, смущенно сверкнул огромными – из-за сильных линз – черносливиными глазами и улыбнулся большой, до ушей улыбкой, обнажив крупные редкие зубы.

– Так вам и в ясельках еще место нужно?

– В садике, Егор Васильевич, – низким грудным голосом поправила Михайлова молодая женщина. – Сынишке уже четвертый год.

Михайлова поразил тембр ее голоса, он посмотрел на нее с интересом, и она почувствовала это: взгляд ее темных жарких глаз был вызывающ. Была она сухощавая, скуластая, угловатая, но горячий взгляд и яркость некрашенных губ привлекали внимание.

Она белозубо улыбнулась, Егор Васильевич с неохотой отвел от нее глаза и, недовольный собой, пообещал содействие. На первое время разместил их в заезжей – в маленькой гостинице для начальства. «Пока квартиру, в которой жил ваш предшественник, отремонтируют», – сказал в заключение.

Принимая подотчет, Савельев ознакомился со многими площадями и буровыми, увидел состояние оборудования, узнал у предшественника ноу-хау: особенности технологии бурения и организации работ, значит, как считал Михайлов, имел возможность войти в курс дела. О его жене, Ларисе Валерьевне, от начальника ОтиЗа отзывы были самые лестные: «Как тут и была!» Алексей Арсентьевич сегодня даже на вертолетку проводил свою новую сотрудницу...

Старший дизелист Сашка Калчанов, увидев вошедшего в ожидаловку Михайлова с комиссией, дурашливо цыкнул на своего лохматого пса: «Пират, главинж идет!» – и тот испуганно юркнул под скамью...

Все весело посмеялись, а Михайлов нахмурился: он запрещал возить собак на буровые, и ему было неприятно, что его распоряжение обсмеивали. Он демонстративно громко предупредил старшего инженера ПТО, курировавшего авиацию и получившего звание «маршал авиации»: «Собак с буровых как-нибудь отправлю спецрейсом за твой счет! Имей в виду!»

«Ну спасибочки, Егор Васильич! – огрызнулся тот. – Сколько я докладных писал на этих собаководовладельцев? Вы хоть одного наказали с начальником? То-то! Они на начальника смотрят: ему можно, а им – нельзя?»

«Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку!» Как это Игорь по латыни изрек?..» – Михайлов ни слова не смог вспомнить. И его словно горячей волной окатило: «Неужели старею? Совсем нет механической памяти, а ведь только сорок! Что в полста будет? Переэкзаменовку, подобную прошлогодней, уже не выдержать! Нет, не выдержать!»

Многое передумалось Михайлову за два часа полета. «Большой полет, надо в следующие разы брать какое-нибудь чтиво!»

Вертолет между тем лег в пологий вираж. Михайлов выглянул в окно: буровая! Пилот, видимо, был молодой: на посадочную глиссаду заходил широким кругом. Обратил внимание Михайлов и на тройную сцепку – два трактора и бульдозер совершали что-то вроде круга почета вокруг буровой.

– Что это за танкодром ты устроил здесь? Делать нечего? Солярка лишняя? – покатил Михайлов бочку на Игоря, едва поздоровался с ним после приземления.

– Приучаю в сцепке ходить! – обиженно оправдывался тот. – Мне же нужны монтажные механизаторы, а эти двое – от сохи только что... Вот и тренирую. Выдрессирую! Асами будут: ниточку в сцепке не порвут! Синхронно будут работать. На следующую «точку» вышку стоя потащим!

– Размечтался! Не говори гоп, пока не перепрыгнешь: ты эту сначала сдай! – осадил Игоря главный механик. – Льва Степановича на приемку буровой направят: как пить дать! А утот так повернет, шо и эта «точка» блыснет! Розумиишь, ваше добродие?

Глеб Игнатьевич знал, о чем говорил: буровая установка здесь была сборная, часть оборудования, в частности вышка, уроненная при подъеме, была взята из списанного комплекта, и номера на лапах выщечных опор Кулак перебивал вместе с бывшим инженером по технике безопасности. И вполне возможно, что его новое начальство пошлет его в свою же экспедицию для проверки лояльности, и трудно себе представить – как поведет себя новоиспеченный инспектор РГТИ со своими бывшими коллегами: скроет старые совместные грехи или сдаст?

– Хватит гадать! – одернул главного механика Михайлов. – Давайте работать! Ты, Игорь займись с Ларисой Валерьевной: проверьте объемы работ и прочее, что касается нарядов и оплаты, а прораб и бригадир пойдут с нами. Ты, Виктор Иваныч, глаза разуй шире: тебе на этой установке работать! Кстати, здесь твой бурильщик с вахтой.

– Володя! – окликнул он Макарова. Бурильщик был в каске и в брезентовом костюме, но даже роба не портила его стройной фигуры – вылитый буровик с плаката по технике безопасности, подобных плакатов, художественно исполненных, было в достатке развешено на буровой. – Знакомьтесь! – представил его мастеру.

Макаров тут же сообщил о нескольких недоделках и пожаловался на стоявшего рядом вышкомонтажного бригадира:

– Говоришь ему – как об стенку горох! «Всю жизнь так делали!» А мы за них потом переделываем – когда инспектор предписание дает. Надо сразу делать так, как положено!

Михайлов похвалил бурильщика и ободрил Соловьева: – Видишь, какие у тебя кадры! Макаров – готовый помастера! А что, Володя, поступай в заочный техникум в

Саратовский, с РГТИ согласуем: они – если человек без «корочек», но учится – дают разрешение или глаза закрывают на такие назначения! В самом деле: из техникума письмо пришло, просят направлять. Поезжай! Многие у нас учатся. Да из твоей вахты кто-то, кажется «помазок», учится там. Тебе – сам бог велел!

Макаров загорелся:

– Согласен! Я, если честно, сам хотел проситься, чтоб направление дали!

– Ну вот видишь, как хорошо! Практике тебя не учить, а если по теории что – так мастер поможет, – хлопнул Соловьева по спине, – да и ко мне приходи: я хоть склерозник старый, но кое-что еще помню! – притиснул обоих, подталкивая друг к другу: – Пройдитесь по буровой отстраненно, как инспектора. Чую, вылизывать нам придется эту буровую до блеска...

Замечаний, хоть и по мелочи, набралось более пятидесяти. Предписание писалось от руки, через копирку: поручили Соловьеву, как обладателю наиболее разборчивого почерка.

День был удушливо жаркий, но гнуса, не считая «матросиков», не было. Эти «матросики» – на буровой носились огромные красавцы слепни и часто поражали людей – кого в лоб, а кого, как Ларису, в глаз. Она изредка, охлаждая, помахивала платочком, Игорь, замечая этот жест, чему-то улыбался в усы...

– Вечером появится мошка, – сказал кто-то из старожилков, – тоже элитная: с хорошую муху! Кусает, как крокодил! Зато сквозь накомарник не пролазит, не то что мокрец...

Пока готовили документ, второй чайник квасу – холодного! – опростали.

– Неужели прекрасная повариха такой чудный квас делает? – вполголоса поинтересовался Михайлов у Корня.

– Обижаете, начальник! – расплылся в улыбке тот. – Наша, монтажная! А Нинка ж уехала! У ней «практика»

закончилась, уехала за «корочками». Вы не в курсе? Я здесь сижу и то знаю: ей отчет о практике сам Лазаренко писал! Как начальник, и обещал ей: будет твой отчет моментом! «Бис дат, кви цито дат!» «Вдвойне дает тот, кто дает скоро!» – и, не гася усмешку, покачал склоненной головой: – Обещала вернуться!

Главмеха, энергетика и нового бурмастера Михайлов оставил на буровой: готовиться к забурке.

Корень с частью монтажников вылетели на базу: они – на выходной, а Корень – принимать новую должность...

Михайлов, признаться, ожидал, что ему придется улаживать гонористого начальника ВМЦ, чтобы он принял достаточно рутинную должность заместителя главного инженера, однако тот сразу же согласился!

– Согласен! Давно «маю» желание навести порядок в этом деле. Лев Степаныч либеральничал частенько...

В экспедиции в этот день работало два борта МИ-8 и три экипажа. Один был сменный. Поэтому рейс вертолета, которым должны были привезти на 101-ю повара буровиков с электроплитой, холодильником и прочими причиндалами и продуктами, а также еще одну вахту, планировался в конце длинного пока августовского дня. Когда над водой, а затем и по воздуху над тайгой слышался далекий рокот вертолета, высокое небо загустело синевой и чуть приопустилось, и сверху, как от потолочного вентилятора, вниз повеяло свежестью и прохладой.

6. Ложный вызов

Корень с жаром принялся за новое дело: начал переоборудовать кабинет по технике безопасности, обновил в нем образцы средств защиты, установил новые стенды, уговорил Михайлова заказать специальную видеокамеру, данные о которой нашел в проспекте НИИ по безопасности труда: «Мы всех нарушителей будем вот так: за ушко

да на солнышко! «Гутта кават лапидэм!» «Капля камень точит!», то есть «всех достанем!».

Загорелся парень!

– Ты давай ревизию всех нормативных документов, на уровне экспедиции, проведи. Обнови все приказы по составам комиссий и тэпэ. Давай сначала, как говорят, подмоемся, а уж потом подумаем, как одним махом будем всех убивахэм – договорились? – чуть охолонил своего зама главный инженер. – Да и про экзамен не забывай: готовься! По должности тебя, как и меня, аттестует экзаменационная комиссия геологоуправления с участием представителей горного округа. Единые правила безопасности при геологоразведке. В нефтегазодобывающей промышленности. Газовое хозяйство. Сосуды, работающие под давлением. Котлы. Грузоподъемные механизмы... Сколько это? Взрывные работы в скважинах... забыл, с ними – шесть экзаменов! А если еще с пристрастием будут спрашивать, как меня в тот раз?! О! Небо с овчинку покажется! Впрочем, у тебя память молодая: ты им по-латыни шпарь!

Посмеялись, но Игорь к предостережению Михайлова отнесся со всей серьезностью: с закрепленной за отделом ТБ машинисткой они занимались и в выходные, и вечера прихватывали. В отделе долгое время была вакантной должность инженера по пожарной безопасности и безопасности на транспорте – там время от времени числились девицы, исполнявшие обязанности секретарши при заместителе начальника по общим вопросам, так Корень «достал» Михайлова, и тот, не без труда, вернул ставку в свою службу. На возвращенную должность уговорили молодого добросовестного автомеханика, оказавшегося к тому же земляком Михайлова и соседом Игоря по комнате в итээровском общежитии. Ревзина Галеева, добродушного башкира, Игорь и прежде эксплуатировал, а уж ставши его начальником, загрузил по самую макушку. Михайлов, заметив это, попридержал ретивого заместителя:

– Игорь Евсеевич! Горячку не пори: поспешай медленно! – и, чтобы сгладить резкость тона, спросил: – Как это по-латыни будет? Наверняка же есть аналогичное выражение!

Нахмурившийся было Игорь понял маневр Михайлова и, повеселев, сказал:

– Есть, Егор Васильич, есть, причем дословно: «фэстина лэнтэ!» И оба засмеялись...

Пока устранялись монтажные недоделки на 101-й буровой, Игорь вместе со всеми службами скомплектовал пусковую документацию и с ней вылетел на Кыл-Еган: нужно было принять экзамены у двух вахт, срок переаттестации которых истек. Оттуда по рации сообщил о выполнении предписания, и Михайлов вызвал представителей РГТИ и пожарнадзора для пуска буровой в эксплуатацию.

Пожарнадзор разрешил телеграммой подписать акт начальнику БПД объекта, – буровому мастеру. Зато из РГТИ прибыли два представителя: как ожидали, приехал Лев Степанович Квач, а сопровождал его заместитель начальника РГТИ по геологоразведке Щипцов, в апреле возглавлявший групповую проверку экспедиции.

Щипцова сразу же перехватил Шлык: у них еще с апреля, несмотря на то что при групповой проверке инспектора жестоко потрепали экспедицию, многих руководителей служб оштрафовали или направили на переэкзаменовку в РГТИ, установились демонстративно дружеские отношения. Щипцов даже иногда оставался ночевать у начальника, а потом летал с ним в соседний национальный поселок...

Квач вместе со всеми членами пусковой комиссии вылетел на 101-й номер. Был он шутливо весел со всеми. В экспедиции он работал давно: и мастерил, и начальником ПТО был, и неосвобожденным парторгом, и разведком возглавлял, и последние три года занимался ТБ. По большому счету, он был незлобив, хотя мелочно злопамятен. Он знал свою слабость и старался ее избыть.

В поселке его знала каждая собака, и он многих окликал по кличкам. Что же говорить про людей: его останавливали на каждом шагу, интересовались, как устроились с жильем, работает ли жена (она была продавцом одного из поселковых магазинов). И Михайлову даже на буровой не удавалось остаться с Львом Степановичем наедине – чтобы прояснить ситуацию: если он «продает» своих подельщиков, то зачем ломать всю эту комедию? Он даже не пошел вместе с ним по «объекту». А Квач не спеша, перебрасываясь репликами с буровиками, с дизелистами, тщательно осматривал все самые потаенные закулки буровой, не поленился, слазил даже на кронблок: даже постоял на сорокаметровой высоте, любуясь начинавшей заосенивать тайгой. И что-то записывал, записывал в блокноте. Наконец, зашел в культбудку и занялся пусковой документацией. Просмотрел скрупулезно, чуть не на свет разглядывая некоторые акты, протоколы. И похвалил Игора: «Молодец, Евсеич! Мне нос утер!» – и мелко, рассыпчато посмеялся. Просмеявшись, потребовал технические паспорта на буровое оборудование...

«Ну, удав! Нет чтоб с них начать – и делу конец или венец!» – чертыхнулся в душе Михайлов, глядя, как тот так же внимательно рассматривает техпаспорта. И Механик не выдержал.

– Та Лев Степанычу! Шо их смотреть: вы их весной видели, сами их инспектору предъявляли! И номера на лапах вышки мы вместе з вами перебивали! Добрая ж вышка – сами знаете, испытана на 42-м номере. Там бурили скважину глубиной 2 800 метров, а здесь – всего-то 2 600! Отбури́м эту скважину, вот Егор Васильич свидетель, при нем говорю: сам лично эту вышку уроню и в металлолом сдам. Подписывай акт: где ты еще видел такую буровую? Вспомни – какие пускали! Эта, в сравнении с ними, картинка!

– Подписать – не вопрос... – кисло, в раздумье, как бывало, со стаканом «синеглазки»: пить или не пить? – уста-

вился Квач в паспорт буровой вышки – не этой стройной красавицы, которую было видно из окна культбудки, а другой – ожидающей, может быть, очереди перед загрузкой в мартен. – Подписать – не вопрос, – а вот с кого потом будет спрос? Вот вопрос! – Лев Степанович приподнял свои небольшие, запятой, бровки и уставился лукавыми с прожелтью, так знакомыми всем глазками, сначала на Кулака, потом на Корня, затем на Михайлова и долго молчал, поглаживая ежик на суженной к макушке голове.

– Лев Степаныч, – попытался урезонить его Корень, – зачем все усложнять? Никто ж не узнает, если вы промолчите. А номера вы перебили классно, я специально в пятикратную лупу рассматривал: ни тени подозрения!

– Да не об этом я! – сказал Квач. – Вот скажи, Егор Васильевич, – он тронул Михайлова за коленку, – ты уверен, что Александр Родионович наш любимый еще в апреле не заложил нас Щипцову? Дашь сто процентов? Нет? А вот я и пятидесяти не дам! Он перед тобой извинился? Да, за твою переэкзаменовку – как он подставил тогда тебя, а? И, думаешь, он изменился, паинькой стал?! Не-ет... Смотри. Я пускаю буровую. Шлык, если еще нас не заложил Щипцову, рассказывает ему, в благоприятном для себя духе: мол, только узнал! – сей момент! – историю про эту злополучную лапу. Тот вызывает нашего «котелка», он вырезает автогеном кусок лапы с номером, кусок этот везут в лабораторию... И – приехали! Мы с Кулаком по годику условно отхватим. Да и вам мало не покажется!

– Скандал, конечно, будет... Но насчет «условного» срока – это ты переборщил! В конце концов, вышку можно будет официально испытать с приглашением представителя завода-изготовителя и оформить дубликат паспорта...

– Нужны вы заводу-изготовителю, как... Она же списана! Акт у тебя, Глеб Игнатьич, в ОГМ лежит... – Квач натянуто хохотнул.

– Что ты предлагаешь? – сдержанно спросил его Михайлов.

– Оформить ложный вызов!

– Даешь! Нас начальник всех ... ! А на каком основании оформишь? Причины должны быть серьезными! Не из-за тех же, что у тебя в блокнотике: «неструганые перила», «ступеньки на переходах не имеют отрицательного уклона» и прочих такого рода – они, пока мы здесь сидим, устранены уже!

– Есть, есть, голуби мои, один даже о-чень серьезный пунктик! – глазки Квача почти скрылись в лучистых складочках, и его толстое лицо прямо-таки истекало добродушием. – Просто раньше он не возникал во весь свой сурьез, этот пунктик. – И лицо его посуровело. – Сам я его, как огня, боялся, да Бог миловал: при мне он не возникал у инспекторов. А у меня сейчас возник...

– Не тя-ни ко-та за хвост! Какой «пунктик»! – сорвался Кулак.

– Лев Степаныч, в самом деле, что предлагаешь? – спросил Михайлов.

И Квач скромно выдохнул:

– Обученность рабочих... Вот что! – И пояснил: – По новым правилам... Правда, уж и не по совсем новым... Но! Все рабочие четвертого и выше разрядов... То есть все помбуры, верховые, машинисты силовых установок, то есть дизелисты, должны пройти обучение в школах подготовки буровых кадров с отрывом от производства. С от-ры-вом от про-извод-ства! А у нас? У нас с отрывом подготовлены только бурильщики да старшие дизелисты, так? Ну еще кое-кто из четверторазрядников. Вот и предложение. В связи с неукомплектованностью бригады обученными кадрами пуск буровой запретить! Вот вам и ложный вызов!

– Да ты соображаешь, что ты предлагаешь?! – возмущенно воскликнул Михайлов. – Это все равно что остановить всю экспедицию, поставить на колени десятки семей! Вот что означает твой хитроумный план. Это же долго решаемая проблема! При тебе помбур Веревкин работал

нормально, ты ушел – его надо переучивать с отрывом от производства?! Бред какой-то! Ну, будут курсы в управлении, пошлю я его – пусть отдохнет, пивка попьет, а заодно «корочки» получит... Но не всех же враз! И потом: ты же сам ворчал всегда, что все эти молодые помбуры с «корочками», особенно с вузовскими, потенциальные жертвы несчастного случая!

– Куда ни кинь, везде клин! Так получается... – Квач болезненно поморщился.

– Можэ уто... с Родионымчем переговорить? – предложил Кулак.

– Так или так – решайте! – неожиданно жестко проговорил Квач. – Но пломбу я на тормоз лебедки наложу. Предписание выпишу. Потом дадите информацию о выполнении – лучше вам, Егор Васильевич, приехать и зайти к начальнику РГТИ. Можете поругать меня... Он разрешит вам самим снять пломбу, может, другого инспектора пошлет, я постараюсь отвертеться. Но если не удастся, тогда не обессудьте: все начнем сначала.

– Сумма суммарум! В итоге, ты, Лев Степаныч, ...! В старые времена я бы потребовал от тебя сатисфакции! Иди, ставь пломбу, только людям в глаза смотри, в глаза!

– Что делать? У меня теперь работа такая: людей беречь, даже если они этого не хотят... – И Квач с пломбиром вышел из культбудки, за ним двинулся только бурмастер Соловьев, под его ответственность ставилась пломба, он за нее расписался в акте о наложении.

– Нет, я бы сегодня в его шкуре не хотел быть! – задумчиво сказал Михайлов, потирая широкие скулы. – Но, во-первых, я не стал бы инспектором, во-вторых, отказался бы от кураторства над бывшей своей экспедицией, в-третьих, если бы прилетел сюда, взял бы все на себя!

– Егор Васильевич! Значит, у вас разное с Квачом савуар вивр, как говорили у нас в штабе, то есть умение жить, – в тон Михайлову изрек Корень.

– Ты и французский знаешь? Даешь! – оживился Михайлов.

– А это не латынь, что ли? – удивился Корень.

Кулак не преминул кольнуть щеголеватого всезнайку:

– Вин, Егор Васильичу, як попка, заучив, а шо к чому, не розумит!

Домой летели нервозно-веселые: будто только собрались выпить, да нечаянно бутылку разбили...

Начальника экспедиции на месте не было. Уже поздно вечером, заметив в стоявшем обособленно доме Шлыка свет, Михайлов позвонил ему и сказал о наложении пломбы. Тот довольно равнодушно ответил, что знал «о таком раскладе». Он играл в преферанс и часто употреблял картежную терминологию.

7. Подземные заторы и буераки

На следующий день после запрещения пуска буровой П-101 Кыл-Еганской площади, на утренней планерке, начальник долго прохаживался по службам Инженера.

– Люди все лето упирались, чтобы мы вышли в новый перспективный район! Это – будущее нашей экспедиции, ее будущий хлеб! На старых площадях объемов хватит максимум на два года. А дальше чем кормиться? Конечно, тем, кто не собирается жить в поселке, наплевать на перспективы экспедиции. Нашей технической интеллигенции шо думать о каких-то работагах и их семьях, которым некуда и податься, ежели с экспедицией шо, они, как тот Квач, по инспекциям разбегутся, по институтам! – И в таком духе всю планерку.

А когда Михайлов собрался лететь с разработанными мероприятиями по выполнению предписания, в том числе с копией письма в геологоуправление с просьбой организовать курсы переподготовки при базовом ГПТУ, Шлык угрюмо предупредил его:

– На теплоходе поезжай или на рейсовом АН-2, если будет, и – за свой счет! Вертолета я тебе не дам!

– Я что – на рыбалку лечу? Или на охоту, что ты мне вертолета не дашь? Имей в виду: я гнусь, но до предела! Если что, то теперь одними извинениями дело не закончится. И, если начистоту будем разбираться, неизвестно еще – кто уйдет: ты или я. Я в этот раз молчать не буду!

– Ну, ладно-ладно! Пошутить нельзя...

– У тебя шутки, сам знаешь, как у того боцмана...

С начальником РГТИ, на удивление, договорились мирно: он ограничился незначительными замечаниями, согласовал мероприятия и вызвал Квача.

– Как, разрешим им снять пломбу самим? – И рассмеялся: – Жестокий ты, оказывается, человек, Лев Степанович! Действительно: бей своих, чтоб чужие боялись! Подтвердил поговорку! Теперь тебе можно доверять контроль и за промысловиками!

План Квача сработал!

Михайлов дозвонился до экспедиции, передал телефонограммой разрешение на пуск 101-й, и они пошли в гости к бывшему его заму. Квартира в панельной пятиэтажке, еще недавней гордости северян, была обшарпана и необставлена: ящики, горка чемоданов, пара раскладушек, простенький стол на кухне и книжная полка – вместо навесного посудного шкафчика. Жена Квача нажарила им чищенных окуней, сварила картошки и ушла к подруге. Они открыли банку болгарских томатов в собственном соку и расслабились часов до трех ночи: выпили три бутылки водки, вспоминая прежнюю неустроенную, но по-казацки вольную жизнь...

– А помнишь, Васильич, как на 18-м Егане, когда затопило буровую, втроем сидели на одной рыбе и между рыбалками – втроем! делали спуско-подъем, а? Отдолбимся и на вира! От тормоза к ротору: ключ помбурский зарядил и опять к пульту управления, а?

– А ведь не имели право – неполный состав вахты!

– Ладно! Через мерники настоящая протока течет, а мы – бурим! Считай, на голимои воде бурили, и ни за-тяжки тебе, ни прихвата: долото как в масло лезло...

– Потому и лезло, что на малоглинистом, облегченном растворе бурили! Я вот сейчас и воюю с мастерами – чтобы на емкостной циркуляционной системе работать, раствор чистить и бурить на малоглинистом растворе. Улетишь с буровой, гидроциклон отключают. Еще бы – электростанция с перегрузкой работает! А того не пони-мают... Но я их, кровь из носа...

Михайлова передернуло: совсем по-шлыковски заго-ворил! И он попросил постелить ему где-нибудь. Квач разместил его на раскладушке. Утром он с красными, как у кролика, глазами был в авиаотряде и попросил под-бросить до поселка, а если борт свободный, то и на весь день: работа будет. Заявки на полет он прихватил с со-бой, заполнил одну. Вертолет загрузили, и он, после до-заправки, вылетел на 101-ю с заказами.

101-я была, как говорится, на всех парах...

Едва передали разрешение на забурку, Владимир Ма-каров – была его вахта – бросил горсть мелочи-серебра под долото, запустил насосы и включил ротор, началось бурение...

Ровный, рокочущий гул ощутивших нагрузку дизе-лей покотился над тайгой, где-то оторвался от стихаю-щего общего гула и пошел гулять, то удаляясь, то при-ближаясь, над быстрыми водами Кыл-Егана... Юркнул в дупло испуганный соболишко в буреломе за рекой, насторожились прохоровы ошелки за дальней гривой, замерла белка с кедровой шишкой, которую шелуши-ла, встревоженно прокричала ронжа, и даже медведь, обсекавший когтистой лапой верхушки шиповника в соре, неторопливо прислушался: не охотник ли беспеч-ный запел громкую песню?.. Но зверью и птице ничего угрожающего не поместилось в донесшемся рокоте, и они

заялись своим привычным делом. И до одного из Прохоров – гостей-хозяев – докатился отзвук работающей буровой, но и он принял это за гомон нового осеннего тетеревиного тока и автоматически отметил его местоположение, чтобы при случае наведаться туда и набить косачей – сколько понадобится...

Не только рельеф верховьев Кыл-Егана, просветленность вод, легкая волнистость окоема, обусловленная приближенностью к водоразделу бассейнов великих сибирских рек, явились особинкой Кыл-Еганской площади, но и ее нутро, ее недра чуть ли не с поверхности заявили о своем беспокойном характере. Началось с того, что с пятидесяти метров обнаружилась зона вечномерзлых пород, о которых в геологической части технического проекта ничего не говорилось, как и в геолого-техническом наряде. А в интервале башмака кондуктора (низа промежуточной обсадной колонны большого диаметра) вместо глин пошли осыпаящиеся галечники. Начальник ПТО, вылетавший на спуск и цементирование кондуктора, запаниковал:

– Раствор сваривается, готовить новый не успеваем... И нароститься не можем: галечником забивает долото и даже УБТ – утяжеленные бурильные трубы... Нужны срочно глинопорошок, химреагенты... И изменение техпроекта в части удлинения кондуктора...

Михайлов спросил, встречались ли глинистые пропластки, и дал команду:

– Поднимите инструмент в интервал глин и там нарабатывайте естественный глинистый раствор... Химреагенты подкинем вторым рейсом. План работ сообщу позже.

И стал советоваться с Лазаренко:

– Борис Михайлович, что за бардак! С кондачка, что ли, геологию рисовали? С мерзлотой влипли, теперь – галечник! Придется цементный мост ставить! Хорошо, если одним обойдемся! А где цемент брать? Завозили расчетное количество, по техпроекту! И мерзлоту надо

перекрывать цементом с добавкой соли. Иначе, не дай бог, потом газопроявления, простой портландцемент в мерзлоте не удержит...

– А я при чем? – привычно заперебирал сухими губами тот. – Я-то при чем? Я исходные данные, какие имел, представил, а там – высокие чины и ученые мужи додумывали: им виднее! На какой, говоришь, глубине галечник? 450 метров? В русло древней речки, верно, попали. Как на 79-м номере, помнишь? Тогда перебуривали или вышку двигали?

– Типун те на язык! – беззвучно матюкнулся Михайлов. – Это тебе не 79-й номер, а 101-й: зимника туда нет, навигация на исходе, а вертолетами много не навозишь. Если углубляться будем, то трубы на кондуктор довозить надо с подбазы. А на сколько углубляться? На 50 метров? На сто?

Лазаренко поморгал, пожевал губы и посоветовал:

Мне кажется, полста хватит! Русло всегда на непроходимой подстилке, галечник метров двадцать, самое большое тридцать, а ниже – глина должна быть.

На том и порешили. Михайлов отдал необходимые распоряжения службам об отправке химреагентов и обсадных труб и подготовке короткого патрубка из бурильной трубы – для наращивания инструмента при бурении в осыпях, как он уже попробовал ранее на 79-м номере. Вертолет, на котором полетел сам Михайлов, сделал посадку в национальном поселке и загрузил полтонны соли: рыбкооп поделился со своими шефами, завбазой был преисполнен гордости, что и они могут оказать нефтеразведчикам «техническую помощь»!

На буровой Михайлову показали ведро отборной речной гальки, которая высыпалась из УБТ после отворота долота: размер откалиброванной гальки определялся размером промывочного отверстия долота.

Вязкости и скоростного напора глинистого раствора не хватало, чтобы поднять гальку на поверхность по зат-

рубью, и при прекращении промывки для наращивания она оседала, вызывала сифон – обратный ток раствора.

– Почти до люльки верхового рабочего сифонило! – показывал Михайлову мастер Соловьев. – Сейчас в глинках раствор наработали, весь объем выровняли. Можно еще раз попытаться.

Все буровики, включая мастера, начальника ПТО, были заляпаны раствором.

Михайлов согласился.

– Только с вертолетки подвезите сюда патрубок, будем наращиваться через него.

Главное было – пробиться сквозь галечник до коренных глин: в них можно было наработать естественный раствор такой плотности и вязкости, который бы смог поднять даже хороший булыжник!

– Везет везучему! – не без самодовольства сказал Володя Макаров, когда его вахте удалось нараститься, после двух коротких переходов, обычной трубой, и при добурировании квадрата почувствовать, что долото вошло в глины: прекратилась характерная тряска, словно после булыжной мостовой поехали по асфальту...

Остальное было уже делом техники и времени. Правда, при спуске кондуктора случился волнительный момент, когда произошла посадка в этих самых галечниках. «Включить промывку или попытаться протолкнуть с проворотом?» – совещались коллективно. «Разгрузимся чуток с проворотом!» – решил Михайлов. И все получилось: протиснулись в сужении и дошли до забоя. Цементаж Михайлову всегда удавался и сейчас прошел, по его любимому выражению, «как учили!».

Поисковые скважины отличаются от обычных разведочных тем, что в них предусматривается большой объем отбора керн – образцов пород, в которых проходит скважина, и проведение всего мыслимого комплекса геофизических исследований, а также испытание некоторых объектов в процессе бурения. Поэтому скорость бурения

поисковых скважин невысока: процесс ее сооружения длителен. Если на разведочную скважину глубиной 2 600 метров отводилось в среднем около полутора месяцев, 101-ю поисковую планировалось закончить бурением за два с половиной...

После удачного преодоления первых подземных «колдобин» почти месяц бурение шло удачно, с большим ускорением.

Бурильщик Макаров во время своих выходных (на 101-й вахты менялись через неделю) сдал вступительные экзамены выездной комиссии геологоразведочного техникума и был назначен помощником бурового мастера Соловьева. И теперь они находились на буровой по очереди. При проведении каротажей на буровую вылетал кто-нибудь из геологов, а на другие операции – технологи.

И вдруг при достижении глубины около 2 200 метров начали мистически отказывать турбобуры...

– Запасную турбину собрали, спустили на забой – тоже не принимает нагрузку! – передал Макаров.

Отправили новую, только что прошедшую ревизию в турбинном цехе экспедиции: слесари-турбинщики были опытные, добросовестные мужики, поэтому отказ даже одной секции турбобура расценивался как ЧП. С подвеской вертолетчики людей обычно не брали, но это были «духи», так звали в экспедиции пилотов, летавших в небе Афгана, а они часто чихали на гэвээфовские каноны, поэтому Соловьев вылетел на 101-ю вместе с турбиной. Перед отправкой он получил от главного инженера инструктаж: «Обратный клапан поставь непременно. На устье опрессуй, давление и производительность насосов передашь. Проверь манифольд: нет ли утечки. Хлопушку, предохранительную пневмозадвижку, проверь – а то бывает, что насосы сами на себя молотят...» И еще много само собой разумеющихся для специалиста советов получил мастер.

И тем не менее в утренней сводке 101-я передала: запуск турбобура на забое...

– На устье турбина работала, как часы! – передал Соловьев. – Все ваши рекомендации выполнил тика-в-тику! На забое пробуем на разных режимах, однако выработки ни с навеса, ни под разными нагрузками нету. Несколько часов мослали – нету проходки!

– Хорошо! – сказал Михайлов. – Сегодня с турбинщиками подлечу. Идите на вира, ничего без меня не предпринимайте!

Пришлось менять план работы авиации, срывать турбинщиков – те не оправдывались, были спокойны:

– Слетаем, чего уж! При вас растащим и вновь переберем: раньше, когда цеха не было, все на буровой ремонтировали.

Однако вылет их пришлось отложить на неопределенное время: в следующий сеанс связи с буровой передали, что у них авария – слом легкосплавной бурильной трубы...

Заступивший на утреннюю вахту бурильщик, прежде чем начать подъем инструмента, решил еще раз попытаться завести турбобур известным среди практиков приемом: хорошо пристукнул об забой, в результате чего произошла заклинка долота или из-за его слома, или по другой причине. При попытке «отбить» ротором заклиненное долото и произошел слом бурильного инструмента...

Михайлов вылетел на буровую с ловильным колоколом.

Соединиться с обломышем, отвернуть и извлечь его, затем соединиться с оставленным в скважине инструментом для Михайлова не составило труда. Вот освободить заклиненное долото – это было труднее! Для начала он закачал на забой пару кубов нефти – с сожалением: нефть завозили для топки котла! – то есть установил так называемую «нефтяную ванну», давая возможность нефти проникнуть в зону заковки и «смазать» контактные поверхности; подождал часик (буровики говорят «постоял на нефтяной ванне»). После этого стал полегоньку отбивать ротором и расхаживать инструмент – натягивать его с усилием, превышающим его вес и затем разгружать,

постепенно увеличивая амплитуду усилий. И вот при натяжении сверх веса (если верить индикатору, на двадцать восемь тонн) долото расклинилось, квадрат вместе с вертлюгом, шлангом и талевой системой подпрыгнул, вкладыши роторные, скрепленные аварийными болтами, колокольню брякнули, дизеля заполошно взревели и – растеряйся Михайлов на минуту: не затормози и не выключи лебедку – быть или не быть аварии с талевой системой, решал бы противозатаскиватель...

Только Михайлов чуть успокоился и довольный собой смотрел на индикатор веса, проверяя, свободно ли ходит освобожденный инструмент, – все было в норме, как вдруг сверху раздался любопытствующий голос:

– Егор Васильевич, а что это было? Как тряхнет! Кронблок аж подпрыгнул! Так и вылететь наружу можно, как с трамплина...

У Михайлова обмерло сердце: на площадке маршевой лестницы стоял, перегнувшись через перила, Шурик – фамилию он не помнил – недавний выпускник базового ГПТУ, помазок (помощник дизелиста), округлое, совсем еще юношеское его лицо было полно доброжелательного любопытства... «Вот тебе, Лев Степаныч, и «корочки»! Вот тебе и «с отрывом от производства»! Непроизвольно продолжил спор свой с Квачом, а сам между тем задал гэтэ-тэушнику глупый вопрос:

– Шурик, ты к-как там оказался?..

– А! – тот беззаботно и широко махнул рукой: – Окрестности с кронблока обзирал... На выходной не полетел, порыбачить решил: смотрел, куда сходить...

– «Окрестности он обзирал»! А инструктаж по аварийным работам с вами я для чего проводил?! От нечего делать?! Я тебя сейчас как сидорову козу выпорю ремнем – спускайся вниз! Ну!

Шурик пошел было, но остановился:

– Не-а! – и поднялся выше: – Мне и здесь хорошо!

– Разряд сниму! – пригрозил Михайлов помазку: не гоняться же за ним по вышке до кронблока.

– А у меня третий! Ниже не имеете права! – донеслось с полатей.

– Еще как имею: в такелажку на три месяца отправлю! Мешки с цементом будешь «обозревать»!

«Вот молодежь пошла! Помазок, как с равным, с главным инженером пререкается!» – подумал Михайлов и включил ревун сигнала «Выброс», вызывая вахту на рабочее места: можно начинать подъем инструмента.

Пока вахта делала подъем, Михайлов изучал последний шлам, вынесенный с забоя. Шлам был аспидно-черного цвета, мелкий, пластинчатый, достаточно прочный на изгиб, но черты на стекле не оставлял. Чем-то он напоминал битуминозные песчаники, но только напоминал – был он необычен... Главный инженер попросил показать те долотья, с которыми пытались «запустить» турбобуры. И тут он решил, хотя на вид зубья шарошек были как новенькие, что долотья имеют износ по диаметру. Он попросил Соловьева принести шаблон, замерили – точно: каждое долото потеряло в диаметре 8 – 10 миллиметров! Все становилось на свои места!

– У вас, Егор Васильевич, глаз алмаз! А мы ... ! Смотрим – вооружение шарошек целое, значит, думаем, причина в турбобуре! Вот, едрена мышь! – хлопнул себя по колену Макаров.

– Понятно теперь... – раздумчиво протянул Соловьев. – Мы ведь к высоким скоростям мехбурения привыкли, к большим проходкам на долото. Считали, что турбобур расхаживаем, а фактически – бурили! А когда диаметр срабатывался, корпус турбобура натурально зависал! Что ж это за породы? По геолого-техническому наряду алевролиты должны быть. А они, как я понял, здесь бурятся нормально...

– Уж не фундамент ли мы вскрыли? – в раздумье сказал Михайлов. – Хотя нет, по проекту до него еще дале-

ко. А породы – есть такие! Высокоабразивные! Но это чаще кварцитовые песчаники, крепко сцементированные. Типа наждаков. В любом случае, чувствую, влипли мы. Тут надо долотья штыревые, для твердо-крепких пород.

– А если алмазные попробовать?

– Есть у нас типа ИСМ парочка. Из искусственных алмазов. Попробуем. Согласно проекту, нам по фундаменту бурить двести метров. Что, если все двести метров будет такая катавасия? Запоем репку тогда.

– Это ж и проектную глубину надо уменьшать на двести метров! А как заставят бурить до проекта, тогда не двести получится, а все четыреста! – Соловьев снял очки и потер, будто смахивая слезу, уставшие, с сизоватым, торновым, отливом глаза. – В любом случае, плакало, Владимир Петрович, наше ускорение!

Макаров кисло усмехнулся:

– Бедному Ванюшке везде камушки! Но «сороковку» к сдельщине Родионыч обещал в любом случае. Сдержит, поди, обещание: мужик слова!

– Об оплате не беспокойтесь: геологическое осложнение оформим! – успокоил буровиков Михайлов. – Вот где долотья брать, это – проблема! Десятка два у нас есть, но этого мало. Придется по соседним экспедициям попасть и в управление обратиться...

Колонковым снарядом «Недра» Михайлов поднял с забоя 30-сантиметровый столбик аспидно-матового керна диаметром 80 миллиметров и с этим увесисто-плотным цилиндром в портфеле вылетел в поселок, а под вечер того же дня, с уходящим на форму вертолетом, – в Пургай. Уже ночью, стеснительно вручив шапочко знакомому начальнику смены пургайского аэропорта банку дефицитного тогда кофе, вылетел в Тюмень. И хотя была суббота, заявился утром в геологоуправление и вручил начальнику геологического отдела, исполнявшему обязанности главного геолога, странный керн, рассказав все перипетии его появления на свет. Геолог за-

интересованно отнесся к просьбе изменить проектную глубину скважины, так как допускал, что образец – из фундамента, что «меняет представление о тектонике того района» и т.п. И поэтому керн придется направить на исследование и в наш, отраслевой институт, и во всесоюзный – в Новосибирск, – поскольку без их заключения об изменении проекта не может быть и речи. Скважина – поисковая!

Оставив письма и заявку на долота, Михайлов полетел к себе.

«А пока решается вопрос, бурите! В геологии и отрицательная информация – результат! А эксплуатационную колонну будете спускать обязательно – поисковая ж скважина! Так что обсадные трубы довозите», – напутствовал Михайлов и.о. главного геолога.

И пошло на 101-й бурение – как на Украине или в Таджикистане: бурильщики при передаче вахты стали указывать забой с точностью до сантиметров! И это на Севере-то!..

8. Осенние хлопоты

Осень – самое хлопотное время в экспедиции.

Арендованный флот старается под благовидными предложениями поскорей уйти на отстой в свои РЭБы, оно и понятно: кому хочется зимовать у черта на куличках? Другие экипажи по-наглому начинают заниматься рыбалкой и охотой, с такими приходится своих толкачей направлять.

С вертолетами тоже начинаются неувязки. Мало того, что световой день стремительно укорачивается, погоду то и дело закрывают по квадратам, так повально начинают вырабатываться у вертолетов ресурсы, и они уходят «на форму», а у экипажей – саннормы налетаны: на выходной и в отпуск надо...

Последние госпаровские лихтеры подошли, танкеры с гэсээмом...

Орсовские самоходки с картошкой, капустой и всякими банками, склянками, жестянками, бутылками разгрузки требуют...

Где людей, где самоходную технику взять – дожди! Подъезды к складам развезло, да и берег истерзан колесами и гусянками.

Контора пустует: все на разгрузку!

Производственные цеха только срочную, аварийную работу исполняют.

Иногда на авральную разгрузку и вышкомонتاжники, и буровики снимаются! Считай, на девять месяцев надо запастись: зимой на самолетах АН-2 да на вертолетах не навозишься, разве что – дефициты какие...

Но у Шлыка осенью другие хлопоты и заботы: утиная охота!

Шлык давно уже работает на Севере, приехал он сюда после окончания Грозненского нефтяного института в середине семидесятых годов. Служебная карьера складывалась удачно. Нынешний главный геолог главка тогда был начальником Пургайской экспедиции; был он человек заводной, горячий, подверженный скоропалительным привязанностям, которые, впрочем, так же быстро и без сожаления обрывались, и ему пришлось по душе молодой буровой мастер, весело не щадивший себя и, естественно, буровую бригаду, легко шедший на приписки забоя, когда это нужно было для выполнения плана экспедиции, одним словом, был «рисковым», в его стиле, человеком. И под его патронажем Шлык быстро рос, проходя, впрочем, все ступеньки служебной лестницы: был начальником цеха бурения, главным технологом, долгое время работал главным инженером... И вот уже пятый год работает начальником экспедиции, третий год из них – Еганской нефтегазоразведочной...

Надо отдать должное Александру Родионовичу, на любой должности он мог полностью отдать себя работе и добиться тех целей, которые ставил перед собой. Но наиболее полно реализовать, признался он себе, ему удастся, работая начальником. Главное, надо организовать работу подчиненных так, чтобы они впрягались в гужи и тащили в полную силу! А самому надо только время от времени натягивать вожжи да пощелкивать кнутом, между делом же – и удалую песенку можно спеть, дремануть или молодайку какую крепко прижать...

Поэтому он без зазрения совести обратился к Михайлову:

– Инженер, дай недельку в счет отпуска? Гуся привезу! – и уже без дурашливости, серьезно и доверительно, как соучастнику, пояснил: – Над Кыл-Еганом, Прохоры говорили, гусей тьма в сентябре летит... От нас-то, как только первые факела накопили, гусь практически ушел! Не прощу ни себе, ни тебе – если упущу возможность на них поохотиться!

– Так иди сразу в отпуск! – сказал Михайлов.

– Не-е, Инженер, в отпуск я попозже: сначала здесь по чернотропью поохочусь, а потом к своим поеду – в плавнях на кабана...

И Шлык, размечтавшись, облизнул яркие, будто накрашенные губы острым кончиком языка. Пошел из кабинета, но тормознулся у двери:

– Да! Тут одна дивчина, выпускница «академии», прибыла... Ты видел ее: она у нас поваром была на разборке завала... Так-то она – кадра Геолога, но ты направь ее коллектором к буровикам. Хоть к Соловьеву.

– У него есть.

– Направь: по штату можно! Тут, понимаешь, деликатное дело: Геолог не успел на дивчину глаз положить, как его супруга превентивные меры приняла... – И он рассказал Инженеру, как было дело.

Нина Путева, представив написанный самолично Геологом отчет о практике, заработала «отлично», успешно сдала выпускные экзамены и получила «корочки» об окончании базового ГПТУ по специальности «оператор по исследованию нефтяных и газовых скважин». «Академиков», так звали обычно в экспедициях выпускников этого техучилища, направляли на работу в те экспедиции, в которых они проходили практику. Неудивительно, что в один прекрасный день она нарисовалась в кабинете Шлыка:

– Меня к вам направили!

Шлык не допускал продолжения романов, подобных случившемуся, и встретил ее сухо и грубо.

– Ну и дура! Я ж тебе советовал в Пургай... Раз приехала, будешь по специальности работать, або как. Ты – кадр Геолога, как он решит... – И позвонил Лазаренко по селектору: – Борис Михайлыч! Тебе тут еще одного оператора прислали. Да, из «академии». Зайди!

– Куда мне их? Куда мне их? – зачастил Лазаренко. – Мне их солить, что ли? Может, парень? Нет? Парня бы еще помбуром в бригаду испытания, а девок – куда? Отправляй обратно! Обратно!

– Да ты ходь сюда, погляди – яка дивчина!

Увидев старую знакомую, в явном смущении заходил Геолог по кабинету начальника, приглаживая серенький чубчик:

– Даже и не знаю... Не представляю, куда можно пристроить! У Игошева – целый малинник... В отдел – вакансий нету... Разве к Тишеву? В каротажку?.. Пойдемте, Нина, вместе сходим: я провожу. – И увел девушку за собой – устраивать.

Когда они уходили, Шлык приятным взором смотрел на девушку: «Все-таки хороша, стерва! Даже Борис Михайлыч заезжил!»

А сегодня утром, едва планерка разошлась, в кабинет к нему супруга Лазаренко вплыла.

– Я к вам, Александр Родионович, официально – как председатель женсовета... – начала она напряженным, бледным голосом; по лицу ее неровно, блуждающе, как во время северного сияния, заиграли алые блики, светлые глаза совсем слились с глазным яблоком: одни черные зрачки собеседника сверлят. «Ну и телка белоглазая! Растопчет копытами!» – и в душе пособолезновал Геологу. То ли дело его Оксана! Агница!

Людмила Федоровна тем временем излагала суть проблемы, обеспокоившей ее «как председателя женсовета»:

– Сколько можно терпеть этот кильдым, прикрываемый вывеской цеха испытания? К Игошеву, как ни придешь, у них дым коромыслом: хиханьки, хаханьки... Эти девицы, операторши... мало того, что курят, бездельничают... Они – полуголые, считай, на работу ходят, прелестями своими сверкают... Жены некоторые с жалобами приходили. Лазаренко отмахивается: он, мол, ни при чем! Но вы-то – начальник! Принимайте меры! А тут еще новенькую прислали... В поселке ж все знают и видят! Смеются!..

И Шлык обещал ей разобраться: он-то понял, в чем дело. «Не выстоял, видно, Геолог против чар бывшей сладкой поварихи!»

– Так сегодня ж нарисуй приказ о ее переводе в бригаду Соловьева, добже? А я ее, стерву, предупрежу – чтобы хвостом не вертела, а выбирала бы парня подходящего. Я ей любого жениха сосватаю, не впервой! Уже у троих или четверых посаженным отцом был! Ну, я на вертолете, что на 101-ю пойдет, полечу: там рядышком угодья Прохоров. И связь, ежели шо, буду держать со 101-м номером, имей, Инженер, в виду.

Одного из Прохоров, да еще и с семьей, Михайлов уже видел на 101-й...

Было это в день ликвидации аварии. На буровой стали спускать колонковый снаряд «Недра», а Михайлов

пошел в культбудку на связь: передать сводку и узнать, как дела идут на других буровых.

Возле культбудки стоял высокий молодой хант в новом энцефалитном костюме и многократно подвернутых болотниках. В сторонке, на солнышке, словно яркие снегири на ветке, сидели на корточках трое: женщина и мальчик с девочкой; все они были в цветастых, красноватого оттенка, одеждах. Михайлов поздоровался с ними и прошел в балок. Занятый настройкой рации, а затем разговором с базой и буровыми – связь была отвратительной! – он и не заметил, как Прохор со своим семейством вошел в культбудку. И только сняв наушники и выключив урчащую и посвистывающую рацию, он почувствовал присутствие посторонних и обернулся к ним. Некоторое время молчал, не зная, о чем говорить. Прохор первый нарушил молчание. Басовитым голосом он как-то странно, будто продолжая давно идущий разговор, сказал:

– Однако, собачки олешек пугал, выводки давил. Пургай еду – прокурор жаловаться буду. Прокурор скажет: собак стрелять, хозяин штраф брать...

– Да чего уж сразу – к прокурору? – добродушно заметил Михайлов, поняв, о чем говорит Прохор. – Без прокурора стреляй, я тебе только спасибо скажу! Я из-за этих собак сам как собака, скоро кусать хозяев буду – чтоб не возили их на буровую...

Прохор засмеялся:

– Слыхал-слыхал! Собака Инженером пугают, как же. Однако стрелять нельзя: начальник собака бегаёт: заругается! Сердитый у вас начальника! Кости к нам скоро собирался...

После длительных, вокруг да около, разговоров выяснилось, что надо их забросить в национальный поселок: маленького пацаненка, которому шел восьмой год, они намеревались оставить в школе-интернате, а сами хотели кое-что приобрести и расслабиться.

«Винки попить немножко надо», – простодушно признался Прохор.

Видно, к нему в «кости» и собирался лететь с гостинцами Шлык, предчувствуя пролет гусей.

Начальник улетел, а Михайлов погрузился в привычные осенние хлопоты и в подготовку к зиме... Они и забыли все.

9. Подготовка к зиме

Собственно, подготовка к зиме начинается сразу же после окончания очередной зимы. По крайней мере, приказ о подготовке к предстоящей зиме издается еще весной, до начала навигации. Но вплоть до самой осени работы идут ни шатко ни валко – все кажется, что времени впереди времени много и все – успеется. А спохватились, времечко-то, как та шагреновая кожа, на глазах тает: вот тут-то и наступает пора проявить свою смекалку и расторопность, выносливость и готовность к трудовому подвигу! Так делалось во всем необъятном Советском Союзе, и Еганская экспедиция не была исключением.

Перед самым отопительным сезоном, когда в поселковой котельной все было готово: прочищены и отремонтированы котлы, теплотрасса угодна, заменен фильтр на водной скважине, поставлен новый погружной насос, вдруг обрушилось перекрытие над земляным амбаром, в котором хранилась нефть для котельной, в результате забились нефтяная линия и дежурный котел, стоявший на подогреве и снабжавший горячей водой и паром баню и прачечную, был остановлен. «Хорошо, что не в морозы произошло!» – утешил механик паросилового хозяйства. Хорошо-то хорошо, но чуть не половина запасов нефти стала некондиционной: придется соляжкой разбавлять, фильтровать, отстаивать, а для этого надо дополнительную емкость задействовать и т.п.

И еще уйма подобных – «внеплановых» – ляп расплы- валась неряшливыми кляксами на таком аккуратном вна- чале плане мероприятий по подготовке к зиме...

Транспортный цех все лето ремонтировал три вездехода ГТТ и два легоньких ГАЗ-71, на которых с первым снегом дорожный отряд должен проминать зимник и строить переправы через ручьи и живуны на подбазу и далее – на еще одну новую площадь, а также дорогу от 101-й до баржи с обсадными трубами. Вдруг появляется изыскательский отряд минсвязи и просит дать на де- нек один вездеход. «По техзаданию вашего министер- ства работаем, между прочим, – говорит начальник от- ряда, – под радиорелейную связь изыскания ведем». И показывает ксерокопию письма за подписью началь- ника техуправления Мингео РСФСР к руководителям геологоразведочных организаций с просьбой оказывать изыскателям техническую помощь. Начальник БПО слезно умолял не давать вездеход, а Михайлов настоял: «На нас же работают люди! Да и качество ремонта про- верим». Километрах в десяти от поселка на болотистой чистине ГАЗ-71 напоролся на неизвестно как оказавшу- юся там трубу (из вертолетной что ли подвески выпала?) и так деформировал корпус, что заклинило веду- щую звездочку... Для буксировки его на ремонт при- шлось посылать тяжелый вездеход ГТТ. Начальник БПО пощадил Михайлова: ни словом не попрекнул, они были друзьями.

Как бы то ни было, к тому дню, когда пошла по Ега- ну шуга и появились в заводах ледовые закраины, а из поселковых печных труб поднялись стройными голубы- ми кипарисами дымы и по поселку растеклись запахи знаменитого хлеба, только что вынутого из самодель- ных подовых печей, основные «узкие места», как выра- жались экспедиционные записные ораторы, удалось зак- рыть. И можно было думать непосредственно о работе в зимний период.

Транспорт вообще-то входил в круг обязанностей заместителя начальника по общим вопросам, но Шлык поставил Калачева на внешние связи: тот вечно пропадал по командировкам, доставая дефицитную «мелочовку», вроде запчастей к транспортной и спецтехнике, сварочного кабеля, электродов, бензопил, красок, гвоздей и десятков подобных «мелочей», без которых безусловно выделяемые «фонды» на бурстанки, трубы, ГСМ и сыпучие – цемент и глину – попросту не были бы задействованы, ибо тот же двадцатитонный буровой насос нельзя эксплуатировать без всящего грамма уплотнения, точно так же, как и шестисотсильный дизель – без легонькой прокладки головки блока цилиндров... а турбобур – без опорных подшипников. Калачев доставал все это, и все ему были благодарны. Поэтому его повседневные обязанности выполнял или сам начальник, или тот, кто за него оставался...

Конечный продукт нефтегазоразведочной экспедиции – разведанные запасы нефти и газа различной категории. Их посчитать можно, только пробуравив скважину, исследовав слагающие ее породы электромагнитными и акустическими волнами, радиоактивным излучением, узнав ее электросопротивление и естественный потенциал, изучив образцы керна и, наконец, опробовав скважину на различных режимах притока пластового флюида... Но прежде этого на скважину нужно было завезти сотни и сотни тонн различного груза. А до того – подготовить технику и дороги – зимники...

В отсутствие начальника Михайлов утреннюю планерку не проводил, ограничивался своей, «инженерской», вечерней планеркой – а коррективы, если была необходимость, вносились оперативно после утренней радиосвязи с буровыми.

Подготовив проект традиционного – ежегодного – приказа о работе транспорта в зимний период, в котором значительную часть занимали вопросы безопасности, а схе-

мы дорог и переправ, объемы и график завоза шли приложениями, Михайлов попросил задержаться после разрядки начальника БПО Акопова, своего зама по ТБ Корня и главного геолога Лазаренко.

Только пять вечера, а уже сумрак заполнял кабинет сквозь раскрытую створку окна; захлестисто стрекотал движок зарядного устройства у радиостанции; на застывшем пламени закатного неба одиноко кукожилося продолговатое лиловое облачко. Было прохладно.

По тексту приказа ни у кого, кроме Акопова, замечаний не было.

– Старик, ты зря контроль за исполнением приказа за собой оставляешь. Случись авария – тьфу-тьфу! – на буровой, и ты там неизвестно сколько пробудешь... Эдак и Калачев может контролировать! Если не на него, то хоть на меня возложи, – предложил Акопов.

– Это не существенно! – отмахнулся Михайлов. – Давайте определимся по схемам дорог, по срокам их проминки и – по переправам...

Засиделись долго, но безрезультатно: были неувязки с забурками скважин и их очередностью.

– Нет! – решительно сказал Акопов и хлопнул ладошкой по прошлогодней схеме дорог. – Так дело не пойдет! Без бутылки мы не разберемся. У меня аж язык от разговора суконной стелькой стал – не ворочается!

Все заулыбались оживленно. Лазаренко чубчик заприглаживал, губами заперебирал:

– Мог бы и раньше предложить. Если купил. Магазин – тю-тю, закрыт уже...

– «Утилэ дульци мисцэрэ!» – говорили древние, – поддержал Геолога Корень. – Полезное надо совмещать с приятным!

Акопов принес из своего кабинета два «Рислинга» и одно яблоко.

После вина и в самом деле все состыковалось как бы само собой.

Оставалось решить – как быть с обсадной колонной для 101-й.

Вертолетами бросать? Прикинули: потребуется около тридцати летных часов... Вариант отвергли.

– Спалим весь Кыл-Еганский керосин – нечем будет дозаправлять вертолеты. Вахту не сменишь! – заявил Акопов. – Надо этот аппендикс по гривам топтать. Борис Михайлович! Смотри: зигзагом-зигзагом, но можно пройти!

– Гладко б-было на б-бумаге, да забыли про овраги! Там уровень грунтовых вод резко колеблется... – урезонил его Лазаренко.

– Грунтовых – не знаю, а вот уровень в самом Кыл-Егане – точно! – солидно, баритонисто заметил Корень. – У 101-го пережат знаете? Я как-то распустил болотники и по пережату перешел на другой берег. Там бурелом такой! Закаялся, что пошел: ногу чуть не прострелил! А тут еще ливень сыпанул... Вернулся, стал переходить – вода уже по пояс! За час какой-то на 25 – 30 сантиметров прибыло! Правда, потом быстро опало...

– Я что и говорю! – обрадовался поддержке главный геолог. – Будет сырая осень, торфяники напитаются влагой, и уровень грунтовых вод повысится. Тут у тебя и переправы всплывут.

– А все-таки, Борис Михайлович! Что время тянуть? Слетайте с Валерием Дмитриевичем, – Михайлов кивнул на Акопова, – или с его начальником дорожного отряда на Кыл-Еган и визирку проложите. И, если там возможность такая есть, прорубят они просеку, где понадобится, мосток или лежневку сделают. Если удастся, мы этот аппендикс «вырежем» до проминки основных дорог. Так как? Ярар? Игорь, как это по-латыни?

Все оценили аллюзию: в экспедиции «на слуху» был анекдот про иностранных диверсантов, переползавших ночью границу; один из них в сложной ситуации спрашивал: «Сэ-эр, как это по-русски?..»

Вторую бутылку «Рислинга» раздавили весело, под анекдоты.

– Сопьешься с вами... – Михайлов рассмеялся. – Хотел сказать «партийными», да вспомнил: Боря ж тоже беспартийный! Ладно! Тогда за смычку беспартийных с партийными! – и достал из сейфа бутылку коньяка.

Но Игорь вдруг отказался, заявив, что ему пора. Акопов запротестовал: «Куда это холостяки собрались? Нас вон дома жены со скалками ждут, мы и то не торопимся, компанию не разбиваем».

А когда Игорь все-таки ушел, Валерий Дмитриевич насупил широкие смоляные брови и уставился пронзительными светлыми глазами на Михайлова, сказал сиповатым напряженным голосом: «К Лариске пошел, да, к жене твоего мастера. Они уже с полмесяца вожжаются. Агентурные данные из надежного источника».

– От Т-томилы П-павловны?

– Не-ет, от Людмилы Федоровны!

(Что, в самом деле, могло быть правдой: обе были самыми информированными людьми по части поселковых новостей.)

– Так что, шеф, принимай меры.

– Завидно: сам опоздал подвалиться?

– Вот стерва! Муж на буровой, а этот – рядышком... Видать, у буровиков судьба сродни матросской: не зря и там, и тут – не смены, а вахты! Ну что, разбегаемся? А то, глянь, и к нашим какой-нибудь усатик подвалит...

Вернувшийся вскоре с охоты начальник план одобрил.

Дорожный отряд за десять дней визирку, пробитую главным геологом и начальником дорожного отряда, расширил до четырех метров. Лес, что вырубался на просеке, использовали на один мосток – на всякий случай – через неширокий ложок, да в подозрительном месте выложили лежневку метров двадцать длиной. Оставшийся сушняк возили на буровую – нефти было

запасено мало, часть ее использовали на установку «нефтяной ванны», поэтому не исключалась переделка топки котла под дрова.

Однако пробный рейс показал, что до выпадения снега ездить по этой дороге невозможно: трактор даже без груза постоянно разувался на пеньках и валежниках; кончилось все сломанным натяжным винтом, трактор пришлось ремонтировать прямо на трассе, и он едва дотелепал до буровой. Поэтому и механизаторов, и дорожников вывезли: их ждала работа на «магистральных» зимниках: буровые на старых, «хлебных», площадях сидели уже на подсосе. Все бензовозы были залиты горючим, бортовые машины загружены под завязку и перевезены на другой берег Егана... В авангарде колонны стояли три широкогусеничных транспортера ГТТ и зеленый, как кузнечик, легонький командирский ГАЗ-71. Ждали снега и морозов...

10. Осенние свадьбы и разводы

В конце октября Корень решительно обратился к Михайлову:

– Егор Васильич, посоветоваться надо. По личному вопросу. – Игорь замолк.

– Ну-ну, давай! – ободрил его Михайлов.

– Понимаете... В общем, мы с Ларисой... с Ларисой Валерьевной полюбили друг друга и хотим пожениться. Не дожидаясь развода. Развод, думаю, Виктор Иваныч даст. Вопрос в пацане... Может, как-то поспособствуете? С Соловьевым поговорите, чтобы – не наставивал. Я намерен мальчика усыновить...

Михайлов хмыкнул неодобряюще:

– Жену у него уводишь! Мало этого – и сына отнять хочешь? Не все сразу хоть: имей совесть! Он уж большень-

кий пацаненок-то, оставьте на его усмотрение... Вот и весь мой совет! Хотя я на вашем месте проверил бы себя, повременил!

– Вы ж сами женились на скорях, говорили...

– Мы были неженаты оба, ничьи семьи не рушили!..

– Ладно, обсудим с Ларисой ваш совет. Спасибо!

А в ближайшую субботу они сыграли скромненькую свадебку в соловьевской квартире, в которую и переехали-то из заезжей совсем недавно. Из экспедиционного начальства был один Акопов с женой да под занавес нарисовался Лазаренко. Но самое главное, что на этой свадьбе своей жены самым веселым гостем был Соловьев... «Странная молодежь пошла!» – сетовал Валерий Дмитриевич, рассказывая о свадьбе Михайлову. Самому Михайлову Корень сказал накануне так:

– Хоть и знаю, что вы не придете, все же примите приглашение!

– Чего уж, спасибо! И – поздравляю! Если, конечно, не дурная кровь в вас взыграла... – Михайлов чувствовал себя неудобно.

– Верьте, Егор Михайлович, я – давно не мальчик, но такого со мной не было. Думаю, что это судьба! – глаза Игоря повлажнели.

– Ладно, будьте счастливы! Вот на память – керн со 101-й Кыл-Еганской... Там ведь я вас познакомил?

Игоря подарок растрогал:

– Вот спасибо! Я ей браслет из него выточу и гравировку сделаю. Это ж палеозой? Фундамент?..

– Вроде палеозой... Впрочем, наука еще свое слово не сказала.

В понедельник пришел Соловьев с заявлением на недельный отпуск:

– В Пургай съезжу... Если работенку у нефтяников подыщу, перевод дадите? – глаза у него за стеклами очков отчаянно блестели, был он весело возбужден.

«Не опохмелился ли?» – подумал Михайлов и, скомкав заявление, сказал:

– Поезжай! У тебя отгулов много. Только не вздумай загудеть! Чтоб через неделю – обратно. Скважину, как проектный объем керна по фундаменту отберем, будем консервировать. Ждать, когда они изменят, не изменят проектную глубину, не будем! Сообщим, что «приехали»! Дизтоплива – нету. Долот – нету. Глинопорошка – нету... Основное геологическое задание – двести метров по фундаменту с отбором керна выполнили? Выполнили! Если настаиваете на проектной глубине – консервируйте скважину до следующей навигации. Логично? А бригада пока будет бурить разведочные скважины на старых площадях. Так, Виктор Иванович?

Соловьев весело согласился:

– Так точно! Безусловно! И – вообще!

Геологоуправление на все радиограммы и письма об изменении проектной глубины 101-й – Кул-Еганской отвечало стандартно: «Решение будет принято после получения заключения СНИИГИМС по керну о вскрытии фундамента (вариант: палеозоя)». Наконец, когда проектное задание по отбору керна в предполагаемом фундаменте было выполнено, согласилось на... месячную консервацию.

– Если бригаду вывезем, это уж – как получится! – прокомментировал радиограмму Шлык.

– Смотри, как упорно настаивают! Не иначе, какая-нибудь шишка докторскую диссертацию пишет!

– «Ж-желтые пятна!» А п-подтверждения нету. М-метаморфозы одни.

Метаморфизованный песчаник – чем не фундамент, считал Борис Михайлович. Но не настаивал. «У них, – кивал головой, – микроскопы, спектроскопы, компьютеры, ученые советы... А я – что?.. Даже не кандидат... По ихнему – почти коллектор! Керн в ящики для них упаковываю!»

Узнав о семейной трагедии Соловьева и о его желании уехать, Шлык чертыхнулся:

– А мы только что ведь отослали в главк представление на его утверждение! Не поймут нас! Прокол тут у тебя, Инженер, получился... Кого вместо него предлагаешь?

– Макарова назначим и.о., а в помощники Долгачева, наверно... Из молодых специалистов он вроде пошустрее и пограмотнее. Макаров будет крутиться, а этот – технологией, раствором заниматься, режимом бурения. Если, конечно, разрешат назначить Макарова. Хотя для РГТИ можно оформить и наоборот, только Макарову оклад сделать по максимуму да если еще как-нибудь доплачивать?

На том и порешили.

Макаров энергично взялся за работу. Да и Долгачев в помбурах только казался рохлей, – став поммастера, преобразился: инициативен, смекалист, дело, как выяснилось, порядочно изучил, тихой сапой на ус мотал!

Удачным оказался этот тандем! Организованно переехали на «нулевку», качественно подготовились к забурке. Так что Квач, прилетевший на ее пуск, похвалил их искренне. И бурение скважины пошло у них как по маслу – с ускорением!

Шлык был доволен молодым мастером.

В одну из первых – инспекционных! – поездок по зимникам заехал он с Лехой-Ординарцем к Макарову на буровую: проверил соблюдение технологии, техники безопасности, использование и хранение материалов, состояние оборудования, «спустил Полкана» на старшего дизелиста, слесаря, бурильщика, стоявшего на вахте, досталось, пропорционально, и Макарову (Долгачев был на базе).

«Спустить Полкана» у начальника означало – указать работнику, без выбора выражений, на замеченные недостатки, потребовать их исправления, если это возможно, и недопущения впредь. Когда он таким обра-

зом «пинал» или «тыкал носом» подчиненных, он еще и грозил снять разряд или выгнать «к чертовой матери», что в общем-то и выполнял обычно. Так что его появления всегда побаивались. Более того, провинившиеся принимали его разгоны и наказания без обиды. Большинство экспедиционных «бугров» – кое-кто из начальников подразделений, прорабов, бригадиров, – ввели эти выражения: «спустить Полкана», «попинать», «на-тыкать носом» в свой повседневный лексикон и бравировали ими...

«Спустив Полкана», Шлык внес предписание в буровой журнал и в журнал по ТБ. Делал он это регулярно, что и отмечали высокие проверяющие или комиссии, ставя его в пример другим начальникам экспедиций. Они чаевничали и обсуждали некоторые охотничьи темы: Макаров был менее опытным, но удачливым охотником, Шлык знал это. В разгар чаепития (был второй час ночи, но бурение есть бурение – процесс непрерывный, круглосуточный!) в культбудку вошла коллектор Нина Путьева – записать в журнал параметры промывочного раствора; она была в ватнике поверх геологического костюма, в шапке, в яловых сапогах, но грубая одежда не могла скрыть ее точеной фигуры. Шлык радушно с ней поздоровался, спросил, как дела, интересно ли работается. Она отвечала сдержанно, без смущения.

– Ну что, Владимир Петрович, берешь в сваты? – Шлык вскинул длинные брови, лучезарно осклабился, едва она ушла. – Какая дивчина! Хочешь, сосватаю? Мясоед еще не кончился: самое время свадьбу играть! Ты комсомолец? Вот, сыграем комсомольскую свадьбу в столовой! Ключ от квартиры подарим! Холодильник! Еще что-нибудь из дефицита... Но чтоб я посажённым отцом был! Как тебе такая идея?..

Макаров смущенно вспыхнул и, не поднимая глаз, задвигал сильными красивыми руками по столешнице буровой журнал...

Владимир Макаров был единственным ребенком в семье. Родители – люди обеспеченные: мать работала товароведом в горторге, отец длительное время заведовал базой УРСа геологоуправления. Было еще несколько дядьев и теток по отцовской линии, работали они инженерами, учителями, никому не известные и плохо обеспеченные, они вечно выпрашивали у отца дефициты. Зато двоюродный его брат со стороны матери, окончивший в свое время техучилище, стал знатным буровым мастером и Героем Соцтруда и деньгу, как он шутиливо хвастался, греб лопатой, да не простой, а – совковой! Жаль, погиб в автокатастрофе на новенькой «Волге». Был бы жив, у Володи голова б не болела – где работать. Обещал взять к себе и вывести в люди! Что ж, он решил сам выбиваться, повторив путь двоюродного брата, стать буровым мастером! Родители огорчились, когда после школы он выбрал ГПТУ, а не торговый институт или техникум... Получив «корочки» бурильщика, Владимир Макаров с тщанием стал осваивать профессию, понимая, что мастер должен в совершенстве владеть ею, знать все ее тонкости. Без назойливого любопытства интересовался он технологиями и организацией работ, секретами нормирования и оплаты труда. И вот, не прошло и четырех лет, а он уже – буровой мастер. Пусть и.о., но – мастер! А пошел бы в институт – еще мантулить бы да мантулить!

Что ж, нет двоюродного брата, пусть будет начальник экспедиции вместо него! А Нинка?.. Так он давно на нее глаз положил. Поначалу, правда, без серьезных намерений: для приятного времяпровождения. Но сейчас присмотрелся – серьезная дивчина! Если даже, как болтают, у них что и было с начальником, так это у нее от глупого самолюбия – завести с начальником роман, вот подружки-то от зависти лопнут!..

Эти и еще множество других мыслей провернулись в ясной, честолюбивой голове Владимира Макарова, пока

он двигал буровой журнал по столешнице, тщательно расправлял загнутые уголки его обложки.

Решившись, он взглянул твердо в глаза Шлыку и подсевшим голосом сказал:

– Идея, Александр Родионыч, конечно, хорошая. Когда-нибудь, надо жениться! Но – уговор: чтоб к Нинке – только отцовские чувства! Я, как и вы, человек горячий...

Шлык откинулся и вспыхнул:

– За кого меня считаешь?! Кем-кем, а снохачом – не был! Так что – давай пять! – и, как ровне, хлестко ударил по ладошке, скрепляя договор.

Свадьба была шумная, веселая. Гостей было столько, сколько могла вместить орсовская столовая. Приехали отец жениха и мать невесты с младшим братом: они были довольны и выбором своих детей, и оказанным им приемом. Поселились молодожены в отремонтированной квартире, в которой прежде жил Квач.

– Что за пара! – восхищалась Нелли Потаповна, плясунья, певунья и знаток свадебного обряда. – Что он, что она – красавцы писаные! Ну, князюшко, береги свою княгинюшку! Лелей лебедушку!..

Когда они, проводив родню, через неделю появились на вертолетке, чтобы лететь на свою буровую, их шутливо спрашивали:

– Куда это, молодожены, – в свадебное путешествие, поди?

– Ну! – сдержанно-горделиво улыбался Макаров, приобнимая молодую жену. – В круиз... вокруг буровой!

Прилетевший Соловьев, узнав новость, стараясь быть веселым, поздравил горячо бывшего своего помощника. Тот, в свою очередь, поинтересовался, как у него идут дела. «Да...» – махнул Соловьев неопределенно и перевел разговор на 101-ю: что с ней планируют делать?

– Слышал, что согласилась с нами наука: фундамент вскрыли! Проснулись, эксплуатационную колонну зас-

тавляют срочно спускать! Чесались, чесались, а теперь – торопят! Родионич говорит: теперь пусть они подождут, пока мы эту скважину закончим и еще одну, а уж потом – на 101-ю вернемся. Наша бригада, в смысле.

Объявили посадку. Молодожены улетели в «свадебное путешествие», а Соловьев пошел к Михайлову.

– Решил я остаться, Егор Васильич! – сказал он Михайлову. – Привык уже...

– Не будь мазохистом, Виктор Иванович! Уезжай! – посоветовал ему главный инженер. – У меня был друг в подобной ситуации. Сам измучился, их измучил. В конечном счете, дело плохо кончилось. Уезжай, Витек!

– Вы так думаете?

– Да!

11. Встречные обязательства

Оперативная переброска буровой бригады Соловьева – Макарова со 101-й скважины на бурение разведочных, благотворно сказалась на выполнении годового плана проходки горных пород: к середине декабря они пробурили одну скважину глубиной 2 800 метров и успешно забурили вторую. В связи с досрочным выполнением годового плана секретарь парткома Алексей Антонович Сухих – при галстукe, позлащенные очки в кармашке, в нем мало что от Лехи-Ординарца! – назначил открытое партийное собрание, в повестке дня которого: первое – подведение итогов (предварительное), принятие встречных обязательств до конца года; второе – обсуждение «ковра бурения» на следующий год; третье – закрытая часть.

По первому вопросу, как обычно, выступил начальник экспедиции. Против обыкновения, выступление его было ровным, без «спускаания Полканов». Он сам и предложил взять встречное – сверх социалистического, с на-

чала года, – обязательство – пробурить полторы тысячи метров скважин, в том числе тысячу – силами комсомольско-молодежной бригады Макарова... Все выступавшие, в том числе и Макаров, и секретарь парткома, поддержали предложение Шлыка.

– Не мое, а – ваше! – широко улыбнулся Шлык. – Если не выполним, шоб и вас совесть грызла! Так и записать в протокол.

– А выполним если, то премия тоже нас пусть «грызет»! – под общий смех выкрикнул водитель тягача Паша Воронов, матерщинник и остро слов.

Но Шлыка ли смутить такой репликой!

– Все ваше, хлопцы, будет! – с веселой приязнью, веря себе, ответил Шлык. – И производственная премия будет, и по соцсоревнованию! Больше того! Выдам секрет: и еще кое-что будет! Награды правительственные будут! Вот, подведем производственные итоги по каждому кандидату, которых представят начальники служб и цехов, обсудим в парткоме, в разведкоме... И – согласно вкладу...

– Зна-ам! – снова подал голос Паша. – Сестрам по серьгам, а для милого дружка – золотого петушка!

– Павел Алексеевич! – одернул механика-водителя Сухих, водружая интеллигентные очки на висловатый нос и играя веселыми ямочками в уголках усмешливого рта. – Я вам хочу напомнить, что здесь хоть и открытое, но партийное собрание. Партийное, не профсоюзное. Поэтому прошу соблюдать дисциплину.

– А что вы, Алексей Антонович, партию профсоюзу противопоставляете? Профсоюз – школа коммунизма! Во, в билете написано...

Стоило Шлыку сцепить руки, наступить брови и завращать большими пальцами, и наблюдательный Паша приумолк: он Родионыча знал еще с бурмастеров, и переезжал с ним, в числе других «гвардейцев», уже несколько раз, поэтому понял, что нечаянно задел за старую вереду.

Зачитали протокол, единодушно проголосовали.

С пояснениями к «ковру бурения», проще говоря, к расчетному графику движения буровых станков и бригад выступил Михайлов. Объем планового метража набирался более-менее уверенно, а вопрос выхода на две новые, более северные, площади зависал. Кроме того, расконсервация и завершение работ на 101-й, с учетом неблизкой переброски, задерживало буровую бригаду минимум на месяц... Напряженка даже на бумаге получалась! А как в реальности сложится?

Обсуждение «ковра бурения» прошло вяло. «Пока все в норме, а там – доживем, будет видно!» – рассуждало большинство, и Михайлов не стал заострять внимание на отмеченных «узких местах».

В протокол партсобрания записали: «Принять к сведению информацию главного инженера по движению станков и бригад...»

Перед закрытой частью собрания Сухих задержал несколько беспартийных буровых мастеров, прорабов-вышкомонтажников, Михайлова, Лазаренко, и предупредил:

– В семь вечера с активом намечено мероприятие одно... – Заметив, что у некоторых вытянулись недовольно лица, усмешливо разрешил: – У кого уважительные причины, могут не приходить, остальным – сбор в «греческом» зале, форма одежды – парадная. Настроение – весеннее! В пику самым длинным ночам! С комприветом! До встречи!..

– ...Под столом! – в тон ему ответил Лазаренко. – Может, прямо сейчас? Чо тянуть-то? Много у вас там – «взаперти» – вопросов?

– Да один вопрос, не затянем! Вот инженеровского кадра – Макарова – в кандидаты принимаем. Он заявление подал давненько, еще бурильщиком. Поэтому его надо через «чистилище» в горкоме как гегемона провести. Там старперы четко следят за квотой: трое рабочих,

один итээр. Так что, надумаете, заранее готовьте вместе с собой тройку работяг... И это вам – первое партийное задание! – погрозил пальцем: – Вернемся чуть позже к этому вопросу, это я вам точно говорю! – и, хохотнув, запер за собой дверь.

– Что, Инженер, по домам?

– Давай, Геолог, по домам!

– Я, наверно, с концом: Людка повяжет!

Лазаренко пожевал задумчиво губы.

– Или поработать? Может, зайдём ко мне? Там у меня материалы из партии оперативного анализа интересные подошли. По ним, 101-я, возможно, в зону разлома попала...

– Извини, Борис Михайлович, – давай завтра? Домой, край, надо! И ты иди: скажешь «мероприятие»! С соседом отпустит, поди... С председателем разведкома-то... – Михайлов усмехнулся: – Ну и Паша! Это он хорошо – про «школу коммунизма» вспомнил...

До своей калитки Михайлов дошел быстро по певучему, высоко стланному тротуару. Во дворе, в широких, как коридоры, проходах, проложенных сквозь сугробы, носилась с собакой пятилетняя дочь, покрасневшая, запыхавшаяся, вся в снегу, из садика она приходила самостоятельно. Практически всю свою короткую жизнь она жила вольно и в этом отношении была чисто деревенским ребенком, хотя к цивилизованной жизни у бабок привыкала быстро. Старшая сидела за уроками. «Па! Привет!» – обрадовалась она приходу отца (он уходит на работу в половине седьмого, когда дети еще спят). Учится в шестом классе, держит марку – только пятерки! В школу она пошла, когда Михайловы жили в городе. Посещала еще музыкалку и балетную студию, специально для нее купили пианино – в поселке же инструмента личного ни у кого не было, клубное вдрызг расстроено (заведующая клубом культпросветучилище окончила по классу баяна), и к деревенской жизни она относилась

отстраненно и даже свысока. После восьмого класса в город уеду, рассуждала дочь (в поселке была только школа-восьмилетка, которую обещали вот-вот преобразовать в десятилетку).

– Па! Посмотри, пожалуйста, алгебру. Я там в одном примере сомневаюсь...

Математике Михайлова, в мужской школе, обучал выпускник дореволюционного университета, по гимназическим учебникам с ятями, и неплохо, видать, обучал, – если до сих пор те знания не выветрились и не вытеснились уймой нужной и ненужной информации...

Он посмотрел требуемое: задача была решена правильно, но длинновато. Показал дочери более короткое и изящное преобразование. Дочь похвалила его: «Пять с плюсом! Садись ужинать».

Жена у него работала в геофизике: интерпретировала каротажные материалы, и Михайлов часто раньше Геолога получал заключения по геофизическим исследованиям. Он поинтересовался: «А мать где?..»

– А! В магазине: ей по секрету сказали, вроде – что-то интересное будет... Ждет, наверно.

Михайлов перекусил, включил в зале черно-белый телевизор...

Звук и изображение были четкие: они недавно приобрели через третьи руки дефицитную спутниковую антенну, установили ее на крыше конторы, и у Михайлова программа принималась просто на кусочек кабеля. А раньше и со сложнейшей конструкции антенной, высотой тридцать метров, по экрану одни силуэты двигались; звук, правда, был сносный. Изображение-то ничего, да смотреть нечего!

Бегло пролистал толстенные центральные газеты: везде речь генсека! И местные газеты полны им... Читать нечего!

Хлопнула сенная дверь, забухали в комнатную: младшая прорывается, дверь тяжелая, тугая, ей не по силам.

Разделась, одежду повесила на свою вешалку, валенки и варежки – на самодельную, из труб, батарею парового отопления. Потрогала – холодная. Но уже конденсат в них журчит, скоро такая стрельба начнется – как в кино о войне! Городские гости пугаются. А ей – хоть бы хны! Увидела кошку, занялась ею. «Папа, поддержи Пухиню! Кофту на себя не дает надеть! Вязала ей, вязала, дурехе...» «Мастерица» зовет ее отец, а еще – «хантейка», потому что строганину любит. Старшая сестра брезгует, а эта – только давай!

Только собрался идти на «мероприятие» – жена с хозяйственной сумкой: «Куда это намыливаешься?»

Объяснил. Рассердилась Тамара Ивановна!

– Увидела – домой идешь, думаю – в кои-то веки, как люди, вместе поужинаем. Вечно у тебя эти «мероприятия»! Хочешь по-хорошему, а все на вын-тараты получается! Смотри, не заплачу раз-другой за эти посиделки, не будешь ходить.

Иней на ресницах оттаял, глаза зеленые с мороза, с темноты почти черными кажутся, искры мечут... Как распалится Тамара Ивановна, лучше не перечь!

– Не стыдно? Прошлый месяц меньше жены получил: премии тебя лишили за невыполнение задания по заготовке сена и вылову рыбы для подшефного хозяйства! Смех на палочке: геологи должны для хантов рыбу ловить! А то у них звероферма вымрет! Главного инженера лишили производственной премии не за аварию или – тьфу-тьфу! – за несчастный случай, а за сено!.. А знамя переходящее? Тебе премии дали сто рублей, а за банкет по этому случаю я заплатила чуть не триста!

Деньгами в семье ведала, как и у большинства мужчин в экспедиции, жена: доверенность на получение зарплаты лежала в бухгалтерии. Не подотчетными были только командировочные деньги да вознаграждения за рационализацию.

– Ну лишили-лишили! Меня ж не как главного инженера лишили, а как исполнявшего обязанности начальника. И то обещали восстановить: начальник справку новую в ГОХе взял – что выполнили... – выждав момент, вклинился в разговор Михайлов.

«Мероприятие» уже перевалило официальную часть и превратилось в дружескую попойку: пили без тостов! Общий разговор раздробился на очаговые. Все говорили о разном, но, по сути, об одном: о работе! О разных ее составляющих.

«Греческий» зал сделали недавно, размещался он на служебной половине столовой, рядом с кабинетом заведующей, в бывшей кладовке, и вмещал полтора десятка человек.

Начальник подозвал Михайлова к своему краю стола, – они сидели с Макаровым рядом, разгоряченно-жаркие, пышущие здоровьем, – и скомандовал инициатору мероприятия: «Леха! Виноват, Алексей Антоныч! Инженеру – штрафную!»

А когда Михайлов выпил штрафную и дожевал ломтик лимона вместе с цедрой, Шлык продолжил: «Ты, Инженер, слухай сюда. Надо будет нам с тобой Вовку, – он полуобнял Макарова, – раскрутить! А что? Чем не маяк? Самое главное – молодой и положительный по всем статьям! Передовик производства! Учится! Кандидат в члены партии! И – буровицкая жилка! Слухай, что он предлагает. Надо собрать ему еще одну вахту. Он забуривает «нулевку», оставляет там Долгачева, а сам с двумя вахтами будет заканчивать 101-ю! Как ты на это смотришь? По-моему, правильно хлопец тямает!»

Михайлов не возражал, сказал, что у всех известных ему «маяков» и шесть вахт в бригаде – обычное дело, а у самых ярких – восемь!

– Делегатом на отраслевую профконференцию выберем! Раскрутим!

«Мероприятие» не обошлось без песняка, но разборок не было.

12. Возвращение на 101-ю

Влип так влип! Лазаренко беззвучно чертыхнулся: ёкэ-лэмэнэ! Он уже третий день без дела сидел на 101-й Кыл-Еганской буровой. Все были при деле: расчищали буровую от снежных заносов, навешивали ключи, разогревали трансмиссии, доливали масло, приводили в порядок дизеля, собирали насосы, слесаря переделывали топку котла под дрова, механизаторы готовили трактора, заканчивая ремонт...

Макаров в культбудке почти не появлялся. Борис Михайлович топил печку, ходил в котлопункт и чертыхался на связи:

– Опять погоды нету? А у нас тут – солнышко! Вызывайте комэска на базировку – у него минимальные допуски! – давал совет.

– Командира летного отряда пошлем за вами, не беспокойтесь, Борис Михайлович! – ерничал в ответ «маршал авиации». – В этом году или раньше, вывезем! Вы сводочку передайте: что по буровой делается? Котел затопили, нет? Как ремонт бульдозера?

Он передавал сводку и, чтобы развеяться, шел к котельной, где бензопильщик Нощенко пластал сушины на длинноватые, чуть не с метр чурки. «Аршинные», вспомнил подходящую меру Лазаренко. Раньше дрова так и шли: аршин дров. Кубический аршин! Сажень!..

Борис Михайлович выбирал ровные чурки и с удовольствием колот их пополам: серебристо-серые снаружи чурки имели приятную, цвета сливочного масла и чуть погуще, смолистую сердцевину, с напоминающим что-то знакомое запахом.

– Да не майся, Михалыч! – отговаривал его Микола-бензопильщик, давая отдых «Дружбе». – Они – как порох, и так сгорают: жарче будут, неколоты-т...

Они прилетели вместе, в одном вертолете. Микола был с большого бодуна и только сегодня по-настоящему стал отходить в работе, да, видно, не совсем: вытирая кирпично-красное угрястое лицо с добрыми голубенькими глазами в длинных рыжеватых ресницах, вздохнул мечтательно: «Е-эх! Красенького бы чаплыжку принять!»

Последние слова Миколы породили у Бориса Михайловича интересную мысль. У Макарова должна быть «синеглазка» – спирт, до синевы подкрашенный чернилами для авторучек, – чтоб его, не дай бог, не употребляли не по назначению! Тем не менее его, по случаю, употребляли все за милую душу. Индикатор веса они не заливали еще? Нет, не должны, рассуждал Лазаренко, перед спуском колонны собирались менять талевый канат. Но еще не меняли. Еще, значит, не заправляли...

Борис Михайлович даже не доколот отложенные чурки и пошел в культбудку – стал шариться в широком, затертом спецовками, ларе в прихожей, где обычно мастера держат под амбарным замком дефицитную мелочовку... Ларь был открыт.

– Ах ты, моя синеглазочка! – Борис Михайлович с приподнятым настроением огладил бутылку с прозрачной голубоватой жидкостью. Плеснул в кружку чистого спирта, выдохнул глубоко, выпил спирт и, не переводя дыхания, отхлебнул холодного чая.

Хорошо пошло! Может, для этого и прилетел – чтобы выпить «синеглазки» и закусить холодным пирожком с печенкой? А вовсе не для того, чтобы на вездеходе ГАЗ-71 промять дорогу по осенней просеке! Совсем оборзели! Мастер-дорожник на сессию поехал: очередной заочник! Топографа «бульдозер» брать не хочет:

фонд зарплаты экономит! Зачем? Лазаренко сделает! И дороги проложит, и «точки» отобьет, и ...

Что делает! Что делает, гад!

Широко расставив ноги в ватных штанах и валенках, стоял на гусенице бульдозера Костя Семин, упоенно возился в недрах дизеля. Проходивший мимо него старший дизелист Сашка Колчанов, по прозвищу Хант, бросил горящую сигарету в прореху промасленной мотни бульдозериста, и оттуда потянулся вверх извивистый голубой дымок...

Наспех одевшись, Лазаренко погрозил Сашке:

– Ну и дурацкие у вас, буровиков, шутки! А если тебе? – и окликнул Семину:

– Костя! Горишь!

Семин выпрямился и – матюкаясь, завопил. Спрыгнув в снег, стал тушить очаг возгорания...

Хлопот с разогревом и запуском стылой буровой оказалось по горло. Макаров крутился как белка в колесе, старался на кого «Полкана» спустить, кого шуткой подбодрить, а кого и «попинать» – слесарей по котлам, например. Пар, как воздух, был нужен! Хотя устье скважины заливали дизтопливом и превентор закрывали, оно оказалось замороженным. В напорных емкостях откуда-то появился раствор с песком – отпаривать надо, ломami не очень долбится... Пар нужен, пар!

Наконец пар пошел, но не веселый – кольцами голубыми игривыми, так что шланги играют, а хиленький... белесый... Как на подогреве...

Так и есть! Два «очка», атмосферы то есть! На пробу, говорит кочегар. Сейчас, мол, поднимем давление. Стал Макаров помогать. Нет, дрова – не нефть! Огня, пылу – много, а жару недостает: выше шести «очков» трудно держать... Но и шесть – ничего! Жилой поселок придется отключить, пар – только на буровую.

Крутится Макаров, крутится, и две вахты его – тоже крутятся без устали. И смежники – тоже крутятся! Нощенко громадную поленницу отборных дров напил, справку подписывать пришел: сорок кубометров! Проверил – где-то так. На сколько ж дней хватит? Надо – чтобы кочегары расход дров за сутки прикинули... Слесари котел наконец-то пустили. Семин ремонт бульдозера закончил... Тракторные сани сварщик подремонтировал... Канат к утру перетянем, устье отогреем и – можно идти на проработку... Нет, пока только до башмака кондуктора. В башмак спустимся и начнем промывку – раствор химией обработать, глинопорошком «подмолодить» и тогда уж только – проработку ствола начать – так по плану расконсервации буровой. А погоду дадут – с утра добросят ГАЗ-71... Гусянки обушь – минутное дело... И – пусть едут! Лазаренко – на вездеходе, следом – бульдозер с санями. Вообще-то, чистойшей воды перестраховка! Сделали же один рейс по осени – и ничего! Если б не пни да валежины...

Лазаренко дрыхнет без задних ног. Отсыпается Борис Михайлович впрок... Жарища... Выключил один из «козлов». Повесил над другим унты и, не раздеваясь, прилег на ларь и тут же уснул. А в 6 утра – опять на ногах! Натянул теплые унты, взглянул в зеркальце, пощупал мягко шуршащую, с золотистым искрением, щетину: бриться не бриться? Вспомнил жену: больно уж нравится ей тереть ладошкой по такой щетине. Ой, говорит, у тебя ж борода будет рыжая, если отпустишь! Как интересно! Волосы у тебя русые, брови и ресницы – черные, а борода – рыжая! Ну-ка, а там... дай посмотрю! Бесстыдница...

Бриться не стал, ополоснулся, почистил зубы и – на улицу. Темень еще! Звезды лохматые, качающиеся – вот-вот сорвутся и полетят на землю... Поземка... Светает уже: день, поди, часа на два с лишком прибыл.

Дизеля ровно гудят... В буровой резкие, кузнечные, звуки: бьют кувалдой. Клинья закусило? Пошел выяснить... Так и есть.

После завтрака вышел на связь.

Обрадовали: погода пока есть... Первым рейсом – люди, заказы... Второй борт, после короткого рейса, довезет до буровой вездеход ГАЗ-71, и водитель подлетит.

Дизеля неровно зарокотали: вахта стала собирать роторную компановку – для проработки ствола скважины.

«Погоду бы не закрыли», – помечтал Макаров и пошел «крутиться».

Еще не полностью развиднелось. Но серо-голубая вышка четко, современным тотемным знаком этой северной земли, отпечаталась на фоне тайги и зеленовато-золотистого неба. Буровая приглушенно погромыхивала и сдержанно дымилась, словно ракета, готовая умчаться... Но назначение ее – иное, ее устремление – в глубь земли.

Могучий кедр в снежных нависях и маленький кедренок, спрятавшийся в его корнях, стремились в небо, ввинчивая корневые отростки в землю. Вода, которая истекала из ключей, отпотевших торфяных болот и вспучившихся живунов, искала стока в океан, устремляясь во все стороны... И все эти устремления были понятны. И только устремления находившихся здесь людей не всегда были понятны им самим...

13. Роковой день

Несколько дней была нелетная погода. Зимники на болотистых чистинах переметало, езда была трудной.

Михайлов после ночной дороги сонный, недовольный, с непонятной внутренней тревогой, какой-то потусторонний, вернулся на базу под утро и сразу на рацию: озяб-

ший, пахнувший соляжкой: если все нормально, то домой – дремануть часок...

Было еще темно, но поселок оживал. Почти во всех домах тускло светились войлочно-заиндевевшие окна... Топились печи, и к хорошей погоде столбились дымы. Побреживали собаки. В гараже и на вертолетке прокашливались от дымного перегарного опохмелья стальные моторы... В сумерках начинался зимний экспедиционный день.

В свеживымытом коридоре пахло школой. Эх, милые вы наши технички, спасибо вам за это ощущение!

Еще бы и школьные заботы!

С такой мыслью и вошел Михайлов на рацию.

Там уже собрались «маршал авиации», начальник ПТО, «механик», зам по ТБ и еще несколько человек. Часть «номеров» уже были на связи. Михайлов переговорил с оставшимися. 101-ю обрадовал: прогноз дали хороший! Вездеход сегодня доведут. Лазаренко после проминки дороги к барже с обсадкой пусть отобьет еще одну «точку» – 102-й номер, его сместили, координаты сегодня-завтра будут. Вот, начальник геологического отдела говорит, что уже есть. Сейчас он передаст...

Михайлов собрался идти домой, начальник позвонил. Я, говорит, утром вылетаю рейсовым самолетом в командировку – вызывают в главк срочно, утреннюю планерку проводи сам – сегодня понедельник!

Посмотрел на часы: переодеться, умыться с дороги успеваает.

Еще с улицы услышал, как его собаки требовательно гавкают перед кухонным окном: приучил кормить в начале седьмого, а сейчас без четверти! Непорядок, хозяин! Заслышав скрип калитки, побежали встречать: к земле припадают, хвостами крутят, чуть слышно поскуливают... Пришлось покормить, потом собой заняться – тихонько, чтобы не потревожить сладкий утренний сон своих женщин...

После планерки навалилась текучка.

Михайлов с начальниками ПТО и планового отдела рассматривал исходные данные для новых техпроектов и смет, когда к нему заглянул Шлык – попрощаться.

В новой ондатровой шапке, в меховом пальто с ослепительно белой цигейкой, при галстуке, в хорошем костюме и начищенных зимних ботинках выглядел он великолепно!

– Вот кого надо было в «Сибириаде» снимать! В качестве главного героя! – не удержался, подпустил «леща» начальнику плановик.

Шлык, попрощавшись, ушел, а они еще битый час занимались сухой цифирью – чтобы лишнего не заложить, но и свое не упустить.

Потом принесли на утверждение план работ на крепление 101-й скважины Кыл-Еганской площади и расчеты обсадной колонны и цементирования. Уточнив кое-какие детали, утвердил, сказал, чтоб все ответственные завизировали: некоторых подписей нет.

Бухгалтерия – со счетами по детсаду для банка...

Отдел труда и зарплаты – с материалами на смотр-конкурс главка по НОТ... НОТ! Куда уж до научной организации труда! Хоть бы нормальной добиться...

Отдел главного механика – с актами на списание...

Обычная рутина.

В час прозвенел звонок на обед. Дописал радиogramму в геологоуправление – требовали срочно ответить, сам отнес на узел связи – секретаря Вали уже не было. На обратном пути окликнула Наташа, оператор рации по связи с буровыми (узел связи, или большая рация, связывала экспедицию с лётным отрядом и главком):

– Егор Васильевич! Вас 101-я срочно вызывает. Лазаренко.

Взглянул автоматически на часы: тринадцать минут второго... Ни туда ни сюда! Что он, не знает –

когда сеансы связи? Перерыв ведь! Неужели что случилось?..

– Блесна-101! Блесна-101! Михайлов на связи, прием!

Отпустил клапан трубки, прижал ее плотнее к уху.

– База-база! Блесна-101, как слышите, прием!

– Нормально слышу, Борис Михайлович, передавай!

Что там у вас?

– Срочно вертолет с П-Потаповной! У нас – ЧП! Пусть прихватит спирта для растирания, укольчиков... Она знает, что нужно при сильном переохлаждении.

– Говори толком – что за ЧП? Обморозился, что ли, кто?

– Х-хуже! Бульдозер провалился под лед... Кабина была закрыта, Семин и Нощенко нахватались воды, переохладились, пока их откачивали и везли до буровой...

– Макаров где?

– Переодевается... Он-то их и вытащил... разбил стекло переднее в кабине и вытащил. Сам тоже воды нахватался и промерз. Давайте вертолет скорее!

– К вам сейчас должен подойти вертолет с вездеходом: грузитесь на него. Скоро вернется с буровых второй борт, его с Потаповной направим навстречу. Она пересядет в ваш вертолет, определится: везти их домой или в больницу. Если что, борта свяжутся со скорой санавиации. Будь на связи постоянно!

Послал Наташу за Нелли Потаповной, позвонил на вертолетку – чтоб экипаж предупредили о срочном задании, как только подлетят...

Только собрался осмыслить происшествие, пришел Игорь Корень с покаянным видом.

– Егор Васильевич! Макаров ни в чем не виноват! Это – полностью моя вина! Без четверти десять, помните, я заглядывал к вам, когда вы исходными данными занимались, Макаров на связь вышел. Что, говорит, делать? Все готово – бульдозер с санями... Одни говорят: ехать! Другие: ждать!

– Кто ему сказал – ехать?

Корень, явно смутившись, продолжил покаянно:

– Я сказал! Места ж те знаю! Сказал, чтоб сделал инструктаж. Чтоб дверцы сам привязал. Или снял на всякий случай. И – вперед!..

– Ладно! Позже разберемся. Давай, поезжай с Потаповной. Там сориентируетесь. Если что, летите к нефтяникам в Северный, туда гораздо ближе, чем в Пургай. Надо посмотреть протоколы экзаменов по ТБ: аттестованы они или нет? У тебя копии их есть или только в цехах? Ведь групповой случай: в главк, в прокуратуру надо сообщать все данные и обстоятельства... В течение суток.

И, вспомнив, добавил:

– По пути зайти к Нощенко, может, жена с вами пожелает полететь. Хоть они и скандально живут, да ведь... сам знаешь: муж да жена – одна сатана...

Оставшись один, Михайлов прошел к себе в кабинет, сел за стол и тупо уставился в его темно-коричневую дерматиновую столешницу, покрытую толстым стеклом... Взгляд его упал на календарь... И его на какое-то время сковал мистический детский ужас!

...Год – високосный.

...День недели – понедельник.

...Число – тринадцатое.

... Тринадцать часов дня!

И даже минуты вспомнил: когда пришел на рацию, на его подарочных часах, в прямоугольнике для минут выскочила цифра тринадцать!

Полный комплект!

(И глава эта, когда автор выстроил главки своего повествования, оказалась тоже тринадцатой! Читатель может не поверить, дело его! Но – все так и совпало. Это не значит, что трагедии нельзя было избежать, – можно было элементарно, если бы не другие совпадения...)

14. Кто дал команду?

Когда вертолет с Потаповной и Корнем улетел, Михайлов снова вышел на связь со 101-м номером.

Лазаренко сказал, что Макаров с пострадавшими вылетел. Что он остается: отобьет новую «точку», а дорогу если и промнет, то на обратном пути.

– Надо обстановку несчастного случая сохранить! – объяснил свое решение. – Если чо, т-такая комиссия понаедет!

Что-что, а правила Борис Михайлович знал!

– Все-таки, Борис Михайлович, почему ты их не остановил? Или с ними не поехал?

– Егор Васильевич! Егор Васильевич! Я-то при чем? Я-то – при чем? У всех своя голова на плечах! Я Макарову сказал, что буду ждать вездеход, на бульдозере не поеду. Я и Семину говорил: днем раньше, днем позже... Ноценку отговаривал... Им шлея под хвост попала: «Надо! Начальник, будто, команду дал...»

– Не мог начальник дать команду: он с утра улетел!

– Я-то при чем? Мне он ничего не говорил. Мне координаты новой точки передали, я ее выдам в натуре. Это – моя работа. А дороги, завоз – это дело зама, дело начальника...

Уже вечером, в сумерках, на бреющем вернулся один вертолет: видимо, саннорму вылетал и уже дал посадку...

– Второй борт остался на ночевку в Северном. Семин еще в полете отдал душу Господу, Ноценко пока жив. С ним Потаповна на «скорой» уехала в больницу. Завтра с тем бортом и вернется.

Корень был угнетен, но спокоен, и только играющие желваки выдавали его напряжение.

У Макарова был такой потерянный и уставший вид, что его Михайлов не стал и слушать – отправил домой.

– Сходи попарься как следует, прими сто пятьдесят! А часов в десять мы зайдем с Игорем... Тогда расскажешь.

Умел все же Лазаренко кратко выразиться: к его рассказу о ЧП Корень, со слов Макарова добавил только детали, хотя и существенные.

...Бульдозер странно замер посреди занесенной снегом широкой ложбины, которая с осени, до первого снега была сухой; эта ложбина выше буровой одним своим оттожем соединялась с поймой ручья. Оттуда брали воду всю осень и начало зимы – до консервации скважины. И сейчас оттуда же черпали – особого изменения уровня не заметили.

День был типично февральский: с забористым, до слез, ветерком, ослепительно синим небом, с ультрамариновым оттенком в четких тенях и пригревным солнышком...

Приблизительно минут через сорок после проводов бульдозера в путь Шурик, уже не «помазок» а дизелист четвертого разряда, вновь не удержался – забрался на кронблок... Сейчас – можно! Никакой аварии... Главинжа нету. Полюбуюсь! Чем Шурика влекла высота? Он и не задумывался! Объяснить свою тягу он не мог: то ли потому, что на этой верхотуре небо становилось многократно увышенным, а окоем – раздавшимся чуть не до Тихого океана, то ли наркотически пьянила его играющая от нагрузок или порывов ветра ритмическая гибкость вышки?.. Но и он, привязанный профессией к своим дизелям, при любой возможности, поднимался на крон-блок – голову вышки... Нравилось, когда – совсем близко! – бежали сдобные, невысокие облака... И относительность движения – как на привокзальных путях – то ли наш вагон движется, то ли встречный...

А припустишь взгляд с окоема пониже – голубая тайга! А еще ниже – пятнами, целыми простынями – заснеженные чистины... Белый снег!

И когда взгляд Шурика опустился до согры, прилегающей почти к «кольцевой дороге», даже в снежном за-

носе угадываемой, по которой Корень когда-то отработывал движение разнокалиберной техники в «нитяной» связке, он недоуменно замер.

Что это такое? Будто кто-то, сложивший пальцы в виде буквы «V», означающей победу, провалился куда-то, оставив над белым (ослепительно белым! – белизну его подчеркивали неширокие синие тени) только эти пальцы, сообщающие о победе...

Через мгновение Шурик понял, что это бульдозер и сани сложились в букву «V»...

И он почти скатился сначала по туннельной, затем по маршевой лестнице вниз...

Макаров забежал в культбудку, пошарился в ларе, махнув рукой, сказал Лазаренко:

– Тут где-то «синеглазка», пришли со спальниками туда! Счас трактор заведут!

– Куда?

– Туда! – махнул рукой на юг и, зажав под мышкой лыжи, побежал.

– «Кви про кво»! – заключил свой рассказ Игорь. – «Сплошная путаница»! Лазаренко, пока там бичевал, выпил «синеглазку»! Был бы спирт, может, и обошлось бы: растерли, внутрь дали... Володька говорит: «Мы-кола так просил «чего-нибудь покрепче», когда их чаем поили. Соображал же еще! Мы-то когда с Потаповной к ним пересели, его уже невозможный колотун бил. А Семин...

В квартире Квача Михайлов бывал не раз, шел уверенно. Едва они вошли в подъезд двухэтажного дома и стали подниматься, Корень остановил его за рукав: «Может, завтра?..»

Михайлов и сам с удовольствием бы ушел домой, к семье, да кто за них сообщение подготовит о ЧП: один покойник уже есть... А что принесет завтра?..

Квартирные звонки в поселке были не приняты. Они

постучали и, услышав «да-да!», вошли (запираться тогда еще не было в обычае, даже уходя на работу, достаточно было наложить шлерку на пробой и зафиксировать ее свернутой бумажкой, чтобы быть уверенным, что квартира не оставлена без призора).

Хозяева чаевничали...

Макаров, после бани, был в темно-синем шерстяном трико и теплой китайской рубашке, супруга – в ярком, цветастом халате; волосы были у обоих не просохшие.

За стол пригласили без подобострастия: даже сухова-то. Налили за помин души Семина. Молча выпили. О ЧП поговорили в общем. Выяснилось, что Нина знала много больше, чем гости незваные...

С ее слов, пока шла планерка, в конце ее, Шлык зашел на рацию с буровыми и вызвал Макарова. Узнав, что бульдозер на ходу, сказал: «Так какого ж вы... ждете? Дорогу осенью проложили? Проложили! Какая еще проминка трактору... бульдозеру! – нужна? Цепляйте сани и – вперед!»

Макаров цыкнул на нее:

– Не знаешь, не трепли языком! Я говорю: нет! Мне – не веришь, а «одна баба сказала» – веришь! Нинка!..

– Что – «Ни-нка»? Радистка с большой рации, Вика, все слыхала! И муж технички видел, что он разговаривал в это время один на рации и кричал: чего, мол, у моря ждать погоды? Раз готовы, выходите! Вот вы и вышли! Чо темнить-то?

В серых глазах Макарова, притененных длинными ресницами, вспыхивали и гасли искорки, быстро менялось выражение лица...

Нина, обиженно крутанув длинными полами халата, ушла с кухни в спальню и, по скрипу пружин можно было понять, бросилась на кровать... Плача, однако, слышно не было.

Михайлов разлил остатки водки, выпил, занюхав кусочком хлеба, отложил его в сторону: аккуратно, бережно...

– Я вас, ребята, понимаю. «Взять на себя... грехи пахана!» Не об этом ли мечтает подростковая малолетка? Вас в этом трудно заподозрить! Были бы еще, как полгода назад, холостяки – заподозрил бы в гусарстве. Но сейчас-то вы – семейные люди! Между нами, я допускаю, что все было так... как обрисовала Нина. Но, повторяю, дело ваше! Лично меня Шлык уже дважды подставлял. Сейчас я хочу получить только свою сережку при раздаче серег. То есть только за «недостаточный контроль за эксплуатацией транспорта в зимний период», который осенью я великодушно возложил на себя! А ведь, если помните, Акопов тогда меня предупреждал! Предупреждал...

И Макаров, и Корень слушали его, зажав пузатенькие рюмашки в крабистых руках и опустив головы...

«А, впрочем, слышали ли?» – подумал Михайлов.

– Ну вот что, Игорь! – сказал, как выдохнул, Михайлов. – Разберитесь тут сами. Утром обе объяснительные должны быть у меня на столе. Причем такие, чтобы потом ни для комиссии по расследованию, ни для следователя прокуратуры не пришлось переписывать, а достаточно было копий.

15. Блуждающий исток правосудия

На следующий день, 14 февраля, Потаповна прилетела из Северного с бренными останками двух работников экспедиции.

Нефтеразведка сама по себе – опасное производство. И об этом говорят надмогильные визитки: на нефтеразведочных кладбищах погребены или грудные дети, или мужчины, реже женщины – когда бы им жить да жить: в самом репродуктивном возрасте погибли люди на производстве или на рыбалке: Еган – коварная река...

Вроде и должны бы люди привыкнуть к тому, что кто-то из соседей нет-нет да уходит в мир иной, так нет: каждый раз – как бы впервые!..

Похоронили Нощенко в поселке, запаляли в цинк и отправили жене на юг Семина, а нет-нет да и напомним они о себе...

Одна комиссия расследовала... Вторая следом... За ними – следователь прокуратуры... Один раз, второй... Десятки людей опросил. В том числе и радистку, и мужа технички... И Михайлова как свидетеля опрашивали, письменные показания брали, копию злополучного приказа к делу приобщили... И Лазаренко что-то писал... Даже копии заданий на полеты – что действительно в полетных заданиях стоял еще задолго до «группового случая» завоз вездехода... «Это под меня копают!» – понимал Михайлов. Напрямую пытал начальника: «Чего им надо? Если, по мне, по совести рыть, то надо рыть под тебя, а тебя – даже не опрашивали! Как будто тебя в экспедиции – тью-тью! Нету!» Тот обезоруживающе нахально хохотал: «Так меня ж и вправду не було тоди. Я хлопцам этим так и казав! Я им казав: тем не менее за все, что произошло в экспедиции, несу ответственность. Морально, уголовно, материально! Они и не пристають больше. Та не журись: все на тормозах сойдет! При всем прочем – кто просил Мыколу и Костю ехать с закрытыми дверцами? Никто! Наоборот, Володька говорил, что он двери шпагатом закрепил... Открыл и закрепил! Ежу ж ясно: на чистине сифонит вообще, а в феврале, при тридцати мороза, бр-р! Они и забыли все инструктажи и советы. Будь я на их месте, ты, да хоть следователь! – все бы мы поступили, как они: закрылись бы первым делом и – на «пятушка»! Кстати, они, если б на «пятушке» жали, наверняка бы не ухнули в этот живун. Ты в курсе? Трактор когда достали – рычаг в нейтральном положении был! Семин, видно, хотел переключиться, что-то заело, тормознулся и... не до

переключения стало! Судья – наш депутат, я с ним уже толковал: ну, Вовка, може, год условного получит – а это пустяшное дело: не прилипает!»

Тем не менее в мае Корня вызвали повесткой в Пургай и продержали пять дней в КПЗ. В экспедицию он вернулся совсем смурной, неразговорчивый, на предложение Михайлова обжаловать эти действия следователя: «...! ...! Нашли преступника! Помнишь, когда Мухамадеева зарезали – за преступником! за убийцем ...! – чуть не месяц не могли приехать. Ты же сопровождал его? Сами привезли в Пургай и сдать не могли! А тут ...! Что они хоть говорили? Чем обосновывали?»

– Егор Васильич! Свиньи не достойны бисера. Но! «Дура лэкс, сэд лэкс!» Я когда им это сказал, они озверели! Хорошо пришел какой-то чин. В чем дело, спрашивает. Вот, говорят, непотребными словами нас обложил. И какими же, спрашивает. Я повторил. Не «дуры» вы, говорит, а – дураки! Это он по-латыни сказал: «Закон суров, но это закон!» Так что я там после этого – как на курорте был!

А о подробностях рассказывать не стал.

В июне был суд.

Владимиру Макарову, учитывая характеристики, дали два года условно, с отлучением от руководства опасными работами.

Игорю Корню, учитывая характеристики, дали год условно, с отлучением от руководства опасными работами.

В отношении Михайлова вынесли частное определение, в котором указывалось на недостаточный контроль за исполнением приказов.

В Пургае у Еганской экспедиции был толкач, дизельный «Урал» и вахтовая машина. Во время суда вахтовка стояла во дворе. Появившихся свидетелей и осужденных встречал Шлык, веселый, загоревший уже, в голубой шелковой тенниске. Дверь вахтовки была распахнута, виднелся в салоне раскладной стол, уставленный бутыл-

ками пива, с изумрудно-зеленым луком, кинзой, огурцами и рдяными помидорами.

– Просимо к столу, хлопци! За одного битого двух небитых дают!

И случилось чудо!

Задерганные, уставшие люди вдруг будто впервые увидели, что вокруг – весна! И преобразились! Стряхнули с себя усталость.

Буйная северная весна в самом разгаре!

И кроме объяснительных, инструкций, приказов, буровых, проминки дорог, забурок, спусков обсадных колонн есть просто синее небо, прохладная тень, шелест листьев, огурчики-помидорчики, кинза, чебаки и бутылочное пиво к ним!

Терпкое, клейкое, пенистое, игристое, само льющееся в деренчащее горло, превращающее жесткий и шершавый, как суконная стелька, язык в нечто бархатное, атласное, шелковистое...

Шлык стоял на нижней ступеньке и наслаждался картиной всеобщего умиротворения: приятно все же доставлять людям простую человеческую радость! В его позе, в его широкой радушной улыбке было что-то от его деда, угощавшего в Воскресение Христово, в престольный праздник или в Рождество всех своих работников и соседей...

Кушайте, пейте, да дело разумейте!

Сейчас, верно, и на 101-й хорошо, думал Михайлов. Сбросил дурные, губительные воды блуждающий ручеек и журчит, поди, себе по зеленоватой, полоскающей свои волосы, травке, по коричневому бархатистому торфянику, прыгает по камешкам, по галечкам – говорливо с разбегу, через колдобины да валежины – накатом, тихой сапою...

И девять дней прошло, и сороковины прошли... За счет разведкома, за счет экспедиции отметили отход души от тела, а потом и от людей – трагически погибших наших

работников... Пусть не самых лучших, но тех, кого мы знали, с кем общались... Как мы их мало знали! И – общались ли? Грехи... Не искупили ли они свои грехи своею мученической кончиной? Есть ли она, пусть духовная, душевная, энергетическая, но – продолжающая нашу телесную – грешную! – жизнь в ином виде, но – жизнь? Или вся наша жизнь – в широком понимании – нечто дискретное – черточками по зеленому: был, исчез... появился, но – иной! Здесь – там... Хорошая, плохая ли? И, Михайлов, не суди, да не судим будешь!

1989 г., Тюмень

2001 г., Мегион

ПРЯМОЙ ПОЕЗД АЭРОФЛОТА

РАССКАЗЫ
РАЗНЫХ ЛЕТ

Гурманы

– Посмотрите, какая тонкая работа! – хозяйка высыпала из лакированной шкатулки серебряные украшения. – Древний Восток!

Она недавно вернулась из поездки по Вьетнаму: сопровождала группу, полна впечатлений; рассказывая, перескакивает с пятого на десятое.

– В Сайгоне... сейчас Хошимин, – почти как в Сухуми: курорт! Американцы после боев развлекались...

– Бордели оставили?.. Или в Штаты забрали? – брезгливо спросил хозяин.

– И ты туда же: наши мужички то-ожа интересовались... Смотри у меня! – хозяйка игриво погрозила мужу, сверкнув аспидно-черными глазами.

– А им что – своих не хватало?.. Или наши на иностранцев кинулись, на валюту?.. – у хозяина голос сорвался от злости. Он до сих пор не простил жене: соблазнилась дармовой путевкой (врач группы!), уехала против его воли одна – впервые за все годы супружества.

Хозяйка хладнокровно проигнорировала его замечание.

– Да... Серебра там... – она разровняла горку перстеньков, запонок, брошек, сережек. – Серебра полно. Но... тоже блат нужен. Это все – благодаря протезе одной дамы из консульства. А вообще... – она вздохнула, – вообще – люди там плохо живут. Очень! Мы – по сравнению с ними – буржуи. Буржу-и-ны! Я вот вроде не очень... – она гибко прогнувшись, плавным движением руки обрисовала

себя. – А остальные бабоньки были... в ха-рошем теле! Мужички – те вообще! И ростом и дородством: рядом с вьетнамцами Гулливеры! Вьетнамцы-то – не то чтобы стройные или худенькие – худющие!.. Чуть не дистрофики!.. Видели бы вы, – продолжала она, – как они глазели на нас! Те, что посмелее, руками щупали. Да-да! Не пойдем: чего они щипаются?.. Уж не того ли? – она крутнула пальцем у пушистого виска. – Некоторые трухнули. Спасибо, гид успокоила: проверяют, нет ли у нас под одеждой чего – подушки или ваты. Не-ет, убедились: телеса! Смеются, головой качают. А нам – стыдно.

– Кормили-то вас – как?..

– О-о! Кормежка прекрасная! В ресторанах. На любой вкус. В поездах – сухой паек. Вина, пиво, минералка. Кстати, местную воду запрещено употреблять. Даже при чистке зубов. Да, что характерно, – гида или водителя приглашаем с нами перекусить – отказ! «Спасибо, мы не голодны». А у самих на весь день – по стакашку отварного риса. Представляете? Бумажный стаканчик. Отойдут в сторонку, поклюют из него и: «Мы сыты, спасибо...» Сторонятся нас, явно...

– Выходит, натуральный голод? – предположил гость.

– Голод не голод, но бедность крайняя. На американцах они все же валюту зарабатывали. А с нас – что взять? В магазинах, на рынке много интересных вещей, купил бы – да цены кусаются.

– Да уж известно: беднее русского туриста нет никого...

– Простой вьетнамец тоже не разбежится. На всю зарплату – месячную! – может купить два-три кэгэ мяса. После этого наши кооперативные цены божескими кажутся.

– На одном рисе перебиваются?

– Если бы! Рис тоже дорогой. Фрукты – бананы, ананасы – тоже. Покупают овощи, зелень, рыбу... ракушки какие-то, водоросли...

– А черви, змеи?.. Что, не едят уже? – в тон ей заметил успокоившийся хозяин.

– О-о! Самое главное-то чуть не забыла! – она аж всплеснула гибкими руками. – Спасибо, что подсказал. Нас ведь возили в особый ресторанчик – для гурманов! Гвоздь программы – блюдо из живой змеи! Да-да! Из самой натуральной живой змеи. Там есть что-то вроде террариума. Заказывай: на твоих глазах достают и разделявают.

...Наша бригада бурила в несусветной глухомани. Люди в бригаде степенные, уважительные. Работают сноровисто, без суеты. На ходу или во время работы не курят. Вот и в тот раз бурильщик Гордеич подал сигнал к перекуру. Он сел на верхонки, вытянув ноги в сапогах «сорок последнего размера», и достал тисненый портсигар...

Был конец сентября. Длинное бабье лето заканчивалось.

Жили мы трудно, но надежды на светлое будущее грели нас. И мы радовались жизни в каждом ее проявлении.

Я с удовольствием присел рядом с Гордеичем. Выглянуло солнышко. Оно уже не припекало, но его ласковое прикосновение ощущалось, и не столько кожей, сколько памятью о нем, душой... Солнце! Как любили мы в детстве жариться под его лучами до мурашек по коже. Зароешься в песок на берегу Зилима и млеешь под ним, разжижаешься до студня, и улетучивается из тебя остатняя хвороба. Благостно летнее солнышко! Но и весеннее солнце желанно: животворящи его лучи! После голодной и лютой зимы сижу я на сеновале, зарылся в сено и греюсь на мартовском солнышке, заглянувшем в слуховое окно, впитываю его глазами, кожей, вдыхаю его вместе со сверкающими пылинками: пыльцой цветов, скошенных вместе с травой. И здоровье мое идет на поправку... Я бегаю в школу, пасу Пеструшку, познаю лес и речку, исполняю свой «оброк»: вместе с младшей сестренкой дергаю ненавистный осот, едкий молочай, таскаю воду от родничка, окучиваю картошку, поливаю огурцы и капусту... Радуюсь солнцу, ветру, воле! Проходит год. И еще один – с

засушливым летом и жестокой зимой. И снова сухая, без единого дождичка, весна и знойное с пустыми облаками лето. Выгоревшая рожь. Хилые стебли картошки-кормилицы. Каменная, в трещинах, земля. Похлебка из крапивы и лебеды. Приступы тошноты: тягучая, горькая слизь. После рвотных судорог, чуть живой, прислонишься к теплым бревнам и погружаешься в забытие. Раннее солнце «играет» в голубоватой дымке. Как на Пасху. Лучи его мягки, бархатны... Призрачно покачиваясь, по выгону движется цепочка людей. Над ними что-то золотисто-черное, похожее на флаг. Крестный ход... С протяжным песнопением люди просят дождя. Два старика несут икону. Ее оклад сияет – будто в руках у них золотистый калач. Я знаю, что есть такое слово, в школе проходили, – так же, как «атомная бомба», «гимн», «агрессор», но я не знаю его вкуса и запаха, калач для меня – один звук... Если будет дождь, то попу-батюшке дадут сала, яиц и масла... А меня рвет с черной, из лебеды и сушеных очисток, лепешки. Солнце греет с утра мягко, искренне, по-матерински: истома разливается по телу. А поднимется выше – будет палить нещадно. Мать пугает: «Вот сдохну, неслухи, сдадут вас в детдом – хлебнете горюшка! С мамкой-то горе – с полгоря! С голоду, може, не померете и с холоду не околеете, да пожалеть-то вас будет некому...» И в самом деле, утреннее солнышко, как мамка, жальливое: прогреет до самой середочки, до последней жилочки; приласкает так, что внутри оживет что-то теплое, пушистое... зашебуршит, затрепыхается крыльшками – будто жаворонок не жавороночек, а – может, душа это невидимая, бессмертная?..

Вдруг я почувствовал дискомфорт: будто солнце за тучу зашло. Открыв глаза, я увидел привставшего Сашку, второго бурильщика. И хотя он не застил мне солнце, а вот эта – на уровне шестого чувства – связь с ним пропала, и свет его, стойко державшегося в разводьях туч, казался по-зимнему отчужденным...

Сашка невысок, худощав, носит маленькую кепочку-восьмиклинку. Брюки, напуском, заправлены в хромовые сапоги, не в «кирзу». Прошное у него известное, но его ни разу не попрекнули еще. Сейчас он пристально рассматривал что-то в воде, с причмоком подсасывая слюну из-под фиксы.

– Ха! Подывуйтесь! Якась загогулина поперек Югана шпарит! – раздался удивленный голос. – Шо цэ таке?..

– Да это ж гадюка! – определил Сашка. – Точно? – Он отряхнул брюки и, прихватив стальной крючок, спустился к воде.

Едва аспидно-черная змея выползла на берег, он ловко, несколькими ударами, разрубил ее на части.

– Варнак! – истошно закричал кто-то с берега. – Может, уж это! Посмотри: нет ли у него золотого крестика на темечке? Охламон... Грех-то какой, ежли – уж...

Любопытные переворачивали окровавленные, извивающиеся части пресмыкающегося, рассматривали, брезгливо сплевывая и матерясь.

– Нема!.. Ни крестика, ни венчика...

– Ни звездочки, ни свастики – ничего нема!

– А ведь в Китае, говорят, их ядят...

– Тьфу!.. С голоду помирать буду – не коснись! Подумать – и то выворачивает! – поморщился Кеша, нежнокожий мосластый блондин.

– Сельпо! – презрительно усмехнулся Сашка, блеснув стальной коронкой. – Что ты в деликатесах понимал бы: привык хлеб с картошкой мять! Чтобы в этом разбираться, надо быть гур-ма-ном – понял? Гурмана хлебом не корми: дай ему что-нибудь такое эдакое! Со вкусом! Понял?

– Гурыман-басурман – мы таких слов не знаем! – обиделся Кеша. – Конево дело, мы, как некоторые, по расторантам не гашивали. Было дело, у ногайцев махан, конину то ись, едали... А чтоб гадюку? Упаси бог! Гад он и есть гад! Сам – неж схрабришься? Поди, тож погребуешь.

– Я-то? Запросто! Об заклад, конечно. Ставь поллитру – съем! – подзавел бурильщик тракториста. Сашка знал, что последнюю бутылку на участке выпили пару месяцев назад. Кеша был мужик простодырый, компанийский, посему заначки у него не могло образоваться, – вычислил Сашка. И просчитался: забыл про запасливую жену спорщика.

– Ах ты гурыман злосчастный, попал! – вскричал Кеша. – Мужики, будьте свидетелями! Бутылку выставлю счас. А он – пусть жрет! Жонка на лекарство берегла – ставлю на кон! А проиграт – яшшык ставит, чтоб на всех!

– Хорэ, хорэ, сельпо! – остановил его Сашка. – Тащи бутылку – за мной дело не станет: продегустирую! – и уже вдогонку сказал: – Масла и сковородку прихвати!

Кеша принес «заначку» и все просимое, кроме сковороды:

– Посуду еще поганить! Жестянкой обойдешься...

Со спорщиками остались секунданты, остальные занялись работой. Через некоторое время слышим свист: зовут поглазеть на змеееда. Сашка, гримасничая, снял с углей банку, в которой шкворчала, вкусно припахивая, натуральная поджарка...

Сашка насадил на деревянный шампур пару кусочков и подставил, улыбаясь, кружку:

– Наливай!..

– Ты закусывай, закусывай! На тошшак вредно пить... – придержал Кеша бутылку, надеясь на чудо: вдруг откажется? Знал он: всыпет ему Мария! – Налить успею, ты – пробуй сперва, гурыман твою...

«Змееед» причмокнул, сдернул железными зубами кусочки поджарки, студя их, шумно втянул в себя воздух и проглотил не жевавши... Блаженно улыбаясь, погладил себя по животу: «Деликатесь-с!.. С-само ползет...»

При последнем слове Кешу передернуло, он сунул в руку сопернику бутылку и отбежал в сторону...

«Гурыман» прервал свое действие и великодушно протянул ему кружку:

– Сельпо! На, выпей – полегчает!

– Да чтоб я?.. Из одной посуды?.. С тобой?.. Пил?.. – отплевываясь и вытирая покрасневшие глаза, возмутился Кеша. – Надо же! Епонский городской! Из-за бутылки водки!.. Ну, гурыман... А? Ешь малину! На такое решиться...

– Не ной, сельпо! Оставь темному прошлому свои предрассудки! Ты лучше представь: сидели бы мы с тобой за бутылкой... За четвертью! И угостил бы я тебя бефстрёганом... Дорогой Кирюха, сомневаюсь, что ты не рубанул бы его. Сшамал бы как миленький. Как ондатру тот раз. Плевались, а как вмазали – хвалили. Вкусно было?..

– Тогда – что... Мы ж не знали! А чтоб – нарошно? Самому? По доброй воле?.. Ни в жисть: душа не примат!

Вроде поохмили, забыть бы: ан нет! Сторонились с тех пор Сашки – как табачника кержаки. Рассказывали про него, как про нечистую силу, с оглядкой, вполголоса. Стоило какому-нибудь шутнику цыкнуть по-Сашкиному, причмокнуть, рассказчики и слушатели вздрагивали, замолкали на полуслове и чуть не крестились – а ведь полбригады у нас были тертые мужики, прошедшие огонь, воду и медные трубы, как сами говаривали в минуты откровения...

– Много вас, гурманов, набралось? – вернул меня в уютную гостиную своим вопросом восхищенный гость.

– О! Представьте: только один мужчина отказался, нервы, говорит, слабые...

– Денег, верно, пожалел. Кстати, все это – в стоимость путевки входит или за дополнительную плату? Мы, помнится, в Болгарии за пикантные вещи, вроде ночного варьете со стриптизом, платили, так сказать, валютой, дополнительно...

– Погодь, погодь-ка! – хозяин, не извинившись, перебил гостя. – Как ты сказала: один мужик?.. А ты?.. Что ты тоже гурманила?..

– Я?! – чуть откинувшись, хозяйка на секунду замирает, потом мелко смеется; черные глаза в немигучем прищуре ресниц, уголки губ, кончик розового языка, ямочки на щеках подрагивают. – Я-то? А как ты думаешь? Конечно ездила! – говорит она мужу с вызовом. – Не могла же я группу оставить без присмотра! Да еще в такой ситуации! И лишит себя такого удовольствия: посмотреть, как это делается. Когда бы ты мне предоставил такую возможность?.. Не злись, дорогой! – она чуть подалась в сторону мужа, шикарная кофта при этом обтягивает ее округлую спину и чешуйчато поблескивает в конусе света от бра, выполненного в восточном стиле.

– Ты дальше, дальше рассказывай! – он пронзительно смотрит на жену, в глазах у него вспыхивают голубые искорки. – Дальше! Впрочем, не надо... – он плюхается обратно в кресло и начинает поигрывать желваками, уставясь в окно.

Хозяйка, мило улыбаясь, продолжает рассказывать.

– Все это так обставлено – целое представление! Помните, в Ялте был зал дегустации вин? В подвальчике?! Нам с мужем сподобилось попасть туда с английской группой. Обслуживание было – перший класс! Здесь тоже: иностранцы, переводчики... Вот подали и нашей группе. Все жеманятся, хихикают... Как на иголках. И хочется и колется... Ждут: кто первый? Вот один решился – замерли! Как?.. Живой!.. Думаю: чем я хуже?.. Если откровенно, то ничего и не поняла: соус перебил. Такой острый соус дают! И водку подали. В малюсеньких чашечках. Горячую! Так принято на Востоке. Наши, когда выкушали водки, хохмить стали: «Нельзя ли повторить?..» Гид испугалась – всерьез просьбу приняла, говорит: «Не предусмотрено... и – дорого!»

– А все-таки, как – ощущение?.. Так-то понятно: русский желудок топор переварит, а вот с этой... – гость сделал рукой замысловатое движение, – с этической, так сказать, точки зрения... Все же в русских генах заложено на счет гадов ползучих некое табу...

– Конечно, какое-то моральное неудобство испытываешь, – замялась хозяйка, – некий душевный дискомфорт, что ли... Да, что-то есть... есть. Но сейчас уже прошло. А по свежим следам некоторым было дурно. Но, скорее всего, с горячей водки. Пришлось даже ими заниматься. Поэтому мне было легче: на себя времени не было...

Хозяин резко встал и ушел на балкон, закурил.

– Ну, все! – засмеялся гость. – Будешь теперь нецелованной ходить всю оставшуюся жизнь...

Хозяйка не успела ответить...

– Не скажи!.. Целовальники найдутся! Такие же гурманы! – хозяин еще что-то хотел добавить, но резко развернулся и снова исчез на балконе.

Гости и хозяйка знали друг друга давно, всем известна безосновательная ревность хозяина, поэтому ее пожатие плечами приняли как обычно – с пониманием. Они не успели обмолвиться и словом, как хозяин вновь возник в комнате.

– Не скажи! – повторил он. – Это запросто! Сделав шагжок, убедившись, что все о'кей, шире шагнешь! Стоит ведь начать! Нарушить во-от такой запрет... снять одно табу – самое мизерное! – и пойдет!..

– Дорогой! – раздраженно прервала его хозяйка. – Не кажется ли тебе, что ты слишком широкие обобщения делаешь из пустяков?..

– Ничего себе пустяки! Съесть гада – пустяки?.. Ладно бы: с голоду умирали! Понять можно было бы... А то – с жиру беситесь! Я в детстве с голоду пух, а червей и лягушек не ел! И засиженных яиц воробьиных или сорочьих не пил! Потому что мне внушили: нельзя, грех.

– Перестань! Тоже мне!.. Пьете всякую дрянь. И жре-те. Креветок едите? Как семечки, с пивом лузгаете. А чем они лучше лягушек, личинок или тех же червей? Вспомните: устрицы! – хозяйка серчала.

– Ты не путай, не путай! Я тебе не об этом, прекрасно понимаешь. Как общество чуть снизило порог нравствен-ности, так и пошло. Начали с мини-юбок, голых ляжек, дошли до проституции, порнографии... до эрото-театра! Утром, в 120 минутах, по соседству с детским мульти-ком, половой акт во всей физиологической подробнос-ти... Родители...

– Ну, ты у нас известный пуританин! Как будто каж-дый день не видишь обнаженных тел...

– Обнаженных! А не скотски-блудливых! И работа – это работа. Я тебе про моральное табу, запреты и запо-веди... Про этику, наконец!

– Не будь ханжой! А то я тебе напомню кое-что... И голодным детством ты опять достал меня. Ну, было оно у тебя, было! Но когда?.. Во-он оно где, твое дет-ство... «Засиженных яиц» он не пил... Забудь про это! Ты без пяти минут доктор медицины, владелец шикарной ма-шины, четырехкомнатной квартиры, дачи, отец прелес-тных детей и... бедной страдальцы-жены, которую готов проглотить за то, что она съела во-от такусенький кусо-чек... змия... А может, пошутила, чтоб позлить... – она попыталась прижаться к мужу и обратить ссору в шутку.

Тот холодно отстранился от нее.

– Не-ет! Это ты зря! Детство мое – вот оно где! – он с ожесточением поколотил в грудь сильным кулаком хи-рурга... – Здесь оно. Все остальное – следствие. Если в детстве заложили в тебя заповеди: не лгать, чужого не брать...

– ...Жены ближнего не желать... – подсказал гость.

– Да! И жены ближнего не желать! – с нажимом про-изнес хозяин. – Даже в мыслях! Все с мысли грешной, душевной распущенности идет. Простил предательство

другого и сам уже готов к нему... Прослабилась совесть чуть-чуть, и пошло...

– Ты прав, дорогой, тысячу раз прав! – хозяйка гибко, по-змеиному успела прильнуть к мужу, чмокнула его в щеку и убежала на кухню: поспевал ее фирменный картофельный пирог...

Хозяин демонстративно достал платок и стал тщательно, словно готовясь к операции, протирать следы поцелуя.

– Уж не обессудьте, гости дорогие! – улыбалась хозяйка, раскладывая по тарелкам пирог. – Чем богаты, тем и рады. Рада бы я курник испечь, да придется подождать до лучших времен...

– Да уж грех жалиться: до вьетнамцев нам еще далеко!

– Как знать! Может, и догонять еще придется!

– Ничего, ребята, проживем и на картошке: вкуснятина-то какая! Это я вам как «гурыман» утверждаю. Сюда бы еще хлебца свежего, из зажиток, аржаного...

– Да в русской печке, на капустном листике, выпеченного...

– Да с парным молочком...

– Да на вольном воздухе, при ласковом солнышке...

Мужики выпили спирту и за обе щеки уплетали пирог. Хозяйка временами взглядывала на них из-под опущенных ресниц, подкладывала по лучшему кусочку наверх сыти и загадочно улыбалась.

1990 г.

Мегион

Мячик на резинке

Самолет улетел, и снова тишина нависла над заснеженными домиками базы. Азии кажется, что тишина выходит из тайги, заливают дома и с легким шелестом стекает с берега, мимо камералки, на огромный сор, где и так уже целое море белой тишины...

Вечерами она неловко колет дрова – топка у печки маленькая и толстые поленья не входят.

– Тюк! – словно бросила камень в воду. Эхо подхватывает: тюк-тюк-тюк... Она невольно улыбается: вот так же в детстве на Каме мальчишки пускали камешки – «пекли блинчики». Размахнутся над самой водой – и пойдет плясать по водной сковородке плоская оладушка.

В комнате холодно. Сняв рукавички с бахромой, она дует на посиневшие пальцы, сдирает бересту с полена, щепает лучину.

Плита совсем развалюха. Труба плотно не закрывается, дымит. Асия ставит на огонь ведро с замерзшей водой. Берет ящик из-под посылки – там у нее картофель. Картофелины перекатываются и гремят, как чугунные ядра. Она сокрушается:

– Какая-то я совсем рассеянная. Последнюю картошку поморозила. Скорей бы уж ребята приезжали, – говорит она себе, хотя знает, что, пока не кончится сезон, будут пустовать квартиры, будут покрываться изморозью углы и будет ей скучно и холодно. Отряд в этом году работает далеко от базы, поэтому на отгулы и на праздники не выезжает с профиля. Отвезут туда на вездеходе продукты, запчасти, привезут сейсмограммы – и сиди, Асия, обрабатывай их.

Не раздеваясь, Асия присаживается на раскладушку. Обводит взглядом свою крохотную комнатушку: осевшую печь, самодельный столик, чемоданы – на них груды книг и журналов; вешалку, на которой висит старая шуба под занавеской; лохматое, как белая цигейка, окно. Встает, занавешивает его газетой, хоть и знает, что никто заглядывать не будет, да и не увидит ничего, но все равно как-то не по себе, лучше занавесить.

Зажав руки между колен, она смотрит на огонь, пробившийся из-за неприкрытой печной дверцы. В печурке жарко-жарко, так и хочется сунуть туда озябшие руки. Ей сегодня грустно. Нахохлившаяся, в черной шубке в

каплях от растаявшего снега, она напоминает промокшую под дождем ласточку. Сходство усиливают черные, во весь миндалевидный разрез – белка не видно, в коротких густых ресницах глаза. Она думает о том, что прошел еще один день, а она по-прежнему одна. И завтра будет одна, и послезавтра, и, может быть, всю жизнь ей придется вот так же колоть дрова, топить печь, самой чинить утюг... И опять в отделах кадров отвечать: незамужняя... Она ненавидит сейчас это холодное слово, словно оно оскорбляет ее человеческое достоинство, делает ее неполноценной...

И в этот раз сюда все отказывались ехать интерпретаторами: у одних – муж в экспедиции, у других – дети... Долго перебирали, кого бы направить. Наконец Григорий, начальник партии, вспомнил:

– Давайте Асию, она же холостячка!

И громко, словно очередное приветствие на митинге, очень громко, чуть не скандируя, крикнул из кабинета главного геофизика:

– Асия, Асия-я! Ко мне поедешь!..

Похлопал потом ее по худенькому плечу:

– Ну, уж замуж я тебя в этот раз обязательно выдам... Хоть за Мишу-ханта!.. А чем не жених? Зубы еще мало-мало есть! Зато в мехах будешь ходить, в соболях! – и, довольный, загоготал.

О, как он был неприятен ей, этот в общем-то хороший парень, тем, что говорил во всеуслышанье об очень интимном, о чем тактичные люди даже не намекают. И сама она, неловко одергивающая свитер, поправляющая волосы, как она не нравилась себе! Этим она будто подтверждала, что замешана в чем-то нехорошем, постыдном.

В камералке работают еще три женщины-вычислителя. Женщины – везде женщины: в руках шелестят сейсмограммы, прыгают по ним карандаши, а разговор течет и течет.

– Ну, что, девки, потрепемся? – обычно начинает Оксана...

Ведут они часто невероятно откровенные семейные разговоры, от которых Асия брезгливо содрогается: нет, не такой она представляет семейную жизнь, жизнь с любимым человеком. В эти минуты, забыв одинокие вечера и ночи, она радуется, что одна, что у нее не растрчено еще это единственное, неповторимое в жизни – ожидание настоящей любви... И ей становится жалко бесшабашных, добрых и болтливых женщин. Ей жалко Ольгу Афанасьевну, которая сказала однажды про нее: «Ох, девоньки, ви знаете, у тихом озере черти водятся. Вот еще у той экспедиции была одна...», жалко Оксану, даже тогда, когда та говорит: «Дура ты, Аська, пробережешь себя, а там поздно будет – не выйдешь на Севере, в Европе – тем более: там сейчас женщин навалом. Молоденьких, только с «Монетного двора» – блестящих, не нам чета. И потом, не забывай, старым девам тяжело рожать. Не кривись, не кривись, ишь, застеснялась. Рано-поздно ли – придется...»

Она знает, что, когда ее нет, женщины часто говорят о ней, жалеют, ее, недоумевают: куда парни смотрят? Ведь лучшей жены не надо...

– Строгая больно уж, – обычно подводит итог Оксана. – Нет чтоб самой предпринять что, так еще отпугивает своей неприступностью. А ты пообещай, помани, намекни – не убудет, а потом и скрути в бараний рог, как я вон своего Володеньку...

– Ох, девоньки, було у нас еще у той экспедиции, – начинает Ольга Афанасьевна очередную историю...

Комната наполняется теплом. Асия встает, раздевается, наливает из ведра оттаявшей воды в кастрюльку. Берет концентрат из овсянки. Грусть, словно отслуживший панцирь, сваливается с души. Она облегченно вздыхает: «Уеду отсюда, теперь-то уж уеду. Подыщу во время отпуска работу где-нибудь в городе и уволюсь, приезжать даже не буду – документы почтой вышлют. Хватит с меня концентратов, и дров, и печек, и вообще Севера. Отчет закончу и уеду...»

В Тюмени она остановилась у знакомой учительницы, Веры. На другой день пошла в агентство заказать билет. Она рассматривала билет, когда кто-то тронул ее за локоть. Перед ней стоял невысокого роста – чуть выше ее – плотный белозубый парень.

– Землячка, кажись? – спросил он ее по-татарски.

Они познакомились – приятно встретить земляка в Сибири.

Раис шагал не торопясь, с достоинством. Улыбка его располагала к себе. Асии нравилось, что он часто употреблял, даже обращаясь к ней, ласковое: «Э-э, парень...»

Они вспомнили Казань, ее окрестности, потом стали незаметно рассказывать каждый о себе. И чувствовалось, что обоим интересно и говорить, и слушать.

Раис часто поглаживал круглую голову каким-то замысловатым движением. Волосы у него были густые и так ровно острижены, что голова поблескивала, точно была изваяна из черного мрамора.

Расспрашивал Раис обстоятельно: кто родители Асии, есть ли братья, сестры, где работают, когда и что закончила сама Асия.

Он искренне удивился, узнав, что она уже восемь лет в северных экспедициях:

– Э-э, парень, чудишь что-то. Ведь геофизикам и в родных местах дел много – у нас же геофизический трест!

Асия, словно оправдываясь, объяснила:

– Да все как-то так получилось: отчет только защитишь, уже новый сезон начинается. А в середине сезона уезжать неудобно... В прошлом году уж совсем было собралась, да мою структуру начали разбуривать, захотелось узнать, будет нефть или нет.

– Ну и как?

– Фонтан!

– А какая структура?..

– Эльторская.

– Эдьторская? Так ее наша экспедиция разбуривает... Смотри-ка мы с тобой соседи! А в названии, кажется, чье-то имя зашифровано? Вы, геофизики, счастливички, ваши имена попадают на карты...

– Так на структурные только...

– А этого мало?..

– Не знаю... Вот уезжать решила – и не хочется... Жалко!

– А я не жалею. Надо быть хозяином обстоятельств. Переходящие дела всегда будут. Я в прошлом году уехал бы, да не пустили – молодой специалист. Ну, а сейчас – вышел из молодых, теперь я просто горный инженер. Просто! Сейчас хоть поживу по-человечески. Хватит с меня. В техникуме – общежитие, в армии – нечего и говорить, в институте – опять общежитие и здесь, в экспедиции – общага...

– А мне в общежитии нравится. У нас, когда выедут все из партий на камералку, ну, летом, так весело-то как!.. Сейчас, правда, многие поженились, скучнее стало, но все равно... Вот если бы не зима...

– Да не комары... Я про то и говорю: всем хочется уюта. Поработают здесь и уезжают. Сделают полезное дело, заработают и – прощай Сибирь...

– Нет, пожалуй, и зимой красиво... Ты на лыжах ходишь? На лыжах знаешь как хорошо! Лес – в инее... Тишина... Кедровые как аксакалы... Ой, а летом-то, летом – белые ночи! Я ужасно люблю белые ночи. Проснусь и не могу уснуть почему-то... В белые ночи на рыбалке хорошо. Мы с девчонками ездили, нас брали...

– Я разве спорю – красиво. Но не так, как дома, себя чувствуешь. Все равно что в армии: как ни интересно, а знаешь, что демобилизуешься... У многих квартиры в городах, в Москве, Ленинграде даже.

– Что ты! У нас очень даже много старожилов. Вот Галя, например, с Вадимом, в соседней партии работают. Они с сорок восьмого здесь... Как только разведка началась... У них дочке уже шестнадцать – коренная сибирячка. Правда, они два раза уезжали...

– Северных надбавок сколько потеряли... Таких я знаю тоже – как деньги спустят, так возвращаются. Это как старатели.

– Нет-нет, только не Галя – они не такие...

У Веры они пили чай с липовым медом. Мед был хотя и прошлогодний, крупинками, почти белый, но по-прежнему ароматный.

Прощаясь, Раис благодарил Веру:

– Спасибо, сестричка, за щай – славный, ароматный был щай, словно дома, у своих стариков, побывал.

Та, заговорщицки подмигнув Асии, отвечала:

– Приходите еще, коль понравился... – и на ухо подружке шепнула: «Хороший парень у тебя, смотри, не проморгай...»

Асия вспыхнула, не зная, что ответить, только отрицательно замотала головой и пошла за Раисом. «Слышал он или нет?» – мучилась она.

Даже в поезде Асия с неприязнью вспоминала Веру: «Все об одном и том же... Даже Вера... Что от этого меняется?...»

В Казани, прощаясь, – родители Раиса жили в деревне, – он записал адрес Асии.

– Узнаю о работе – напишу. До свиданья, землячка... Землячка по Сибири...

Домой Асия заезжала год назад, возвращаясь с курсов повышения квалификации из Москвы. За этот год многое изменилось: Римма стала совсем взрослой девушкой, племянники окрепли и начали бойко говорить и наконец купили телевизор, на который она высылала деньги.

Римма с прежней детской непосредственностью радовалась приезду сестры и подаркам, ластилась к Асии, и Асии это было приятно. Приятно было смотреть, как, сначала недоверчиво, разглядывают игрушечную ракетную установку Риф и Фанис; как не вынимают они руки

из карманов брюк – первых брюк с карманами; как, потупив стриженные круглые головы – очень похожие на Раиса! – бурчат: «Па-си-бо...» И, освоившись, тут же начинают веселую возню, переходящую в игру-драку. Эти маленькие батыры даже не подозревают, что наполняют сердце тетки гордостью. Она чувствует себя в эти минуты доброй феей, во власти которой раздавать радость, она физически ощущает необходимость и смысл своего существования на земле. Чувство это не покидает ее до самого вечера. И только вечером оно ненадолго меркнет от слишком участливого вопроса соседки:

– Семей-то не обзавелась еще, моя хорошая?..

– Нет, тетушка, – отвечает она и вспоминает почему-то Оксану. Но тут же вспоминается и Раис, и, потрянув головой, она уже весело повторяет: – Нет еще, тетушка, нет! – и смеется легко и беззаботно.

Прошло два месяца. У Асии было такое ощущение, что проехала она сквозь них на поезде, глядя из вагонного окна: дни мелькали, как телеграфные столбы, проплывали, словно поля и березовые колки, и невозможно было оглянуться назад, посмотреть вперед – все заслоняло «сегодня», наслаиваясь на «вчера» и переходя в «завтра». И только некоторые дни запоминались отдельными деталями – так запоминаются станции и полустанки: одни – первой земляникой, обилием зелени, своеобразным вокзалом, другие просто интересным лицом, мелькнувшим в толпе, да полевым ветром с каким-то до боли знакомым, но неузнаваемым запахом. Но вот дни начали растягиваться, будто паровоз сбавлял пары, и приходили стали мысли: «А ведь где-то и сходить надо или назад поворачивать». День отъезда из партии, который помнился, конечно, как вокзал родного города – ведь от него невольно велся счет дням и километрам, – приходил на память все чаще и чаще, хотя и по ассоциациям. Загудит где-то АН-2 на взлете, а она уже другой самолет видит: поднялись клубы песка, от которого загоразжива-

ются девчонки одной рукой, а другой поддерживают по-дол и пятятся к сосновому, словно из солнечных брусьев, зданию аэропорта. И, стараясь не признаваться себе в том, что ее уже гнетет отдых, Асия максимально заполняла время, «наверстывала упущенное»: ходила в театры, кино, ездила с Раисом – а виделись они часто – в лес и на пляж, бывала с матерью на базаре. На базаре она никак не могла привыкнуть к многокрасочному изобилию даров родной земли, удивлялась, ахала, набирала, не торгуясь, лишнего и, оправдываясь, говорила матери:

– Глаза разбегаются... – И без всякого перехода продолжала: – Я в марте так радовалась, когда Колосовы прислали мне банку домашних огурцов, чеснок и пучок зеленого лука!.. Правда, нам яблоки завозят... апельсины даже... А вот этого – нету...

– Смотри-ка! – удивлялась мать. – Что делается?.. Вай-бай...

Все было интересно, но ничего не могло заменить ей привычной северной атмосферы, как она ни старалась.

– Подумать только, – сокрушалась она порой, – ходишь целый день среди людей и ни одного знакомого не встретишь...

И может быть, поэтому с Раисом встречалась Асия с удовольствием, у них столько было общего!..

Отношения складывались ровно – Раис выгодно отличался от других парней-северян («мальчишек», как говорила Асия) своей сдержанностью, и это ей нравилось.

Неделю назад они катались на катере. На речном вокзале Раис неожиданно предложил:

– Давай махнем в нашу деревню?

Она согласилась:

– Вот ваши удивятся!..

Родители Раиса не удивились. Наоборот, похоже было, что ждали ее.

Речной трамвайчик, на котором она возвращалась домой, опаздывал.

Они стояли молча, опершись о перила дебаркадера, и смотрели на противоположный берег: там неровно горел костер, разложенный, видимо, неумелой рукой городских мальчишек, расположившихся на ночлег.

Старенький дебаркадер едва заметно покачивался. Воздух был насыщен речной прохладой, а от палубы струилось дневное тепло.

Раис ждал, что Асия заговорит. Он косился на нее черным глазом: Асия нюхала обмякший в горячей потной ладони степной полынок, ноздри ее длинноватого носа при этом вздрагивали.

Не дождавшись, заговорил сам:

– На работу я устроился, хоть завтра выходи. Должность – старший инженер треста. Ну, как, звучит?.. Звучит... Есть место и для тебя. В этом же тресте. Квартиру обещают дать в конце года. Правда, при одном условии... В общем, если будет семья...

Он бережно держал ее под руку и, словно боясь, что она перебьет его, продолжал торопливо:

– Думаю, и тебе приелись эти вечные общежития, столовские гуляши, чемоданы и красные уголки... В нашем возрасте нужно думать уже о смысле жизни: человек рождается и живет для того, чтобы дать другую жизнь... Чтобы быть честным, скажу, что до этого я встречался с девушками, но все было не так... Не так, как с тобой, Асия... Почему ты молчишь?.. Ты согласна?.. Я тебе делаю предложение...

Вот и трамвай подошел, а Асия не произнесла ни слова. Смысл сказанного Раисом доходил до ее сознания волнами, как при переводе с иностранного, когда в нем не очень силен: сначала переводятся отдельные слова, потом они осмысливаются уже как предложения и только позже соединяются в связный текст...

«...Вечные общежития, гуляши, чемоданы и красные уголки...» – это холодная комнатуха на базе партии, где

застывает в ведре вода, и комната в общежитии с тремя кроватями и горкой чемоданов...

«...В нашем возрасте нужно думать о смысле жизни...» – это вопросы в отделе кадров, реплика Григория и, наконец, советы Оксаны...

«...Все было не так... не так, как с тобой, Асия...» – это объяснение в любви?... Оно такое и бывает?!. Такое?..

– Я не знаю, Раис, не знаю, – только и сказала. – Подождем, ладно?..

Раис приехал на следующий день. Она ожидала увидеть в нем какие-то резкие изменения – в поведении, в облике, но Раис был, как всегда, сдержан, мягок, только чернота его глаз стала теплой, жаркой. Сама же она изменилась: ночью Асия вдруг поняла, что Раис для нее далеко не безразличен – «такого» с ней тоже не было...

Свадьба была скромной: родители, родственники, подружка с мужем – вот и все гости.

Поселились они у Асии. Раис уже работал. Асия, хоть и надоело ей, еще «догуливала» отпуск. И словно чего-то ждала.

В первую же свободную субботу они съездили в деревню к родителям Раиса – к снохе они отнеслись ласково, предупредительно.

Возвращались снова на «трамвайчике». Он, как тогда, опаздывал.

Был уже конец августа. Шиханы стали сине-серебристыми. Все травы повыгорали, остался один полынок. Он тоже подсох, в руках уже не вял, но пах еще пронзительнее: хотя Асия стояла в сторонке, до Раиса доносился его аромат...

– Десять часов, а уже темно почему-то, – в раздумье сказала она.

– А как ты думала. Это тебе не Север, – рассудительно заметил он.

– Ну, еще бы!... У нас в это время еще светлым-светло, – оживилась Асия, – почти белые ночи еще!..

– Не найдется ли закурить? – обратился к Раису молодой парень – его веселая компания стояла в стороне. Раис ответил, что не курит.

– Жаль... – сказал парень и отошел к своим.

– Вот счастливички – в Питер едут, – сообщил парень своим, – я был в Питере... О!.. Белые ночи... А вот мы – в Березово... Стипендию отрабатывать... Там, говорят, Меншиков в ссылке был... И мы – на три года...

– Слышишь... – заулыбалась Асия, – ну и дурачок... Не знаю, как ты, а я завидую ему... Страху его завидую, а потом – удивлению...

На палубе скамейка, как в парке. И сумерки. Блики, шелест волны на мелководье. Парень тот оказался рядом. Он был задумчив и тих. Раис разговорился с ним (Асия удивлялась, как он может быстро сойтись с незнакомым человеком). Конечно, парень оказался молодым специалистом, едущим по распределению в Тюменскую область – геолог, закончил только что Казанский университет.

– Значит, на Север?.. – переспросил Раис.

– Да, да – не в Питер же, – раздраженно ответил он, – тунейдцев, говорят, туда высылают перевоспитывать... и – зэков...

– Э-э, парень, – рассмеялся Раис, – ну и комик ты: во-первых, тунейдцев и зэков не направляют уже, а во-вторых, вся Тюменьщина – комсомольская стройка, и в-третьих, впечатлений получишь больше, чем от круиза вокруг Африки... А уж работы – хоть отбавляй, на несколько поколений хватит...

– Скажете... – недоверчиво протянул парень, – я всякое слышал...

– Поверь уж нам, – вмешалась в разговор Асия, – мы там работали. Там такие люди – поискать надо!.. Правильно, тунейдцев выселяли... и раскулаченных ссылали... А еще раньше – декабристов, поляков... Сейчас люди сами

туда едут, по доброй воле... Приедешь, вспомнишь нас, – рот от удивления разинешь: заря – так уж во все небо, а небо – большое-пребольшое... как над морем... А зимой?.. Снег то сиреневый, то апельсиновый, то бежевый... Небо в снегу отражается: какое небо, такой и снег... И на всем блики: на лицах, на глазах, на стенах. И дни разноцветные от этого: лазоревые, голубые, серые... А то – выдас-тся денек белый-белый, как яблоневый цвет. В воздухе запах цветущей яблони – свежий снег так пахнет... А се-верное сияние? Слов нет, чтобы передать его...

– Что вы мне, как ребенку, сказку рассказываете: «бол-шое-пребольшое...» Если там рай земной, чего сами от-туда рванули?..

Асия сникла, как от удара, а Раис спокойно ответил:

– Мы свое сделали, долг свой отдали – вам дорогу ус-тупаем.

– Так бы и сказали, что долг. Я его тоже выполню. А то трепяся...

Асия готова была провалиться сквозь палубу.

– Тетя Асия! Тетя Асия!.. – кричат ребятишки, увидев Асию на балконе. – Выходите с нами поиграть! У нас мя-чик такой есть!..

– Ну-ка, покажите, – она перегибается через балкон-ные перила.

– Сестричка! – окликает ее Римма. – Пляши – тебе письмо. Пляши!..

Асия встрепенулась, раскинула руки, но потом пе-редумала:

– Ну, вот еще! Дай скорее!.. – «С Севера!.. Не забыли...»

Теплая волна захлестнула Асию: «Как они там?..» То-ропливо разорвала конверт...

«Где ты пропадаешь, – спрашивали женщины, – ни слу-ху ни духу. Дед все удивляется, что долго не едешь. «Бро-сила она нас, – говорим ему, – замуж вышла». Не верит: «Она обещала, приедет...»

Асия перестала читать. Слова главного геофизика, «деда», сказанные им при отъезде, четко, как на теле-тайпной ленте, выпечатывались в сознании: «Еще годок, Асия Сагитовна, годок-то еще надо... Назначим тебя в опытную партию – осваивай вычислительную машину... А?.. Творческая жилка у тебя есть... А через два-три года можно и уехать... Я – на пенсию, а ты – в свою Татарию...»

– Эх, Дед, Дед, – грустно усмехнулась она, – да тебя оттуда не выкорчуешь, тем более что твои прогнозы сейчас подтверждаются... Насчет «геологического» перекрестка особенно...

«Ты уж не волынь: ехать, так приезжай, нет, так увольняйся...»

Пришел Раис. Асия показала ему письмо.

– Э-э, парень... Так дело не пойдет. Надо сегодня же дать телеграмму об увольнении... Переводом. Чего тянуть? Пиши заявление, его подпишут и из треста дадут телеграмму с просьбой о переводе.

Он хотел заглянуть ей в глаза, но она отвернулась.

Во дворе выхлопывают ковры. Удары гулкие, словно дрова колют. Попискивает приемник – его забыли выключить. «Совсем как рация. Только не раздастся возмущенный голос Григория: «База, база, база – я первый! Почему бракуете материал? Я его сам смотрел – на троечку вполне тянет. В чем дело? Как меня поняли? Прием...»

И не поедет не менее возмущенная Асия на вездеходе в отряд, на профиль...

...У печки жарко рдеют бока. На Асии поверх спального – меховое пальто Григория. Пахнет сушеным луком – Григорий что-то готовит.

– Проснулась, злюка? – как ни в чем не бывало спрашивает он ее. – Согрелась? Давай перекусим, может, добрей будешь. Ладно, ладно, попробуем по-твоему... Аппаратуру настроили, сгруппируем приемники...

...В конторе как новоселье: суматоха, коридоры заставлены ящиками с сейсмограммами, рулонами миллиметровки, кальки, ватмана.

– Полевики приехали на камералку...

– Дюймовочка, привет! – бежит к Асии розовощекий топограф Захар. Высыпают женщины, обнимают, рассматривают: «Посвежела, скажи?» Целуются – всю зиму не виделись!

И еще неделю гудит контора, пока не утрясутся все по тесным кабинетам, не разложат рулоны лент по полкам и стеллажам, но и тогда нет-нет да и раздастся дружный хохот в какой-нибудь из комнат.

И снова вспоминается лицо Деда, спокойное, с тяжелым подбородком и светлыми мудрыми глазами, прищуренными от дыма сигареты.

– Все мы пытались уезжать отсюда, – говорил он Асии при прощании, – причин уйма... Но, как мячики на резинках, разлетевшись, возвращались снова. Сначала ты не чувствуешь ничего, а когда натянется резинка эта самая, потопчешься-потопчешься у предельной черты да и назад... Тонкая эта связь, с паутинку, может, а чтобы оборвать ее, озлобиться нужно сильно на весь край, на товарищей, на свой труд, наконец...

Раис уже сунул телеграфный бланк в окошечко, когда Асия потянула его решительно за рукав, вывела на улицу и начала все это повторять, торопливо и путано: и про Деда, и про парня, с которым они случайно встретились на «трамвайчике», про мячик на резинке, про притяжение и северное сияние...

– Вернемся, Раис, – просила она. – Мы должны вернуться...

– Ты с ума сошла, – удивился он. – Никуда мы не поедем. Опять цыганская жизнь?.. Нет, никуда мы не поедем, – повторил он. – Успокойся, одумайся... Какая жизнь у нас налаживается – о какой мечтали... А это прой-

дет... пройдет... привыкнешь... к комфорту быстро привыкают...

Асия обрадованно отметила, что прежней уверенной интонации в его голосе не было.

1966 г.
Тюмень

Персональное дело

На бюро райкома рассматривалось персональное дело комсомольца Валерия Кутлина. Случай был беспрецедентный: попытка уклониться от призыва в армию.

Полмесяца назад он, Кутлин Валерий, отказался вылететь из Ларломкино, с базы партии, на высланном за ним вертолете, и скрылся из поселка. Трехдневные поиски, с привлечением авиации, ничего не дали. Через неделю Кутлин добровольно явился в военкомат.

Поскольку развеселый пароход уже увез новобранцев из Горуна, военком, молодой майор-армянин, оставил Кутлина до весеннего призыва, а его дело предложил разобрать на бюро райкома «объективно и принципиально и, памятуя об этом случае, серьезно рассмотреть состояние военно-патриотической работы в первичках района...».

Когда Кутлин вошел в кабинет первого секретаря, все умолкли. Тишина стояла тягостная. Все с любопытством рассматривали высокого белокурого парня с продолговатым бледным лицом и отрешенным, упрямым взглядом голубых глаз. Одни, как Толя, наш «первый», с профессиональной, как ему казалось, проницательностью, другие – укоризненно, с неприязнью и даже презрением, а кто и с сочувствием... Рита Змановская с испугом: «Так похож... На Толика и...» Все знали, что Рита до обожания влюблена в своего шефа, он для нее – идеал, эталон молодого человека... «Какое кощунство! – читалось на ее лице. – С такими моральными качествами – и быть почти двойником Толика!»

Парень между тем устался в окно, где над крышами поселка серебрилась Обь, выгибаясь к белому яру, и молча играл желваками.

Толик дал возможность «установить контакт», строго сдвинув белесые брови, приказал: «Ну, Кутлин, ласкай! Как, что и почему...» Толик не выговаривал «р», и приказание у него получилось ласковое.

Свой рассказ парень начал издали, отрывистыми фразами, прерываясь и облизывая губы.

Толик налил в стакан воды и знаком предложил ему. Или Кутлин поспешил, или, как говорят, кто-то пожалел воды, он поперхнулся и долго и мучительно кашлял. Его не торопили, не задавали наводящих вопросов, не перебивали. Такое у нас было железное правило с тех пор, как Толик поступил в заочный юридический институт. «Пусть человек выговолится... не на доплате же он... Презумпция невиновности, так сказать...»

«Окончил училище. Медицинское. Фельдшер. Приехал по направлению. Стажировался в райбольнице. Потом самостоятельно. В Ларломкино...»

В этом поселке я бывал. База сейсморайона: полтора десятка рубленых домиков. Построены они во время кампании по переводу коренного населения на оседлый образ жизни. Длительное время пустовали. В нескольких домах живут покалеченные на охоте старики. Чуть в стороне – склады, гараж, кузница, электростанция. До Горы два часа вертолетом, трое суток – по воде. Сосновый бор вокруг поселка невелик. Дальше и вокруг – болота в щетине чапыжника и чистые, клюквенные. В речке Егане ржаво-бурая вода. Летом Еган подпитывается красноватым, как сукровица, отстоем болот, среди которых он петляет. Людно на базе два раза в году. Осенью съезжаются одетые с иголки, модно подвитые или взбитые, загоревшие или гладкокожие от избытка витаминов отпускники и камеральщики, защитившие отчеты, и разношерстные сезонники. Весной, после сезона, –

гривастые «топики» и сейсмики гудят в ожидании транспорта. В остальное время на базе тихо, – много ли будет шума от кладовщика дяди Гоши, радиста Мишки-татарина, нескольких такелажников и стариков ханты. А в этом году, значит, еще и фельдшер. Начальник партии, зам, механик – эти появляются эпизодически. С непривычки в поселке небо с овчинку покажется!

«Народ здоровый. Работать приехал, не болеть. Серьезных случаев не было. Все по мелочи. Ушибы. Порезы. Простуды. С расстройством желудка обращались. Лечил. Колол. Профилактику вел. Санбюллетень выпускал. Скучно было. Читал. В институт решил готовиться. Да литературы нет. Купил ружье. Охотился без билета. Да и как оформить? Ханты рыбачить научили. Увлёкся. Летом. Зимой в отряд выезжал. В райцентр ездил. За медикаментами. Теперь... об... этом...»

Он не сказал о чем «об этом» – всем и так ясно было. Сделал паузу.

«За неделю до «этого» на базу «топики» вышли. Не наши. Из геодезической партии. Профили гнали. У одного воспаление надкостницы. На голени. После ушиба и переохлаждения. Сделал дренаж. Повязку с мазью Вишневского. Антибиотики. Все равно температурит. Прилетел Коржевич. Зам. Продукты привез. Что-то еще. Говорю: забери больного – орет. Бродяг тут всяких, кричит, вози. Пусть свой вертолет вызывают. Или сам лечи. Нечего, говорит, бездельничать. И не взял. Один улетел».

Коржевича я знал. Первоначальную профессию автомеханика он сменил на универсальную: «номенклатурного» работника. И кочевал теперь с одной должности на другую. В последнее время работал замом в разных сейсмопартиях. Это был крупный, длинноногий, сутулый мужчина, имевший привычку стоять широко расставив ноги, руки за спину, – ни дать ни взять сторожевая вышка-кукушка. Взгляд его светлых глаз по-волчьему тяжел. Говорил он обычно низким, с хрипотцой голосом со зна-

чительными, как при диктанте, смысловыми ударениями. Впрочем, иногда он мог и с приятцей изъясняться, добываясь чьего-либо расположения...

«Стал парня лечить. Консультировался нынче: правильно лечил. Не опытный он: сам порубил ногу. Вот тоже, если бы ему в армию, – по вашему – как самострел. А он – нечаянно. Тяжело он болел. Но это – болезнь такая. У всех. Очень больно бывает...»

В свое время и мне пришлось испытать, что это такое: ногу опустишь, а к ней словно весь земной шар прикован, сразу все мозги – по извилинке – вытягивать начинает; зубная боль в сравнении с этим – ничто!

«Когда подумаю: вдруг гангрена? – самого в жар бросает! И это бы ничего: у дяди Гриши аппендицит обострился. Приступы и раньше были. Шутить нельзя: оперировать надо. Как понял, что нужно оперировать, попросил радиста вызвать вертолет по санзаданию. А тут и вертолет МИ-1 подоспел. Коржевич говорит, что это за мной, а по санзаданию потом будет. Пилот говорит, что вряд ли: конец месяца, все борта саннорму вылетали. Поэтому я больных отправил, а сам остался...»

«Ка-ак не полетишь?! Закона не знаешь?.. Лети, Кутлин, иначе дело будет в органы передано!.. Ты за других не беспокойся! За себя побоись. А я тебя покрывать не намерен!» Так, а может, не так кричал Коржевич. Но радиограмму в экспедицию отправил...

Нарушив заведенный порядок, стремительно привстала Рита и перебила Кутлина: «Послушайте! Пусть все это было так, как рассказываете вы... Пусть у вас уважительная причина и поступили вы гуманно. Но неужели вы не задумывались вот о чем... Ты не представлял себе случай, – сбилась она на «ты», – ты не представлял себе такой – пусть невероятный! – случай... У кого-то еще... у третьего... пятого... сто пятидесятого... – у всех уважительные причины! Что тогда?.. Или ты идешь в атаку... Рядом падают раненые... И все, вместо того чтобы бе-

жать вперед, останавливаются и тащат их в медсанбат? Кто тогда завершит атаку? И вообще – что тогда будет? Тебя не горунский военком позвал – тебя Родина призвала! Ро-одина!!! И всех прошу об этом вспомнить и задуматься... при оценке проступка Кутлина...

Взволнованная Рита села. Все молчали. У каждого стоял в ушах ее высокий, напряженный голос.

«Молодец, Рита! Всегда повернет факты их неожиданной и самой главной стороной», – подумал я, все еще находясь под гипнозом ее страстного, хотя и демагогического выступления. «Из-за антипатии к Коржевичу я все же слишком доверчиво отнесся к словам Кутлина. О высоких словах сейчас самое время вспоминать...»

Кутлин, плотно сжав губы, так, что на щеках выступили желваки, вздрагивал от слов Змановской, как от пощечин.

«Может, не так, но я думал, – сказал он твердо, – я думал об этом. И сейчас думаю. Тогда мне было проще: у меня было в запасе три дня. Думал, что успею. Мог успеть. Я взял лодку и поплыл. Но на вторую ночь лодка уплыла. Устал и заснул. Видимо, плохо привязал. И не затащил на берег. Тогда понял, что поступил опрометчиво. Лучше бы на базе подождал. Шел пешком. Голодал. Подобрал меня почтовый катер. Думайте что угодно. Только я делал по совести. Да!» – и взглянул на Риту, но она была занята – писала что-то в блокноте.

– Гладко все больно... подозрительно гладко... – вполголоса, как бы про себя, проговорил Виталий Кушников, секретарь комсомитета рыбкомбината.

– У тебя воплос, Кушников? – обратил на него внимание Толик.

На худощаво-плакатном лице Виталия заиграли желваки.

– Вопросов нет! – поднялся он резко, строгий, стремительный, одернул, словно гимнастерку, спортивный пиджак. – Вопросов нет, – повторил он, – а вот убеждение,

что все это – липа, есть! Все – липа! И про больных, и про лодку... и про вертолет – все вранье, туфта! Все рассчитано на дурачков или чувствительных интеллигентиков да дамочек. А я уверен, что парень решил еще годик на гражданке погулять. Сачок он! А для близиру тумана напустил. Да! «Не успею» по уважительной причине и – взятки гладки: поверят, простят... А что, не так?.. Он нам лапшу на уши вешает, а мы довольнешеньки: хорошо-то как!..

Он посмотрел на меня, на Сивкова, на Раю Сазонову, библиотекаря.

– А что, не так? – серые глаза исчезли в прищуре черных ресниц. – Некоторые, вижу, в герои его готовы записать: «Ах, четыре дня в голоде и холоде... ох, гнус его чуть не заел...» А кто, если уж на то пошло, виноват, если то, что он говорит, правда? Сам! Пошел в тайгу, не будь растяпой! «Лодка уплыла»!.. Устал, видите ли! В армии у него так, глядишь, и автомат «уплыть» может... В любом случае – предлагаю исключить из комсомола! Вот так. Чтоб другим было неповадно. А будь моя воля – я бы под суд его отдал. Да!

Рая поддержала Виталия – зря он смотрел на нее уничижительно. Она, как всегда, говорила спокойно, вдумчиво, словно подводя итоги читательской конференции по новой книге: сейчас скажет, что хотел изобразить автор и как ему удалось воплотить идеи через образы положительных и отрицательных героев...

– Трудно категорически утверждать, какой из мотивов – желание «сачкануть», как выразился товарищ Кушников, или стремление не оставить больного без медицинской помощи – явились причиной проступка Кутлина. Но я склонна думать, что Виталий ближе к истине. Действительно, почему Кутлин побоялся оставить топографа на базе, если дела у него шли на поправку? Неужели не мог он дождаться санрейса?.. Тем более, как он сам утверждает, заявка на полет была сделана. А полеты по санавиации выполняются, как я по-

нимаю, при любых погодных условиях. Не правда ли, Константин? – обратилась она за поддержкой к секретарю комитета аэропорта, авиатехнику.

– Даже ночью! – авторитетно подтвердил Костя, скрипнув сочно новенькой курткой. – К ним санрейс был в плане, точно!

– Таким образом, – продолжила Рая, – есть все основания видеть в отказе Кутлина вылететь на специально присланном за ним вертолете желание уклониться от призыва в армию, искусно завуалированное. Допускаю: необдуманное. Вижу, что он глубоко раскаивается. Приняв на веру все услышанное от него, и в этом случае нельзя не обратить внимания на ряд нелогичных моментов в его поступках. Например, зачем нужно было уезжать из поселка?.. Поднять такой переполох? Потерялся человек! Взбудоражил всю экспедицию... Разве не проще было связаться с руководством, все объяснить? Экспедиция связалась бы с военкоматом, и инцидент был бы исчерпан... Что это – мальчишество?.. Не тот возраст да и должность не та – здоровье людей доверено! – и отвечать за поступки надо в полной мере. Тут речь идет о высоких и святых понятиях. И я поддерживаю предложение Кушникова: в серьезных вопросах нужно быть принципиальным по большому счету!

Аккуратно расправив плиссированную юбку, Рая села на стул. Она раздумянулась и некоторое время сидела с опущенными глазами, потом подняла ресницы, строгий взор ее, устремившийся вдаль, за окно, постепенно смягчался.

Толик осадил плавным движением руки еще одного желающего выступить и спросил Кутлина, что он еще может добавить или разъяснить членам бюро.

Кутлин, как мне показалось, растерянно и непонимающе смотрел на нас, словно все говорилось не о нем.

Толик повторил вопрос. Кутлин очнулся:
– Я же все рассказал. Все! – и вдруг горячо и удивленно спросил: – Вы что, не верите? Да вы что! У меня ж

отец погиб под Прагой... – он замолчал, сглотнул слюну – в горле было сухо, не глоталось. – Что не сообщил – в этом виноват. В переполохе – виноват. Остальное, что говорят, фантазия...

– Лебята, – Толик оглядел нас и, когда Кутлин вышел, продолжил, – дело-то – совсем не плоское, как покажется на первый взгляд... Никто себя на его место не ставил? Я вот поплобовал – и, честно, в большом затруднении... Может, на подвеску у пилотов поплосился бы. Взяти бы, как думаешь, Костя?

Куртка на Косте скрипнула, так же скрипуче, басом, он ответил:

– Подвеска не подвеска, а в багажник могли бы взять. С нарушением, конечно, но по семь человек возили...

– Бросьте воду в ступе толочь! – вдруг подал голос геолог Сивков, не проронивший до этого ни слова. – «По семь человек возил!» – передразнил он Костю. – Спиртику выкушавши, привез бы. А трезвые – по инструкции летаете. Я не понимаю: что все вокруг да около ходят, за дезертира, что ли, парня считаете? Совсем уж прозаседались: слово боимся сказать правдивое! Помоему, не этого парня надо обсудить, а другое. Почему мы каждый год, по просьбе того же военкома, «несоюзных» новобранцев в темпе «крестим»? Только вместо причастия – комсомольские билеты выдаем? Как оладушки, выпекаем «авангард» молодежи. А сколько из новобранцев остается в больнице из-за высокого, как у склеротиков, давления? А давление-то – от пьянки! Они ведь, кстати, тоже остаются – отсрочку получают! Почему об этом Овсянников молчит? Вот что нам надо «принципиально» обсудить. Вот это будет воспитательная работа...

– Сивков, ты кого защищаешь?.. Может, себя? По принципу: лучшая защита – нападение? – коварно спросила Змановская. Она намекала на опоздание Сивкова – никаких уважительных причин Толик не принимал, каж-

дое опоздание в конце бюро разбиралось и выносилось наказание.

– Себя я буду защищать, когда понадобится. А сейчас судьба этого парня решается. И я считаю, правильного парня! Не важно, когда и где он будет служить, важно, что поступил он как человек: отправил немощного, а сам – потом. Это – по-боевому, по-солдатски.

И не выговор ему надо объявлять, а благодарность выразить... Вот так!

– Это твое пледложение? – с нажимом спросил Толик.

– Да, можете считать предложением!

– Тогда уж к ордену давайте представим... – фыркнула Рита.

С полчала еще спорили, но к единому мнению не пришли: большинством голосов прошло предложение – строгий выговор с занесением...

Бюро закончилось поздно. В повестке дня было много вопросов, так как Толик уезжал на сессию, готовился сдать «хвосты».

Мы с Кушниковым шли по берегу старицы на Черный Мыс, домой. Тропинка виляла в знакомых соснах. В хвое по-осеннему насвистывал ветер. Пахло палым листом. Прогромыхал в стороне тягач, подняв коричневое облако пыли.

– Ты понимаешь, – заговорил Виталий, – у меня интуиция на вранье. Да! Слыхал: есть люди, которые пальцами видят?.. А я – туфту! Вот шкурой чувствую – когда темнят! Как сегодня: темнил ведь! Тонко все просчитал, гад... почище иного баптиста... Слушай, а вдруг он... баптист? Или... этот... как его?.. Адвентист! А?..

– Иди-ка ты со своей интуицией! – вспылал я. – Пока! – и свернул к экспедиции, он пошел дальше. – Ты в темноте-то у обелиска в траншею не свались со своей интуицией, – крикнул я ему вдогонку, – или в столб не врежься... телепат...

Вскоре мне предложили работу в городе, и я бросил с

удовольствием все общественные нагрузки, налипшие на меня в Горуне. Про этот случай я, естественно, забыл. И напомнил мне о нем Виталий Кушников.

Был я в командировке в Уресе, квартировал в двухместной комнатухе служебной заезжей. В последний день мне подселили соседа – им и оказался Виталий. Теперь это был заматеревший, кровь с молоком, молодой мужчина. Степенный и сдержанный. Работал он инструктором райкомпарта.

Мы взяли пару бутылок перцовки и не спеша пили темную, обжигающую настойку, закусывая домашними бутербродами и малосольной нельмой. Говорили о том о сем, вспоминали Горун... Виталий разоткровенничался. Я не мешал ему, слушал и вспоминал.

– При тебе ведь еще начался нефтяной бум? – спросил он меня. – В Горун тогда народу повалило!.. Со всего Союза! Тысячами! У иного и цель благородная: нефть добыть для страны! – а душонка гнилая, ущербная, невоспитанная, так сказать. Рыба в реке, зверь в тайге, – пропадает, вишь, добро, прибрать надо! И началось... Патрули организовали в помощь рыбнадзору. Я ж тогда вместо Толика был «первым», эту работу сам возглавлял. Кто только не попадал! Даже военкома с начальником милиции как-то застукали... Всякое было. Конечно, у Оби жить и без рыбы... Но ведь по-черному браконьерничают! Я вот о ком хотел вспомнить-то? Да! Прошлой зимой, на осетровой яме, пьяный один пешней меня «достал». Я – с «копыток» долой. Поблизости база сейсмопартии – меня туда. Очнулся в медпункте. Смотрю – медик-то знакомый! Ну, тот, которого мы на бюро, если помнишь, разбирали? Так он меня задел тогда, что по дороге с бюро яму даже просмотрел, ногу вывихнул... Вспомнил?.. Ну вот – он меня вылечил. А что самое нелепое-то: в армию он попал, но служил – артиллеристом... Вот так у нас всё!

1968 г.
Тюмень

Календарь

Читатель! Если ты имеешь какое-то отношение к нефти, газу, лесу или рыбе, к науке, технике, строительству дорог, ЛЭП, нефтегазопроводов, городов, к образованию, медицине, литературе и искусству, короче, если ты хоть к чему-нибудь имеешь отношение и приехал в Тюмень, тебя обязательно ждет приятный сюрприз – встреча с однокашником! Вероятность встречи выше, чем в родном городе, можешь проверить...

Сколько раз я сам, приезжая сюда в командировку или возвращаясь из отпуска, буквально лоб в лоб сталкивался с Генкой или Лешкой, с Веркой или Максимом!!! Что это были за встречи – встречи с молодостью!

Площадь перед Домом Советов торопливо пересекает невысокий и хрупкий чернявый парень. Это Венка Колпаков, сотрудник нового НИИ. Куда он спешит? Конечно, на встречу с однокашником: приехал Мишка Ярыгин в командировку. Венка его узнал издали по походке. «В перевалочку идет косолапый Мишка», – голосом Рины Зеленой дразнили его знакомые девушки.

Едва поздоровавшись с ним, не выпуская руки, Венка потянул его за собой: «Давай-давай, быстрее! Чессло: не пожалеешь!»

Идея преподнести Мишке сюрприз родилась у него только что. Дело в том, что сегодня в институте он встретил другого однокашника – Саню Шилова!

– Венчик!.. Вен-чик... – часа два назад окликнули Венку вкрадчивым бархатистым баритоном. – Ну, Венчик же!

Оглянувшись, Венка увидел респектабельного и очень знакомого мужчину.

«Да это же Саня!» – ахнул он про себя.

Блестящие карие, ясные, как у ребенка, глаза. Иссиня розовые щеки в улыбчивых ямочках. Руки раскинуты в стороны...

Минут пятнадцать Саня восторженно обнимал, тискал и, отстранив, рассматривал Венку. «Венчик! – роко-

тал в самое ухо. – Как я рад! Как я рад, ты даже не представляешь, Венчик... «Ну-ка, повернись, сынку...» Возмужал!.. В плечах раздался... Ну, как ты?.. Кем?.. Потомства нет? У-у, старый баловник – холостякуешь! У меня – институтский – в школу пошел, в третий класс ходит, стервец... и в новой семье малышка... Наши здесь есть?.. А я вот к вам в командировку – проект на согласование привез, я ведь ГИП сейчас, – знаешь, поди, что значит эта аббревиатура – ГИП? Это тебе не «гип-гип, ура!», а «главный инженер проекта»! Ну, жми. До встречи. Мишку не прозевай: притащи его, зверя, обязательно!»

– Вот оно что... – Ярыгин увидел Саню. – А то я, грешным делом, Веня, испугался: не чокнулся ли ты от усиленного толкания науки...

Саня выпустил руку стройной черноволосой женщины и крупно зашагал к ним: «Милорд!.. – Снова объятия, тычки, рокот Саниного голоса. – Ну, рассказывай! Венчик обмолвился про тебя, но я хочу узнать из первоисточника. Помнишь ОМЛ: основы марксизма-ленинизма? Лебедев советовал: изучайте ПЕРВО!источники, а не их толкования от лукавого... цитатчика. Вот и я хочу из уст ПЕРВО!проходца узнать, что он сделал, кем стал, чем дышит, что думает...

– В земле, Саня, ковыряемся, как крестьяне, фонтаны выращиваем. И дерут нас, как колхозников, все кому не лень. И ты бы, чать, не отказался от букета фонтанчиков? Таких, вроде гладиолусов «черный принц» или «принцесса ночи»?.. А?.. По крайней мере, твоя дама?..

– Ах, да, намек понял! – спохватился Саня. – Знакомьтесь: Света. Моя коллега. А это... Впрочем, что ж мы стоим? Показывайте свою Тюмень – «столицу нефтяную»... Воспел ее земляк ваш – Юрий Гуляев, воспел...

– Айда до меня? – предложил Венка. – У меня с парнем однокомнатная квартира, он как раз в отъезде. Давайте пехом!

Предложение было принято. Саня взял Свету под руку, полюбнял Михаила, и однокашники пошли по улице Республики на восток.

Разговаривали в основном Саня с Михаилом. Венке стало обидно: «Со мной как будто каждый день видят-ся...» У него задергалась левая щека, он стал ее растирать. Саня заметил:

– Мишутка, глянь, Венчик сердится!

– Вижу: по щеке себя гладит! – отозвался Ярыгин. – Да и ты, гляжу, не избавился от привычки обниматься, – поддел Саню и сбросил его руку с плеча: – Знаешь ведь, не люблю!

– Забыл, забыл, – смеется Сеня и снова обнимает друга, прижимает с силой: – Хорошо мне среди вас, звери! Ни капли не изменились! А вот недавно на всесоюзном совещании Фазиль встретил... Помните, такой казах был, высокий, бровастый? Ну, в башкира потом перекрестился, а когда в Бугульму ушел – в татарина? Понял, что к национальным кадрам благосклоннее относятся, и эксплуатирует это. А что, не так? Мы, когда поступали, для нас, русаков, так же, как и для евреев, проходной балл был двадцать два из двадцати пяти, а для них – девятнадцать. Вот Фазиль и жмет в национальные ученые: «остепенился» уже, дал понять, что работает над докторской... Кстати, о птичках: по вашим материалам! А Юрка Вертунов? Тупица известный: шпаргалочник, демагог: по профкомам да парткомитетам отирался, – тоже «остепенился»! На кафедре автоматики теперь... Не анекдот ли?.. А сейчас – освобожденный секретарь парткома в альма матер. И вот – вы!.. Хорошо мне с вами!..

– В том смысле, что мы – «не остепененные»? – сказал Ярыгин.

– Ми-лорд, не утрируй!.. Помните Кузоваткина: «Ты меня не утрирувай!» А я рад, что ты меня задираешь – выкусил? – Саня рассмеялся. – А тополя?.. А тополя-то!!! – задрав голову, восхищенно и сдавленно

произнес он и тут же спросил: – Кто в институт заходил недавно? Как там сейчас хорошо... Мы на втором курсе этот пустынный берег Белой засадили – помните? Там такой лес вымахал! Не верится, что мы после себя такой след оставили. Какие мы условия создали современным студиям: соловьи по ночам свищут! – Саня с завистью вздохнул. – А они, поросята, про нас наверняка и не вспоминают...

Мимо, прижавшись к самой бровке тротуара, проскокчил «Москвич».

– Ах стервец! – восторженно возмутился Саня. – У меня сердце екнуло: думал, мой угнали... Оливковый – как две капли воды... У тебя, чай, «Волга»? – завистливо поинтересовался он у Мишки.

– Никакой нет, успокойся! – отмахнулся Ярыгин. – У нас болота...

Саня недоверчиво посмотрел в светлые кошачьи глаза Михаила и, лукаво прищурившись, в тон ему сказал:

– Так я тебе и поверил...

Начался тротуар вдоль забора, ограждающего стройку. Саня похвалил:

– Солидно у вас строят.

– Особенно заборы. Как в «Ревизоре»...

– Не слушай его, Саня, это он – от зависти: наш институт здесь строится. Самое большое здание в Тюмени... По объему... Сейчас осадочные испытания проводятся...

– Года три уже...

– Так надо.

– У нас все «так надо». Сделаем, а потом испытываем: упадет или нет.

– Вообще-то дурацкую привычку завели люди – обмывать встречи, правда?.. – широко улыбаясь и обводя всех ласковыми сияющими глазами, спрашивает Саня. – Нам бы трезво поговорить, порасспросить друг друга о самом важном, наболевшем... А мы?.. Как подпившие соседи по купе, анекдоты травим... да еще сальные! Милорды, при

женщине-то!.. Правильно, Светик?.. Взять меня, например... Завтра разойдемся, а вдруг – навсегда? И что нового, кроме того, что я – ГИП, вы узнали обо мне? Интересно вам узнать, звери, или нет, что по моим проектам уже два месторождения обустроены, а в прошлом году в Казани вышла книжка моих стихов? Да! То-то же!.. И мне интересно знать, как ты, Венчик, в Поволжье работал и как тебе живется здесь. И про Мишутку – тоже! Про мысли ваши сокровенные, про планы... А мы – анекдоты!..

– Саша, почитай стихи... Свои... – перебила его томным голосом Света, совсем размякшая от Саниного обаяния и вина. «Ты сегодня царь-девица – шамаханская царица!» – успел шепнуть ей на ушко Саня.

– Давай стишата, Саня, – поддержал ее Михаил. – Но сначала – за книжку выпьем: чтоб на полках лежала, а не в туалете!

– Парнишка, во-первых, грубишь, а во-вторых, частишь: северянишь?..

– Не тяни на северян, мы не больше вашего пьем! Разве что в командировках. А где, как не в стольном городе и выпить? Нам даже шеф говорит: дома – ни-ни, в Тюмени – сколько влезет! Ладно, читай стихи. Кстати, тот стишок про туфли – его не тиснул в сборнике? Венка, коли не забыл, изобрази.

Венка покашлял и, ритмически качаясь, с подвыванием прочел:

...Огоньки в домах давно потухли,
тишина над спящею землей;
лишь мои коричневые туфли
шепчутся о чем-то с мостовой...

Покрутив головой, Саня так захохотал, что даже Света отпрянула от него.

– Вот, Света, Беранже, как вы знаете, увековечил свой фрак, а Саня... Александр Шилов, я хотел сказать, – поправился Венка, – увековечил свои туфли...

– Шикарные были туфли, с пряжками, единственные такие на курсе!

– А что? Мировые были туфли, югославские! Двести восемьдесят хрустиков – старыми. Три баржи корья пришлось разгрузить. И цветом они были под корье: темно-коричневые, с красноватым отливом. Одним цветом зимой и летом... – Саня с грустью вздохнул и замолк, но тут же встряхнулся: – Кто просил стихи? Так слушайте...

Саня и раньше читал свои стихи хорошо, задушевно... Глаза у него увлажнялись, щеки покрывались жарким румянцем. Это было авторское исполнение! Те же стихи, прочитанные позже, казались блеклыми, безжизненными. Так блекнет живая красота рыбешки, гальки морской, обсохшей на берегу...

В этот раз Саня превзошел себя: читал артистично! Но, казалось, читал... декламировал! – не свои стихи, а чужие... Оборвалась какая-то пуповина, связывавшая раньше его со стихами... Или слушатели стали придирчивее?.. А стихи были Санины: «Осень рыжей лисонькой...», «Замела метель-злодейка торопливые следы...», «Ветер – хитрый шалунишка...», «В моей душе тоска суметом, но взгляд твой – вешние лучи...»

Зима – сварливая старуха,
поистине вся извелась:
то сыро ей, то слишком сухо,
то жестко... Наконец из пуха
перину взбила... улеглась...
И вот сердито закряхтела:
– Ну, где их носит, пострелят? -
и колыбельную запела
для внуков –
крепких морозят.

– Каково?.. – задал он вопрос традиционный. Но не торопливо, с волнением, как бывало, а спокойно, для проформы, уверенный, что – здорово!

– Саня! Ты – молодец! – воскликнул Венка. – Молодец, что остался верен своему увлечению. Это...

– Это, конечно, не «про туфли»... – закончил за него Михаил. – Тост: за всесторонне развитую личность – Саню! ГИП-ГИП! УРА! Будь!

– Миш-ка! – Саня свирепо взглянул на Ярыгина. – Издеваешься, гад? За-рэ-жу!.. – и шутливо потянулся к нему с вилкой.

Однако тот шутку не принял, не отклонился в испуге, как надо было бы сделать, а тихо и серьезно произнес:

– Это хорошо, что есть у тебя хобби. Только, понимаешь, какие-то они, творенья твои, бесцветные... Ну, в том смысле, что не чувствуется в них «цвета времени»... Когда они писались?.. В прошлом веке? В этом?.. Ты скажешь: поэзия вечна?.. Но ведь, Саня, сейчас у каждого десятилетия свой «цвет»... За кого ты, Саня?.. За белых, красных, синих, черных?..

Крамольные речи Михаила слушал Саня в неудобной позе, замерев. Потом выпрямился и наигранно весело воскликнул:

– И ты, Михайло, продался модернистам?! Цвет времени ему подавай! Ритм эпохи!.. Андеграунд!.. Мета-мета-метафоризм!.. Знаем и тоже можем! Но в том-то и дело, Мишутка, что все эти модные поэты и иже с ними, сиречь фанаты, – истинно русской поэзии места под солнцем не отводят! Корни подрубают! Посягают на традиции, на русский язык, наконец! Нужно им противостоять? – он обвел всех вопрошающим взглядом и, не дожидаясь ответа, сам же сказал, как припечатал: – Не токмо нужно, но и должно! Нельзя... понимаете, нельзя потерять ни одного доброго русского слова, ни одной традиции...

– Сдаюсь... сдаюсь! – Михаил поднял руки. – И голову за то, что надо беречь родную речь, обычай-традиции... И память надо иметь – историческую! Только я против... дурных традиций. Особенно в технике, в технологии... в проектах...

У Сани впервые за весь вечер появилось озабоченное выражение.

– Эт-ты о чем?.. О каких проектах?.. – спросил он настороженно.

– Ну, не о дипломных же, – усмехнулся Михаил, – сам знаешь. – И тут же предложил: – Ну, что, мужики, по посошку и разбегаемся? У меня самолет в шесть местного. Санек, не нарушай традицию: посошок!

– Мило-орд! Па-апрашу объясниться! – Саня выставил растопыренную ладонь: – Обожди с посошком. Объясни: на что намекаешь?..

– Объяснить? Изволь! – Михаил отставил чашку с водкой. – Изволь, – повторил он, и глаза его сузились: – Вчера я познакомился с одним проектом, бегло, конечно, но выводы успел сделать: там все на поверхности, копать глубоко не надо... И, хоть это не мое дело, успел написать служебную записку... Авторам проекта она против шерсти будет. Почему?.. Потому, что проект вчерашнего дня: «традиции» блюдет!..

Венка заерзал на стуле: его охватило предчувствие, что хорошо начатый вечер будет испорчен... Он хотел вмешаться, перевести разговор на что-нибудь другое, но тут в дверь постучали. Пока он выпроваживал соседа по площадке, не вовремя решившего перехватить у него червонец до полочки, между однокашниками «кошка» пробежала – оба молча курили.

– Что случилось? – тревожно спросил он. – Метеорит упал?.. Извержение началось?.. Или, наоборот, оледенение!.. Тогда давайте растопим его! Па-а рюмочке... па-а маленькой... чем поят лошадей!

Никто к нему не присоединился. Тогда он серьезно спросил:

– Чо вы не поделили опять?.. Ну-ка, миритесь!

Саня обиженно мотнул головой в сторону Михаила:

– У этого типа спроси. Он мой проект «похвалил» вчера. В кавычках. Впрочем... ерунда! – Он подошел к

столу, налил полный фужер «Столичной»: – По-аглицки, без тоста! – и лихо опрокинул. – Вот так, Мишанька, мы все можем – водку пить тоже! А вся твоя демагогия о «новом подходе»... «специфических условиях»... «особенностях Севера... фауне... флоре...» – откуда таких мудреных слов нахватался? – повторяю: дема-го-гия яйца выеденного не стоит! У нас все учтено: опыт отечественный и мировой. Ми-ро-вой! Потом: тебе-то какое дело до обустройства? Ты же буровик, что ты смыслишь в этом специфическом, сложнейшем деле? Я ж тебе не даю советов, как тебе бурить? Нет, потому что я в этом – уже дилетант. А ты – и в поэзии спец: критик литературный! И в проектах!.. Нет, увольь меня от своих советов...

– Изволь, Саня, изволь... Но ведь вся беда в том, что твой проект у нас будет реализовываться... В Сибири, понял? Мы ее должны осваивать. Осваивать! Вот о чем я. Осваивать, как новую планету... Осторожно, с учетом возможных последствий... А в ваших проектах речь идет о покорении. С таким покорением лет через десять, когда начнутся необратимые процессы, некоторым «покорителям» стреляться придется... У кого честь есть... И если духу хватит...

– А я еще раз повторяю: у нас все учтено! И мне непонятно: зачем ты все же не в свое дело сунулся? Стихи – ладно, «цвет» не понравился! А проект?.. «Ознакомился!» Как можно ознакомиться с проектом дилетанту за один день? Специалисты – и те экспертизу неделями ведут, ведь это результат труда института за целый год. Они, рецензенты, и то смаху решение не выносят! А ты... У тебя ж только институтские представления – морально устаревшие, кстати... Ты в тайге, извини, если и не дисквалифицировался, то и не повысил своего профессионального уровня. Согласись! А у меня... у нашего института – мировой уровень... Престиж!.. И вторая сторона, самая обидная: разве ты не мог со мной переговорить? Я бы тебе все объяснил, просветил бы тебя, темноту таежную...

Саня взял себя в руки и дальше говорил в шутливо-менторском духе о нелегкой работе в государственном институте, где, действительно, приходится порой «и капитал приобрести, и честь стараться соблюсти». Говорил пространно и складно...

Михаил слушал молча, так же стоя у стола, курил. Потом бросил окурок на пол и растер каблуком. Венка болезненно поморщился: сколь раз в общаге они цапались из-за этой дурной привычки Ярыгина, но смолчал: замечание было бы равносильно засучиванию рукавов...

Когда Шилов сделал паузу, заговорил Ярыгин.

– Напрасно, Саня, ты так о нас думаешь. Отстать от «уровня» можно и в столичном институте. К тому же, если быть точным, я тебе не собирался давать советов – ты зря обиделся. Просто, как заказчик, я тебе ставлю требования... Предъявляю требования, которым должен соответствовать проект... твой или вашего института – как тебе удобней или... приятней. Требования – право заказчика, а как их выполнить – дело подрядчика. Так все просто! Твори, Саня, дерзай! На то ты и ГИП! А «ура» – потом, если заслужишь... Ты вот упрекнул меня: какое, мол, мое собачье дело? Бог его знает... Конечно, лично я с этого, как говорят мои коллеги-«западэнцы», никакого «на-вара нэ маю», но я здесь уже давно работаю, и мне стала небезразлична судьба месторождений, которые я открывал со всеми и в которые вложил часть своей души, здоровья, наконец! И если уж наша профессия – открывать месторождения, то неволью думается: а как они будут использоваться? По-хозяйски, аккуратно, с прикидкой на наследников, или как при раскулачивании: расфуговали накопленное добро, а потом – зубы на полку?.. Недра-то – и голоса не подадут, восстания не подымут!.. Пенки снять – и кот может, а котов у нас развелось сейчас – ого-го! Облизываются! И наплевать им на то, что станется с тундрой, с тайгой... с фауной и флорой...

– Боже мой! – вдруг возмутилась Света. – А еще говорят, что женщины все любят усложнять! Милый буровик, о чем спор? Разве мы не предусмотрели необходимый – минимально – комфорт? Дороги с твердым покрытием, чтоб сохранить тундру? Очистные сооружения, чтоб не засорять реки? Утилизацию попутного газа, чтоб не загрязнять атмосферу? Теплые туалеты, наконец?..

– Милая моя канареечка! – грубо оборвал ее Михаил. – Суть вопроса в том, что все здесь нужно делать на принципиально новой технологии... А вы – традиционно подходите! Вот вы про комфорт – удивили: теплый туалет! Если уж комфорт, то и комфорт должен быть полным, может, с полной автономией, как на межпланетной ракете!.. Рушить надо прежние подходы, нетрадиционно работать. Возьмите геологов: если бы они здесь работали традиционно, то всего того, что называют «открытием века», может, до сих пор бы не было...

– Честь вам и хвала! И слава... за ваш нелегкий труд и тяжкие невзгоды... Кстати, строчку запомнить надо... Да, честь и слава! И тэдэ и тэпэ. Но при чем тут мой проект?.. Против твоих сентенций, модных сейчас, – кстати, не ты первый, приоритет не твой, – я и не спорю: это дело отдаленной перспективы; но я во всех твоих рассуждениях и действиях вижу... логику – нет, не завистника, а... неудачника. Может, ты не осознанно, не желая, бросил мне палку в колеса? Я ведь слышан о твоей невезухе... – Санино лицо улыбочиво, но в голосе – жесткость. – Сознайся, логично?..

– Ну, ты – инженер человеческих душ, тебе романы писать, не проекты, Саня. – Ярыгин притянул Шилова к себе и заговорил почти шепотом: – Саня! Мне тебя жаль... Мы по разному стали понимать счастье! В одном ты прав: жизнь часто трепала меня из-за моей покладистости с одними и ершистости с другими, брала за горло – ты прав! Но я, Саня, действовал по совести и потому – счастлив! Я ведь, Саня, как ты знаешь, никогда не рыпался ради

лакомого кусочка для себя и рад, что остался таким же. А вот ты – сомневаюсь! Прости, Саня, но это так! Хотя... Давай, докажи. Брось институт, мотай к нам – проект свой внедряй! Квартиру дадим, супруге работу – врачей не хватает. А... у тебя ж новая жена, старая выполнила свою функцию: комфорт во время учебы обеспечила... Что ж, устроим и новую! Кто она по специальности?.. Саня! Ты у нас стихи будешь писать. Обязательно! С «цветом» времени. По ПЕРВОисточникам! Соглашайся, Саня! Ну?..

Шилов слушал как загипнотизированный. И только от последнего «ну» как бы очнулся, медленно отцепил пальцы, державшие его за грудки, и медленно сел.

– Гли-ко! Да ты, Мишанька, сам стал поэтом, но... поэтом своего болота и его окрестностей, – язвительно сказал Саня. – А насчет приглашения – подумаю. Сам понимаешь: шаг ответственный! Справлюсь ли?.. Здоровьишко опять же... Да и не запить бы... Ты вон – и то: шевелюра редет, нервишки шалют... Может, лучше – ты к нам? А что? Превосходная идея! Так и быть: замолвлю словечко – связи у меня «ого-го!». С квартирой потруднее, но, думаю, и с ней уладим...

Венка смотрел то на одного, то на другого, щека у него снова задергалась, но на это никто не обратил внимания.

Света, взглянув на часы, воскликнула:

– Ой, в гостиницу не пустят!

Саня тоже поднялся:

– Да, опять не «у ту степ» зашли... пора и честь знать, – а, Венчик?.. А проект, дабы поставить точки над «и», уже согласован. С замечаниями – куда от них денешься? Но – согласован. С за-каз-чи-ком! Так что, Мишанька, зря ты копыя ломал! Но на будущее – будь спок, милорд! – и твои замечания учту: спасибо за критику!

Вот он какой – Саня!

Венка с завистью взглянул на своего однокашника... Потом он проводил гостей до центра.

Шли они не спеша, шурша первыми опавшими листьями, вспоминали студенческие годы, смешные случаи – смеялись громко, привлекая внимание редких прохожих. Но смеху их не хватало прежней искренности и беззаботности. На прощание обменялись адресами, телефонами...

Не дожидаясь автобуса, домой Венка «почесал» студенческой рысью, подняв воротник плаща и надвинув берет на брови...

«Саня прекрасно сохранился... Удачливый... Беззаботный... Красивый... «Коллегу» успел закадрить... Она где-то у нас работает. Уязвленное самолюбие прячет за хиханьками. Жук, Саня, жук... везде успевает... А Мишка – сдал. Морщины. Седина на висках. Потрепанный, правильно Саня заметил... Но напор – хоть отбавляй...»

Проходя мимо того места, где недавно Саня восхищался тополями, Венка взгрустнул. «Вот, всегда так: встретились – расстались...» Он, как Саня, задрал голову вверх: в темных, едва угадываемых кронах шумел ветер, срывая изредка еще зеленые, но отшелестевшие свое листья... Внизу было тихо, и листья медленно, словно выбирая место, приближались к пятнистому от бликов тротуару. Иные, засветившись, пропадали в темноте, другие, уже упавшие, переворачивались, словно листочки календаря...

«Листки календаря... Так же срываются, напоминая, что время идет... Дует ветер времени, и переворачиваются листки календаря, как эти тополиные листья... Прохладно... И листья шуршат... Зябко... А время идет... Переворачиваются или нет листья – время идет...»

Венка вдруг вспомнил, как поразил его однажды новенький, но – за прошлый год, календарь. Пожадничал завхоз, не дал «неграм», проберег для нового начальника... И календарь, красавец календарь на мелованной бумаге, оказался не нужным: не востребовало его время... А вот его, серый, на газетной бумаге, весь в пометках, телефонах, с восклицательными знаками у неисполненных

наметок, его похудевший наполовину календарь, – разошелся по свету вместо визитных карточек, – его календарь еще нужен для памяти, потому что его листало время и оставляло на нем свои следы...

«Саня, пожалуй, как тот новенький календарь: хорошо сохранился! – провел аналогию между однокашниками и неодушевленным канцпредметом Венка и засмеялся: – Точно! А Мишка – тот, потрепанный... рабочий».

Венка вдруг остановился. «Как легко, однако, я сужу других! Этот – прошлогодний... тот – потрепанный... А само?.. Иду ли я за временем или в шкафу пылюсь?.. А?..»

Венка припомнил свою работу в конторе бурения... Как там было трудно! Ни выходных, ни праздников... Каждый день, одно за другим, забурки, спуски колонн, осложнения, а на базе – изматывающие душу затяжные оперативки, где отношения выясняют каждый день, и похлеще, чем Саня с Мишкой нынче вечером... Вот и подался в институт, как в тихую заводь – отдохнуть... Отлежаться... А что, не так?.. Спокойно делает свое маленькое дело... Дело... свое... маленькое... Старший научный сотрудник... со-труд-ник... со-приставка... труд – корень... Не инженер... не работник... а со-трудник... Саня-то все же главный инженер... ГИП!.. Мишка – начальник! Они и поссориться могут... между собой... А со мной – что им ссориться?.. Я – резонер...»

«Залез в заводь и всего боюсь... Разве не мог встрять в спор сегодня?.. Что, разве нет у меня своего мнения? А есть, так чего молчал?.. И в институте молчу: спокойнее так-то... Басче! Ни тебе ни нервов, ни врагов... Так вот и прячусь от жизни, потому как она есть борьба...»

Венке стало холодно и жутко. «Чо-эт я стою?..» Он сорвался с места и побежал легкой трусцой по пустынной пока улице. «Догоняет кого, лихоимец, аль, наоборот, бедолага, ноги от опасности уносит?» – погадала на него ночная сторожиха детсадика, дежурившая за внука-студента, и, зевнув, перекрестила клацнувший новыми челюстями скорбный рот.

Друзья встречаются иногда почти на том же самом месте, на площади, но об этом не знают: один проносится на служебном лимузине, второй – на мятой малолитражке, третий – один-два раза в год – на сверкающем «Икарусе» с табличкой «Экспресс Агентство – Аэропорт».

1972 г.

Тюмень

Пургайские встречи

Петр Мерцалов, недавно назначенный главным инженером треста, объезжал свои экспедиции, разбросанные на территории, едва ли уступающей по площади средней европейской стране.

И то, что в неполные тридцать лет он – главный инженер треста, и размах и важность работ в этом районе, и такая сравнимость площадей – все льстило его самолюбию и повышало жизненный тонус. Ни плохая погода, ни беспорядки в экспедициях, от которых у другого давно бы уже заныло под ложечкой, не могли испортить ему настроения, заставить его хоть на минуту усомниться в своих силах. В темных зрачках его ореховых глаз весело поблескивали огоньки, а с полных, красивого рисунка губ не сходила улыбка человека, чувствующего себя здоровым физически и нравственно. Это ощущение полного здоровья пришло к нему года два назад, когда он сделал вывод, что хорошо разбирается и в производстве, и в людях; умеет говорить правду, не испытывая неловкости сам и не вызывая, как ему казалось, озлобления в других, даже если правда была жестокая.

Во всех проверенных экспедициях, тщательно ознакомившись с положением дел, вникая во все мелочи, он устраивал разносные совещания, делал необходимые перемещения. Среди наказанных были даже земляки по Горуну, по первым годам работы. Но и они правильно понимали необходимость принятых решений.

В Пургай Мерцалов прилетел поздним декабрьским вечером. В аэропорту его никто не встречал, хотя он радировал о своем прибытии. Это его несколько задело, но он моментом подавил раздражение. Было градусов двадцать мороза – самая хорошая погода, по сибирским понятиям.

До этого Мерцалов в Пургае не был, но знал, что экспедиция расположена чуть в стороне от поселка, по дороге из аэропорта.

Он с удовольствием зашагал по жесткой, как бетонка, укатанной снежной дороге. Подошвы унтов после самолета обледенели, и он лихо, по-мальчишески, покатился по безлюдному свертку дороги.

Было темно – луна еще не взошла. Декабрьский вечер в ясную погоду напоминает негатив белой ночи: черное искристое небо и светлая земля в перистых облаках заиндевелого леса.

Мерцалов обратил внимание: стоящие на отшибе чумы, занесенные снегом, очертаниями напоминали камчатские сопки-вулканы. Сходство усиливалось тем, что временами из некоторых извергались пучки искр.

Контору экспедиции он нашел без труда. Минут через пять маленькая юркая женщина, комендант общежития, вела его в заезжую.

Под заезжую была отведена однокомнатная, с кухней и сенями, квартирka в длинном, барачного типа брусчатом доме. Три кровати, стоявшие там, были заняты. Для Мерцалова поставили раскладушку, втиснув ее меж кроватей; в головах оказался деревянный стол.

Справа от него располагался испытатель с тракторного завода, слева – бухгалтер, прибывший на работу по направлению треста. В их ногах, у плиты, в самом теплом месте обитал проверявший экспедицию горнотехнический инспектор.

Испытателя звали Алексеем. Он был высок, широкогруд, жизнерадостен и смешлив. Это была его первая

«шефская» командировка по контролю за работой опытных тракторов ДЭТ-25, и он упивался ею. Его восхищало все северное: природа, люди, одежда, привычки и даже северные неудобства. «Во край! – взгыркивал он. – По нужде не удержишься: летом гнус не даст, зимой мороз! Экссесс?..» Он был в восторге от поразившей северян эпидемии «маха не глядя»...

– Махнем? – щелкнув по стеклу часов, предложил он Мерцалову в первый же вечер. И тут же восхищенно пожаловался: – Меня в прошлый раз ваш механик мирово прикупил: всучил голый корпус, а в нем живой таракан – где только его раздобыл?.. Экссесс?..

Алексей уже экипировался по-геологически: пальто променял на выдавшую виды меховую радикулитку. Обзавелся сапогами с пряжками и торговал безуспешно у инспектора унты огненно-рыжего собачьего меха... Был он неравнодушен и к звучным незнакомым словам. Поразившее его слово он произносил и так и эдак – словно бы рассматривал со всех сторон и вставлял его в свою речь, когда надо и не надо, он примерял его, как примерял бы какую-то незнакомую деталь к машине: а не подойдет ли?..

В эти дни таким словом было у него слово «экссесс» – единственное, пожалуй, запомнившееся из нового казахского фильма с главным героем – судьей. На обратном пути из клуба Алексей останавливался через каждые десять метров и то серьезно, то изнемогая от смеха повторял на все лады: «Эк-ссесс... Экссесс?.. Экссесс!.. Экссесс?!!» – И слово приобретало гамму оттенков.

Лучшего соседа, чем Алексей, обитателям заезжей не нужно было желать: ночью он ходил за водой к колодцу (к вечеру его обычно вычерпывали), промышлял по частным сараям сухие дровишки, топил плиту до тех пор, пока, довольный, не произносил: «Экссесс?..» Бухгалтер подтверждал: «Тошно, земляк, Ташкент...» Спал Алексей спокойно, если иной раз и «керосинил» с подшефными трактористами, раздевался тихо, не зажигая света.

Бухгалтер получил подъемные и теперь пропивал их. В тот вечер он спал, лежа на кровати по диагонали. Черно-волосая голова его была где-то у стены, за подушкой. Из-под перекрученного зеленого ватного одеяла с засаленными краями выглядывала крепкая безволосая нога со смуглой отсвечивающей кожей. «Молодой, должно, – невольно отметил про себя Мерцалов. А вслух спросил: – Что это за кадр? Наш?» Комендант хотела объяснить, но ее опередил Алексей: «За длинным рублем приехал, а насчет этого, – он щелкнул пальцем у кадыка, – оказался слабоват...»

– Ладно, завтра разберемся, – сказал Мерцалов.

Он достал из чемоданчика тапочки, книгу и прилег, не раздеваясь, на раскладушку, потом взял и отодвинул ее, насколько можно было, от кровати лихого бухгалтера.

Незаметно для себя он задремал. Сквозь сон услышал мелкое позвякивание стекла, шумное бульканье и густой выдох: «Гхы... Латна... Ниццава-а...» Вслед за этим зашуршала газета на столе.

Мерцалов сбросил дрему и понял, где он и что к чему: на столе были хлебные корки, их-то, вероятно, и нашаривала рука бухгалтера. И верно: послышался хруст, громкое чавканье, потом скрип кровати... Пробормотав что-то вроде «ниццава» или «иншьяалла», бухгалтер захрапел снова.

Настроение у Мерцалова стало портиться... На ощупь он достал из чемоданчика фонарик и осветил на часы: без двадцати десять. Время шло медленно. Он встал и зажег на кухне свет, попил воды, огляделся. На неприбранном столе внимание его привлекла красивая, явно из сервиза тарелка: рядом со стеклянными банками, закопченным чайником, толстыми общепитовскими сестрами выглядела она белой вороной. В углу, возле стола, был сундук, окованный узорными полосами («как у бабки Василисы»). На деревянной вешалке его радикулитка и длинное, из хорошего драпа, пальто с каракулевым воротником («наверное, этого алкаша»). Прибрав на столе, Мерцалов сел с блокнотом за стол: решил сделать заметки на

завтрашний день. В конце написал: «бухгалтер», два раза подчеркнул и поставил вопросительный знак.

Книгу, случайно купленную в аэропорту, читать не хотелось – очень уж затасканный сюжет: новатор-рабочий, консерватор-мастер... Мерцалов вспомнил, что видел над кроватью Алексея самодельную полку с книгами. Не зажигая света, взял первый попавшийся том. Каково же было его удивление, когда он увидел, что это монография академика Тарле о Наполеоне. «Елки-моталки, ничего себе заявочка: кто же здесь такой грамотный? Ишь ты, Бонапартом интересуются?!» – язвительно подумал он. Себя он считал, внутренне гордясь этим, заядлым книгочеем. У него собралась порядочная библиотека – подписка на книги тогда была свободная. Наряду с художественной многотомной классикой он покупал серию «ЖЗЛ» – жизнь замечательных людей. В ней жизнеописания Наполеона не было. Открыв книгу где-то посередине, он зачитался, продолжая стоять в неудобной позе, пока не пришел инспектор Сурков.

Горнотехнический инспектор Сурков прежде работал в Горунской экспедиции, занимал различные должности, даже начальником ПТО был. Затем началась у него полоса неудач: ошибки в расчетах, аварии, столкновения с начальством и, как следствие, понижение в должности, с унижительными для его честолюбия формулировками в приказах. Поэтому предложение перейти на работу в РГТИ он принял с нескрываемым удовлетворением. «Отосплюсь же я на некоторых... – со злорадством потирал он руки. – Помянут Суркова не раз...»

За инспекторскую работу он принялся со знанием дела и завидной одержимостью. Вскоре он стал грозой главных инженеров, механиков и буровых мастеров. У многих, ранее насоливших ему «деятелей», как от зубной боли, перекашивались лица при появлении на их объекте Суркова, демонстративно поигрывающего никелированным пломбиром...

Впрочем, зная трудности со снабжением и транспортом, на букву закона он становился не всегда и не со всеми. За три года инспекторской работы его уязвленное самолюбие было в какой-то мере удовлетворено. Единственное, что он не смог, – «отоспаться» на бывшем главном инженере: тот ушел на повышение и стал Суркову «не по зубам», все сурковские «укусы» не достигали его.

Внешне Сурков выглядел своеобразно. Отдельные черты его лица казались правильными и красивыми, но были выточены, если можно так сказать, в разных масштабах: рот, подбородок, лоб... Что касается носа, то он был «главного калибра»... Вполне понятно, что прозвище у него было «Коля-носик»...

В командировки набирал с собой Николай Владимирович детективов. Если учесть, что он постоянно в командировках, оставалось удивляться, где он их достает, пусть даже некоторые перечитывает дважды.

Обычно книгочеи, если вовремя гасят свет, – идеальные соседи по гостинице. И Суркова можно было бы отнести к такому разряду людей, если бы не его привычка зачитывать соседу смешные эпизоды и комментировать их. Он не отставал от своей жертвы до тех пор, пока не слышал в ответ хотя бы элементарное «хм». Неважно, чем занимался сосед: спал, читал или работал. Особенно чутко улавливал он юмор и «великие» мысли в подпитии. Тогда он читал вслух почти все подряд, просвещая своего несчастного сожителя. В одиночестве он читать не любил. Все бы еще ничего, да звуки обычно не успевают протиснуться через его маленький ротик, часть их идет носом, трансформируясь на длинном пути в низкое гудение, от чего речь его становилась совсем нечленораздельной, и его при желании не всегда поймешь.

Споткнувшись, Сурков ввалился на кухню и оторвал Мерцалова от книги. После совместной службы в Горуне, судьба не сталкивала их вот так – лоб в лоб. Поздоровавшись, сухо, но вполне корректно, они вежливо ос-

ведомились друг у друга о цели приезда и принялись каждый за свое: Сурков стал раздеваться, громко сопя, Мерцалов продолжил чтение исследования об удивительной судьбе корсиканца.

Отогревшись у печной стены, инспектор вскоре подал голос:

– Петр Степанович, чего вы там?.. Ложитесь да читайте... Алексей придет – свет выключит, если уснем... Я – так люблю читать в постели.

Знай Мерцалов, что он станет очередной жертвой Суркова, он бы лучше по поселку побродил... Уже минут через двадцать, не скрывая раздражения, он выговаривал инспектору: «Читайте про себя, Николай Владимирович, вы мне мешаете». Когда и это не помогло, он просто выключил свет: «Уже полночь, давайте спать...»

Сурков ничего не сказал против, но, как бы в отместку, вскоре захрапел. Мерцалов закрылся ватным одеялом с головой, но сквозь толстый слой ваты низкие трубные звуки проникали беспрепятственно. Мерцалов с сочувствием подумал: «Такой рубильник не всяким компрессором продуешь». Он представил, как бы это выглядело: компрессор, дюритовый шланг со штуцером, нос... Усмехнулся и незаметно уснул.

Пробудился он от звона рассыпавшейся мелочи и пыхтенья: «Уф-фа. Ницава... Айда-инды... Гы-гхы...» Наткнувшись на печку, бухгалтер ругнулся и вышел в сени, оставив чуть приоткрытой входную дверь – потянуло свежим морозным воздухом.

В комнате было еще темно, но пофиолетевшие окна говорили о наступлении северного утра.

Мерцалов решил вставать. Он протянул руку к стулу, на который вешал одежду, – брюк не было. «Что за чертовщина, елки-моталки!» – ругнулся он вслух. Забыв про тапочки, он добежал босым до выключателя – брюк и при свете он не увидел...

Открылась входная дверь, в проеме появился силуэт человека, подсвеченный из сеней мощной лампочкой. Человек закрыл дверь и приобрел объем – это был бухгалтер... Он был крупнее Мерцалова, поэтому... мерцаловские брюки были ему малы: из-под них виднелись голубовато-зеленые нижние штаны... У Мерцалова от возмущения аж заняло в груди: «Елки-моталки! Какой-то мерзавец ходит справить нужду в твоих брюках!..» Пока Мерцалов, играя желваками, успокаивал себя, бухгалтер, с виноватой ухмылкой на опухшем лице, оправдывался:

– Темно... гы-гхы... сам удивлялся: щиво-та ни тово-та... Виноват, канишна... Но нищава – я ж не шалтай-балтай...

Проснувшийся Алексей хохотал и советовал:

– Радиатор начисть ему, шеф, чтоб знал, как воровством заниматься... Экссесс!.. – и предлагал свои услуги:
– Шеф, дай команду, я его отучу!..

Тщательно прогладив утюгом свои брюки с лица и изнанки, Мерцалов пошел завтракать. В душе у него нарастало раздражение против Плахина, где-то на окраине сознания мелькала нехорошая мысль: «Я не забуду ему такого отношения к руководству... чтоб всякая сволота ходила в его брюках... Как в душу наплевали... осквернили...»

Столовая размещалась в металлическом вагончике. На завтрак был жидкий гороховый суп и манная каша. Пролитый суп застывал на пластике столов. Люди сидели в замученной рабочей одежде. Некоторые чуть не демонстративно старались задеть его. У веснушчатой девушки-раздатчицы он поинтересовался:

– И часто у вас такое... «разнообразие»?..

– Не-а, – ответила она игриво, – раз семь в неделю, не чаще...

Однако, когда, он вошел в кабинет Плахина, главного инженера, исполнявшего обязанности начальника экспедиции, настроение у него было бодрое, рабочее: все утренние неприятные эмоции он задавил, загнал, как го-

ворил, в «черную» дыру – этой своей способностью он очень гордился.

Сухо представившись Плахину, Мерцалов сразу же потребовал, чтобы тот распорядился насчет бухгалтера: «А то сгорит человек от водки в вашей так называемой заезжей... Работнички... Кто ему, кстати, давал вызов?..» Он опять вспомнил эпизод с брюками, и ему захотелось сплунуть... Не хотел этот эпизод сидеть в «черной» дыре...

Дождавшись, пока хозяин кабинета позвонит в райотдел милиции, он спросил с ехидцей:

– Вы с замом где питаетесь? Дома?.. В столовую-то заходите? – И не дожидаясь ответа, изменив голос, произнес: – Какая столовая? План горит, на четвертом номере авария... На двенадцатой нет дизтоплива... Сорвана забурка шестого... Понимаю... Понимаю – дела-с! Не до мелочей...

Плахин удивленно приподнял брови:

– По крайней мере – не до иронии... Помощь нужна, а не ирония...

– Кстати, вы знаете, что ваш район вот так перевыполнил план по рыбе и оленине?..

– А при чем здесь мы?

– При том, что в столовой у вас на завтрак манная каша! Много с манной каши у тебя мужик наработает? Дистрофиками станут от такой кормежки. А вот в северной экспедиции кормят мясом, закупленным в вашем районе. И рыбка у них всех видов есть. После ихней кормежки на мороз выйти не страшно. Если и на буровых так же кормите...

Глядя на то, как невозмутимо Плахин постукивает пальцами по настольному стеклу, Мерцалов внутренне усмехнулся: «Ишь, будку наел – хоть прикуривай. Возьмусь я за тебя...» – а вслух распорядился:

– Пока я здесь займусь производством, будьте добры наладить питание. Свяжитесь с орсом, с потребсоюзом, рыбкоопом...

Первым же вертолетом он вылетел с начальником ПТО на Р-4. На буровой дотошно порасспросил всех, имевших касательство к аварии, выяснил истинную ее причину и тут же отдал все необходимые распоряжения по ликвидации; сам же проконтролировал их выполнение. В пятом часу утра авария была ликвидирована. Вероятно, она была бы успешно завершена и без его участия, но факт есть факт: буровая находилась в аварийном состоянии две недели, а вот стоило приехать ему, главному инженеру треста, принять энергичные меры, и скважина ожила, стала давать так необходимые в конце года метры проходки. Это было приятно, поднимало настроение.

С четвертой они перелетели на двенадцатую. По пути увидели лосей. Пилот специально сделал круг: около небольшой березовой колки стояли лоси, положив на спины друг друга рогатые головы. Очень трогательная была картина. Они совершенно не отреагировали на гул вертолета. «Неужели привыкли? – удивился Мерцалов. – Может, ветер сносит звук в сторону...»

На двенадцатой был полный порядок: с базы пробились к ним тяжелые тягачи с дизельным топливом – они не раз тонули в гнилых местах, называемых помойками. Как бы то ни было, зимник был пробит!

Наказав щеголеватому командиру прилететь за ним завтра, Мерцалов остался на буровой Р-12.

Решение это, похоже, не очень понравилось буровому мастеру Мациевичу – он нервно теребил рыжеватые кудрявые усики, прятал под белесыми бровями ярко-голубые глаза.

– Загостюете у нас, Петро Степаныч, поясница ноет – быть пурге... И спать негде: ни одной нары в балках свободной... Летели бы, а?.. Солярку скачаем, ствол проработаем и, глядишь, к вечеру начнем бурить... А?..

В вахте Мациевича Мерцалов работал помощником бурильщика и знал его хорошо: не любил тот начальство на буровой...

– Ниче, Валерий Викторович, – простецки успокаивал он мастера, – не велика беда, если и задержусь – помбуром поработаю, тряхну стариной... А если доверишь, то и за бурильщика постою с удовольствием. Но прежде давай посмотрим буровую: посмотрю, как вас тут выдрессировал Сурков. Нельзя же, чтобы он после меня выдал предписание пунктов на пятьдесят, а, Викторыч?.. Не дадим мы ему такого козыря...

Мастер не зря беспокоился: почти сутки они устраняли нарушения, выявленные главным инженером треста.

Спокойно, даже шутливо Мерцалов выговаривал мастеру за недоделки:

– Смотри, Викторыч, профессию придется менять... Надо же, столько времени ждали дизтопливо, запинались о нарушения, ждали, пока носом ткнут. Так дело не пойдет... Запасную-то профессию не подобрал?.. Некоторые в егеря намерены податься или на пасеку пчеловодом...

– Намек понял, – обидевшись, ответил ему Мациевич.

Короток декабрьский день, как перерыв между сеансами в кино: только дошел до своего места, как следует еще и не устроился, не осмотрелся, а свет уже начинает тускнеть...

Мациевич проследил за квадратной рабочей трубой, медленно проседавшей в роторе, и крикнул Мерцалову:

– Забурились ведь, а?.. – с таким выражением, словно хотел сказать: «Вот как ты нам ни мешал, а мы все равно бурить начали...»

Он уступил место бурильщику и пошел следом за Мерцаловым:

– Сколь вот уже в бурении, а люблю сам забурить: что с нуля, что хоть вот так – после простоя...

– Не сбил, знать, охотку, – одобрил Мерцалов, оглядывая сужающийся на глазах горизонт. – Вертолета ждать нечего...

– Да, уж это точно, – согласился мастер. – А может, с вездеходами? Протрясет – далеконоько покажется...

В Пургай прибыли глубокой ночью. После двенадцати часов тряски и грохота Мерцалова покачивало. В сенях заезжей горел свет, но дверь была на крючке. Он долго стучал сначала костяшками пальцев, потом барабанил – никто не просыпался. Попробовал откинуть крючок тоненькой щепочкой – ничего не получилось. «Елки-моталки... – он был растерян, – натуральный эксцесс...» Он обогнул дом, прикинул, где окно заезжей («не хватало, чтобы ошибиться...»), и начал стучать тихо, но требовательно.

Впустил его Алексей. «Эксцесс!» – весело воскликнул он вместо приветствия. «Эксцесс...» – раздраженно отозвался Мерцалов. Он стал раздеваться и тут заметил длиннополое драповое пальто. Он даже на какое-то время замер. «Это что – опять?...» – и голос у него предательски дрогнул. Алексей понял вопрос: «Наш общий «друг» – подтвердил он, зевая. – Сегодня «нарисовался». Выпустили. Опять набрался. Если хошь, угощу – экспроприировал у него «пузырек». Лосятинкой закусишь. Вон, на плите в кастрюле. Инспектор сегодня напромышлял. Хлеб в шкафу. Я вот так нарубался... лосятины... Эксцесс?..»

Воздух заезжей был спертым от сушившейся обуви, унты инспектора, развешанные над плитой, пахли плохо выделанной собачатиной.

Мерцалов съел большой кусок лосятины, запил крепким бульоном, и его потянуло в сон. К воздуху он уже принюхался. Раздеваясь ко сну, он предусмотрительно спрятал брюки под матрас и, вздохнув глубоко, с облегчением, мгновенно уснул, даже не обратив внимания на густое инспекторское ворчанье...

Впоследствии, вспоминая свой первый приезд в Пургай, он иронически усмехался: «Одын кышмар» – ни разу не дали выспаться... Про историю с брюками он не рассказывал даже Соне, своей жене. Тем не менее история эта, обрастая подробностями, обошла все экспедиции треста (в одном варианте пьяный ненец ходил в его брюках по Пургаю).

Проснулся он от яростного дребезжания стекол. Сначала ему показалось, что это он все еще стучит в окно... нет, это продолжают вызванивать по льду гусеницы тягача, но истошный женский голос: «Пожар!.. Пожар!..» – моментально прогнал остатки сна.

Путаясь в штанинах – вот когда еще простительно перепутать брюки! – он быстро оделся, подергал Алексея и инспектора и выскочил на улицу...

Мерцалов, ожидая увидеть зарево пожара, огляделся вокруг: сплошная темь. Он прислушался, со стороны конторы доносился приглушенный говор и легкое позвякивание ведер – будто ягоды собирают... Он побежал в ту сторону. Оказалось, что это члены пожарной дружины снимали с конторского щита пожарный инвентарь, а почти весь поселок собрался дальше, у недавно построенного двухэтажного малосемейного общежития. Там тоже никто толком не знал ничего. Говорили, что в квартире механика, на втором этаже, под сухой штукатуркой, затлела электропроводка и отец механика, старый хохол, почуял дым. По этой причине электричество было выключено во всем поселке. «Что за дикость! – возмутился Мерцалов. – Не могли на щите только дом отсечь?..» Но на него никто не обращал внимания. Люди метались, натываясь в темноте друг на друга. Кое-где посверкивали тонкие лучики фонариков. Не чувствовалось присутствия какого-нибудь руководителя, даже стихийного лидера. Мерцалова охватил гнев:

– Где Плахин? – заорал он, грубо ругаясь. – Ну-ка, бегите кто-нибудь за ним. Где энергетик живет?.. Энергетика сюда – отключить дом, на поселок дать свет. Водителя АТТ сюда – пусть пока осветит общежитие.

Кто-то прислушался к его командам, побежал выполнять их. В то же время со всех сторон неслись встречные разноречивые команды, истошные крики:

– Воды!.. Сюда... сюда, так вас растак, воды...

– Карниз ломай!.. Карниз!..

– Где топор?.. Дайте сюда топор! Эй, с топором, сюда!..

Вырвав силой у кого-то фонарик, Мерцалов поднялся на чердак. Там тоже сплошная темь. Запах дыма, правда, чувствовался, но откуда он шел – было непонятно. Механик поливал из ведра опил вдоль стен своей квартиры. Какой-то крупный, разгоряченный мужик, в одной рубашке, прорубал потолок над кухней. В стороне нетрезвый тракторист, раскаляя себя ругательствами, рубил стропила:

– У-у, промотина!.. Раскатаю это гнездо!.. По бревнышку!.. – кричал он. – Промотина, так перетак!..

Мерцалов узнал в нем одного из подопечных трактористов Алексея.

«Какой-то всеобщий идиотизм», – ужаснулся он. Он – не без риска – отнял у тракториста топор, у механика взял пустое ведро и начал в него колотить, подсвечивая себе фонариком. Когда почувствовал, что люди подтянулись к нему поближе, спокойно предложил всем спускаться на землю. С механиком потом обошли, кое-где и на корячках, по всему чердаку, – признаков тления уже не было – один запах залитых водой углей... На этом, собственно, все и кончилось. Некоторые зеваки, казалось, были разочарованы таким исходом, кто-то даже затыкнул: «Эт-эт что-эт за пожар?.. Только зря сюда бежал...»

Сожители Мерцалова спокойно спали. А он после «экссесса» долго не мог заснуть. Со смешанным чувством зависти и раздражения слушал он тихое посапывание Алексея, низкое гудение Суркова и прерывистый рык бухгалтера...

Проснулся вновь не по своей воле...

Твердая холодная рука потряхивала его за плечо, а удивительно знакомый голос сыпал скороговоркой:

– Вставай, Петра Степаныч, вставай!.. Не давай жиру завязываться! Добрые люди приехали, закусили, опохмелились, а он все дрыхнет!.. А ну – вставай, вставай! В темпе!

Перед Мерцаловым стоял Кирилл, а рядом с ним доброжелательно помахивал лохматым хвостом ярко-рыжий, вислоухий пес...

Внешне Кирилл напоминает окуня. Сходство придает зеленые, навывкате глаза, большелобая, с высокими залысинами, голова и все его стремительные повадки...

Говорит он быстро, но отчетливо, до буквы выговаривая окончания слов. Из него вполне вышел бы классный спортивный комментатор. Голос напряженный, хрипловатый, как после простуды, хотя может звучать и ясным тенором, бархатистым басом.

Энергии в нем хоть отбавляй: ему все нужно куда-то спешить, что-то делать – неважно что, лишь бы «спортивный интерес» был... Даже читая, он не может сидеть – ему нужно ходить или что-нибудь жевать. Пишет он быстро, буквы округлые, но не полностью выведенные. Читает или пишет всегда в такой позе, как будто куда-то летит и ждет, что вот-вот объявят посадку... Соображает он быстро, «в темпе» – легко и без всякого напряжения. Ему непонятно: как это, если сразу не дошло, пытаться неподвижно сидеть и думать минуты и часы, не говоря уж о днях... В шахматы он играет только блицтурниры и пятиминутки... Кирилл очень неразборчив в знакомствах, очень общителен. Стоит ему приехать на новое место, как через пару дней он обрастает закадычными друзьями. Среди них пилоты и «оперы», врачи и грузчики, рыбаки и журналисты, охотники и пионеры... Ну, а уж про своего брата-нефтеразведчика и говорить нечего...

В большинстве своем – это действительно закадычные друзья, покоренные его бескорыстием, напористостью и веселым нравом. После общения с ним у иного остается такое впечатление, что вот жил он: придорожным деревом, пылью покрылся, сохнуть стал, да вот налетел свежий ветер, потрянул, оживил его – ветку, глядишь, обломал, сорвал несколько листьев и улетел куда-то, но ощу-

щение свежести оставил, тревоги какой-то и затаенного страха...

С Мерцаловым учились они на одном курсе, в параллельных группах. На четвертом курсе, после вечеринки у «педиков», подружились: повязала их Рита, гибкая, пышноволосяя, черная, как цыганка, студентка биофака с удивительно мягкими, приветливыми серыми глазами. Каждый из них делал все, чтобы не оставить другого с ней «тет-тет». Тогда она сама нашла способ, чтобы оказаться с одним из них наедине на длинный весенний день на воронках, у родника с густой известковистой водой... Внизу громыхали каждые пять минут тяжеловесные поезда, а вверху радостно и тревожно шумели набухшими вершинами сладкие клены, раскидистые дубы и нежные, еще не проснувшиеся липы... Позванивали маленькими разноцветными колокольчиками медуницы. Пушистые, как цыплята, первоцветы пахли остро и головокружительно. «Анемона алтайка» называла Рита эти подснежники.

Счастливец оказался Кирилл...

Мерцалову предлагали после института остаться в аспирантуре. Не сознавая себе в том, что делает это ради того, чтобы видеть изредка Риту, он поехал на Север. Направили их в разные экспедиции, и он редко виделся с Кириллом, и тем более с Ритой.

Работа увлекла Мерцалова. Служебная карьера складывалась удачно, и это приносило удовлетворение и зарубцовывало постепенно сердечную рану. На четвертый год работы, будучи уже начальником ПТО, он женился на Соне, по случайному совпадению тоже закончившей биологический факультет университета.

О Рите и Кирилле он узнавал теперь из разговора с общими знакомыми да из телеграфно коротких писем, без знаков препинания, которые изредка присылал ему Кирилл.

Свою служебную карьеру Кирилл начал стремительно – сразу начальником нефтеразведки. Потом, за серию

аварий, так же стремительно был разжалован. В дальнейшем он так и ходил то в героях, то в штрафниках. Вел он широкую гусарскую жизнь, которая Рите вскоре надоела, и она несколько раз уезжала к родителям.

Эти слухи доходили до Мерцалова, – он все собирался встретиться с Кириллом и наставить его на путь истинный. «Елки-моталки, – искренне жалел он, – способный парень, а ни за грош пропадает. Как бы ему помочь?..» И чем больше настраивал он себя на благородный поступок, тем явственнее, помимо его воли, в глубине, словно в закипающем молоке, всплывали, расширялись злорадные пузырьки: «Так и надо ей, пусть локотки покусает...» Но он гасил эти мысли силой рассудка, загонял в черную дыру. «Надо вызвать их в свою экспедицию», – часто думал он, но так и не собрался...

Пока Мерцалов брился, Кирилл наводил в комнате порядок:

– Крокодилы, не можете обращаться с духовной пищей... В сундук буду запирать, – ворчал он, собирая книги.

Рыжий пес тихо сидел у стола; лохматая, яркая, как подсолнух, его голова неизменно поворачивалась вслед за хозяином.

– Шикарная у тебя собака, – похвалил пса Мерцалов.

– Да, собака что надо, – согласился с ним Кирилл, – от меня ни на шаг, чем и выдает... – Он погладил собаку, поворошил загривок: – Настоящий друг... человека.

– Елки-моталки, так ты здесь живешь? – спохватился вдруг Мерцалов. – А я смотрю: чьи это шикарные книги? сундук? посуда?.. Вон оно что... постой, а где же... – он смешался и замолчал.

– А ты не знал?.. В разводе мы. Врать не буду: ушла она, попросту бросила меня... Как пришла, так и ушла... К лучшему другу ушла. Был у меня друг-летун. Вот она его от семьи увела, а меня бросила. Оставила она мне, что ей не нужно, – сундук вот свой с приданным... Правильно рассудила: пропью или друзьям раздарю... вся-

кой шобле... Кстати, они ведь здесь: можешь в гости сходить... Иногда встречаются – здороваемся...

Мерцалову во второй раз стало тоскливо: никакой радости он не испытывал, наоборот, он как бы во второй раз терял Риту и теперь окончательно. Он помолчал, осваивая новость, потом посоветовал:

– Тебе бы уехать надо – зачем себя травмишь?..

– Мне уехать? – Кирилл был искренне удивлен. – Ты советуешь мне уехать? Не-ет! Пусть они уезжают, а мне и здесь хорошо... А вообще-то, может, и надо. Долой Север! – к чертовой матери. В темпе. Не по мне стал. Измельчал. Стал расчетливым. Упорядоченным. Обжитым. Завистливым. Душу застегнул в японскую болонью. Галстуком затянул. Точно. Уеду. К старикам. Или к ненцам. В белую тундру!

Мерцалов опешил: он не думал, что его совет получит такое развитие. Его задели последние слова Кирилла, он негодуяще перебил его:

– Ты что запел?.. Север тебе разонравился?.. Бардака меньше стало – и тебе сразу не по душе?.. А ты думал: вечно будет продолжаться северная «запорожская» сечь?.. Нет, брат, все закономерно, елки-моталки! Дальше все упорядоченнее будет. Даже у нас, в геологии. И с этим мириться надо. По пятам у нас идут нефтяники, газовики – это же промышленность, дисциплина, поток!..

– Кончай ликбез, Петра Степаныч! Давай за встречу лучше выпьем! А «Наполеона», если желаешь, я тебе подарю на память о моем «Ватерлоо». Читай – стоящая книга. Вон какие колоссы рушились! Что мы в сравнении с ними и наши беды?..

– Я тебе вполне серьезно, а ты... – обиделся Мерцалов. – Уехать тебе от нее надо... Мне от тебя скрывать нечего: перестал ее видеть и постепенно забылась. Встретил Соню... Любовь не любовь, но уважение, ласка есть. Ты еще Северу – во как! – пригодишься... Хочешь, заберу в трест?.. Или в Северную экспедицию?..

Кирилл на мгновение сник, но тут же задиристо толкнул Мерцалова:

– Об что речь, Петра Степаныч?.. За ласку благодарю. Только не поеду я в трест: вдруг запью, в «подполье» уйду – зачем тебя шокировать?.. А книгу бери, я хоть буду знать, что не раздерут ее на листки какие-нибудь квартиранты. Плахин – видишь? – из моей квартиры чуть не бордель устроил... Ладно, давай свежий анекдот расскажу...

Анекдоты Кирилл рассказывал мастерски, увлекая слушателей, как гипнотизер. Он мог смешить до колик – словно семечки лузгал, до тех пор, пока не заболит язык. Мерцалов все же через некоторое время спохватился:

– Заговорил ты меня совсем, у меня же дела...

Кирилл остался:

– Дреману. Я же еще в командировке.

Он убрал вещи Суркова, достал из сундука чистое белье и лег. Пес расположился возле кровати. Кирилл запустил пальцы в длинную собачью шерсть и о чем-то надолго задумался. Собака стояла не шелохнувшись, ощущая легкое подрагивание пальцев хозяина. Потом Кирилл резко встал, накормил собаку, из армейской фляжки налил в кружку водки и плеснул ее в приоткрывшийся на секунду рот, не испытывая ни горечи, ни «сладости» выпитого...

Дела свои Мерцалов закончил поздно. Плахин пригласил его к себе поужинать, но он отказался. Как бы вспомнив, он заговорил с Плахиным о Кирилле:

– Это ж мой однокашник. Способный парень. Вы бы повнимательней с ним были. Что это – квартиру в заезжую превратили? А там – ценные вещи. У него сейчас тяжелое время. Загрузите его работой, я уверен, он справится с любой. Договорились?..

Плахин улыбнулся:

– Кирилл Иванович все может... «Может, но не хочет...» Это у нас директор школы так говорил: «Ведь можешь...

Можешь! А не хочешь!» И драл лентя или хулигана за уши. К сожалению, я – не директор школы, а Кирилл Иванович – не ученик. Почти две недели был в командировке, а ничего не сделал – пропьянствовал. Мы ведь тоже его знаем, но терпенье, боюсь, лопнет... Попасем еще, ладно.

В заезжей, вернее, в квартире Кирилла было шумно. Едва Мерцалов показался на кухне, к нему подскочил Алексей и восторженно его приветствовал:

– Ну и друг у вас – эксцесс! Вас ждем, сабантуй не начинаем. А закуси сколь! У-ух! – Он открыл кастрюлю – в нос ударило крепким уварившимся мясным духом.

– Ассорти... мясное ассорти, – крикнул из комнаты Кирилл, – лосятина, оленина и медвежатина.

Был он уже навеселе.

– Угощайтесь, – хлебосольно приглашал к столу своих постояльцев, сам – то ли хозяин, то ли квартирант у себя дома. Он щедро разливал водку, подавал мясо, бульон в кружках, сыпал шутки, анекдоты.

Подвыпивший Сурков, перебравшийся на кровать бухгалтера, тоже пытался рассказать какую-то смешную историю, но вконец запутался и стал предлагать Мерцалову свое предписание.

– Тут и по тресту пункты есть, и вообще... – он многозначительно помахал указательным пальцем: – Серьезные есть нарушения...

Мерцалов категорически отказался обсуждать в такой обстановке деловые вопросы. Сурков обиделся и стал просить у Кирилла собаку:

– Пацан у меня... Колькой – в честь меня назвали. Ох и шустрый пацан! Подари мне собаку – вот Колька обрадуется! Верхом будет на тебе кататься, – правда, Огонек?.. Пойдешь к нам, Огонек?.. Собаке уход нужен, а у тебя – что?.. Сам сопьешься и собаку погубишь. А?..

Собака тоскливо, со скрытой злобой отворачивалась от Суркова и тихо поскуливала.

Кирилл часто-часто поморгал короткими ресничками и надрывно-весело отказал:

– Не-ет, хватит: ружье – подарил, жену – тоже, можно сказать, другу уступил... Нет, не проси – это последнее, что в жизни осталось... Огонь, ко мне!..

Наутро, в аэропорту, инспектор снова занудил:

– Кирилл Иванович, на что он тебе? Отдай, пацан у меня обрадуется... Или продай? А?..

Мерцалов резко толкнул его в бок и злым шепотом приказал:

– Прекратите немедленно!..

У Суркова был большой чемодан и сверток. «Ясак собрал», – язвительно заметил Кирилл. Он сбегал в отдел перевозок, находившийся в отдельном балке, потом к синоптикам. Вокруг него, словно факел, крутился сеттер.

– Порядок, Петра Степаныч, – доложил он Мерцалову, – погода есть. Сейчас заправят борт и – «от винтей!»...

Прямо перед ними лихо развернулся «газик». Из него вышел Плахин и молодой, стройный даже в меховом костюме, мужчина, чернявый, с тонкой ниточкой усов. Он поздоровался с Кириллом издали и прошел к вертолету, в который такелажники грузили тяжелые бочки. Когда Плахин, покачивая мощной фигурой, отошел от них, Кирилл мотнул головой в сторону вертолета:

– Вон он, друг-соперник – видишь?.. Промежду прочим, в моей шапке, смотрю. В новой... Она правильно рассудила: новому – новое, старому – старое... Об что речь! Огонь, Огонь, ко мне! – вернул он побежавшего было к вертолету пса.

Поддувал резкий восточный ветер, обжигал лицо, леденил тело. Решили зайти в крошечный зал ожидания. Там увидели... бухгалтера. Сурков начал его задирасть:

– Здорово, алкаш! Что, поди, здесь и ночевал?.. Вот обрадуешь семью: заработал денег!.. Обрадуешь, грю, семью.

– Нищава... – виновато улыбался тот, потирая заросший черной щетиной подбородок, – виноват, канишна... да нищава...

– «Нищава-нищава...» – передразнил его Сурков и засмеялся: – Они тебя дома ждут с длинным рублем, а тебе еще подъемные платить придется... Подъемные-то через суд вытребуют – вот тебе и «нищава»...

Мерцалов взглянул мельком на бухгалтера и тотчас отвел глаза: ему показалось, что тот заговорщицки подмигнул ему: «Нищава, нащальник, знаем, да никому не скажем...» Петр Степаныч внутренне содрогнулся: «Елки-моталки – что за ерунда такая? Я же приказал себе забыть об этом случае... Нет, опять вылезло...»

Он вышел на крыльцо: было уже светло, но сумеречно, как при неполном затмении солнца. В морозном воздухе рождались снежинки, редкие, тщательно отделанные в кузне небесного Левши. Они цеплялись друг за друга и, казалось, тоненько позвякивали. Технари опробовали двигатели самолетов на разных режимах: на форсаже и холостых...

Попрощавшись, Кирилл отошел от самолета на десятков метров, пес притулился около унтов.

Когда пилот сделал предстартовую перегазовку, самолет задрожал тонкой, в пупырышках заклепок обшивкой, по фюзеляжу забарабанили комья снега («словно при пожаре по окну...»). Искусственный ураган захлестнул Кирилла. Тот, придерживая шапку, подался чуть вперед; вмиг похудевший Огонь мужественно противостоял снежному урагану. Бессильными крылышками трепетали уши собаки и поношенной ондатровой шапки Кирилла.

Снявшись с тормозов, вырубивая на взлетную полосу, самолет последний раз вильнул снежным хвостом и через минуту, врезаясь в небо, оставил его на земле вообще.

Мерцалов с облегчением вздохнул и переключился на мысли о доме и предстоящих делах.

1970 г.

Тюмень – Салехард

Золотарь

Весна в том году выдалась ранняя: Пасха выпала на пятнадцатое апреля, начальник вычислил точно. Всю вторую половину месяца солнце неистовствовало. «Гонимы вешними лучами...» стремительно сбежали снега, и тридцатого апреля на реке тронулся лед. Пошла утка.

Начальник, как и обещал, «слинял» вместе с «ординарцем». Пол-экспедиции разлетелось на «Вихрях» по сорам и протокам: по своим заповедным местам. Не заметная раньше работа начальника свалилась на меня, пришлось уплотнять распорядок дня.

В последнее время я со своими главными специалистами готовился к комплексной проверке экспедиции горным округом. Подобные проверки обычно заканчивались большим «кровопусканием»: времена настали такие, когда легче проверять, чем работать. Но я был оптимистом и готовился встретить грозного противника во всеоружии «бумаг».

Обалдев от писанины и чтения всевозможных инструкций и «Правил», обычно мы с заместителем по технике безопасности шли проверять его снасти, – он поблизости ставил две-три коротенькие сетки. Мы брали старый портфель под рыбу и надувную лодку. Сети его проверяли все кому не лень. Выбрав остатки улова и очистив снасти от мусора, – это была хозяйская забота! – мы шли в гостиницу. Жена у зама была в отъезде, поэтому ужинали мы с ним вместе. Обязанности у нас были распределены: он готовит уху, я иду за «пузырьком». Плеснув в кипящую уху стопку водки, мой напарник снимал кастрюлю с огня и, отдуваясь, вытирал добродушное лицо: дело сделано!

Гостиница – деревянный дом с четырьмя «нумерами», «залой», гардеробом и кухонкой; были еще и сени с «плавающим» по прихоти мерзлоты крыльцом.

Ужинали мы в «зале»: на запах свежей ухи, заправленной пряностями, кто-нибудь «случайно» обязательно зас-

какивал, а в «зале» стол раздвижной и сервант с посудой под рукой.

На следующее утро после отъезда начальника я обнаружил около своего кабинета толпу. Секретарша, увидев меня, бесцеремонно прикрикнула на людей:

– Раздайся, народ! Пропустите хозяина!.. Вот это – входящая почта, время будет – гляните. А это – на подпись, подписывайте! В банк! На зарплату! Не ждет!!

Я механически подписывал все, что она требовала. «А, раньше посадят, раньше выпустят!» – бухгалтерию мы «проходили».

Прижав бумаги к груди, секретарша собралась уходить.

– Прием будете вести? Или... – она заговорщицки мотнула головой, – шугануть?.. Пусть начальника ждут?..

– Да нет... отчего же? Пусть заходят... Буду решать, – что в моей компетенции, – обреченно возразил я. «Начинать когда-то надо!»

И пошло: заявление на аванс... «А заработал?» Отпуск без содержания... «А положен?»... Продление договора.... Увольнение... Перевод... Бочку бензина за наличный расчет... Шефская помощь... Ремонт...

Я звонил в отделы, консультировался со специалистами: не против? есть? положено? законно?..

К моему удивлению, толпа быстро рассосалась. С последним посетителем – его забирали в армию – я позволил себе даже потрепаться немного: земляком парень оказался!

– Отслужишь, приезжай с корешами, – сказал я ему на прощание.

После этого еще некоторое время шли «конторские» со своими служебными вопросами. Второй раз уже нарисовалась дамочка из планового: консультация по «техническому вопросу» понадобилась. Заигрывает по-черному. Вырядилась: кремовые, в обтяжку, брюки, прозрачная кофточка. Пышная прическа. Очки в тонкой золотой оправе. Мыслимый набор украшений. И так встанет, и эдак: потягушечки чуть не делает! Голос воркующий, с

хрипотцой. При улыбке зуб золотой взблескивает. «Дернуло меня на майских праздниках приударить за ней! – укорил я себя. – С другой стороны, кроме дежурных любезностей, ничего и не было...»

Спас меня от дамочки зам. Как только он вошел, она выпорхнула. Он многозначительно посмотрел ей вслед:

– От, стерва! Недавно ведь мужик «воспитывал», а уже нейметя!.. Ну, теперь держитесь! – подмигнул он мне. – Так просто от нее не отделаетесь, раз глаз положила. Лучше уж не сопротивляйтесь, все равно допечет!..

Через некоторое время зам ушел, а я растерянно стал припоминать: не переусердствовал ли я в клубе со своей галантностью?.. Все же «нетверезые» были мы тогда...

Угрызения совести прервал осторожный стук в дверь.

– Да-да! – обрадованно крикнул я. – Входите!

– Разрешите?.. Здравствуйте у вас... Доброго вам здоровьица...

Посетитель, высокий мужчина в серых валенках и телогрейке армейского образца, почтительно остановился у самого порога; в одной руке лохматая собачья шапка, в другой – свернутые в трубочку бумаги.

– Слушаю вас! – доброжелательно воскликнул я. – Да вы проходите, садитесь: в ногах правды нет.

– Вот уж истинно: нету правды... ни в словах, ни в делах...

Говорил он торопливо, невнятно, нервно поглаживая седую щетину; маленькие глаза смотрели из-под кустистых бровей в сторону. Удлиненное лицо его, несмотря на неухоженность, выглядело благообразным.

– Мне... это... сказали... заявления ныне подписуют... дак я... это... заявленьице... того... тоже принес...

Мне стало не по себе.

– Заявления-то подписывают, да смотря какие, – произнес я, кисло улыбнувшись.

– Так оно, так!.. Да уж и мне-то... скоко ждать?.. Того: подпишите, окажите милость... Коли всем, так и мне уж!

И то, чуть не опоздал! Скребу я, в малосемейке-эт. А там ить охальники: мимо очка все норовят навалить. Как нарочно. Пра... Там, значица, долблю я, а мне и говорят: заявления подписуют. Беги, грят, може, и тебе уважут. Я и побег. Вот... Уж не откажите... – и он выложил пачку сворачивающихся, как береста, бумаг.

Я понял комическую двусмысленность своего положения. «Кажется, влип: допустил где-то «прослабку», вот народ и потек. Впрочем, почему «прослабку»? Пока все делал в пределах здравого смысла. Без бюрократической проволочки. А если у начальника были какие-то свои соображения?.. Ну и хрен с ними! Надо быть, конечно, внимательнее: все же подпись «банковская», не автографы раздаю...»

Пока я изучал бумаги, проситель пояснял:

– Я... это... ассенизатором числюся... золотарем, то ись, по-простому ежли... обосновался тут давно, до разведки еще, да... а разведка пришла, сортиров, извиняюсь, обчественных наставила... тут я и сгодился: с тех пор по этой части и иду... желающих-то сюда нету... бессменно, значица, я на должности... не сымали еще, как вашего брата, начальства, извиняюсь... – Он смущенно прикрыл улыбающийся рот мосластой рукой.

«Золотарь»... «золотарь»... Когда ж я услышал это слово? Помню, поразило оно меня, шокировало даже. А... Давным-давно, шли мы в глухую пору со школьным товарищем по старой Уфе. Забылось уже, почему мы так припозднились. Вдруг по проезжей части, по булыжникам, зацокали подковы, затарахтели едва различимые за кленами телеги – целый обоз! «Кто это? – спросил я. Друг понюхал: «Цу фусс! Золотари едут...» – и пояснил, кто они такие. На передней бочке сидел человек в брезентовом дождевике и меланхолически напевал: «Золотарь я, золотарь... я сортирный государь...»

А «золотарь» продолжал:

– ...Оно б и ничего, кабы народ не безобразничал. Да куда там! Пакостники всегда найдутся... Вот и приходится

лишнюю работу делать... А струмент, метелка та же альпешня – носятся, замены требуют, а где их взять?.. Раньше-то – казенными обеспечивали: черенки – фугованные! Не знаю – где брали? Хоть и за границей – главное, что – были! А ноне, который год, на самоснабжении. Я – што? – не против, только плати. А в том и закавыка, что не хочут... Вот, значица, я и заявленьице подаю, чтоб оплату сделали: за изготовление то ись, и за добычу голика в тайге, и черенков...

Бумаги, на мой взгляд, были в порядке: наряд подписан мастером хозцеха, «струмент» был проведен через склад, оставалось провести наряд через отдел труда и бухгалтерию и – получайте, дорогой товарищ ассенизатор, свое заработанное.

Для уточнения я позвонил в отдел и спросил, входит ли в обязанности моего посетителя изготовление орудий труда. Ответили, что «не вменяется». «Тогда почему не оплатили?» – «Не было команды!» – отвечают.

«Ясно! – думаю. – Будет вам команда! Еще в хозцехе уточню кое-что. Как там его имя-отчество?» – Я заглянул в заявление:

– Алексей Алексеевич! Кто наряд составлял и прочее, сами?..

– Упаси бог – сам! Начальница теперешняя наша, Людка, то ись Людмила Андревна, она надоумилась.

Только он это сказал, как сама она нарисовалась. У меня даже подозрение о сговоре явилось.

– Требования на материалы подпишите. Между прочим, для вашей «фатеры»! – с нажимом произнесла она.

– Не может быть! Куда столько? – радостно ужаснулся я.

«Людка» уставила на меня настырные глаза в добродушном прищуре:

– Ну, вы даете! Да вас же, оказывается, вокруг пальца обвести можно!..

– С чего ты взяла? – обиделся я.

– А с того! Тут материалов на десять ваших квартир – школу будем ремонтировать.

– А как же моя квартира? Там ведь полнейший разгром.

– Да холостякуйте еще! Женщин интересных у нас нету, что ли? Гостиница пустая, мешать некому. А семью к осени привезете, к школе... – она гортанно хохотнула, наслаждаясь моим смущением.

Я переключил ее внимание на ассенизатора.

– Какой разговор! Подписывайте не глядя!.. Да таких людей, как Лексейлексеич, на руках носить надо! Чесслово! – она всплеснула полными руками. – Будь моя воля, я бы платила ему побольше, чем разведкому и отизовцам: он один людям настроение подымет лучше, чем те со своими починами да соцсоревнованием!..

Смех смехом, а я сразу заметил аккуратность отхожих мест: выскоблено, присыпано хлоркой... В других экспедициях эти «заведения» – притча во языцах, ногой ступить негде, аж вспоминать противно...

– Нет, серьезно, – продолжала начальница поселкового коммунхоза, – раньше эти метлы покупали в ГОХе. Ханты их где-то за тридевять земель делали. Соответственно и цена: почти бутылка водки за штуку. Я Лексейлексеичу расценку вывела божескую, для экспедиции экономия. А начальник уперся: пусть тариф отрабатывает. Я ему: не обязан Лексейлексеич за тариф вязать венники-метелки и черенки строгать. Все равно – нет! Я ультиматум: уйду, раз доводы мои не принимаете! Развод, говорю, и девичью фамилию! Подписывайте. Будьте хоть вы человеком.

– Считай, что уговорила, – говорю ей. – Только про ремонт не забывай, а то за тобой первой приударю!

Вечером, когда мы с замом спускались к речке, в нижнем проулке повстречался нам тщательно выбритый старикан в габардиновом плаще-пыльнике и широкополой шляпе. Отступив с тротуарчика, он раскланялся с нами. Уже миновав его, я узнал в нем «золотаря». Как только

мы отошли, я попросил зама рассказать, что он знает про этого человека.

– А!.. – мой спутник приподнял, словно огромную шляпу, надувную лодку и поставил ее на ребро. – Всякое про него болтают, – сказал он, отдуваясь. Мой зам был полноват, силен, но хождение с «поднятыми руками» было для него тяжеловато. – Он, как на пенсию вышел, уезжал куда-то. При мне. Но сундук – кованный! – здесь оставлял. У бабки Головкиной. Больше он ни с кем не якшался. А что это ты вдруг?.. Чем он задел?.. Во-он, сходи: его избушка на курьих ножках, об одном окне...

Я объяснил ему про веники-метелки, мы посмеялись и пошли дальше. Выбрали рыбы мы в тот раз столько, что пришлось делать кукан из тальника: улов не помещался в портфеле...

Так и забылся бы этот наряд на метелки, да при случае начальник напомнил.

– Не в свои сани лезешь, хлопец! Добреньким за чужой счет хочешь проехаться? Ха?..

– О чем речь? – не понял я. – Нельзя ли поконкретнее?

– Можно и конкретнее: х'то позволил тебе...

– Тогда уж – не «тебе», а «вам»...

– Яка разница!.. Х'то позволил ва-ам! Х'осударственные деньх'и швырять тудемо-судемо: веники-метелки! да этому золотарю и так ставку платим ни за хрен собачий!.. Ты... Вы знаете, сколько у него «очков» по норме?.. А... х'рязный вопрос?! Интеллих'енту неудобно?.. Он у тебя и у меня должен убирать, а так! Понял?

– Цэ ж не то! – я не заметил, как перешел на «наш», поселковый жаргон. – Вин дэло зробыл? Зробыл! Так хай и получаэ... Цэ ж нэ ийого дило? Ни ийого! Шо?..

– О-о.. с такими рассуждениями далеко нэ пийдемо!

– А как ты думал? – я перешел на обычный язык. – Это ли не бардак: говоришь одно, а делаешь другое? Нет «точек» – прими на полставки! И плати ему «грóши» со-

ответственно. А уж коли сделал он сверх этого, тоже заплати! Так?.. Я это и сделал. Так в чем дело?

– У-у... – он постучал мосластыми пальцами по зеленому сукну стола, – ты пойми, голова садовая, заплатил бы ты кому другому, я бы слова не казав, а ему... – начальник собрал безбровое лицо свое в лучащееся соцветие, – не-ет! Он и без них – миллионер. Да! Подпольный миллионер! Почтище этого... как там...

Наслаждаясь произведенным эффектом, начальник совершенно успокоился.

– Им тут как-то «хлопцы» дюже интересовались с кэгэбэ. Характеристику затребовали. О!.. А ты – «бедный золотарь»! Да вин же прикидывается. Он с беляками якшался, потом – с дезертирами. Золотишка у него, я думаю, что у барона Врангеля. После войны знаешь где он был? На приисках! Золото мыл!.. От тоби и золотарь! А сюда он, ма быть, сховался. Места ж у нас глухие. Даже я – без прописки. И хоть бы кому что... Вот и он... К золоту потянуло – «золотарем» и устроился, може, што и вымое!.. – начальник от шутки совсем отмяк. – Вин яко-то училище кончил – охвицер! Побачь: вин же специально слова коверкает...

Тут я совсем усомнился в правдивости истории, но спорить не стал, надоело.

Мир в наших отношениях вроде был установлен, но прежней доверительности не стало – словно кошка пробежала или ведьма на спорной метле пролетела...

Как-то, после очередного объяснения, я сидел в полутемном кабинете и перебирал способы воздействия на начальника, которого я уважал все же за спонтанную, но удивительную работоспособность. Вдруг кто-то осторожно поскребся в дверь.

– Кто там? – крикнул я недовольно. – Входите!

Еще из-за двери раздалось:

– Прошу прощеньица... Доброго здоровьица... – ко мне входил «золотарь»...

В этот раз «Лексейлексеич» держался увереннее. Мне показалось, в нем была внутренняя уверенность богатого человека. Не сдержав неприязни, я отказал ему: сослался на то, что сейчас начальник дома.

– Не-е, к имя – я не хож... – отказался он. Попрощался, потоптавшись: – Прощевайте тогда, извиняйте, за беспокойство...

Через год, в одну из майских ночей, я встретил «Людку». Прохладный сумрак смягчил резкие черты южанки, и она показалась мне бесподобной.

– Ну, как фирма «веники-метелки»? Процветает?.. Не обанкротилась? – я взял ее прохладную руку. – Так поздно и одна... Помнишь, я обещал, что за тобой первой приударю?..

– Ну-ну, кажется, я поторопилась с ремонтом квартиры...

– Люда – точно! – и я попытался осторожно потеснить ее в сторону гостиницы: у меня так и остался ключ от «моей» комнаты.

– О!.. О... оборзел... – сопротивлялась она. – Люди ж увидят... Лучше к Лексейлексеичу... Знаешь его скворешник? Через полчаса приходи... Ти-хо... – прошептала она и неслышно растворилась в прозрачных северных сумерках

Однажды, еще молодым специалистом, я заблудился в тайге, недалеко от буровой. В темном ельнике среди бела дня сумерки были словно в омуте. Тут и там прыгали белки, сновали, порхали рябчики, ноги запинались об огромные шляпки белых грибов. Странное было ощущение: сказка?.. явь?.. Что-то подобное испытывал я и сейчас. К «скворешнику» вела дощатая дорожка, скрипевшая, как «шекспировская» кровать. Матюкаясь про себя («ну, голуба-душа, не ожидал от тебя!.. ну, даешь!..»), я тем не менее шел по тротуарчику, отмечая, что пророс он аптечной ромашкой и подорожником... Зелень казалась темно-серой и узнавалась только по абрису...

– Ты посмотри: какая ковка! Чудо, а не сундук! Людка, ты не колдунья? – словно очнувшись, спросил я. – Ты

знаешь, у нас тоже был сундук, правда, без ковки. Но как был сделан! Ни щелочки! словно из цельного куска... Я любил его потаенную внутреннюю желтизну. Даже сквозь нафталин пробивался запах смолы, соснового бора... На крышке, изнутри, кто-то из старших нарисовал красным карандашом дом, крылечко гармошкой и трубу, а из трубы – синий дым! Помню: меня так поразило – синий дым! Как настоящий!.. Ты вот не поверишь, а я цветные карандаши, акварельные краски увидел поздно, был поражен возможностью изображать мир в красках!.. Кстати, а где хозяин?.. В отпуске?.. И часто ты пользуешься этим сказочным домом свиданий?.. Ну, ты что?.. Я не то что-то сказал?..

– О!.. Что вы за люди!.. Уходи! Не хочу тебя видеть! – Люда выруглила и без того огромные глаза. – Уходи... Уж про тебя-то не думала...

– «Ну шо цэ такэ я казав»?

– «Я... я... я...», «на мне...»... Все вы только о себе думаете! Да ведь Алексейлексеич умер!.. Никого-то у него не было, кроме нас... Бабка Головкина на Большой земле умерла тож. Я ж тебя, гад ты мой милый, на сороковины его привела...

Дела! Дела. Дела...

Уехала Людка: «взяла развод», как давно грозилась. На ее место назначили лысоватого мужичка с хитрыми глазами и плаксивым лицом в жиденских бакенбардах.

Однажды по делам я оказался на центральном складе.

– А шо з этим робить? – спросил меня «хозяин», кивнув на запыленный сундук.

Сказочный кованый узор показался мне знакомым...

– Что же, неужели наследники не нашлись?

– Кабы миллион, как тут болтали, может, и нашлись бы. А то – шмотье да бумажки разные... Место занимает.

– Нехай ждет, может, и объявятся еще... Я кадровикам скажу, чтоб повторили извещения по его адресам. Да и я время как-нибудь выберу, посмотрю его бумаги: может, что интересное есть, все же – ссылный...

...Да так руки и не дошли до сундука: надо было делать планы, выполнять повышенные обязательства, повышать идейный уровень, быть в «передовых рядах»...

И теперь, в ненастные ночи, когда шелестит дождь или скребется метель, снится мне шорох метлы, неторопливый разговор березовых прутьев между собой. «Про-шу прощ-ще-ньица... добро-го здравь-ица... спа-си-бочки...» – говорят они голосом Лексейлексеича. «Сейчас, сейчас, я вам подпишу, – торопливо вскакиваю я из-за стола, – оплатят вам, Лексейлексеич, за всю вашу «трудбу» в конвертируемой валюте – в золотых рублях! Только чуть погодите...»

1991 г.

Мегион

Отпечаток

– Ну шо я говорил? Вредительство! О!.. Бачьте – отпечаток долота. А вы мне лапшу вешаете... – начальник легонько крутанул освинцованную болванку – «печать» и, широко улыбаясь, уставился веселыми карими глазами на собеседников: – Долото, да еще вверх шарошками!

– Закон бутерброда... – кисло усмехнулся молодой мужчина в забрызганном полушубке и шумно вздохнул: – Ничего не понимаю – что со скважиной случилось?..

– Контролировать надо было! Глаз со скважины не спускать! Такую скважину угробить... – у начальника заходили желваки и напряглись плечи, обтянутые узорчатым свитером.

– Контроль! Какой еще контроль нужен? – буровой мастер вскинул подвижную редковолосую бровь и гибко распрямил спину. – Ну были мы тут вон с ним, – он кивнул на восседавшего на чурбаке осадистого человека, – с начальником ПТО – и что? Ему-то доверяешь? Что ж, он должен был задницей прикрывать скважину?.. Нет уж, полоса пошла, когда бедному Ванюшке везде камешки...

– С бригадой надо работать: чтоб каждый контролером был!

– Это что – бригаде не доверять?.. Да это ж смешно... Скважина – это ее блин, она его печет!..

– Комом – печет-то, комом... – скрипуче засмеялся Витязь, начальник ПТО. За такие блины, Викторыч, сковородку на голову надевают, вот ведь что! Скважину вы пробурили хорошо. А напоследок – на тебе! Ведь – не дай бог! – если долото уронили, запорем скважину. Это ж сколько торпед надо, чтоб сжечь его! Да и где они? Доставать надо, торпеды – дефицит страшный.

– Да нет там никакого долота! – вспыхнул буровой мастер и страдальчески скривил большой красивый рот, – вставая, он стукнулся плешивой макушкой о верхние нары. – Если бы чего не то уронили, ребята тут же сказали бы...

– Ха! Так и разбежались! Ну и наглец вы, Иван Викторыч!.. – начальник так пристукнул по дощатому столу, что даже свинцовая «печать» тяжело шевельнулась. – Признаются – как у прошлый раз, с пожаром, когда срок давности пройдет!

– Сравнил... Тогда – тебе в пику, чтоб не орал! Мнесто – сказали. И сейчас, если бы что, я бы знал.

– Я вам, хлопцы, устрою веселую жизнь! Расколется... как на духу.

– Ше-еф! Мы что – враги народа?.. Господь с тобой! – опять скривился было мастер, но пригладил редкие рыжеватые кудерьки и сделал попытку обворожительно улыбнуться: – Ше-еф, ну пусть даже упало долото – подумаешь, железо улетело! В первый или последний раз, что ли? У Пархомы недавно кувалду уронили в скважину. А он что? Матюкнулся, что последнюю кувалду угробили, и – с мастера оклад, бурильщика – на три месяца в помбуры. И все – без обиды, и без тягомотины. Не мотай нервы, дай вон ему команду, – кивнул он на Витязя, – пусть приказ нари-

сует на меня, а мы вперед, по коням! Бог с ней – с премией! С ускорением!..

У начальника морщина взъярилась глубоким оврагом между широких редковолосых бровей.

Витязь закричал, шевельнулся на чураке: «Ну, сейчас спустит «Полкана» – хоть святых выноси...»

Но начальник сдержался. Мягко, как непонятливому школяру, стал выговаривать мастеру.

– Ошибаешься трошки, Викторыч, ошибаешься... Случай случаю рознь. Черенок у кувалды сломался – одно дело. Недосмотр. Халатность. Или еще шо... А долото бросить у скважину – це друго-ое... О! Чуешь, Иван Викторыч?.. Вре-ди-тель-ство! А за это, сам понимаешь, и сейчас... если раскрутить, срок полагается поболее... трех месяцев... Разумеешь?..

– Опять двадцать пять! Да будь ты мужиком, шеф, в конце концов, поверь хоть раз на слово: слово чести даю – не виновата бригада!

– Шо мне твое слово? Ты мне факты давай! Не дотумкаетесь своими куриными мозгами, подскажу. Ось, бачьте: номер последнего долота у буровом журнале исправлен. Вот вам и все слова: бросили... уронили – долота-то нема! А чтоб следы замести, номер у журнале исправили...

– Ну и что? Подумаешь – криминал! – мастер презрительно фыркнул. – Ночью спуск делали, отбурились – при свете уточнили. Будто не знаешь, как на долотах цифры выбиваются, иной раз не поймешь: тройка или восмерка, двойка или семерка... И хорошо, что исправили.

– Ну и наглец вы!

– Учусь...

– Хватит болтать! Дай вахте команду: выпарить все долотья и составить по ранжиру. Проверим наличие. Факты!

Март – самое прекрасное время в Среднем Приобье. Белое и голубое господствует в природе. Нежно-голубое

и насыщенно-синее. Ослепительное и темно-бархатистое. Резко контрастное и перетекающее незаметно одно в другое. Бесконечная множественность оттенков белого ошеломляет: да возможно ли такое?..

А мартовский воздух! Ощутимо вкусный, прохладный, живительный. Он, словно голубая, легковесная радость – если радость можно представить текучим эфиром, – наполняет легкие и сердце молодой силой, кружит голову, вселяет уверенность: нет преград, все сделаешь, что захочешь, легко, играючи...

Буровая парит... Внутри вышки темнеет кассета бурильных труб. Издали буровая похожа на ракетодром: будто бы идет заправка топливных баков кислородом. Вот сейчас заправят ракету, отойдет кабель-мачта и... И на этом аналогия заканчивается: в бурении технический прогресс давно стоит на одном месте. Хотя, если разбираться по большому счету, этого не должно быть: идти «навстречу» тяготенью не менее трудно, чем преодолевать его... Космонавтика кое в чем предвосхитила прогнозы футурологов, буровикам же еще до самых скромных мечтаний далеко: максимальная глубина скважин, если землю представить в виде арбуза, не превышает глубины царапинки, оставленной любопытным ребенком... Что ж, космос – это наш парадный вход, а бурение – черный... Там – апартаменты, здесь – кухня. Здесь – пекут, жарят, парят, отсюда подают... А жизнь – она и на кухне жизнь. Со своими большими и малыми проблемами, горестями и радостями...

Иван Викторович снял шапку с каской – голову приятно охолонуло. Он шумно вздохнул: экая благодать! С приятнью, щурясь, он глянул на солнце: опускается с полудня! Глянул на темные, с просинью ельники, сквозистые, с фиолетинкой осинники; пока взгляд скользил по горизонту, черный круг – после солнца – пожелтел, а потом и вовсе исчез. «Могу еще на солнышко смотреть!» – с мальчишеской гордостью подумал он. Однако «полноты счас-

тья», как он любил выражаться в такие моменты слияния с красотой окружающего мира своего сильного, умного тела, на сей раз он не испытывал: мешала какая-то малость, вроде надоедливого комара, что зундит и зундит... Он недовольно дернул щекой, словно сгоняя зануду-кровопивца, и понял причину неполноты счастья: буровая же молчит! Он спиной ощутил ее холодное молчание... «Работать надо, а мы – следственным экспериментом занимаемся! Что ж, теперь ускорение – псу под хвост?.. А может, шеф специально резину тянет? Контора-то – ничего не теряет, даже выигрывает: экономия фонда зарплаты! За счет нашей премии! Ах, гад!.. А что – за ним не заржавеет... Да скважина-то – бессловесная! – при чем? Ее ведь прорабатывать надо, иначе – завалится!..»

Бурильщик с двумя помощниками выпаривают, очищают долотья и расставляют их в ряд на мостках. Некоторые долота изношены до «подшипника»: видны ролики опор. У других зубья стерты до основания, но сами шарошки еще крепки, как мосластые кулаки. «Отработка стопроцентная... Тут уж к нам не придерешься...», – мастер доволен: таких долот большинство. Он нагибается, пробует повернуть еще теплую шарошку – не тут-то было: заклинило... А может, мороз уж прихватил непрогретую опору. От натуги он дернулся – каска слетела с головы, ударилась о другую шарошку и раскололась, словно керамическая... «От жизнь! – ругнулся он. – Не жизнь, а сплошная показуха! Не одень – сразу нарушитель ТБ!»

– Что там опять начальник придумал, а, Викторыч? Крайнего им надо? – бурильщик Погодаев неспешно достал из нагрудного кармана портсигар, постучал беломориной о крышку, смяв мундштук гармошкой, закусил папиросу и принялся хлопать по карманам: – От народ!.. Увели спички – три коробка в обед брал. Савелов! – окликает он своего помощника. – Савелов!..

Тот стоит опершись на лом, глаза закрыты, лицо, подсолнухом, повернуто к солнцу. От долота поднимается пар реденький, как марля, а тень – синяя, плотная, как от самого Савелова, крупного, массивного, только у него тень неподвижна, а от пара – шаткая, гульвивая: была – и нету!.. «Да... Вот оно: тень на плетень... То ль от облачка, то ли от тучи черной... Не задумывался как-то раньше», – мастер усмехнулся, наблюдая, как Погодаев, не дождавшись ответа от Савелова, подошел к нему совсем близко и грохнул кувалдой по трубам. Помощник даже не вздрогнул.

– Ну чо-о? – открыв глаза, протянул он. – Чать, не глухой, слышу, чо – Савелов?..

– Спички верни и ходь до начальника: все, мол, готово...

Начальник вместе с Витязем тщательно рассматривали с разных сторон отсвечивающие торцы долот, сверили номера со списком – один не сходился...

– Ну, а шо я вам говорил?.. Га?.. – начальник смачно сплюнул и позвал всех: – Побачим-ка, хлопцы, кто им бурил... этим долотом?

Оказалось, что этим долотом, самым последним, прорабатывал скважину бурильщик Погодаев...

– Ну-ка его сюда, пока тепленький, – погутарим!

Явился бурильщик Погодаев.

– Вот он – я. Чо звали?

Взгляд его серых, с рыжеватыми крапинками глаз спокоен, у него выгоревшие брови, красноватый шелушащийся нос – словно с югов только что. Один зуб сколот, говорит с легкой шепелявинкой, жестикулируя левой рукой, на которой не хватает двух пальцев.

Выслушав начальника, он сразу же «завелся»:

– Вы чо, совсем тут от жары охренели? Ну – исправил, чо теперь? Долото-то – там, на мостках. Чо – отличить уж не можете: какое долото бурило, какое прорабатывало?..

– Ты не хами! – рявкнул начальник. – Ты шо, не разумеешь, о чем речь? Долото – там! – он ткнул кулаком

вниз. – Там – у скважине! Куда его бросили!.. Или... уронили? Тебя об этом и пытаются: твоя работа?.. А если нет, то чья?.. Нашкодили, так имейте мужество признаться! Начинаете тут... шо мастер, шо работяги... выкручиваться!..

Тут и мастера понесло.

– В жизни никогда не выкручивался!.. За что себя и уважаю пока. Не то что некоторые. Указывать не буду. Пока, сами догадаются...

Кончился «заводной» разбор тем, что начальник увез с собой на базу и бурильщика, и мастера.

– Хлопцам я сообщил, прилетят – разберутся, шо к чему. Они – спецы, и не таких раскалывали... Анархию, нехай, разводить не позволю.

Начальника ПТО Витязя оставил за старшего и предупредил:

– По скважине не своевольничать, за отпечаток головой отвечаешь! Ждите главного инженера с торпедами...

Бело-голубой март вдруг поблек, полинял до серого с восковой желтизной, накуксился, а потом и зауросил, заплакал...

В балках стало жарко, с крыш железных, из-под снежных суметов, сосульки проросли...

«Верховые» дороги стали «резаться»: идет-идет машина, потом – р-раз! – и на все мосты сядет, краном только потом можно вытащить, иначе – раму растянешь. Вертолеты тоже оказались на приколе – нелетная погода!.. Вот тут-то и вспомнили справедливость поговорки: «запас карман не тянет!»

– Леонтьич! – позвала Витязя повариха дня через три. – Продукты ведь кончаются. Имей в виду: ландориками одними буду потчевать. Скоро мука останется да рассольник в консервах. Апосля – и зубы на полку...

– А что ж ты так, Романовна, тогда сейчас неэкономно продукты расходуешь? Зачем мне столь набухала? У меня и так... – он похлопал короткопалой, в ямочках, рукой

по груди-животу, – почти майорская мозоль... – и мелко засмеялся, обнажая частые прокуренные зубы; на толстых щеках появились симпатичные ямочки, рыжеватенькие глазки, блеснув, скрылись словно монетки в копилке.

– Дык – что уж, привезут, чай... Не навек же забусило... А чо слыхать про мастера-то? Неужто правда – забрали их с Гермогенычем?... Как вредителей, дескать... Али врут, поди? Времена, я чаю, теперча другие, разберутся... А то ведь... У меня же, слышь, Леонтьич, после войны уж, тятьку так вот то ж: вызвали к полномоченному и – с концом, не знаем, и где косточки его тлеют... Да уж и то: отцель-то куда выселять? Вы и так, горемычные, не хуже эков добровольных... Только что отпуска имя не дают... а вы – ездите...

Романовна вздохнула, промокнула уголком белого фартука навернувшиеся слезы, высморкалась и стала прежней – «военной»: дебелие лицо окаменело, голубенькие глазки сердито проглянули из-под белесых ресниц:

– Ты давай-давай, тереби базу! Чо ты причитаешь: «База, база, базынька...» Ты кричи: «База, так тебя перетак, продукты! По санзаданию! По спасательным – с голодудохнем!» Они и закрутятся... Мне бы грамотешки – я бы с ними поговорила!

Добра Романовна, жалостлива, простодушна, но обидчива и своенравна порой до капризности: попроси у нее соли в этот момент – обидится, сунет целую чашку с солью: «На, сыпь, сколь хошь!» – и, пока ты ешь, будет греметь посудой и оскорбленно фыркать: «Надо же!.. Соли ему мало!.. Недосолила!..» И через год или больше, при случайной встрече, припомнит: «Кхы!.. Идет!.. Соли ему мало!..» Готовила она вкусно, порции «насыпала» щедро, цены устанавливала справедливые: бывало, что проторговывалась, – тогда вахты «сбрасывались», чтоб погасить недостачу.

В котлопункт вошел бурильщик Сороколет, седогривый, бородатый.

– О!.. Начальство свое дело знает: пробу снять с борща, повариху проверить на предмет... – густым, прямо дьяконовским баритоном заговорил он.

– Да уж тебя, попа-растригу, в начальство-то – ты бы уж своєю не упустил: проверил бы, чать... – Романовна оттаяла, гортанно хохотнула и сразу стала подбористее и привлекательнее.

– Рад бы в начальство, Романовна, да места все заняты, а силком – убеждения не позволяют: не большевик я... Леонтьич – секретарь партячейки, потому и на законном основании начальник ПТО. Каждому свое. Чирей вот только не спрашивают: каки таки твои убеждения, а садится что на партейную, что на беспартейную ж..., коли ему вздумается, да радикулит тож... Как, Степан Леонтьич, радикулит – не предсказывают смену погоды?..

– Словоблудишь, Саня, Бога гневишь: беды твои в зелье дьявольском... – Витязь посмеялся еще по инерции. – Надоел я вам уже?..

– Есть немного... – признался Сорокалет, нюхая горчицу. – Ух! Крепка у тебя, Романовна, горчичка: большевистская! До самого нутра пробирает!.. А, Леонтьич? Прямо – как ты!

Витязя многие считали занудой, формалистом, службистом, солдафоном, хотя в армии он не служил из-за плоскостопия.

Когда вертолет с начальником улетел, Витязь начал обход буровой. Шел он валко, замечая любую мелочь: брошенный ключ, жимок, болтик. Заметив непорядок, подзывал кого-нибудь из вахты, кто поближе, и, добродушно щуря маленькие, с бронзовым отливом при дневном свете глазки, начинал разговор:

– Это что? Правильно: бо-олт, молодец, знаешь. А как он попал сюда? Вертолетом, тоже знаешь? Хорошо! А вот чо еще я тебе скажу... – и он начинал длинную историю болта, вроде андерсеновской сказки про спичку... – Кувалда... Ну что это за кувалда?.. – начинал поскрипы-

вать его голос в другом месте. – У тебя, что, голубь, глаз лишней?.. Заусенец отскочит – и прощай белый свет! Заправить на наждаке или зубилом убрать – трудно? А ручка! Ну что это за ручка? Да на такой рукоятке, будь я на месте кувалды, я бы долго не просидел: в скважину улетел или по кумполу тебя съездил... Правильно?

Не по нутру буровикам были правильные слова Витязя, ворчали они:

– Буровая простаивает, а мы – шкимки собираем, снег скоро будем перелопачивать... дорогу чистить до базы...

Однако этим Витязя не проймешь: попались, голубчики! Витязь не только с пэтэовскими бумажками да с протоколами партсобраний был аккуратен – аккуратен он был в любом деле, об этом знали даже ребяташки – дети этих буровиков. Витязь – заядлый рыбак, но далеко не плавал: сети и жерлицы ставил в ближних протоках и озерах. Все кому не лень пользовались его снастями. Особенно пацаны: выберут рыбу, а сети как попало бросят. Но уж если заставал их Витязь, перебирали они каждую ячейку безропотно.

– Рыбку надо брать, пока свежая, незаснулая – это вы правильно, – выговаривал доброжелательно хозяин, – жалко, что ли? Только и про меня не надо забывать: а вдруг я следом приду? Приду, а рыбки – тю-тю! Обидно мне будет? Обидно, голуби, обидно. А тут еще и сетка забита мусором... А вы проверьте... Вот так... Рыбку выпутайте не торопясь, чтоб ее не повредить и ячею не порвать... Сколько-то – на ушицу хотя б – мне оставьте... Переберите, выполощите – грязную-то сетку рыба за версту увидит да и неприятно ей в грязной снасти сидеть... Тебе вот в грязной одежде хорошо ли? – шлепал он ближнего по согнутой спине. – То-то же!

Буровики в бригаде не были лентяями, но они считали своей работой только бурение, а остальное – мелочь, «пыль» по сравнению с его величеством «метром проходки». «Все – от метра: заработок, фонды, блага, честь – от

него, родимого!» – это был девиз мастера, начальника и всех следующих, пропадающих в дымке, начальствующих «бугров»...

«Простой так простой – наши гроши тают, так хоть отоспаться, в преферанс перекинуться или... Если бы не эта зануда... сам не ам и другим не дам... Викторыча бы сюда – расписали бы пулечку на все ненастье... – так думал Сороколет, пережевывая хлеб, густо мазанный горчицей. – Хороша горчичка! Эх, стопаря бы... Испортит аппетит. Как пить дать, испортит... найдет работенку счас, хоть дурную – найдет...» – бурильщик из-под лохматых бровей взглянул на Витязя...

– Саня, слышь... – поймав его взгляд, елейно заговорил Витязь. – Я – что?.. Пока то-орпе-еды готовят... а за ними, поди, в го-ород направятся... волынка – та еще... Може, тряхнем стариной?.. Сделаем ловушку... «паука»... да и попытаем долото или что там? половить?..

Сороколет отрицательно мотнул головой: «М-мка!..» – Медленно дожевывая пищу и проглотив с усилием, пояснил:

– Без меня. Начальник запретил? Запретил. И потом: если б на забое было, тогда можно было б рискнуть. А тут... Не советую... Хотя... мне – что? Как прикажешь: ты начальник, я...

– Дак осторожненько... потихо-онечку... Падают-то когда? Когда сломя голову носятся, а на полусогнутых и на льду не падают. Это сейчас чуть что – «торпедировать», «отстрелять», «зарезать новый ствол в сторону»... Може, попытаем? «Пауком»?..

Сороколет задумчиво помял бороду, но отказался:

– Нет, Леонтьич, не втягивай: тебе – не знаю, а мне – такой укорот шеф сделает, что потом и в такелажку не устроюсь. Сам знаешь, на крючке я у него. На тройнике!

– Наоборот: шанс у тебя! Получится – в героях будешь, а нет – я приказал...

– Эх, Леонтьич! За кого ты меня считаешь? Да что бы я на чужом горбу в рай?..

– Гонору-то уж тебе не занимать! И мастера-то ведь испортил... Эх, Саня-Саня! Светлая ты головушка! Когда тверезая... Не вылезал бы ты с буровых – цены бы тебе не было!..

– Это уж точно! – вмещалась Романовна, краем уха следившая за разговором. – С бодуна-то, как прилетит, неделю не жрет, а как в ум войдет – коллекторшу не пропустит мимо, чтоб за ж... не щипнуть...

– Тебя, что ли, щипать? Тебя этим не проймешь... – он потянулся было к Романовне, потом, как бы раздумав, обернулся к Витязю: – Ладно, пошли – посмотрим: как и что...

Вышли из балка по скрипучим сходням, глянули, не сговариваясь на белесое небо: вдруг зазвучит даль, застрекочет луговым кузнечиком, отзовется шмелем неторопливым?... Тихо... Монотонный, глухой, узкий, словно бархатный лоскут, шум электростанции где-то на отшибе, в стороне, он как бы и не в счет... Ветка хрустнет – слышно. Подумали об одном и том же: «Не дай бог: погода установится и прилетит начальник, а мы – не успеем...»

Через два дня, в пятницу, Витязь уже прилетел домой и сразу же засобиравшись в баню – надо было смыть недельную грязь, да и обычай того требовал: колонну зацементировал – попарься... выпей... и отоспись – дело сделано!

Он аккуратно перекладывал приготовленные заранее женой банные причиндалы: не дай бог забыть чего! Такое благостное дело будет подпорчено... Напоследок забрался на чердак – да легко так! «Не меньше пяти кэгэ сбросил! – отметил про себя. – Работать бы всю жизнь бурильщиком, – чего за портфелем погнался?..»

В тепле аккуратно собранный веничек заблагоухал томленным березовым листом и багульником: любил Степан Леонтьевич вплести в каждый веник какой-нибудь «сюрприз»: веточку пихты, смородины, мяты или багульника...

Не споро собирался он, да зато никогда чужой вехоткой или мылом не пользовался да в грязных носках или подштанниках не возвращался, и ни разу за всю сорокалетнюю жизнь не надел он наизнанку трусы или майку...

И тут к нему ввалились непрошенные гости: буровой мастер Иван Викторович и бурильщик, его тезка, Иван Погодаев. Оба возбужденные, подшофе, особенно «Старый гусар».

С плохо скрываемым сожалением прервал Витязь милое сердцу занятие.

– Здорово, «вредители»! – приветствовал он их. – Живы?..

– Леонтьич, освободитель ты наш, дай-ка тебя обниму! Спасибо тебе!.. Так, говоришь, валун там был? Булыжник натуральный?.. Х-ха!

– Натуральный! Прямо как с Крещатика или с Красной площади, словно тесаный, а с торца – ребристый, как шарошка...

– Молодцы! Как же вытащили его – «пауком»?

– Чем же еще? «Пауком»... Сороколета благодари, я бы – ни за что. Это ж как блоху подковать – не легче... Ювелирная работа!..

– Саньку отблагодарим: Санька – человек! От тебя к нему пойдём, угостим его на славу: я ведь, чай, нынче из «столицы»... «ре-а-билитированный»!.. Сейчас с Санькой напьемся, как гусары, и пойдём начальника на дуэль вызывать... Требовать сатисфакции... Откажется – морду начистим...

– Во-во! Санька-то уж тогда точно загремит! Уважьте его!

– Эх, Леонтьич! Да ты представить не можешь... как он меня... и его... всех нас! – оскорбил! Я – ладно... много вынес, вынесу и это. Если по совести, то – грехи у меня есть... можно сказать, их я искупал... Но Иван-то – он за что? Это ж святой человек, каких поиска-ать!.. Его-то – за что?.. В душу наплевали – зачем?.. Скважину спаса-

ли?.. Деньги народные берегли? Не-ет! Страх в душу человеческую хотели поселить... Испохабить ее! Скважина!.. Да что она по сравнению с душой человеческой? Да ничто... дырка! Эх, Леонтьич! Сколько я их накрутил за пятнадцать лет по всей Сибири – сотню! А вот душ сотворил – только две... Ведь и в них – наплевали! Такой паскудный отпечаток оставили: отец их – Люськин и Виталькин – то есть я! – паскудный вредитель! И это в наше время!.. Хоть бы, суки, извинились! Да я ему этим булыжником!.. Представляешь? Виталька – сейчас вот, как прилетел я, – когда обнял его, смотрю: засмутился, к умывальнику тянет, умойся, грит, папа, с дороги... Сортиром, грит, от тебя пахнет... как в туалете аэропортовском в Пургае... Ты думаешь, забудет Виталька это?.. Не-ет, это не только мне в биографию, не только вот ему, – хлопнул он Погодаева, – но и детям в душу на всю жизнь отпечаток тиснули... А «хлопчики» нашего кишкомота шустрые! С ходу статью о причинении ущерба – умышленного! – в особо крупных размерах начали клеить...

Заметив, что Витязь взглядывает на часы, Иван Викторович отстранился от него, вынул из внутреннего кармана крепко надушенный клетчатый платок и не без изящества промокнул разгоряченное лицо.

– Извини, старик, что поплакался на твоей груди. Зайдем к Саньке и пойдем к начальнику – на мужской разговор...

– Напрасно!.. Идемте лучше со мной – в баньку... попаримся, смоем с грешных тел грязь, и душа, может, пообмякнет... Тогда и покаемся да и врагов наших простим, а?.. – Витязь зашелся мелким нервическим каким-то смешком.

Они спустились по скрипучей, промерзшей лестнице на улицу. Враз все шумно вдохнули: «Воздух-то?.. Март!..»

...Проплакался март... В одночасье, на грани ночи высушил слезы, широко распахнул голубые глаза свои, и заструилась, переливаясь немислимыми оттенками, не-

бесная синь... Набухший снег осел, затвердел, сквозь него проступили пеньки, валежины... В сквозистых вершинах березовых колоков появилась тревожная фиолетинка...

В густой синеве сумерек поселок приветливо светился окнами и редкими фонарями с новыми – ртутными – излучателями; при подлете они были видны издалека: один из них горел около дома начальника, штукатуренные стены мерцали в темноте, словно были сложены из лунного камня, черные окна зияли, как провалы...

– Коль надумали, айда! А то бабка Сиротиха закроет свое заведение, придется в котельную идти, – в последний раз позвал оскорбленных мужиков Витязь. – А если нет, пока. Только все эти «мужские разговоры» отложите! Как друг, советую.

– Леонтьич!.. Старик! Не бойсь за нас: все будет, как учили!

Обняв Витязя, похлопав его каждый со своей стороны, они пошли, один – высокий, стройный, другой – коренастый, вверх на пригорок, время от времени касаясь друг друга плечами.

...Через три месяца районный суд, на выездном заседании, в клубе поселка, определил троим его жителям по три года «химии» с отбыванием «на стройках народного хозяйства» – трудились они на керамзитовом заводе на юге области и были освобождены досрочно...

1981 г.
Мегион

Казак Пацюк

На Дне мастера обсуждались результаты комплексной проверки состояния техники безопасности и охраны труда в экспедиции.

Представитель горнотехнической инспекции, он же председатель комиссии, долго и нудно перечислял, клас-

сифицировал их. Многие отступления от правил повторялись из года в год – были постоянно действующими. «Признать их де-юре, и с концом!» – буркнул кто-то. Но его реплику проигнорировали.

Вел совещание главный инженер. Несколько раз он предложил «нарушителям» высказаться добровольно. Для разгона выступил с дежурным косноязычным спичем председатель профкома, кривоносый детина с черной челкой и сутулой широкой спиной, по прозвищу Раферти. Но мастеров он не расшевелил. Выждав, досадливо откидывая густые, мышинного цвета волосы и близоруко щурясь, Главный стал поднимать, как школьников, руководителей служб и мастеров. Наводящими вопросами он пытался направить мысль ответчика на покаяние. Но большинство не шло на закляние и валили все на контору: «я просил», «сообщал...», «писал...», «ноль внимания...».

Когда очередь дошла до Любомира Пацюка, он степенно поднялся, потрогал жиденькие усы, словно желая убедиться – на месте ли они? – и, напрягаясь до красноты, тужа яремные жилы, начал издавать сиплые, скрипящие, нечленораздельные звуки...

– Что с вами? – тоже вдруг охрипшим голосом спросил главный инженер, подозрительно уставясь на кряжистого бурового мастера.

– О... о... и... а... – силился тот что-то объяснить.

Главный не любил Пацюка и досадливо поморщился: ускользнула возможность, как говорили, «помотать из него кишки». Начав разнос и не получая сопротивления, он быстро свернулся и поднял другого.

Тот признал свои ошибки, упущения, покаялся, сказал, что осознали... начали исправляться... актив бригады... профгруппа... все меры...

Главный и Раферти слушали и одобрительно кивали. Совещание покатилося по наторенной тропе.

Наконец повестку дня исчерпали, приняли решение. Содревшие, сонные от недостатка кислорода люди в кори-

доре начали приходиться в себя, загалдели. И вдруг, перебивая гвалт, раздался зычный, тарасобульбовский крик:

– Мастера-а! Сбрасываемся по червонцу на «пущырь»!..

– Да не базлай ты – услышат!

– А чого? Голос прорезался – обмыть треба! – не смущился Пацюк.

– Та Раферти ж услышит...

– Тю! Нехай... Вин же один бис унюхае, случа-айно прииде в общагу: «Ой, хлопцы, каже, соцобязательства уточнить треба... Ни-ни-ни! Ну ладно, саму малость – за кумпанию!» А на сей раз – мероприятия по ТБ согласовать!

«Вечер мастера», всегда импровизированный, тем не менее проходил традиционно. После первой – общее оживление, разговор о том о сем. После второй-третьей – о веселом и приятном... Затем – о политике и реформах. В конце застолья и до третьих петухов, наперебой, не остановишь – по работе... И если Дни мастера приносили какую-то пользу, то благодаря вечерам.

Раферти, как и предсказывал Пацюк, явился вовремя, едва начали разлив «горилки» по разнокалиберной посуде. Наливали ему «саму малость», то есть по полной, и ушел он «на бровях» в самый разгар политической дискуссии.

– Что делать? – Пацюк многозначительно почмокал губами. – Нужный человек! Значит, «уважаемый»! – с горькой усмешкой заключил мастер.

На официальных сборищах, в будничной официальной жизни Любомиру Пацюку доставалось чаще и лучше других. Но на таких встречах его уважали, здесь он верховодил беспрекословно. Ему прощали и подначки, и явное хвастовство – «повыступать» его сотоварищи и сами любили! А уважали его за то, что он один мог «упереться рогом в землю» и не забуривать неготовую буровую «нулевку», несмотря на давление и угрозы начальства. У них на этот счет кишка тонка, цыкнут на них, скажут: «Оборудование крутится? Материалы есть? За-

буривай! А нет – других найдем!» И они, как миленькие, матерясь «в тряпочку», проклиная судьбу, выполняют все приказы. Потом начинаются поломки, осложнения ствола скважины из-за простоев... Бригада ворчит, начальство обвиняет в нарушении технологии и других грехах. Как на наковальне! А Пацюк – «Любочка», как зовут его друзья, – нет: со скандалом, но доведет буровое оборудование до ума, запасется гэсээмом, химреагентами и прочим, прежде чем забурит «нулевку». Они покладистые, с ними управленцам работать легко: передадут сводку, заказы, робко напомнят о неувязках. А вот стоит раздаться в динамике раскатистому баритону: «Добра ранку, уважаемые!..» – на лицах начальников смен появляются кислые мины: «Пацюк залетел! Начнется, все не так!» И точно: заказы, заявки – на полстраницы... Параметры раствора сразу ухудшились: химреагенты, лаборантку, технолога... И оборудование забарахлило: механика, сварщика, киповца... Главный глянет на сводки, начальнику смены недовольно скажет: «Он же со слов своих работяг говорит! Скажи, пусть оденется и сам по буровой пройдет! Из балка же не вылезит! Прилечу, усатой мордой натычу!.. Так и предупреди!»

У всего руководства экспедиции сложилось мнение, что Пацюк редко бывает на буровой, как ни прилетят – он в чистеньком. За письменным столом с бумагами или хуже того – читает, пасьянс раскладывает, а то и с подчиненными в нарды режется! Другие мастера из болотников не вылазят, сутками замазученной спецуры не снимают, так, не раздеваясь, кемарнули на рундуке в «культурбудке» и опять «пинают» своих нерадивых работяг. Сдерживать даже людей приходится: заставляйте своих «спецов» работать, сами бумагами занимайтесь.

В бумагах, конечно, Пацюк дока, все признают: и отдел труда, и ПТО, и техника безопасности, и бухгалтерия. Ни одна копейка, заработанная бригадой, не завалется в бюрократических отстойниках. Буровики из других бри-

гад завидуют пацюковским: «Вы, мол, – шутят, – даже за сидение над «очком» получаете «ускорение»!

Зря, конечно, на Пацюка бочку катят, что не ходит, мол, он на буровую. Ходить он ходит, а над душой не висит, за такелажника или тракториста не «робит», хотя при необходимости – за любого «зробит»! Три-четыре раза в сутки придирчиво осмотрит свое хозяйство, выдаст бурильщикам перед вахтой четкое задание, проверит выполнение. И не дай бог кому опростоволоситься!

– Ты, шо, дядько, в такую тебя растакую, по жинке заскучал? – принародно, шутливо-угрожающе загромыхает племяш-мастер. – Такэ желание маешь? Откомандирую! Кум давно просится на твое место... Хороший магарыч обещал!

В лётных бригадах сплошь семейственность. Бригада Пацюка не исключение. Оттянет провинившегося по-родственному, и «дядько», «племяш» или «кум», отбрехиваясь, норовят поскорее слинять из мастерского балка – подчищать огрехи...

Как бы Пацюка начальство ни костерило, ни ловило на промашках, прощаемых другим походя, наиболее глубокие и сложные скважины оставляло за его бригадой, так как понимало, что он мастер буровой от Бога!

Быть мастером предначертано ему еще в ПТУ было. На практике, с чьей-то подачи, они по очереди, балуясь, въезжали по нижнему козырьку на приемные мостки буровой на мотоцикле. Въехал – будешь бурильщиком! Когда очередь дошла до него, «Любочки», он так газанул, что въехал не только на мостки, но и по крутому верхнему козырьку взмыл к самому ротору, перепугав работавших там буровиков. После шока, вызванного его броском («Ты шо, хлопец, разом не сказывся?!»), мастер-наставник предрек ему будущее: «А этот казак буровым мастером будет!» Так и случилось: после ПТУ до армии поработал «Любочка» и помбуром, и бурильщиком, а отслужил, закончил нефтяной техни-

кум и вот уже пятнадцать лет мастерит, почти все время вахтовиком... Налетался! Раз двести, не меньше: Украина – Сибирь, Сибирь – Украина... «Надо же, – прикинул как-то, – льготный отпуск в воздухе провел!..»

«Газ до упора! Привстать в стременах... – и летишь над Стрыем...»

– Казак Пацюк! По коням! Связь проспишь! – без четверти шесть будит Любомира жизнерадостный, красноносый земляк.

Пацюк нехотя открыл один глаз, второй, потянулся и тут же, скорее для себя, подал команду:

– Мастера-а, подъем! – вскинулся «швидко», дурашливо спросил: – А хто вчора пил горилку?.. Нихто? Тоди опохмелиться не дам! – и засмеялся: – Вам нельзя, а мне можно: чтой-тось горло деренчит, трэба продэ-зэнхвицировать!

Шумно сходили мастера на связь, узнали, что делается на родных «номерах» и поехали на вертодром, чтобы расстаться до следующего – через месяц – «Дня» и «Вечера».

Буровая Пацюка – самая дальняя на север и самая глубокая в экспедиции «свердловина» – расположена на берегу озера. По озеру и площадь (структура) называется. Бурение идет с ускорением, близится к окончанию. Долото «скребет» уже крепкие породы фундамента. Настроение в бригаде бодрое.

Кругом еще снега, осевшие, напитанные влагой; вытаяли болотные кочки, валежины. Темным кальмарьим оком затаенно проглянули живуны.

Вокруг озера – чапыжник, чахлый соснячок, а за приболотьем – голубоватые, причудливым узором, гривки.

Издали буровая – словно клякса на голубовато-лощеном листке, вот-вот растечется. Это возле котельной скопилось целое озерко из талой воды, раствора, мазута, бытовой грязи.

Едва выпрыгнув из вертолета, Пацюк вызвал с буровой бурильщика, пожилого степенного дядька:

– Геть за мной! – и повел вдоль водяной линии к озеру: – Вы шо, дядько! Желаете, чтоб мастер голой попой сверкал? Це озеро заповидно! Розумеешь? Инструмент из «свердловины» на «вира» и зробить перемычку: цемент бракованный, доски, глинку... Действуйте, дядько!

По радиі передал: «Простой. Ожидание бульдозера обваловки буровой». Начальник смены схватился за голову: «Когда он уедет! Ой! Да он же этот месяц без сменщика!» Пересилил себя, стал объяснять строптивому мастеру ситуацию:

– Никак не можно, Любомир Тимофеевич! Зимник закрыт уже. Да, неделю назад. Подумаешь, пленка! Не первый раз на озере бурим. Пленку к берегу прибьет, торф впитает, и все будет тип-топ! Не бойсь! Зарастет!..

Сменщика убедил бы, а на Пацюка такие доводы не действуют.

– Уважаемый! Вы гляньте в журнал, когда я начал речь об обваловке?.. При пуске буровой осенью! И регулярно, каждый заезд талдычу: бульдозер! Так что «как?», уважаемый, ваши проблемы! Авиацией? Авиацией! Но не за счет моей сметы!

Утром главный инженер с ним говорил.

– Прилечу, посмотрю, как простаиваете! – пригрозил. – За дезинформацию накажу!

Пацюка – на испуг! За ночь отбурились, сделали подъем, а к прилету МИ-2 заглушили дизеля и занялись хозработами. В самый последний момент заглушили и электростанцию: стали менять масляные фильтры. И Главного встретила абсолютная тишина...

Спрятав глаза, играя бровями и желваками, Главный обошел буровую, злополучное «озерко» и, круто развернувшись, пошел в культбудку. Там, не раздеваясь, потребовал журнал по технике безопасности и крупно, вкось, записал несколько нарушений, а под ними резолюцию: «Углубление скважины запрещаю до их устранения».

Пацюк, прочитав предписание, попыхивая сигаретой, попросил:

– Вы дату и часы остановки укажите, простой же в часах...

Тот поманипулировал штырьками часов, поставил требуемое и совсем доброжелательно улыбнулся:

– Ловко мы вас? Мимо комплексной проверки вы шмыганули, но сейчас не отвертитесь! Приказик на вас «нарисуем» о простое по вине бригады.

Пацюк засопел, но возразил сдержанно:

– Нет, уважаемый! Не выйдет, вы сегодня «остановили», а я сводочку о простое вчера передал, как прилетел...

Главный улыбнулся шире, блеснуло золото на клыке, и тоже тихо, с ударениями, как при диктанте, сказал:

– А вы... не менее «уважаемый»... уверены, что... там, на рации, в журнале... это... записано?.. То-то!

Только улетел Главный, бригада занялась своей работой, за которую получала «грóши». Над озером прокатился рокот, отразился от дальних гривок и слился с основным звуковым прибором, ходившим здесь уже полгода.

Пацюк, прихватив с собой электрика, распустив болотники, пошел по ближним гривкам поискать котлованчик, у него возникла мысль вычерпать злосчастное озеро у котельной.

В последние дни потеплело, снег стал рассыпчатым, совсем не держал. Тяжелый, коротконогий Пацюк то и дело «седлал» сугробы.

Вышли на зимник. По краям – корневища деревьев. На перевальчиках белел мелкий песочек. На гривах, в сосновом редколесье, было тихо и благостно. Снизу – прохлада и свежесть крупнозернистого, словно фирнового снега, сверху, с высокого купоросно-синего неба, – солнечная благодать! Обнажили головы, расстегнули одежду на груди... Смолистый воздух, ласковое солнышко... Тишь! Буровая – не громче тетеревиного тока. А и хорошо же на белом свете!

Глянули вниз, что-то брунеет... Да это ж брусничка прошлогодняя! Сверху, как стеклышком, ледяной пластинкой прикрыта, а в луночке – листочки вечнозеленые и гроздь ягод на стебельке. Ну-кось... Да сластимая-то какая!

Забыли, за чем пришли: прыскают ягодки в жменьку – не остановиться. А тут поляночки стали попадаться вытаявшие. Через полчаса, как весенние медведи, отведя душу, опомнились. А опамятовшись, и котлованчик увидели: как ловко получилось! Не иначе Господь сподобил!

У «озерца» рукотворного поставили центробежку, закачивали «мазуту» в плоскую емкость пятикубовую – такими вертолеты возят на буровые гэсэм, и трактором буксировали к «котловану». Приспособились за сутки по несколько рейсов делать, и «озерцо» вскоре практически исчезло.

Солнечные лучи становились горячей, и снег гас на глазах, оседал, словно мыльная пена. Забереги на озере делались шире. Озеро, казалось, заполнено всклень, и того гляди – выплеснется через край!

Однажды, рано утром, верховой рабочий заметил с вышки лебедей...

Все, включая одышливую повариху, взбирались на вышку и подолгу дивовались на редких птиц.

Лебедей было трое.

– А чо так? – гадали люди. – Подружку у одного убили, чи шо?

– Гли-ка, гли-ка! Погнал!.. Погнал соперника... надо же!

– У них, грят, если пару разбили, вдовец вниз камнем бросается...

– Вдовец-то? Али вдова? Вряд! Вон, гли, к чужой... аль к чужому? Клеится ж! Как у людей!

Большую часть времени лебеди проводили на озере, кормиться летали на залитые водой продушливые болота. Иногда улетали за дальние синие гривы. Дядьки тревожились:

– Не другое ли озеро ищут? Мешаем ведь мы им: шумим! Да и накопили: гарь что с выхлопов, что с котельной – вся ведь туточки осела. Ладно, хошь «мазуту» свозили...

Но лебеди в конце дня возвращались, делая с высоты сужающиеся круги...

«Третий лишний», помыкавшись возле счастливой парочки, незаметно исчез, покончил ли с собой, как гласит молва, или нашел такую же неприкаянную вдовицу и стал строить с нею свое гнездо? Бог весть!

«Противостояние» с конторой шло безуспешно.

Скважину между тем добуривали до проекта. Пришлось Пацюку «раскалываться»: каротажников надо заказывать, геолога – куда денешься?

– Ну вот! Мы так и знали, что темнишь! – хохотнул начальник ЦИТС. – Мы твой «простой» и не показывали. А как насчет экологии?

Пришлось и тут открыться: на гривку, мол, возим, в котлован... Похвалили:

– Вот видишь, выкрутился же! Хороший ты мужик, Тимофеевич, но вредный! Допек ведь нас. Назавтра планировали тебе тяжелой авиацией бульдозер бросать. Ладно. Перерешаем: кинем каротажную технику... Готовься завтра к приему.

На следующий день до обеда кинули каротажную станцию с базы, следом, с ближайшей площади, подъемник. Самых каротажников обещали к концу дня доставить, край – наутро.

Каротажную технику расставлять надо – трактор запропастился! Как с утра повез емкость с «мазутой», так и не возвращался.

– От бисовы дети! Бруснику собирают, га? – мастер смотрит на молодого длинного электрика – «мальчика за все».

Тот делает вид, что «не понимает», дорога совсем раскисла. По предболотью даже ему, «лосю», приходится

кое-где шагать на ощупь. Там и у трактора гусьняки под водой скрываются.

А трактор позарез нужен: к прилету каротажного отряда технику надо расставить, прокинуть электрокабель до нее...

– Племяш, га? – мастер бровки вскинул, усы моржовые потрогал, корпусом тяжелым к хлопцу подался.

Нехотя поднялся электрик с рундука, понуро пошел из балка.

– Швидче, хлопчику! Швидче! – напутствовал его мастер.

Оказалось, трактор «захлебнулся»...

Двое суток потратили на его вызволение... Наконец приступили к каротажу... Другому бы мастеру эта заминка как с гуся вода, но не Пацюку...

На очередном Дне мастера главный инженер «отоспался» на Пацюке за задержку каротажа...

– Утопили трактор черт знает где от буровой! Охотились или за ягодами катались?.. Гостинцы к пересменке готовили?.. Накажем! Простой каротажников – за ваш счет... «уважаемый»! – с нажимом выделил, – господин Пацюк.

Начальник ЦИТС поморщился, неудобно мужику стало:

– Вы же в курсе: канализационные стоки они возили в котлован... «Мазуту» возили. Там, на гриве, у них шламосборник... чтоб не в озеро...

– Вот-вот! Пацюку плевать на интересы производства! Он медаль от общества «зеленых» зарабатывает! Забыл, где деньги получает? А «мазуту», как вы говорите, разводить не надо! Бо-ор-цы! Один хрен, всех лебедей не убережете... Асканию-Нову тут устраивают!..

– Эксплуатационники после нас один хрен зальют нефтой все... – поддержал Главного кто-то из приспешников. – Факела запалят... Вместо лебедей на «кустах» аисты-качалки закурлычат...

Главный не стал в этот раз долбать остальных, быстро закруглился. План шел хорошо, а когда план есть – сердце радуется!

Вышли в коридор, как обычно, загалдели... Через некоторое время запереглядывались: чего-то не хватает вроде? Клича зычного: «Мастера-а!» – поняли, не слышно. Кто-то крикнул, да не то: словно летошный кочеток осекся стыдливо.

– Где Пацюк?..

– Любочка, ты шо? Ай и впрямь нынче голоса нема? – увидели его хмурого. Утешать стали:

– Казак Пацюк! Не журишь! На наш век лебедей хватит!..

– Та мы и сами – те еще лебеди!

– Суха твоя свердловина, слышал, – не журишь за озеро и лебедят!

Проняла казака Пацюка ласка товарищей, и он протяжно, словно команду: «По коням!», пропел:

– Мастера-а! По червонцу! Вечером «маленьких лебедей» станцуем, га?

1994 г.

Мегион

Голодание по Брэггу

Митхат – для всех Михал Михалыч – чертыхался с утра: срывалась поездка в Киев. «Какие могут быть отгулы у итээровца, да еще в конце месяца? – Начальник экспедиции сделал удивленное лицо. – Плана еще нет, а ответственный работник – начальник смены! – в отгулы? Дела-а!»

У Митхата томленный румянец пошел по щекам, но он смолчал. Лишь, когда тот ушел, про себя огрызнулся: «Ты начальник, я дурак, да?» – и стал заниматься своими делами.

В конце дня появился его шеф, начальник ЦИТС.

– Дернуло тебя отпрашиваться! – узнав, в чем дело, попенял он Митхату – договаривались, что тот купит в

Киеве то-се, и поэтому был недоволен. Походил по рации, посопел и решительно рубанул:

– Ладно! Ярар! Беру на себя – лети. Но, если что, ты мне про разговор не говорил. Лады? Быстренько передай закрученные дела Валере и мотай!

Обрадованный Митхат нашел своего сменщика, передал ему все «ноу-хау» и в одиннадцать вечера был «у Киеве», пил «Ювильное» пиво...

Буровая располагалась на небольшой гривке, которая напоминала очертаниями спину огромной, с остатками плавников ископаемой рыбы, заснувшей посреди топей. Болота уже отошли, но талые воды еще не сбежали и медленно впитывались в торфяную подушку...

На кронблоке вышки, на самой верхотуре, легкий ветерок: прохладный, приятный... Во весь оком голубоватая, сетчатая, прозрачная, как протоплазма под микроскопом, узорная гладь подтопленных болот. И только кое-где у горизонта темно-синие, почти чернильные, как плавники леща, гребешки кедровых грив... Легкие, белые, с сизой подбойкой облака плывут лениво и беззаботно. Засмотришься на них, и голова закружится – покажется, что и вышка, как стебелек, покачнулась и поплыла вместе с ними...

«Эх, крылья бы сейчас! – подумал Слава Мисюк. – Или, лучше, материализоваться бы сейчас у тетки... Трахбах! – и у Киеве... На веранде кафе, под зонтиком... «Хвыля днепровська бье»... Бутербродики с бужениной, колбаска, рыбец... Полдюжины «Ювильного»...

Славка, замечтавшись, наступил на погнутую ступеньку, и сердце обмерло. Ниже спускался уже медленно, держась за перила обеими руками.

На полатах – балконе верхового рабочего – задержался, постоял в люльке, перегнувшись, посмотрел вниз – высоко! До армии работал – и ничего, за любым бурильщиком-асом попевал. Погоди-ка... Он

вспомнил, что «верховые» на всякий «пожарный» делали заначку: прятали под обшивку курево, чтоб не спускаться, если забудешь. Пошарил в подходящих местах и... нашел початую пачку «Беломора». Табак чуть подплесневел, но пах еще крепко. Славка посмотрел – фабрика Урицкого. Умели делать! «Обрадую сейчас Илюху!» – подумал с удовольствием. «Может, и самому закурить? – мелькнула мысль, тут же отвергнутая. – Не для того бросал! Пусть Илюха травится...» – усмехнулся беззлобно.

Слава Мисюк – бурильщик летной бригады, которую начальство постепенно, измором сокращает. Неделю назад послал его сюда Михал Михалыч с трактористом Илюхой снять кое-какое оборудование с буровой установки и подготовить для отправки на подвеске. Они с Илюхой зарыпались было: «Спальников нету, жратвы, накомарников... То-се...» Тот оборвал их круто: «Ты (Илюхе) – по пьянке, по статье, а ты (Славику) – под сокращение... Выбирайте!» – потом взял себя в руки, расплылся в бодрой улыбке: «Надо, хлопцы, надо! – И деловито: – Прихватите что-нибудь в буфете на вечер, а завтра вывезем, добре? Ярар?»

На буровой несколько раздербаненных балков. Выбрали маленький, деревянный, грязный, но с «буржуйкой»: кругом сыро и зябко, а тут кипяточек сварить можно, чай запарить...

Поупирались они хорошо и к поздним сумеркам работу сделали.

Харчи сразу распределили на три дня: вдруг нелетная погода. Про то, что могут о них забыть, не подумали. И когда назавтра вертолет не прилетел, они не взволновались: мало ли что, проколы бывают. Тем более что Михал Михалыч отправлял, а он не то что Валера-баламут. Тот всех «первым» рейсом отправляет: «А чо – нет? Первым рейсом... правда, после обеда... или на следующий день... х-аха-ха!»

Пару дней они придумывали всяческие оправдательные версии. И все разговоры, с чего бы они ни начинались, сводились в конце концов к этому: «Да что они там, так их перетак, издеваются? Эксперимент на выживаемость проводят?..» Пошарятся по остаткам гривы, ягод поищут, в болото сунутся, снова сойдутся и давай шестерить и Мишу, и Валеру, и диспетчеров, и вертолетчиков, и начальство...

«Все! Завязываю с Севером! Картоплю буду в колхозе перебирать!»

«Тошна! Лапти плести буду, клюква собирать!» – вторит другой.

На четвертый день, когда уже пора было зубы класть на полку, в одном из балков под нарами обнаружили с полведра дряблой «картовки», изросшей, с новыми, с горошину, клубеньками на корнях, и заплесневевшие хлебные корки. «Занащка будет!» – предложил Илюха. Но недолго тешился своей выдержкой: «Ай-е! Не больно хорош получатся: похмелье проходил, жор напал... Похлебка давай варить будем». Нашел двухлитровую жестянку из-под томатной пасты и через некоторое время помешивал варево ложкой, вырезанной из кедровой щепки, нахваливал: «Ай, хорошо!.. Топора бы солдатский сюда – для навару... Нищава, солидол буровой видал. Вместо повидла пойдет – с щаем... А, Славка?..»

А у Славки с утра в желудке пососало да и прошло: легкость в теле и как бы звон какой-то. Голова чуть кружится, а есть не хочется. Талой водички из бочажка попил и больше ничего не желает.

Илюха устал приглашать его к столу, ест да нахваливает: «Ску-сс... Давай-давай, губа толшы – брюхо тоньше... нам больше достанется! Нищава... Мой земляк, Зиганшин, сколько море плавал?.. Мы тоже, как он, потом будем подметка варить... кирзащ... старый сапог тут есть: видал. Садись, ашай! Похлебка этот – долго вспоминать будем: какой ску-сс был!»

С собой Славик прихватил дорожную сумку. Мешок со спецодеждой так и остался в каптерке на вертолетке: кастаньяншу не нашли, пришлось лететь в чем был. В сумке – только самое необходимое. Достал бритвенные принадлежности. Подравнивая щеточку усов, предложил и товарищу по несчастью: «Бороду побрей! А то на китайца стал похож... На императора Цзин...»

Щуря светлые, в черных ресницах, глаза, вскинув широкие, запятыми, брови, Илюха добродушно лыбится, поглаживает редкую черную щетину на круглом подбородке, мечтает: «Китайса так китайса... ницава! Как на базу прилетаем, бороду – тошна – бреем, вечером Люська айда-инды... Хороший баба Люська, только путана мал-мало: терпежа нету... Латна. Ярар. Полушаем деньга и – улетаем! Отсу-матери гуляем! Ты, Славка, брей усы, не брей – опоздал се равно своя рейса... Ложись, сила береги».

Славик живет в Чернигове – у отца, под Житомиром – у матери, в Киеве – у тетки. В прошлый раз отгулы он проводил у тетки в Киеве. Поехал он как-то по делам в Пущеводицу, к нему в трамвае прицепилась энергичная, по-спортивному одетая девица. Назвалась помощником режиссера с киностудии Довженко. Стала настоятельно приглашать на кинопробу на роль инока в историческом фильме: «У вас в глазах нечто трагическое!» Думал, разыгрывает: его и прежде шустрые представительницы слабого пола не раз пытались «кадрить» под благовидными предложениями. Посомневавшись, рискнул. И – о, чудо! Утвердили. До сих пор не верится! И контракт подписали. Только, сказали, речь подправить нужно. Но это не проблема: у них есть специалисты... Об этом он – никому ни слова! Думал взять отпуск. Не дали: попросили заезд отработать. И вот, если через неделю не прилетит, возможно, будет поздно: его ждать не станут! А так – самому страшно, боязно представить – как судьба может крутануться! А что?.. Подравнивая ниточки усов, низкие

баки, он шевелил длинными, шнурком, бровями, то прятал в ресницах, то таращил темно-коричневые горячие глаза, искал в них «нечто трагическое». Зубы вот со щербинкой да седина в чупрыне пробивается – надоело выдергивать. Шея длинная, витая. Да и фигурой Бог не обидел. А дикция – да, есть такой грех: говор местечковый, житомирский проскальзывает. «Надо будет – выправлю!» – решил он.

Славик спускается с вышки, думает о всякой разности, но не может избавиться от назойливой мысли: «В последний раз... Больше не подняться».

А что, может, так и статья, запросто. Четвертый день как он пьет только талую воду: в завале снегу много под слоем торфа, мха, искореженных оверший кедровых и березовых. Читал – полезна талая вода. Илюха посмеивался над ним сначала, а как похлебку дорубал, тоже присоединился...

Площадь, на которой находится буровая, расположена на отшибе, пролетающих вертолетов не видно. Два раза в сутки с небесных высей падает на парней самолетный гул. Задрав голову, они видят пушистую нитку инверсионного следа, опадающую то на северо-востоке, то на юго-западе. В эти моменты так хочется оказаться в салоне лайнера! Сейчас подадут куриную ножку в целлофане, ломтики черного хлеба, вафлю, пакетик кофе... Съесть бы все это! Вытереть потом салфеткой рот, пальцы, взглянуть в иллюминатор – оттуда все эти болота и гривы сквозь голубоватое марево представляются марсианскими пейзажами...

«Киснуть» Илюха начал. Почти сутки койку давит. «Шлангует» – говорят в таком случае. «Беломорчик»-то кстати, обрадую хлопца...»

И точно: зашевелился Илюха, брови зашевелились, краешки губ к ушам в гости отправились, ямочки на щеках проступили, глаза щелочками стали.

– Ну, Славка!.. Молоток, Славка!.. Целый кувалда, Славка!.. Щасс дадим зубы, чтоб дым пошел!.. – полез за

угольком (спички кончились, огонь в «буржуйке» поддерживают). Прикурив, Илюха смачно зачмокал: – Ай, Славка. Широк Хомс ты, Славка... Давай, кури: может, банка тушенки буханкой хлеба выщислишь.

– А шмоток сала не хочешь?

– Нищава! Давай и сало – пойдет!..

Голодные места вокруг буровой: прошлогодних ягод нет – год был засушливый. Кедрового ореха тоже: что было, ронжи да бурундуки оприходовали. Морошка только зацветает. У брусники невзрачные цветики едва проклюнулись. Грибная пора не пришла, даже сморчков нет. Да по болотам и не больно находишься: Славка в кроссовках, Илюхины болотники ему и на нос не налезут. Сам же Илюха по болотам не ходок: «боюсь, как шайтана». Он однажды, когда у сейсмиков работал, тонул в болоте вместе с трактором. Как выбрался, не помнит. «Очухался, сразу же из сейсмы уволился – к буровикам подался», – объяснялся он со Славкой.

Славик нашел старые кирзачи подходящего размера, но на одну ногу; вместо портянок вырезал куски дарнита из обшивки балка и обследовал согру возле буровой, насколько позволяли голенища сапог. Ничего, что можно употребить в пищу, не обнаружил.

– Пищи нет, ягод тоже – нищава! Что хороша – то, что мишка нет! – успокаивал Славика добродушный Илюха. – Когда мишка на буровой – и при всем другом сапсем плохо! Прошлый год на Еканской площади два дня на буровой мишка гулял. Мин технику ремонтировал с Седым. Седого знаешь? Крановщик... Знаешь! Я штрафниках был – слесарил. Седой помогал ремонт. Так мы с ним два дня круглый суток балка сидел. Жратва много был... Щас бы половину хоть, а? Мишка по мойка пасется, довольный: чуть не песня поет! Вокруг балок ходил. Думали, гости постучит, нет? Сапсем апраган был. Мандраж! Седой аж медвежий болезнь напал. Ще делать? Говорю: Седой, мишка пойдет мимо, дверь

отворяй и – прямой наводка! – по нему! Его разрыв серса хватит – добыча будет! А ще? Так и делал. Когда мишка помойка рылся, канишна. Хорошо он крыльсо уделал, пришлось потом другой балок перебираться...

За неделю они порассказали друг другу много всяких историй, приключившихся с ними или со знакомыми. И анекдоты, даже самые бородатые, вспоминали. И взгляды на жизнь сверяли. Не обошли стороной дела в стране и в родной экспедиции.

– Эх, перестройкам! Языком – так ядрит-тритатит, а работать – так сам не хочу! – заключил один такой «перестроечный» разговор Илюха.

– Икспидисия тоже – нащальство выбирали-выбирали... Каждый большой деньга обещал, квартир... А потом – как трактор, когда один фриксион на себя, на одной гусянка: вжить – сто восемьдесят градус и крутанул. Теперь не мы избираем, а аксия наша. Ты видел своя аксия? И я нет: заявленья писал, механик говорил как. Наша контора теперь от ваша икспидисия отдельна: аренда работаем. Кому лучше стал? Новый техника нет. Запщастей тоже йок. Большой старье на меньший старье переставляешь, и весь ремонт!

– У буровиков – то же самое! – согласился Славик. – По этой причине и мы-то здесь с тобой загораем. Были бы запасные узлы, разве бы стали бурстанок разукмплектовывать?..

И часто мечтали.

– Выберемся отсюда – ко мне поедем, деревня... – Илюха, затаившись свалившимся с палатей «Беломором», блаженно закатывал неунывающие глаза. – Отес-мать обрадуются. «Вот, – скажу, – Славка. Соли, – скажу, – с ним не больно много кушал, но он хороший знаком – друг то есть мне! Угощайте, мать-отес, его...»

Славик растрогался от этих слов, в глазах приятно-горько зажгло. И в благодарность за дружеское признание Илюхи он поделился с ним своей тайной.

– Жалко, если не успею, – вздохнул. – И главное, подведу! В знаменитом киевском Софийском соборе эпизод должен сниматься! Хорошо бы успеть! Ты смотри, Илюха! Там в одном эпизоде инок, которого мне роль выпала, постится! Голодает то есть. Как мы. Но добровольно. Интересно! Как думаешь, труднее ему или нам? Так, смотри, и в провидение поверишь! Вот мне бы сейчас сразу – на съемки: жизненная правда обеспечена...

– Тощна! В дороге еще потерпи – будка сапсем будет, как монах тот.

– Слушай, знаешь что там инок говорит? Он, Илюха, вот что говорит: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, где воры подкапывают и крадут. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Ну... там еще много слов, но я не очень запомнил, а вот эти слова – чисто о нашем времени...

Вернувшись из Киева, Митхат – Михал Михалыч – передал заказы шефу, почувствовал: угодил, потрафил вкусу начальника. А шеф его успокоил: «Все о'кей! А ты – боялась!...»

Принимая вечером дела у Валеры, Митхат поинтересовался:

– Со сто сорок первой железяки вывез?

– Не получилось... – беспечно ответил напарник.

– А людей?..

– Людей?.. Про людей ты не говорил. А что, туда люди залетали?

Митхат поморщился:

– Да говорил я тебе... Забыл ты! Там эти... Как их? Два придурка. – Листанул блокнот. – Вот, Мисюк и алкаш этот... Илюха-тракторист. Слушай, Валера, возьми с утра МИ-2 и сгоняй к ним втихаря. Если все нормаль-

но, скажи им, чтоб не шумели: оба они на крючке, сам знаешь. Пообещай: отгулы – сколько хотят, потом что-нибудь из бартерного дефицита подкинем... Давай!

Утро выдалось жаркое, влажное, душное. Появился гнус.

– Вот теперь – аптраган, Славка. Щас комар давил-давил – не смог! Сожрут они нас и рахмат не скажут!..

– Комара-то я осилю, а вот к вертолету подойти, если турбины пилоты не вырубят, не смогу – унесет! Слушай, а не вертолет?.. Легок на помине. Или опять галлюцинация?.. Нет, летит?!

– Летит... комар на комариха... Нет! Славка! Тощна – летит!..

Назойливым комариком МИ-2 завис над пяточком возле балков. Не успели амортизаторы шасси успокоиться, как пилот вырубил турбину, а из кабины вертолета выпрыгнул жизнерадостный Валера в короткой модной курточке. Увидев вышедших из балка «робинзонов» живыми и здоровыми, издали закричал:

– Здорово, мужики! Как вы тут голодали? По Семеновой или Брэггу? Теперь главное – выход из голодания! Кушайте папайю, ананасы, бананы! Пейте свежий апельсиновый сок!..

1994 г.
Мегион

Засада

На экспедиционный автобус, уходивший в Пургай в пять утра, я проспал. Пошел в восемь к конторе экспедиции попытать у мужиков насчет попутки: они к этому времени должны быть уже в курсе всех новостей, международных и поселковых. И точно! Рассказали: кто, куда и даже зачем едет. И – кто возьмет в попутчики, а кто – нет. И – кто водитель надежный, а кто – так себе. Машин

нынче в поселке поболее, чем раньше коров было, да не все им сноровисто могут «хвосты» крутить.

– Да с Арсентьичем поезжай, ты ж его хорошо знаешь! – посоветовал мне механик Паша. – У него, слышь? Игорешка-то в Тюмени поступал, да математику завалил. А Наташка, жена его, с нашим «генералом» вась-вась: бумагу заготовила, что экспедиция будет платить за Игорешкину учебу. Вот Арсентьич с этой бумагой и едет: пристраивают они сынка в какую-то академию аж! – Паша с язвительным смешком скребет кадыкастую шею и виртуозно, как это только он может, матерится. – Я тюменское седьмое ГПТУ кончал, так нас – в шутку же! – «академиками» обзывали. А теперь оно – технический колледж! Дела... Устроить пацана куда – на лапу дай, за учебу – плати!

Попрощавшись с мужиками, я пошел к Арсентьичу: жил он где прежде, в брусчатом, засеребрившемся от времени, коттедже. Прошел по приятно скрипевшему тротуарчику, вдоль которого ярко цвели бархатцы и астры.

Стучаться не пришлось – Арсентьич вышел навстречу.

– Какие люди к нам! – сочным баритональным тенором воскликнул он, загребая меня в свои могучие объятия. Здоров был Арсентьич и раньше, а за прошедшие пять лет заматерел и лицом, и телом. – Здорово живешь, Николаич! – продолжал он ломать меня. – Какими судьбами?

И потащил в дом.

– Извини за бардак, только из отпуска: короеда своего пристраивали в Тюмени, да неудачно. Сейчас еще попытку хотим сделать. Куда деваться? Болтаться будет – себе дороже! Как бетонку проложили сюда – кончилась наша спокойная жизнь! Не поверишь, Николаич, прифронтная обстановка: кавказцев наехало, пруд пруди! Водка – самопальная, наркотики – любые, и все это – в ночь-полночь!

Во время своего монолога Арсентьич достал из холодильника закуску, извлек из бара, встроенного в мебель-

ную стенку, несколько разноформенных бутылок, пузатые рюмашки и пригласил к столу.

– Давай, Николаич! Чем богаты... Я с тобой чокнусь, но пить не буду: за рулем!

Тут я и обратился к нему со своей нуждой.

– Об что речь! – в своей жизнерадостной манере воскликнул он. – Веселей доедем! Наталья бумажку одну принесет сейчас и – в путь!

Настроение у меня было благодное: хорошо я угостился у Арсентьича.

Машину он вел мягко, профессионально. Дорога была пустынна. Там, где бетонка была заасфальтирована, Арсентьич придавливал акселератор до упора. По сторонам дороги накатывала и проплывала, с резким разворотом вблизи, красочная осенняя тайга. И только безоблачное небо было бесконечно высоким и огромным, безразличным к нашему перемещению в пространстве.

В начале пути мы вели с Арсентьичем оживленный, но ничего не значащий разговор, далее обменивались какими-то – к месту – репликами. Через часок разговор как-то сам собой иссяк. Я бездумно обзирал уже приедавшиеся красоты пейзажа. Временами наблюдал за спутником. «Красив мужик! Хоть и заматерел, а чубчик прежний: первого парня на деревне. Несолидно: сейчас бы ему или назад волосы зачесать, или на косой пробор... Рот чуть пожестче стал, нос горбатистей... Глаза все те же: с кошачьей крапинкой, веселые, нагловатые... Сколько ж я его знаю? Лет пятнадцать или более того?.. Так. В экспедицию я пришел, он уже работал. Да, такелажником. Потом – бригадиром... Мастером погрузочно-разгрузочных работ... Прораб стройцеха... Это – как о работнике знаю. А как о человеке? Любвеобильный! Когда принесли на подпись в первый раз мне ведомость на перечисление алиментов, я обомлел: Арсентьич платил двум женам! «Когда он успел? Такой молоденький!» – по-

думалось. Еще что? Коммуникабельный. Анекдотчик... Хитрова-ан! При мне окончил два заочных техникума: вечный заочник! Чуть что – на экзаменационную сессию вызов показывает! И правильно: нет закона, запрещающего менять профессию и переучиваться. Зато потом – на все руки мастер!.. Да! Рыбак, охотник... Любитель природы: окрестности вокруг поселка знает великолепно...

Вспомнился один случай.

В майское воскресенье, около полудня, мы с начальником БПО – базы производственного обслуживания – были на первом в навигации «тысячнике», пришедшем из Тюмени по большой воде, и обсуждали план разгрузки и перевалки на подбазы оборудования и материалов. И тут на моторке подъехал Арсентьич. Начальник БПО дал ему необходимые ЦУ по работе и попросил: «А пока свози-ка нас с шефом в укромное местечко – «по четырнадцать капель» принять и чуток расслабиться! Погодка-то, а?! Душа так и жаждет, хоть на часок, с природой слиться!..»

Подтопленная полой водой подковообразная гривка образовала тихую, круглую – как по циркулю! – гавань. Склоны и гребень ее заселяли крученые ветрами раскидистые сосны и березки с ослепительно белыми чистыми стволами; по оподолью она поросла тальником. Кроны деревьев образовали над лагуной сквозистый шатер: клейкие листочки только еще выворачивались из почек. Полегшую траву и палый лист простреливали скальпельно острые побеги осоки и пырея. Пахло молодой листвой, живицей и весенней водой.

Мы разделись, попробовали босыми ногами воду. Но купаться все же не решились: холодно!

Арсентьич нашел несколько саранок, и под эту закусь мы распили бутылку водки, вместо рюмок использовали бересту, свернутую конусом.

Уезжая, с сожалением заметили: «Надо же! От такой красоты и на какие-то еще юга тянемся!»

– Задремал, что ли? А, Николаич! – окликнул меня Арсентьич, как-то покровительственно улыбаясь. – Смотрю – бормочешь что-то. Спишь аль стишки сочиняешь?

– А ты расскажи что-нибудь интересное, – парирую я его выпад. – Хоть бы о себе что рассказал: где родился? На что сгодился...

– А чо? Слушай! – охотно согласился он. – У меня жизнь – хоть роман пиши. Или трагикомедию, ей-бо! Много казусов случалось... Ну! Родился я 5 марта 43-го года. Дата круглая: за десять лет до смерти вождя народов! Да. Тика-в-тику! И где? В селе Нарым Томской области! Дома в Нарыме из лиственниц рубят, они долго стоят: с тех, еще джугашвилевских времен. Так же, как и по соседству: в Городище, в Каранаке... Многие дома, правда, опустели после хрущевской «укрупнения». Причем без головокружения от успехов. У создателя культа личности, похоже, в отличие от его разрушителя было все ж чуть-чуть и чувство самокритики. Ну! Корни мои по отцу нарымские, по матери – парабельские. Теток, дядек – человек десять, семьи-то раньше были ого-го! Электричества-то не было! Да и верующими были. Резиновая промышленность была в зародыше... – Арсентьич поразвивал демографическую тему всласть, прежде чем вернулся к своей биографии, я его не прерывал.

Ага! Слушай, Николаич, дальше.

Начальную школу я закончил в Городищах, с двенадцати лет начал в колхозе трудиться. Зимой телятницам помогал. Корм телятам подать, телятник почистить, загон – делов много. Летом сенокос: на конной косилке, на граблях опять же. Были бы руки, а работы в селе всегда невпроворот. Да без работы и не проживешь. Я хоть шкодой был, но не лентяем: в работе азарт находил. Ну! Потом, конечно, прискучил колхоз: ни заработка, ни перспективы. Вырвался в леспромхоз, а после армии на шахту подался и сюда, в экспедицию. И двадцать один годок

уж здесь! – он присвистнул: – Ничего себе: больше, чем полжизни!

Арсентьич помолчал и, задумчиво глядя на дорогу, даже сбавил скорость. Потом всохотнул.

– Не поверишь, Николаич, сам секретарь райкома партии пас меня, чтобы я из колхоза не драпанул. Ну! Вот тебе тогдашняя демократия, в растуды ее! Председатель колхоза, когда я слинял, предателем обозвал. Чо, ежу понятно – одни старики оставались в деревне. Я, можно сказать, последним из молодых когти рвал из колхоза. Но и меня понять надо. В деревне что за жизнь: что при отце народов, что при Хрущеве – как крепостной! Паспорт не дают: в город куда ежели ехать, справку, как зэку, выпишут – чтоб милиция не забрала: за бомжа не посчитала... А я чо? Я в соседний колхоз, к тетке на квартиру. Председатель ихний – лет на триста бы ему здоровья! – хороший мужик, в положение вошел. На пилораме, говорит, месячишко поработай, а там – дам я тебе, мол, справку, и катись ты на все четыре стороны. Работаю я у него, значит, кручусь на совесть. И вот подходит обговоренный срок: завтра бы уходить, а я в клубе вечером на баяне пиликаю. Ну! И тут секретарь райкома... Встать и удрать? А он заметил уже! Сижу как ни в чем не бывало. А ухо – чуть не до него тяну. Слышу: он председателя на счет меня пытается. Чего, дескать, он у тебя ошивается? Председатель ему: а что? На пилораме у меня работает. Ударно трудится. Молоток, думаю, мужик, а все равно мандражно: вдруг справку под этот разговор не даст? Прихожу наутро, а он мне: давай, мол, опохмеляй – с отвальной-то. С секретарем, видать, крепко поддали. Я к тетке бегом: тащу четверть самогону да бутылку белоголовки. Он мне и справку тут же. С такого-то по такое работал на пилораме. Чин чинарем: число, подпись, печать. Все как было. С этой справкой бегом в леспромхоз к директору. А тот тоже был мужик – во! Лесотехническую академию кончал. Солидный мужик. Властный. Директор

настоящий, одним словом. Раскусил сразу. «Из колхоза? Это не тебя секретарь райкома ищет?»

Я как язык проглотил, молчу, чувствую, что у меня внутри опустилось: сдаст сейчас секретарю... А он: «Чего у тебя там? Паспорта ведь нету?»

Я ему – молча! – справку протягиваю.

«Где работать хотел бы?» – спрашивает, в справку даже не глянув. Я обмер: неужто берет? А ведь похоже – берет! Промычал чо-то.

«Ну, иди в кадры, оформляйся! – говорит. Черкнул что-то на моем заявлении. И строго так: – Чтоб сегодня во вторую, с четырех, в бригаде был: на пилораме пока...» Все леспромхозовские специальности освоил! Но лучше всего – вальщиком на лесосеке!

Да и на сплаве – весело! Было это в 61-м году. Ну! Тезка космос осваивал, а я – тайгу. Четыре года отпахал в леспромхозе! А потом в город с братом подались. В «город-сад» Новокузнецк. Как в песне: «...И в забой отправился парень молодой!» – поработал три месяца в шахте – понял, не по мне условия, давит земля... К простору душа привыкла, к выси небесной, смолистому духу, к вольному ветерку. А тут вдруг встретился Гена Головкин, брат Гермогенчя, бурильщика: вы его знаете ж! Вот Гена и позвал меня сюда, на Север, в экспедицию. Мы с Геней-то земляки и на лесосплаве с ним год отмантулили. На пальцах объяснил он мне, как до экспедиции добраться, и подался я на севера! Без вызова, без подъемных. Денег – восемь рублей, буханка хлеба, кило козьей колбасы. Точно: козьей! Сам удивлялся. Ну – билета нету. Зайцем сел. В Александрово, на стоянке, в пристанском магазинчике форменную флотскую фуражку увидел. Денег как раз хватает. Сам не знаю, как получилось, – купил ее.

Хожу в форменной фуражке, ко мне пассажиры с вопросами стали обращаться: когда, мол, там будем? А там-то когда? Отвечаю четко, только под козырек не беру: память-то молодая, расписание назубок выучил.

Познакомился с обслугой, объяснил, что и как. Те поняли, говорят: как в Вартовске будем – вынесем твой чемодан, за контейнер поставим, а ты выходи – на прогулку будто.

Старпом злой: билеты у сходящих проверяет, квитанции на багаж. Иду я.

«Прогуляться, – говорю, – что ли? Что за Вартовск, глянуть, что ли?..» – «Не опаздывайте! – предупреждает. – Через сорок пять минут отходим».

Так и сошел. Узнал на пристани, как и что. Вот и теплоход «Антонин Зырянов» швартуется – он мимо экспедиционного поселка ходит. Присматриваюсь: садятся без билетов. Пошел и я. Я уж знал, что к чему, у обслуги спрашиваю, третий класс где? Внизу, показывает. Спускаюсь, там людно, галдеж. Притулился в свободном уголке, сижу. А рядом парни пьют, закусывают, беседу ведут. Вдруг меня спрашивают: налить? примешь?

Я им честно признался: к Генке Головкину еду, денег нету, последний кусочек колбасы козьей иссосал утречком, сейчас кишка кишке кукиш кажет, хоть лапу соси.

Парни зашумели: о, мол, Генка Головкин – да кто же его не знает? Знаем! Его друг – наш друг. Садись ближе.

И накормили, и напоили, и билет купили. Так и приехал в экспедицию. А было это 15 сентября 1966 года. Иду с причала, а сумеречно уже, впереди будто асфальт блестит. Ступил на этот «асфальт» и провалился в няшу по пояс. Хоть плыви. Это сейчас – бетон кругом, тротуарчики, «золотой» песочек. Да и мы, по правде, не те уже! Так оно, Николаич?

Я хмыкаю в ответ неопределенно. Некоторое время едем молча. Дорога пустынна по-прежнему. На обочине приткнулся цементировочный агрегат, подальше «жигуленок» с поднятым капотом. Проезжаем обочь клюквенного болота. Арсентьич кивает головой в его сторону, там виднеется несколько согбенных фигур.

– Все лето сушь стояла, клюква сейчас по кочкарнику на опушках. А в урожайные годы здесь машин – как на платной автостоянке в городе, и людей... все усыпано! Ну! – и, как бы спохватившись, продолжает:

– Ага! Слушай дальше. В экспедиции работаю: то-се, но – интересно. Главное, вольготно: как в колхозе. Работа на воздухе. Авралы случались, но не как система. Да и отгулы за них давали. Возьмешь их – и на рыбалку или на охоту... А охота и рыбалка тогда были... Душу беречь воспоминаниями не хочется! Вы-то еще застали... Я и лето, и зиму – все больше на подбазе кантовался. Женатики – те, чуть что: на базу, в поселок. А мне – хоть бы хны! Я – человек таежный. Базистом был Вдовин Михал Иваныч. Хороший мужик! Мы с ним дружбу свели. Прозвище интересное у него было... – Арсентийч хохотнул и, быстро глянув на меня, продолжил: – Ты вот замечал: одни, когда согласны, говорят «ладно», другие «добро», «ага», «да-да»... – он снова хохотнул и, глянув лукавско-сконфуженно, вдруг завывал: – Вы, к примеру, замечали, нет? – «ну-ну» говорите, а то – «ярар»! Ага. А Михаил Иваныч – «по уму». Вот и прозвали его – Поуму. Была у Поуму племянница. В 73-м году окончила она планово-экономический техникум и приехала к сейсмикам – а они тогда на нашей подбазе стояли. И звали ее Натальей. Я к Поуму и так частенько хаживал, а как Наталья приехала – повадился, как медведь на пасеку. А потом сейсмики перебазировались в национальный поселок. Поуму да и вертолетчики в мое положение входили: как у меня отгулы, забрасывали к сейсмикам. Крюк туда небольшой, но все же. Заком тогда был Леонтьич. Резкий мужик, но прозористый. Да вы ж его застали: знаете. Ну! Ловит он меня как-то и говорит: хватит, мол, Ромео, вертолеты зря гонять. Бери борт, грузись и вези свою принцессу в поселок. Погусарил, мол, и будя! Ага. Но это было уже в 74-м.

Взял я вертолет и полетел за Натальей. А она в сейсморпартии у Шмутова экономистом работала. Он было

зарыпался: молодая специалистка, мол, обязательку не отработала. А я, как знал, в заочный техникум топографический поступил. Для понта, правда, сказал, что оканчиваю уже. Тоже, мол, итээровцем вот-вот буду. В общем, уговорили. Игранули у сейсмы свадебку. Дал нам Шмутов самолет АН-2. Загрузили нас, и полетели мы в свадебное путешествие...

Запомнилось оно нам покрепче, чем иным круиз вокруг Африки!

Летим низко по-над речкой. Красота!.. Сидим в обнимочку у иллюминатора: любуемся природой. Вдруг мотор: чих-пых-тых... Сдох!

Успокаиваю Наталью: пилоты, мол, шутят, чтобы сердцеобмирание прочувствовать. И точно, вскоре мотор завелся.

«Говорил же: дяди шутят!»

А потом еще раз и еще, и еще, и еще. Как по горкам летим, по трамплинчикам. Как бы, думаю, свадебное путешествие не превратилось в выпадание с небес на землю.

Мотор еще раз заглох, и надолго. Планируем низко-низко: чуть верхушки кедров не задеваем колесами. И тишина, аж в ушах ломит. Наталья вцепилась в меня и что-то шепчет.

Бортмеханик успокаивает: «Не бойсь, молодожены, двигатель счас запустим». Сказал и точно: за блистером клоч пламени, фонтан черного дыма, и загудело! Какой там марш Мендельсона!.. Слаще этого рева моторного будто и не было музыки в мире! Самолет, а с ним и сердце жаворонком, – вверх, вверх в небо, к солнышку... вот такое у нас было свадебное путешествие... Длинным показалось!

Пустынная дорога все так же ныряла с гривы на гриву, стремилась к горизонту или упиралась в крапчатую стену тайги, предупреждая о крутом повороте. Но что-то ее все же отличало от пройденной. И словно отвечая мне, Арсентьич чертыхнулся:

– Делать нечего им: понаставили знаков! Вот чо им надо? По ихней территории и ехать-то всего ничего, а эти «стрижи» замордовали наших – спасу нет! Другое генерал-губернаторство! Губернаторы, говорят, в ссоре, а у нас чубы... кошельки трещат! КПП скоро: радар там у них стоит. Но и мы не лыком шиты: у меня штукovina стоит, которая предупреждает, если радар работает. Береженого Бог бережет, – он сбросил скорость, проезжая мимо двухэтажного, в виде перевернутой пирамиды, стеклянno-бетонного здания КПП. – Гли-кось: никого! – удивленно-растерянно хмыкнул он. – А на прошлой неделе, когда из отпуска ехал, тормознули меня здесь, но я тогда отбрехался. Куда ж подевались менты? Подлянку какую, может, готовят? Жаль, встречных нету: поморгали бы, если что. Ниче, Николаич, чуток еще попилим, ихняя часть дороги скоро кончится, а там – врежем по газам!

И только Арсентьич это сказал, заполошно запиликал его приборчик. Но было уже поздно. Метрах в тридцати из-за зарослей вербы вышел гаишник с жезлом и сделал знак остановиться. Зеленый фургончик с радаром был хорошо замаскирован. Хотя мы остановились напротив его, он не бросался в глаза.

Арсентьич долго и красочно объяснялся с лейтенантом, но был оштрафован за превышение скорости.

– На дороге – никого! Машина исправна. Погода сухая. Ну кому это превышение скорости угрожало? – долго чертыхался Арсентьич. Особенно его возмущало то, что он-то сбавил скорость: – Ну хоть бы действительно с ветерком катились, тогда бы и не обидно было. А то...

Вдруг он рассмеялся легко, даже беззаботно:

– В засаду попал! Как раньше – в бабские силки! Я ж, Николаич, года три как алименты платить перестал. Вот бабы-стервы попадались мне, не лучше этих гаишников. Ведь сами вешались, а потом: ой, в положении, женись или повешусь. От хороших-то отбрехивался, а на стервах жениться приходилось: лопух все-таки был! Наталья-

то из-за этого и не хотела было за меня идти замуж... Не потому, что ползарплаты на алименты высчитывали, а – бросишь, мол, тоже – как обрюхатишь!

– Так это ж тоже своеобразная засада, – подначиваю я Арсентьяча, – только более тонкая, иезуитская...

– Не... – смеется Арсентьяч и головой мотает, как хорошо объезженный конь, – не-е... Наталья крутовата, но – как честный инспектор. Волей-неволей приходится ехать по жизни, соблюдая правила.

– Натальины? Свой? Или библейские? – опять не сдержался я.

Арсентьяч плутовато ухмыльнулся.

– Автодорожные, – сказал, весело, до позолоченных клыков скалясь, – автодорожные!

Сентябрь 1994 г.

Февраль 2001 г.

Как теща зятя разговорила

Эту женщину в нашем подъезде я стал встречать не так уж и давно и, по сути, был незнаком с ней, хотя и здоровался. Поэтому, застав ее у нас, оживленно беседующей с женой, удивился.

«По вашу милость! – церемонно представила мне ее жена. – Таисья Алексеевна, соседка с пятого этажа. Поэтесса!..»

Гостья смущенно хохотнула. На ее коричневатом, российски типичном лице проступил румянец.

«Стихи складываю вот... Не знаю.. Кому сказывала – нравятся: хвалят! Только вот в голове все держу: грамотешки у меня маловато. А почерк – как курица лапой пишу, чай не поймете!»

Посмотрел я принесенную ею тетрадь – стихи вперемежку с кулинарными рецептами, и попросил самой их прочесть и про свою жизнь рассказать – что вспомнится...

И вот что она поведала.

Ах, кабы не цветы
да не морозы.
Русская народная песня

I

«Эх, жисть!.. Канительная, да своя. Хорошо оно – жить, если еще и живется хорошо!..

Да и так ниче: глянется! Чего бы еще, руки, ноги целы, голова на месте, жить можно! А вот скажи волшебник какой или кто: «Хошь, Таисья Алексеевна, жисть свою заново прожить» – подумаю. Подумаю-подумаю да и откажусь. Если все, как было, – нет! Не-ет! Разве можно еще раз перенести все, что я перенесла? Да ни в жисть! И злему татарину не пожелаю! Как стерпела? Дивуюсь!

Я жила в своей семье,
где война происходила,
где, как зверь, ревел мой муж,
а я плакала сидела...
Я верила любви высокой,
но решила бросить дом:
дверь открыла и ушла я...
Ушла от фальши...
Ушла с побитыми боками.
Руки кручены годами...
...Пусть счастья больше мне не будет,
пусть будет так, как будет...

Двадцать лет маялась. Терпела: дети ж!.. А вышла за него так: почти силком взял! Сказал: мать согласна, и взял! С первых дней жисть не пошла – такая уж у них порода поперешная! Что один брат, что другой. Отец их – свекр мой – еще чище был: свекрухе ноги чуть не всамдель выдернул. А ведь со стороны глянуть, завидки были: красив, здоров... Мужик вроде! Да в голове мякина. И то. Ведь уж стариком, кобель, не тем будь помянут, с тремя сестрами-сучками любовь крутил. Я про то побаску сло-

жила, да страмновата она: вслух сказывать стыдно. А то... идет, бывало, пьяный, издаля предупреждает: «Такие-сякие, ночевать седни не мечтайте: гонять буду!» И гонял! Куды только не бегали! В огороде, в стайке, на поветях – в гнезда для отсидки. Всю жисть трясло: бежать аль погодить маненько? Везде мир, у нас – война! Чуть чо, девок на руки и – к соседям аль в «гнездо». Младшую, Людку, иной раз слушал. Да и то, доит она корову, а он – по ведру ногой. И дети без молока, а ему – смех! До чего доходил: корову продавал по пьяни! И находились ведь – соседи тож! – покупали. Знали, что к чему, а брали! Подашь в милицию: украли, мол, корову! Милицанер вернет кормилицу – спасибо ему! – да и скажет: «Детям вертаем, куда дети без молока?..»

Что хорошего в такой житухе? Не-а, повторить не захочешь. А малой была? Что хорошего видала тоже? Эх, кто бы знал!..

Восьмеро нас было у мамыньки. Жили в Краснознаменке. На Алтае это, с ногайской, степной стороны. Сначала, до меня, в коммуне, потом – в совхозе, в отделенье. Дом – саманный. Как помню, все детство и молодость – впроголодь. Не поверите, первый раз досыта хлебушка наелась в 54-м годе! Конечно, не война – может, ничего бы жили. А как война – отца из-за глаза на фронт не взяли, а хуже – в трудармию! Там и помер с голоду. И ни похоронки нам, ни пенсии. Спасибо, друг его, который с ним был, обсказал все. Мать дояркой всю войну: уйдет до свету, придет чуть жива. Упадет, разденем ее, собой отогреем чуть – оживет...

Корова наша от бескормицы молока давала со стакан, мать делила между нами ложкой. Одежонки – никакой! Я ведь три класса кончила, а школа рядышком была. Пошла перед войной. А как война – в школу босиком, пока ноги терпят. Всю зиму из саманки не вылазили. Холодно жилось. Мать, как сейчас помню, печку протопит, золу выметет и нас с братом Иваном в печь.

Так и зимовали. А в сорок третьем отдала меня мать в няньки в Усталовку, в соседнее село, к тамошнему председателю колхоза. Сам-то, Петр Васильевич, ниче мужик был, хороший. А вот хозяйка, Клавдия Иванна, та обижала. Да что там: ездила на мне! Ее хозяин не раз бивал за меня. И то! Дрова рубила. Глину топтала. Кизяк лила. Стирала. Баню – по-черному – топила. Белила. Пол деревянный – голиком с песком драила. На стол готовила. С Шуриком нянчилась. Огород... Скотина... Все на мне! Надсадилась: ездили-то, как на взрослой. Через год не выдержала – упросила мамыньку и ушла. Одели на меня гимнастерку Петра Васильича да пеленкой укрыли – вся благодарность и плата.

А с четырнадцати лет в совхозе спину гнула, руки надрывала. Все делала, даже сеяла. Пудовую котомку на плечо и по пашне горстью пшеницу разбрасывай! Есть хочется, желудок к горлу подворачивается, не выдержишь – щепоточку в рот, а тебя тут же бичом: вжиг до крови. Это бригадир:огрехи будут, с него потом спросят. Горсть зерна домой, пучок колосков или кружку молока никак нельзя, стоят караулят! Не-ет, во второй раз это пережить – не приведи господи! И наплевала бы я в шары всем, кто хвалит ту прежнюю жисть и зовет обратно в нее. Если они барствовали, в сыр-масле катались, тогда понятное дело... А я не-ет.

II

Родители-то у нас хорошие были: что мать, Катерина Иванна, что отец, Алексей Иваныч. Да и места у нас красивые, приглядистые. Речка Локтевка. В уреме – черемуха, малина. А поверху, в горах, ягоды: земляника, крупеника. Крупеники-то иной год – красным-красно! Притомится – такая духмянка да слатимая! И свежую ели – так и с молоком, варили, сушили... по весне ходи-

ли за яры: зелень всякую рвали. Особо помнится «слезун», вроде лука горького, потому, видать, и прозвали так, раз слезу жмет. Жарили, солили его. Рыбачили! Летом речка неглубокая, но приятная: везде купаться можно. В остальное время переходили через нее по «лаве» – мостик на канатах так звался. К родничку любили ходить – чуть выше деревни, у фермы, к пригорью. Вода, как слезинка, а холоднющая!! Жгет! А нам – хоть бы хны: купались против родничка в Локтевке!.. Куклы любили. Какие! Да сами делали! Из тряпок. Золой набьешь, замочишь, отвердеет – и голова, и туловище готовы. Одежек нашьем и играем. Подружки были Нюра и Роза. В школу пошли вместе. Школа – дом деревенский на пригорке. Учились в две смены, сидели вместе два класса: первый с третьим, второй с четвертым. Всех учителей помню, хорошие были, поучилась бы сызнава у них. И с отцом пожила бы! Хороший был отец. Большой, добрый. На мельницу или куда еще ехал – с собой брал. Сильнющий был! Возил горячее в совхозе. Лошадь другой раз бричку на берег не тянет – распряжет и сам за оглобли. Нас любил. Усадит, бывало, всех, кто дома, на брюхо и трясет: «По ровной дороге... покоч-кам-по-коч-кам!..» Он мне и имя дал, когда крестили: «Тая...»

Да... Здоров был... и вечно от этого не наедался. Мамка блины печет, он кусок хлеба в блин, ест и смеется: а то блинов не хватит! Мастер был на все руки – что балалайку сделать, что хлебы испечь. Мамку любил. Когда на счетовода его послали, сбег! «Кабы ты, Катерина, была со мной, а то...» – сказал маме. И друг его рассказывал: когда на трудфронте он умирал с голодухи, все жалел мамку: «Как там Катерина без меня будет с малыши?»

Да... Трудно было: холодно, голодно, да молодно! Молодость-то всегда хороша сама по себе... Как мы под гармонь, а то под балалайку с мандолиной «Товарочку» с

прибасками плясали! Эх! Я хоть и голопятая, а дробилка – пол ходил, земля дрожала!

Пойду плясать по соломушке –
отойдите от меня по сторонушке!

Полюбила я его, а не знала, что косой:
я иду прямой дорогой, а он шпарит полосой!

III

Заболталась бабка!.. Эко! «Жисть наново прожить, да еще чтоб самую безгорестную!» Эту-то, дай бог, по-людски дожить. Работаю пока. Деньги получаю, доярке-т за таки деньги – ого-го! – как погнуться надо, знаю. Все ничего бы, да угла своего нет, в примачках живу. Хуже рабыни Изауры! Я его конуру за эти полгода выскребла, вымыла: на жиле стала похоже квартира. А ведь было – хуже конюшни! Он галстук пальцами помусолит и: интеллигент сраный уже, думат! А мотня мокрая! Лысина – в коростах! Только в божеский вид стала приводить: вычистила, обстирала, питаться стал по-человечески: кажон день стряпала... Нет! Деньги с дружками пропьет, потом с меня пытается: где, мол, гроши?.. Да вот, шумели. Дружки пришли. Пошел, пьяный, им открывать, а из трусов – деньги посыпались. Мелочью... Перед дружками, что ли? На, дает пятнадцать тыщ. Я уже ученая: пересчитала при всех: только тринадцать! А не то бы: куда дела?! – орал. Когда деньги спустит, трупом лежит и требует, чтоб его миловали-холили... Как же! Угол бы свой, койку, но чтоб – мою! Чтоб легла, когда захотела. И – живи тогда, кум королю, сват министру! А что? Дочек вырастила – четверо их у меня: Надя, Зоя, Лида, Люда. Внуки есть. Надежда, старшая, сама уже бабка! Ниче дочки живут, хорошо. Езжу я к ним, выдаюсь. Помогаю, чем могу. Оно ведь дивно другой раз – чем лучше всего по-

можешь! Расскажу вот, как Лиде помогла. Так у нее – все с добром: Гоша инженером, на сторону – ни-ни! И симпатяга: плечистый, кудрявый – представительный мужчина, голоса не повысит, а, смотрю, чего-то у них не хватает! Молчком все, вот как! Гоша слова лишнего не скажет, не улыбнется: все всерьез! Вот я и придумала. Сложила стих, и дай, думаю, поговорю с ним. Прилетела к ним... В Среднем Васюгане они живут, ниче живут: полкоттеджа, веранда, баня, сарай для свинюшек, парник, колодец, огород ухоженный – нормально. Ну, баньку истопили. Лег Гоша после баньки отдохнуть. Подсела к нему: «С легким паром, – говорю, – зятек дорогой! Можно с тобой поговорить?» Он улыбочку мне сделал: можно, дескать. Ага. Вот я его и спрашиваю: «Не сердись на меня, сынок, а скажи: есть промеж вас любовь али нет? Гляжу на вас и все дивуюсь: молчите все, как чужие, словом ласковым не переброситесь. Ай Лида не нравится?»

Гляжу, не обиделся ли? Не-ет, слушает! Я дальше. «Я вот тут про вас – про тебя и дочку – что сложила, послушай. Как бы я на вашем месте друг дружке ночью душу отворила и все нашептывала бы...

Милый Гоша! Мой пригожий,
я люблю тебя, хороший.
Ляжем спать с тобой в постель –
пошепчи ты мне на ушко:
«Я люблю тебя, Лидушка!»
Поцелуй и обними,
крепко-накрепко прижми!
Горя я с тобой не знаю!
Лягу спать и все мечтаю...
...Будь поласковой со мной:
лучше – не найдешь другой!
Что всегда грустишь ты, Гоша?
Ляжем спать, а ты – молчишь?
Может, ты и любишь, Гоша,
да признаться не хочешь?..

Ага, покраснел, молчит, но улыбается. Может, и обиделся, а виду не подал.

В следующий раз приехала, а Лидушка цветет: «Чо-эт ты с Гошей, маманька, сделала, как ты его разговорила? Другой человек сейчас Гоша, не знаю!»

Смеемся: теща зятя разговорила! А чо и сказала-то?! Так и надо: говорите про любовь друг дружке: не убудет вас! Наоборот, вишь, радость в доме появится...

1993 г.
Мегион

Прямой поезд Аэрофлота

Вылететь из Уфы на Север в обычное время трудно, а уж в конце сезона – дело известное, без протекции и нечего думать...

– Как так? – возмущается группа пассажиров. – По расписанию к нам, в Нижневартовск, три рейса, это, самое малое, – триста мест! А продали – шесть билетов! Если это спецрейсы, то и говорили бы: спец-рей-сы!! А пассажирских – нету!

– Это как с черной икрой: для кого есть, а для кого нема...

– Уперлись, меркаптан им в нюх! – «милльен тонн в сутки!». Вот и гонят народ со всего Союза! «Нефть – любой ценой!» «Нефть – забота общая!» У самих – бронь! А ты – как хошь! Приписщики, меркаптан им в нюх...

– Шараг развели! Надо же! Техничек, дворников возят с Большой земли. Рыжкову телеграмму отбить: так, мол, и так...

– Ответит он тебе! Да он сам на наших «генералов» давит: даешь миллион, ребята! Перестройка тормозится: нефтью смазать треба. А наши: «Рады стараться! Бу сделано!..» Бастануть, тогда закрутятся.

Эрна, молодая женщина, в отличие от многих, рассчитывала на блат: дальний родственник, седьмая вода на киселе, а все свой! Работал в аэропорту небольшой, но –

«шишкой»: хоть по одиночке, на разных спецрейсах, – отправлял! «У меня бронь – одно место...» – оправдывался он, принимая безделушку на память...

– Извини, куда угодно – пожалуйста! А на Север – никак! – родственник развел руками. Все брони обком забрал... Если хочешь, могу устроить на прямой рейс... тьфу! На прямой поезд до Вартовска... единственный выход... Меньше трех суток. Спокойно. Мы уже несколько таких поездов сформировали. Разгрузились немного. Тебе сколько билетов? – он нажал кнопку переговорного устройства и попросил купированный: – Уже нет? Тогда плацкарту в гэдээровский вагон. Сейчас подойдет...»

Поезд отправлялся ночью, в «разбойный» час. Вокзал забит. Душно и жарко, как у факела. Состав стоял на дальнем неосвещенном пути. Посадку объявили за полчаса до отхода. Номера вагонов на листочках, приклепанных к окнам. Один проводник на два вагона, посадка через один тамбур. Толпы мечущихся людей, плач детей, крики. В проходах горы ящиков с фруктами, чемоданы, тюки. Споры из-за мест. «Вы где покупали?..» – «А вы где?..» – «Может, у вас не тот поезд?..» – «Сам очки протри!..» – «Господи! Да садитесь сюда, образуется все...» – «Как в войну! Ей бо, как в сорок первом...» – «В войну-то документики бы проверили! С яшшыками да коробками повертали бы обратно...» – «Люди витамины везут, спасибо сказать надо, а вы...» – «Эх, выплюсь! Трое суток в аэропорту на одной ноге крутился».

Со скрипом, болезненно постанывая, как северянин с застарелым радикулитом, прямой аэрофлотовский поезд «рейсом» Уфа – Нижневартовск «вырулил» на транссибирскую магистраль и довольно ходко пошел навстречу рассвету. Замелькали огоньки пригородных платформ, темные деревни и дачные поселки. Шумевший, как растревоженный улей, гэдээровский вагон постепенно угомонился: всем нашлось место и серое непросохшее белье...

Эрне досталась верхняя полка, против хода поезда. Соседями оказались женщина с мальчиком, пожилой мужчина и двое парней, занявших места в проходе, они бросили вещи и ушли в другой вагон. Устроившись на своем месте, Эрна почувствовала, как она устала за последние два дня. «Это одна. А если бы с дочкой?.. Бедная Ксаночка. Пусть с отцом попасутся на даче у бабушки. В сентябре легче будет...» Она стала засыпать и тут вспомнила: «Телеграмму ж надо на всякий случай дать, что задерживаюсь... хотя... у меня отпуск льготный... время в пути... сверх отпуска...»

Поезд «летел» безостановочно, зато уж в Челябинске «приземлился» надолго: подцепляли дополнительные вагоны.

Эрна сходили на телеграф, отбила телеграммы домой и на работу. Перекусив на вокзале, взяла, из-за кружка колбасы, «дорожный набор». Соседей еще не было. Она достала из сумочки простенькое зеркальце, вытянув руку, бегло осмотрела всю фигуру, поправила податливые завитки обильных темных волос, потом стала вглядываться в зеркальце пристальнее, приближая его к себе и оставляя «за кадром» маленький скошенный подбородок, толстоватую, чуть с вывертом, нижнюю губу, белые, с милой щербинкой зубы, ироническую усмешку в уголках губ, припухлую, с выступающим вперед мыском, верхнюю губу, кончик носа с излишне резко прорисованными крылышками ноздрей... «Стоп-кадр!»

«Была бы вся мордашка в этом духе – как славно было бы!» – привычно мелькает мысль, пока она вглядывается в лучистые карие глаза, опущенные густыми ресницами. «Да и бровки хороши: полукруглые, ровные, волосок к волоску... Однако, осунулась... Вот и морщинки от глаз побежали... малюсенькие, но все же! Вчера не было...»

Она заметила, что в последнее время, в зависимости от настроения, самочувствия, она становилась совсем не похожей на саму себя: вдруг вместо привычной молодень-

кой, испуганно-веселой, словно всегда ожидающей выпускного экзамена, или бесшабашно-шаловливой, как на танцах, девушки, все чаще на нее взглядывает из зеркала незнакомая, чем-то недовольная женщина...

– О, простите, что помешал... – заглянувший было сосед учтиво попятился назад.

– Что вы! Это я ваше место заняла, извините...

Мужчина осторожно прошел к столику и выложил из авоськи пакеты, минеральную воду и... водку. Заметив ее осуждающий взгляд, пояснил:

– Вот ведь чего добились! Раньше я брал ее с наценкой в стационарном буфете. Теперь – у ханыг, в пять раз дороже! Эх, деятели!.. – и он сердито вытряхнул на газету мятые холодные беляши, скрюченную, как хворост, жареную рыбу. – Бывало, на каждом полустаночке горячая картошка, рассыпчатая... с укропчиком, знаете ли... Грибочки, огурчики... Зелень всякая... Эх, борцы! За социальную справедливость! Руки этим бабкам отбили! А тот, кто воровал, так и сейчас лопатой гребет... И процветает! Да вы присаживайтесь! – пригласил он Эрну. – Как вас звать? Звать-величать? Меня Николай Петровичем.

Она назвалась.

– О! редкое имечко! – удивился он. – Вы не из Прибалтики?.. Не немка?..

– Нет, что вы! До сих пор – вроде бы русская!

– Тогда, знаете ли, давайте, по старинному обычаю, за знакомство выпьем! Я вам самую малость? Как вы на это смотрите?..

– А что?.. Давайте!

Эрна – компанейская женщина; с сослуживцами – мужчинами, женщинами, старшими и младшими, – держится на равной ноге: мило, вежливо, раскованно, естественно... Представляется всем одинаково: «Эрна». Редко кому в голову приходит назвать ее Эрной Ивановной. Имя свое она любит. Говорят, отец чуть не назвал ее в честь бабки Татьяной. «Какая бы из меня Татьяна была? – она пожи-

мала плечами. – Нет, я – Эрна!» Она была благодарна матери, что та родила ее Эрной и назвала именно так.

Она достала сумку и выложила на столик малосольные и свежие огурчики, помидоры, редиску, чеснок, лук...

– Эрна! Вы – фея!.. Как в сказке... Везучий я человек! Везде у меня замечательные соседи! Кстати, а где наша попутчица с мальчиком? Трогаемся ведь!.. Как бы не отстали...

– Нет-нет! Мы успели! – успокоила его яркая плотная брюнетка. – Русик, посиди у окошечка, пока дядей нет! – строго сказала она сыну, полезшему было за столик. Он скорчил кислую рожицу, но успокоился, когда Эрна дала ему яблоко.

– Вот и хорошо: все в сборе! Будем пить горькую, кусывать дарами природы, беседовать и смотреть в окно... любоваться нашей землей... Люблю!.. Радуетса местами сердце: новостройки, аккуратные поля, прибранные леса... Но чаще – тоска! Сколько земли пропадает! От Калининграда до Владивостока – сколько бурьяна!.. Не где-то в глубинке, а у самой дороги... И такое впечатление, что с каждым годом его все больше и больше...

– Вы правы! – горячо поддержала его брюнетка. – Недавно ездили в Болгарию. И что же бросилось в глаза в первую очередь? Отношение к земле! В Молдавии или в Румынии – точно такой же бурьян. Пересекли Дунай – каждый клочок возделан! Даже вот такой, с купе, клинышек: перец на нем, томаты или розы...

– Бурьян – что! Он кислород выделяет, удобряет землю – она тут, как в сберкассе, гумусом – с процентом! – обогащается, – заступилась за пустыри Эрна. – Вот у нас что творится – посмотрели бы! Кошмар! Такой позор даже царизму не снился.

...Окоем обложили дымы.

Не эскадры дымят над Цусимой,
и не царь здесь прошляпил, а мы:
факела день и ночь негасимы.

Меркнет неба сибирского синь
в серебристо-графитовом смоге.
И белеют скелеты осин
вдоль бетонной дороги...

Пока – осин... Вот у нас-то – невосполнимые потери, природа несет что с лица, что изнутри...

– Простите, Эрна, вы кто по профессии?..

– По профессии я... а вот угадуйте! – она засмеялась. Смех у нее грудной, переливчатый – приятный. Когда она оживленно рассказывает или вот так, полнозвучно, смеется, облучая слушателей сиянием своих прекрасных глаз, она кажется очаровательной; ее характерные недостатки мило подчеркивали достоинства.

Соседи пристально, оценивающе, оглядели ее стройную, с небольшой грудью, длинной красивой шеей фигуру и, глядя в смеющиеся глаза, стали перебирать подходящие, на их взгляд, профессии. Она, чуть встряхивая локонами, смеялась: «Э’а... э’а...»

– Ладно уж, сжалюсь над вами, скажу... – ласково остановила их тщетные потуги: – Буровичка я! Горный инженер! Профессия у меня потомственная. «Мой тятка был известный мастер, бурил он недра в Туймазах...» А я – в Сибири. Ведущий технолог по буровым растворам – к вашим услугам.

– Почти коллеги, только я – переработчик... – оживилась соседка.

– А я – как ни банально признаваться – пе-да-гог! Сказать: учитель – опасаясь, хотя предмет свой люблю, могу заинтересовать и кое-чему могу научить. Впрочем, математику нельзя не любить! Верная и вечно юная наука. Не то что история, к примеру... Жена бы сейчас упрекнула: «Понесло Николая Петровича...» Поэтому я лучше за вами поухаживаю, за вами. В наше время говаривали: «Мадам, четырнадцать капель»? Простите, вы не представились... – вскинув кустистую бровь, он выжидательно взглянул ясными

ярко-синими глазами на брюнетку. Та привстала и назвалась:

– Фаина...

Николай Петрович тряхнул густой, серой от седины, гривой:

– Великолепно! Какие нестандартные – «нетиповые»! – у вас имена!

– Да, уж имена у нас – личные!

– Это же прекрасно! Во всем должна проявляться индивидуальность. Не люблю «простоту» и единодушную массовость... Ведь «простота»... хуже – «упрощенность»! – въелась в нас... Душу за семьдесят лет опростили... душу высокую – приземлили.

– Так уж и за семьдесят! Да испокон веков вдалбливали: не высовывайся! Будь как все! Вспомните поговорку про «середку»...

– Не-ет! Не согласен с вами. Там скорее про скромность...

– А скромность – не проявление ли усредненности? Высунулся из середки – нескромный! Мне кажется, у нас часто естественность принимается за нескромность. А сестрость – наоборот? В смысле – зажатость, скованность, угнетенность своего «я»...

– Насколько я понял, выбрав свою профессию, вы из «середки» высунулись? Не трудно было?..

– Если о дипломе – нет. Родилась я в Октябрьском. Есть такой город нефтяников. Про отца уже сказала: когда я появилась, он буровым мастером был. На месторождениях тогда у каждой скважины факел горел. Ночью смотришь: то ли именинный бабушкин пирог в свечках, то ли толпа богомольцев на кладбище... Жутко становилось. Потом их стало меньше. Врезался в память запах туймазинской нефти. И – что интересно – совсем не противный. Видимо, концентрация паров была такова, что не вызвала неприятных ощущений в рецепторах. Стал этот запах родным и волнует – как южанина

запах йода на морском берегу, а таежника – аромат бора и багульника... И городок наш, компактный, белокаменный, несуетный, утопающий в зелени, до сих пор нравится. Люди там добродушны, щедры и веселы. Улицы говорят о профессии города: Нефтяников, Губкинская, Девонская, Фонтанная... В городе филиал нефтяного института. Поэтому у многих, кому не хотелось уезжать, вопроса не возникало: куда пойти учиться? – в нефтяной! Мать у меня педиатр. Попробовала на свою стезю и меня сманить, да не настойчиво, для очистки совести: уж больно соблазнительно было еще пять лет подержать дочь под родительским крылышком... А когда дочка закончила институт, спохватилась – да локоток не укусишь: уезжает дочь! Хотя и громаднющее месторождение было под городом, но и оно истощилось, работы – на сворот, работники – на переквалификацию или в другие края... И новоиспеченный горный инженер поехал на Мангышлак обязательку отрабатывать. Нередко слезки наворачивались у этого горняка в юбке, которую, кстати, пришлось подзабыть. Повезло, что мода на брюки подоспела! Диплом, Николай Петрович, – не проблема. Вот воспользоваться им оказалось потруднее! В принципе, стать женщиной-буровиком несколько не проще, чем женщиной-пилотом или капитаном. У нас поступило на поток двенадцать девушек, а дипломы получили трое. А дальше – больше: практически все сходят с дистанции, идут в экономисты, плановики, нормировщики. Так же и я. Прошусь на буровую, мастером. Смеются: «Неужели такой женшыннэ не найдем кароший работа конторр». В «конторр» не пошла, но и на буровую не пустили. Пришлось целый год трубно-инструментальной площадкой заведовать. «Ка-рошую» школу прошла: всю буровицкую «мелочовку» изучила. Глазомер отточила. Ругаться... естественно – естественно! – научилась: мне «...такую мать!», а я им: «...зачем мать? Лучше козу поймать или телегу с разбегу!» Или еще что в их духе. Клин клином!

Воспитала! Бухгалтерию поняла. Материальный учет. Вот где лазеек для махинаций!.. При первой возможности ушла в технологи. Занялась растворами. С удовольствием вспоминала физколлоидную химию, гидравлику. Многие у нас эти предметы «проходили», а я учила! Поэтому физикохимия процессов в скважине хоть приблизительно, но становилась понятной мне. Раз-другой «вылечила» буровые растворы на осложненных скважинах, слышу по связи, что мастера стараются, чуть что, меня вызвать. Тут и знание «мелочовки» пригодилось: любому мастеру могла нос утереть. «Шуточки» были со мной «непрохонже». Дальше больше. Если я на буровой, мастер спокойно гуляет «контор-р». Исполнилась и мечта: назначили, пусть временно, буровым мастером – вместо ушедшего в отпуск. Буровая – это ведь целый завод! С круглосуточным производством. Приняла я ее все равно что корабль: с внутренней гордостью и страхом, что скрывать. И что же? Скважину пробурили прекрасно: с ускорением! То есть досрочно. С большой экономией материалов. А бригада получила меньше. Почему? Потому что туфту не включила в наряд! Буровики заворчали: «Свои, что ли, платишь?.. Другие получают, а мы – рыжие?..» А тут еще управляющий залетел. Не понравилось: «Буровая или институт благородных девиц? Надо бурить, а они уборкой занимаются. Цветочки-занавесочки». Как кот камышовый, ходил молча, только фыркал. А вечером примчался на водовозке джигит. Поцокал сочувственно, принял, не глядя, хозяйство. А меня перевели в филиал НИИ... Я вам не надоела?..

– Ради бога, продолжайте, Эрна, вы – Шехерезада...

– Николай Пет-ро-вич! Могу обидеться....

– Нет, в самом деле. Как же вы решились после знойных песков в край пурги и морозов? Из огня да в полымя?..

– О-о!.. Это, как сказала бы Шехерезада, уже другая история... В институт я перешла с легким сердцем: очень уж задело меня, что бригада не заступилась, «променя-

ла» меня за тридцать сребреников. В институте приняли хорошо, отпуск подошел – спровадили. Мамочка была довольна такому повороту судьбы. «Хватит с железками возиться. Попробовала, по чем фунт лиха, пора за ум браться: диссертацию писать. Пока не замужем... – и так, между прочим вроде, спрашивает: – Как у тебя дела на этом фронте?.. Казах какой-нибудь не заарканил?..» – «Нет – говорю, – мамуленька, на «энтом» фронте – без перемен, и аркан еще не сплели для вашей доченьки...» Надо признаться, что дочка чу-уточку обманула мамуленьку. Дело в том, что дочка встретила однокашника Валеру и увидела в нем другого человека: симпатичного, умного, нрава добродушного и, что самое главное, по уши в нее влюбленного со студенческой скамьи... Не сказала дочка: спугнуть боялась проклюнувшееся чувство. И напрасно: после отпуска встретила она с однокашником и поняла, что навсегда... Шума большого поднимать не стали, быстренько округились: свадьбу справили в узком кругу, без приглашения родных. И стали жить-поживать и добра наживать...

– А говорите – не Шехерезада. Вашему однокашнику можно только позавидовать: наверняка забыл все на свете и вам внимал!

– Не скажите, Николай Петрович! По-моему, еще медовый месяц не кончился – стал пропадать мой повелитель, заядлым общественником оказался!.. Что касается меня, то, надо сказать, я всю жизнь была... как кошка, которая ходит сама по себе. Не участвовала в походах, в рейдах, митингах. Не ходила на собрания и слеты. И не имела ни одного поручения...

– Не может быть! – хором воскликнули оба слушателя. – Да вас бы из комсомола исключили...

– Представьте: нет! Потому что... не вступала! Забавно! Как личное дело заполняю, мне напоминают: членство в комсомоле забыли указать. Говоришь, что все правильно. Как на зачумленную смотрят – с ужасом! Смех

на палочке... Да. Вот такая у вас соседка. На семью, в среднем, у нас на уровне: Валера зато еще в институте вступил в партию! Поселились мы с ним в общежитии – комнатушку нам дали. Он на собрание, а я знакомых на жареную сайгатину приглашаю – завалили нас тогда сайгатиной! Пьем сухое венгерское вино, «маг» слушаем, танцуем. Возвращается мой общественник, я ему грязную посуду: «Мой – доверяю!» – «Ничего! – смеется. – Я тебя, бэпэшка... то есть беспартийная – бэпэ – приобщу к общественной жизни! Такой ты у меня активисточкой станешь!» – «Фигушки! – говорю я. – Кроме, как в профсоюзе, нигде не буду...» – «Темнота ты беспросветная!» – это он мне политпросвет начинает. А я ему: «Много тебе партком помог?.. Хотя бы как активисту, – фатеру, однокомнатную, получить?» На больную мозоль наступила. Иду на попятную. Ладно, я хоть и бэпэ, но посознательнее многих чэпэ, членов партии то есть. А чтоб доказать тебе, согласна на социологический эксперимент. Будем ждать, когда про нас вспомнят и поднесут ключ от... от двухкомнатной квартиры. Почему двух? Потому что к тому времени нас будет трое или четверо. Да и коммунизм ведь должен быть уже, – так в твоей программе записано, коммунист Грошев или не так? Если так, то я в коммунизме хочу иметь двухкомнатную фатеру и не меньше. Ну как, спрашиваю, коммунист Грошев, согласен на социологический эксперимент?.. А коммунист Грошев, сиречь Валера, в амбицию. Постройшь, мол, с вами, бэпэшками, коммунизм! Все съели и выпили. Хоть бы кусочек мяса оставили и глоток вина...

– В самом деле, зачем же так жестоко?

– Правильно! – поддержала соседка.

– И чем же «эксперимент» закончился?..

– Пришлось прервать... На одной буровой, очень глубокой, а потому страшно дорогой, случилась авария. И хотя при этом были высокие начальники вроде главного инженера треста, крайним оказался мой Грошев. И – бог

бы с ним! Да на его место поставили племянника управляющего, того самого, что меня с буровой убрал. Этого «специалиста» я знала: он считал, что пять восьмых дюйма больше, чем три четверти. Математику он, Николай Петрович, явно не у вас «проходил»... И у этого «одынь пышем тры ума» мой Грошев должен быть в подчинении?.. Нет! К счастью, еще один конфуз случился. Среди прочих Валера был представлен к награде. Не помню: орден или медаль. Не в этом суть. Бумаги райком, обком прошли, а в республике тормознулись: баланса по национальному составу с разрядкой нет. Список перетряхнули, и Грошев оказался претендентом на следующий заход. У нас вакансии были, сунулись: «Извините, пригласили уже...» или «Тема прикрывается...» Что оставалось: ругнуться в тряпочку и идти работать за племянничка? «Ступай в партком, спроси у партайгеноссе поддержки. Помощи. Хоть утешения!..» – советую я. «Можно, конечно, – мнется он. – Помогут, может быть. Только вот жара, чесслово, надоела. И от минералки внутренности сталактитами обрастают... Песок этот... Мгла...» И такой он кислый, квелый мой Грошев, что жалко мне стало его, и я сказала: «Что ж! Видимо, придется прервать социологический эксперимент!» И потом, говорю, мой повелитель, это Боженка рассердился на нас за то, что нарушили его заветы: поженились без родительского благословения. Давай сделаем полюдски: съездим к родителям, обвенчаемся и – в свадебное путешествие махнем! А там – видно будет. К тому времени и обязательная послеинститутская завершится. Деньжата позволяют...

– Решительная вы женщина, Эрна...

– И обвенчались?..

– А как же! «Венчается сею короной... раб Божий Валерий... раба Божия Эрна... во веки веков... аминь...»

– Вы же говорили, что он коммунист... Как ему разрешили?..

– Кто бы спрашивал?.. И «сие венчание – тайна великая есть...» Это не в загсе. Есть что вспомнить. Я и дочку крестила. А чем, скажите, плохо? У нас родни прибавилось – кумовья появились, а у Ксанки – крестные родители. Ничего предосудительного не нахожу.

– Конечно... У нас ведь провозглашена свобода совести и вероисповедания. Другое дело, что мужа вы поставили все же в неловкое положение: ведь коммунист – атеист по убеждению... О, простите!..

Собеседник привстал, высунулся в окно:

– Кажется, в Свердловск не... «залетим»: на обходную сворачиваем. Вглядитесь: какой сосняк! Не весь извели. Вы не обращали внимания, что уральская сосна отличается от сибирской? Бронзовости в коре больше, медная краснота проступает. Не от того ли, что здесь меди много. А у нас окислов в избытке, потому сосна как бы свежей ржавчиной тронута. Не замечали? Впрочем, это мои фантазии.

– Фаина, – обратился он к молчавшей брюнетке, – ваш молодой человек не заскучал в одиночестве?.. Кушать он не желает?..

Мальчик, не обернувшись, отрицательно помотал головой, сменил позу и еще плотнее прильнул к оконному стеклу.

– В его возрасте, – Николай Петрович кивнул на мальчика, – я впервые ехал по железной дороге и тоже не отрывался от окна. Был сорок пятый год. Мы ехали на запад. Навстречу катилась лавина войск – союзный долг, на Японию! Мы их пропускали, подолгу застревали на таежных полустанках. В Новосибирске и Челябинске жили, как цыгане, подолгу. Мне запомнилось, нас в санпропускники гоняли. Не к месту будь сказано, когда одежду прожаривали, трескоток стоял – насекомые лопались. Да... Вы то не знаете, что такое вошь, и хорошо! Что было, то было. Простите... Итак, вы в свадебном путешествии. Что же посетили?.. Рим?.. Неаполь?.. Ниццу?..

– О, нет! В те времена с визами были сложности... – засмеялась Эрна. – Но посетили мы не менее замечательные места: Ленинград, Ригу... Уйма самых приятных впечатлений. Гора покупок – потратились щедро. А в конце задумались: куда возвращаться? «Завязывать» с Мангышлаком или нет? В то время, если помните, на небосводе ударных строек двойной звездой засияли Тюмень – Бам. Все остальные, в том числе и Мангышлак, блекли в их свете, мерцали вроде звездной пыли в Млечном Пути. Однажды в одной из молодежных газет увидели удивительный снимок: девушка зачерпнула пригоршню нефти, а в ней, как в зеркале, отраженье буровой вышки и кромки тайги. Под снимком подпись: «Наш край для юности не узок. Познаешь здесь свою весомость. Ну а пределы перегрузок тебе твоя укажет совесть. Туши скорее сигарету и – в небо, ярко-голубое! Сибирь, как новую планету, должны освоить мы с тобою, не занеся с собой микроба наживы, рвачества и злобы!..» «В этом что-то есть! – сказала я своему – теперь уж богоданному – мужу. – Мне кажется, мы сгодимся в «астронавты» для освоения сей «новой планеты», поскольку упомянутыми микробами вроде не заражены...» – «Это ты точно отметила, бэпэшка! – согласился богоданный Валера. – Сгодимся!» Я с одной стороны обрадовалась, что он согласился, а с другой – обиделась за его «бэпэшку». «Фи! – сказала я. – Как вам не стыдно, коммунист Грошев, называть меня «бэпэшкой» за то, что не член вашей партии. В этом слове есть что-то унижительное: словно я какая-то пешка, букашка, а ты – «гегемон»! Я не «бэпэшка», я – член профсоюза, а профсоюзы – школа коммунизма! И если ты любишь аббревиатуру, то зови меня – «ЧПШК»: член профсоюза – школы коммунизма. А лучше – просто Эрной! Но ему новое буквосочетание очень понравилось. И вскоре «ЧПШК» превратилось в «черепашку». И мне самой понравилось, – странно, правда? Разве я похожа на черепашку? А вот...

– Видимо, что-то в характере есть схожее, что ассоциируется с черепахой. Вы в кого характером?..

– Ой, не говорите! Все считают, что я фигурой в отца, лицом в мать, а нравом – «в проезжего молодца...». Аналогов нет в родне...

– Обычно гены через поколение дают о себе знать...

– А у меня, если черепастья, – через мильон... А и в самом деле: была у меня черепастья броня, панцирь, изпод которого меня, если я не желала, никто не мог достать. Насколько помню себя, как только меня начинали воспитывать или агитировать, я сразу уходила в «домик» и в «упор» не видела и не слышала никого...

– Занятно... Впрочем, многие этим пользуются. Та же самоирония, например, – чем не ваш «черепаший» панцирь? Больше того, позволяет видеть себя со стороны, делает неуязвимой. Обычно у таких людей аналитический склад ума, способность к математике. Люблю таких! Кстати, как у вас с математикой было?

– Ничего выдающегося... кроме «черепашьего» синдрома, у меня ничего такого и нет, пожалуй. Но он помогает. Особенно в экстремальных ситуациях. Как на Севере. Мы приехали туда в октябре. Дали нам комнатуху. В деревянном доме. Пенал! Втроем не повернешься.

– Но помещались?.. «Троить» можно было?..

– Да уж чего хорошего! Этого-то – по любому поводу! Первое время мы из гостей не вылазили. Принимали нас от сибирской души! Экспедиция прославленная, порядки устоявшиеся: давай-давай-давай! Через год реорганизация: объединение, три экспедиции и еще несколько специализированных управлений! На базе одной Экспедиции! Какая тут борьба началась за портфели! Грошев мой так и остался начальником смены, только перешел в «молодую» экспедицию. Начальником парашютировали одного солидного дядю, только что вернувшегося из загранкомандировки. Густобровый, голос богатый, с «х», как у Ильина. Недалекий, мелочный, но нам, «неграм»,

не мешал работать. А вот главному инженеру... Не знаю как где, а в разведке считалось, что выполняет план начальник, партком, профком и даже комсомол, а проваливает – главный инженер и его службы...

– «Города сдают солдаты, генералы их берут»?..

– Совершенно верно! За два года сменилось у нас человек восемь. Практически, все буровки свои перепробовали, да еще сколько было пришлых. Только Валера мой не соблазнился. Так «негром» и работал. Как мы работали тогда! Все почти одногодки. Со смехом. С хохмами. Без формальностей. В старой экспедиции – только через бумажку. Там старперы карьерой дорожили: себе не верили! Не то что у нас. Вот нам бы тогда самостоятельность. Да должности! Куда... Только приподнялся, рыпнешься со своим мнением – по шапке! Сиди, коль субординацию нарушаешь. Наш начальник пятилетку высидел, наверх ушел. Вместо него пришел нашего возраста, но руководитель с опытом: как-то удалось ему! Может, он такой, а возможно, и в струю попал. Вот уж главный инженер, которого он застал, – это точно! В струю! У него даже прозвище было – Серый. Два года уже держится. Попытки снять – и было за что! – предпринимались. Новый начальник отстоял. Повезло! Сейчас даже гонор прорезался...

Эрна сделала паузу, задумалась... Даже со случайными попутчиками не хотелось «поплакаться». А повод был: в последнее время «панцирь» не выдерживал воздействия внешнего мира...

В отделе у Эрны работали две женщины и пятеро мужчин-полеви́ков и целая дюжина техников-лаборантов. С женщинами и девушками она была строга, с полеви́ками – иронично-снисходительна. Работала она легко, словно играючи, создавая иллюзию необременительности своих обязанностей и их приятности. Те, кто не знал характера работы, так и думал. В первую очередь – глав-

ные инженеры-мотыльки, вознесшиеся на эту должность из заштатных подготовительных групп. Леха Серый в этом отношении не был исключением. Технолог он считал «белой» костью и относился к ним по-пролетарски пренебрежительно: когда дело доходило до премий, наград или поощрений, срезал без всякой жалости. «Шефом» Эрны был пожилой соискатель кандидатской степени, занятый опробированием своих разработок. Несколько руководящих товарищей учились в заочной аспирантуре, поэтому «шефу» было вольготно: договора на «научные» разработки с его институтом заключались исправно. За своих «негров» он не заступался: его не трогали, и хорошо! А когда новый начальник потребовал отдачи от разработок, предложил лично «настроить» службу на «план и качество», он вернулся в институт и через год прислал «коллегам» автореферат диссертации с благодарностью за участие во внедрении его разработок. Более полугода Эрна фактически исполняла две должности, а Леха Серый даже исполнения обязанностей не возлагал на нее, убедил начальника, что обойдется. Снова попала «в струю»: началась эпоха «самофинансирования и хозрасчета», и выполнение работы меньшими силами было в ее духе. Начались переаттестации, вводились новые ставки. Пользуясь этим, многие начали сводить счеты с неугодными. Несмотря на то, что при аттестации Эрна выглядела блестяще, Леха Серый настоял на том, чтобы ей предложили только должность «ведущего» – «в связи с реорганизацией» службы. Согласия она не дала, но дело было сделано: профком не защитил, так как «в зарплате она не потеряла». Валеру также с окладом обошли. Более того, при его старой должности прибавилось над ним высокооплачиваемых начальников, дающих ЦУ. В один из редких выходных, когда Валера был дома, Эрна задала мужу сакраментальный вопрос: не надоел ли ему «социологический эк-спе-ри-мент»?.. И не пора ли ему напомнить о себе? Напомнил. Для на-

чала переехали в импортный модуль. Оказалось, шило на мыло поменяли, единственное, что новое и чисто, а так – теснота, духота. Дальше: Валера ушел в объединение. Жалованье – черт с ним! – такое же, но... кругозор! И Серому не по зубам. И дома. Часто. Так, что и надоедать стал. И вдруг – несчастье! Ксанка обварилась... бедная девочка! Сколько ей пришлось перенести... Да и самой Эрне досталось! Вылечить ребенка вылечили, но рубцы остались. А ведь девочка! «Салон красоты» – ваш вопрос! – рассудили врачи. И Леха Серый тоже. Пришлось отпуск брать по частям, ездить в столицу. От мужчин – отца и Валеры – толку мало, зато мать выручила: бросила работу, занялась внучкой. Без дочери – скукота и тягомотина. Уговорила мужа: на курсы водительские поступили. Правда, для этого пришлось кланяться заму, одиозной личности, хаму и бульдогу по натуре и внешнему обличью. «Пол-ящика коньяка – и все дела!» Куда денешься? Да на, лакай!.. К этому времени Леха Серый стал начальником, прежний – что-то дома случилось – уехал. Тут уж Серый «достал» Эрну: нет в отделе дисциплины! Одна уволилась, другой ушел... А тут еще эти курсы: вождение в рабочее время, экзамены – тоже. Да еще и затянулись. Выкручивалась как могла: где отгул за праздничное дежурство, где в счет отпуска... На эти же курсы и Лехина мымра, губки бантиком, глазки в прищуре, некоторое время ходила. Потом они в июне смотались по путевкам в Венгрию. Приехали – у Эрны уже права, Валера ждет повторной экзаменовки. Они обрадовались: с вами и сдадим. Но «поезд ушел!» Даже «бульдог» не смог: учеба у них не оплачена! После этого озлобились «Серые» на Эрну: не могла уплатить! Леха буквально на каждом шагу цеплялся к ней. Окружающие по-своему расценивали его внимание: «Втюрился он в тебя, дорогуша... Крутани, для смеху, юбкой...» Она все-рвез ужасалась: «Не приведи господи!..» Радовало, что Валера ушел вовремя, а она «панцирем» прикроется...

Пауза затянулась. Но соседи не торопили ее: каждый, видимо, задумался о своем, и похожем, и не похожем на услышанное...

Мальчик незаметно перебрался к матери, прижался и зашептал ей подмышку: «Мам, кушать хочу...»

Все спохватились и принялись угощать его наперебой. Вагон трясло, мальчик облился лимонадом.

– Что за дороги! – возмутилась мать. – Трясет, как в Румынии. Но там – хоть узкая колея! Как раньше было: тук-тук... тук-тук... покачивало, как в люльке, – покойно...

– Что поделаешь! Нагрузка растет, а присмотра нет. Обходчики, похуже, в песне остались. Сейчас гайку на грузило возьми – никто и не заметит, как в чеховские времена, злоумышленника...

– Пока поезд не кувыркнется?.. Не дай бог! Вы уж нас не пугайте! Хотя... Чего уж? Сейчас не только у железнодорожников, у всех – куда кривая вынесет!.. Те же недра! Как однодневка живем: только месторождение открыли, уже нефтяники «падают»: опытно-промышленная эксплуатация, факела... Когда я училась, про капиталистов говорили, что они – хищники, грабят недра колоний, разведку ведут методом «дикой кошки»... А на деле – это мы насилуем свои недра! Не американцы! Те – хозяйева. Нефть покупают у арабов, свои залежи консервируют. А мы? Продаем. По демпинговым ценам. Забрались уже туда, где Макар телят не пас. В глубины полезли...

– А у нас! Говорите: попутный газ? Перерабатываем его. По продуктопроводу отправляем. Довольны: продукцию выпускаем! Оказалось, что технологические установки не готовы, и сжиженный газ сжигается... И все тихо!.. Сколько сожгли, кто бы знал. Да и сейчас...

– В самом деле: бурьян... это не так уж и плохо... Почему ж так происходит?.. Ну, начальство... ладно. А вот народ – куда смотрит?..

– У нас вахтовики: им лишь бы «грóши» шли... Недавно выборы начальника были. Леха Серый, бывший

главный инженер, выставил кандидатуру и победил: пообещал конторских прижать и заработки сохранить, а то и увеличить. Теперь на коне: «Меня народ избрал!..» Или профсоюз... Председатель – хлюст, каких поискать! Алкаш – не приведи господи! Флюгер! После известного указа возглавил «борьбу за трезвый образ жизни». Цирк! Смех на палочке!..

– Может, «завязал» или протестует против «указа». Я, знаете ли, был и остаюсь идейным противником таких мер. Может, и он...

– То, что он на «бровях» ходит, бог с ним. У нас сейчас сословие профсоюзное создалось. Взять нашего, к примеру. Когда-то работал дизелистом...

– Как Хрущев – шахтером, Брежнев – землеустроителем, а... ну, не называю, механизатором?..

– Не совсем так, он в это сословие в общем-то случайно попал: после несчастного случая. Пока лечил травму, был на «легком труде», толкался в разведкоме – так у нас профкомы называются, на собраниях выступал с «конструктивной» критикой. Мужик он напористый, глотка луженая, – как правду-матку врежет грубовато, с полевой хрипотцой, «отдельные» недостатки у нас с текущим моментом увяжет, – чем не профсоюзный лидер? На первой же конференции избрали. Так и пошел – как по маслу... После известного фильма прозвали его «Рафферти». Вгляделись, даже похож немного...

– На Олега Борисова?..

– А... все они одинаковы! У нас тоже: энергичный, симпатичный. Как на мелкую сошку, вроде мастера, от которого ничего не зависит, пасть разевает: «Мы вас призовем к порядку!» – а с директором: «Тю-тю-тю...» Нашли кормушку: при дефицитах! Правильно говоришь, Эрна: со-словие... при «школе коммунизма»...

– Сейчас-то доберутся и до них! Не долго, мне кажется, им извиваться... Так сказать, производная политической активности народа сменила свой знак! То есть, хочу

сказать, резко пошла вверх. И ее вспять повернуть не удастся. По крайней мере, быстро. Хрущевская оттепель – и та несколько лет теплилась. Надеюсь, вы следили за ходом партконференции?..

– Конечно! Первое впечатление – колоссальное! Столько решительных предложений!.. Но ведь как до голосования дошло, все разочаровались! Говорили, и все! Пять процентов «за» девяносто – «против»!.. «Железобетон»! Пролетарской! Диктатуры!..

– Полностью согласна! Даже я своими куриными мозгами соображаю: все эти съезды, совмещения партийно-народных должностей, – манипуляция, выпуск пара. Помните, Пугачиха пела: «Эй вы, там, наверху!..»? Вот, почуяли, что она швабру берет, и приоткрыли дверь: «Давай, попрыгай с нами», а потом – гуляй!..

– Так кто там решал? Мне Грошев рассказывал, как делегатов избирали: они избрали, а утверждали в обкоме, тех, кто был угоден «генерал-губернатору»! Вот в этом и дело....

– Я, знаете ли, не консерватор, но, мне кажется, что мы не освоили произошедшего... Эта конференция еще как аукнется!..

Разговор затянулся допоздна. В Тюмени стояли недолго – Николай Петрович едва успел собраться. Попрощались наспех. На его место «пал» молодой парень, сумевший «набраться» даже ночью; он натянул на голову серую куртку в кармашках и застежках и натужно засопел.

Утро стояло ясное. Временами, как из невидимого кондиционера, охлаживало свежим воздухом. За окном мелькали деревья придорожных лесополос. Березовые колки в отдаленье водили хороводы и ручейки. Подбегали любопытные сосняки и перелески.

Не успела вагонная жизнь войти в привычное русло, как ход замедлился. «Неуж – Тобольск?» – стали гадать в соседнем купе. «Встречный пропускает! Однопутка ж!» –

«Можа – махновцы тормознули, как в гражданску?..» –
«Да ужа – багацки имали б трохфеи...»

Остановились незаметно... Надолго ли? Никто не знал. Проводники открыли тамбура на обе стороны, но предупредили: «Посигналим, но ждать не будем!..»

Эрна предложила прогуляться. Фаина отказалась, выразительно поведя длинной бровью в сторону соседа, постанывающего в тяжелом хмельном сне.

Квельый мальчик на природе преобразился: ожил, повеселел. В зарослях кипрея кое-где цвели боковые поздние цветочки. Он наломал букетик, выбрался весь облепленный кудельными космами отцветшего иван-чая и был очень доволен. Так они отошли от железнодорожной насыпи далековато, когда заметили нервозную суету у состава. Приблизившись, поняли, что это голодные пассажиры идут на приступ вагона-ресторана. «Как хорошо, что мне «сидор» с провизией в дорогу ввязили...» – с благодарностью вспомнила Эрна своих.

– Вот это поезд! Тетя Эрна! Смотрите: тридцать вагонов! Сколько ж это народу?.. Тысяча?..

– Тридцать вагонов?.. Э-э, Русик, это поболее: тыщи две!

– У-у... Вот это «азробус»!

Эрна засмеялась, потрепала мальчику вихры.

В предосеннем лесу было скудно. Мужчина, строчкой сновавший за ближайшими деревьями, рассуждал сам с собой: «Ни обабка... ни сморчка... ни зеленухи... Дак – сухота... И то: все лето – сушь! Хоть бы ягодка кака встрелась... Друго лето так: леса горят...»

– Ну, что, юный натуралист! – окликнула Эрна подопечного. – У меня аппетит прорезался на свежем воздухе... А ты как? Идем к мамке, а?

– Идемте! Я, как Винни-Пух, – тоже хочу!

– Я уж начала волноваться: нет и нет... – издали упрекнула их Фаина. – Теперь я схожу...

– Я с тобой... – потянулся было сын, но она остановила: – Русик! Я – по секретному делу... – Он понял, сму-

тился, исподлобья взглядывал в лес, где мелькала тонкая фигура в ярком спортивном костюме.

Вдруг подошвы ног ощутили легкое подрагивание земли, послышался нарастающий гул, потом протяжный, вибрирующий – радостный! – сигнал: встречный!.. Люди оживились: сейчас путь будет свободен! – и стали заполнять вагоны. Мальчик заволновался. Эрна успокоила:

– Никуда не денется твоя мама... Да вот же она!

Когда та подошла, предложила:

– Может, горяченького в ресторане похлебаем?..
Поди, рассосался народ?..

– Какое там горяченькое! – с возмущением произнесла Фаина. – Я только что была: фрикадельками в томатном соусе торгуют! Вот оно – общественное питание! Хоть кипяточку бы... его-то нету! Своими запасами придется обходиться...

Пополдничали. Стали ждать: вот-вот тронемся! Время шло. Белесое солнце равнодушно наблюдало за начавшимся хаотическим, словно броуновским, движением темных точек возле зеленого червяка, вздетого на сдвоенный поводок – такая картина представилась бы сверху. Вот уж и тень пролезла под вагонами на другую сторону состава...

– Что за ахиня? Будто на поезде «Здоровье» приехали позагорать, грибочков побрать, травок целительных... Смех на палочке!..

– Что-то народ взбулгачился, сходить, что ли, послушать: о чем бухтят?..

Близь тепловоза сучковались прибойчившиеся активисты и несколько человек в железнодорожной форме. Эрна вежливо, но достаточно громко поздоровалась. Буркотня стихла. Бокастый южанин, щуря глаза, стал ей разъяснять ситуацию резким, верезгливым голосом:

– Летим без графика. Но не в этом беда. Беда – путь поплыл. Мерзлота! Лето жаркое – мерзлота поплыл...

- Да на снег, поди, щебенку сыпали, вот и...
 - Главное – «пилоты» с нами, «стюардессы» – «улетим»!
 - Конвергенция! Аэрофлот срастается с МПС!
 - Летайте поездами Аэрофлота!
 - На Волге когда-то было товарищество «Самолет». Впору Аэрофлоту наложить лапу и на «Кометы» с «Ракетами»...
 - Да у нас вся жизнь так идет, по-советски: через ж...
 - Аэрофлотом – в коммунизм! Наше поколение уже живет в...
 - Сели! В телегу, да еще и не в свою...
 - Вертопрахи, взabyль! На своей-то кобыле где ба уж были!
 - А на тройке? На птице-тройке!..
 - На тройке то ж: кака дорога, по колотной и бацнуться можно, и коней запалить...
 - Какой ямщик, а то будешь урывом да взадпятки... валандаться...
 - У нас ямщик – то бузыга-песельник, то валанда-немошник: вожжи распустил, нагайку потерял...
 - По нагайке заскучал, земляк?.. Кнута забажал?..
 - Что же делать? Что делать?... Опаздываю... опаздываю!
 - Пошли состав толкать!
 - Дэвушка!.. Дэвушка!.. П’риглашаю на шашлык!..
- Побередили себе души, побаяли да и разошлись: кто вдлинь поезда, по местам, а кто поперк – по лесу бродить...
- Ждать да догонять – хуже некуда! Вдосыть и наговорились, и наелись. Жданки кончились, когда в медленных сумерках раздался ликующий вскрик: «Поехали!..»

Эрна с утишившимся Русиком молча наблюдали круговерть знакомых до боли однообразных пейзажей; была наркотическая притягательность в их однообразном вра-

щенье: взгляд не оторвешь, мурашки щекотные по коже бегают, у затылка пробавляются, благовольное онемение сковывает все члены, – вроде бездумно созерцание, ан нет, в подкорку, в подсознание врезается: березовая колка... желтый лист... стог снега... крученая-верченая сосна... болотина с бочагами... камыши... дымок костра... мелькание хвои, веток, листьев... кружение деревьев, перелесков, заимок... медленное коловращенье белоснящегося горизонта... Сибирь!.. Унылая картина, а сердцу – мила! Холодная, суровая жестокая земля, чем объяснить твою вередливую, колдовскую притягательность?.. Не свойствами ли души нашей?..

Гулки, отзывчивы на перестук колес пролеты мостов. Низкий голос тепловоза, вырвавшись на речной простор, звучит раздольно, широко, отставая, продолжает жить в отрыве своей ликующей короткой жизнью.

До самого Приобья, через огромные пространства шел прямой поезд Аэрофлота без остановок. К ночи похолодало. Вагоны остывали. Сонные люди заворачивались с головой в одеяла, скукоживались по-детски. Им снилось, что они выскакивали из прохладного моря, плюхались на теплый песок и зарывались в него, другие медленными глотками пили холодное, только из погреба, топленое молоко из кринки, рядом стояла старенькая мать, а они не могли оторваться от посуды и пили, и пили – до дрожи... Эрне снилась дочка, она теребила ее и все что-то спрашивала. Но Эрна не могла ее понять: «Аиньки, моя сладкая, аиньки?..» – только и говорила ей. И вдруг ей приснился Леха Серый! Он стоял за красной трибуной в красном уголке и с ударениями, как на диктанте, чуть не скандируя, говорил: «Все, кто приехал на прямом поезде Аэрофлота, будут сокращены без выходного пособия! Да-да! Особенно это касается госпожи... сударыни! Эрны Ивановны!» И вдруг за трибуной она сама, ей весело. «Лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять, лучше плохо ехать, чем хорошо идти, как говорит

наш топограф Митрич. Вот и весь мой ответ. И еще имею честь сообщить следующее. Я больше не участвую в социологическом эксперименте! У меня своя «плацкарта» под солнцем, свой защитный панцирь. Но прятаться я под него не буду! Я требую свои серьги!» И далее – что-то снова про родителей и светлый город-сад...

Под утро, скрипя и побряхтывая, как старый ревматик, прямой поезд Аэрофлота, задолго до первой северной станции начал притормаживать, как бы с чувством исполненного долга. И пассажиры зашевелились.

– Слава те Господи, кажись, приехали! – донесся чей-то хриплый со сна голос из тамбура. – Теперь дома да на работе бы все ладно, и слава Богу.

1989 г.

Уфа – Мегион

О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Чернушка

Вскоре после празднования первого дня Победы мать распродала все по дешевке и увезла нас, двух братьев, двух сестер, возрастом от четырех до шестнадцати, из Косихи, что на Алтае, к себе на родину – в Башкирию, в деревню Малышовку: к своей родне!

Пока тепло было, мы жили у тети Маши: обедали на улице, спали – кто на полу в тесной избенке, кто на повети... Ближе к осени мать сняла пол-избы у загадочной Лизочки – загадочной, потому что я так ни разу ее и не увидел; позже, когда была денежная реформа, с которой совпала ее смерть, был слух, что после Лизочки осталась целая перина старых красненьких тридцаток, – и это еще больше прибавило таинственности нашей бывшей домохозяйки.

Лизочкин дом стоял на самом краю деревни Красноярки. Красноярку и Малышовку разделял выгон, казавшийся тогда широким, хотя на самом деле между деревнями было не более версты; с запада выгон упирался в урему (пойму Зилима, заросшую черемухой, ветлой, ивняком и редкими могучими вязами); с востока он был чуть приболочен, кустился бересклетом, красноталом, боярышником и постепенно переходил в дремучий смешанный лес.

Все было новым для меня в этой Башкирии, на мамкиной родине: природа, дома, люди, одежда – все не как в Косихе! И это мне очень не нравилось: я испытывал тяжелый душевный дискомфорт. Даже речь, даже слова,

даже названия здешние не сходились с привычными. Тетя Маша, как и ее три дочери, мои сродные сестры, не «говорили», а «баяли». Вместо «наверное» или «может быть» говорили «чай»: «Ты, чай, устал, охолонься маненько...» «Пимы» здесь называли «валенками»... Вместо ботинок носили лапти из лыка... «Улицы» именовали «порядками»... С улицы домой закликали ребят как-то по-петушиному: «Ви-и-тъкю-у-у! Ва-а-нъкю-у-у!! И-и-исти айда!»

В Малышовке один порядок, а вернее, односторонняя улица, домов двенадцать, шли по правому берегу Речки (ручья, по сути), на левом берегу было разбросано домов пяток, а между ними – небольшой конный двор, выходящий задами на выгон. С севера на юг, вдоль дороги Ирныкши – Красноярска – Красный Зилим, располагался второй порядок – короткой, широкой улицей, которая через речку, за мост, перебраться не осмелилась: на той стороне, справа от дороги, напротив конного двора, стояла неприкаянно одна изба, остальные левосторонние избы располагались ближе к лесу.

Красноярка была больше Малышовки на «порядок»: на одну улицу, в конце которой и располагался Лизочкин дом. С другой стороны наша улица обрывалась у излучины Зилима, речки быстрой и по многоводью не уступавшей косихинской Лосихе, что я объективности ради вынужден был признать. Слева, на перекрестке нашего порядка и дороги в Красный Зилим, в тополиной ограде располагалась одноэтажная, в виде буквы «п», начальная школа, называвшаяся почему-то Покровской, а слева – правление колхоза, в нем же – лавка (вот снова: в Косихе «магазин», а тут – «лавка») «Садитесь», пожалуйста!).

Кроме Зилима нравились мне и постоянно притягивали взор волнистые, в переменчивой сизо-лиловой голубизне зазилымские дали и особенно кудреватоплюшевый силуэт Куян-тау, пологая вершина которой в ненастье скрывалась в серых тучах. Многое, если уж честно говорить, нравилось на маминой родине: поля золотис-

той ржи в васильках – там можно было прятаться от людей и всех напастей; березняки, а осенью – светло-солнечные, даже в сумерки, липняки...

Лизочкин дом был пятистенный, на двух хозяев. В наружной, окольной, половине поселились мы, а в другой, со времен войны, жили «вакуированные», как их звали, – школьная уборщица тетя Марта с сыном, моим ровесником, то ли Артуром, то ли Робертом. Она – высокая, толстая, волосы цвета конопляной кудели уложены в рога-тую прическу, ходит в клетчатой юбке и полосатых шерстяных чулках; сын – крупный, упитанный, чуть не на голову выше меня, светлые, водянистые глаза навывкате; меж собой разговаривали они совсем по-чуждому: непонятно, только отдельные слова на что-то похожи, да и то часто на срамные. Столкнувшись с соседями в первый раз, я сразу же понял, что отношения дружеские у меня с этим парнем не сложатся. Я был замкнут, молчалив, с людьми сходилась только после длительного приглядывания и притирки: в это время в моих мальчишеских мозгах шла большая аналитическая работа, проигрывались различные варианты последствий, к которым приведет знакомство с новым человеком, окажется ли крепкой наша дружба – я, если решался дружить, бросался в эту дружбу со всей открытостью, доверчивостью, отдавался ей с ревнивой страстью и страшно переживал, если ошибался в своих друзьях: я не прощал малейшей измены. Поэтому мне было легче вести внутренние диалоги с самим собой, чем страдать от друзей-предателей. У меня на этот счет был не только косихинский, но и малышовский маломальский опыт. Мое внутреннее «я» было всегда начеку, чутко реагировало на внешние проявления человеческого, чаще враждебного, как мне казалось, мира. И взглянув в равнодушные по-рыбьи его глаза, я предугадал наши отношения с Робертом (или Артуром...).

Когда мать с дядей Петей, мужем тети Маши, привели из Каранова, с «ярманки», как говорили тогда, круп-

ную, шелковисто-черную с белым подбрюшьем и звездочкой во лбу корову Чернушку, судьба моя на ближайшее время была решена. «В стадо отдавать нельзя: может уйтить домой. Да и стадо не примет: запыряют! Опять же с пастухом рассчитывать: ни два, ни полтора... – рассуждал дядя Петя, обычно землисто-серый после фронтальной надсады, а тут, после магарыча, краснорожий. – Ниче: вон у тя какие гвардейцы, попасут на выгоне. Токо попервости – на вожжах... На вожжах, а то уйдет – посяищи свищи! Ушлый народ есть: оприходует! Ну, ярар! – стал прощаться дядя Петя. – А то чужа изба засядчива! Нащет сруба, кума, советую: покупай! По зиме перевезем, весной рядышком с нами поставим, а уж остальное, по-свойски, за магарыч, я к лету сделаю! А коровник – сами».

На ужин в этот день у нас было парное молоко.

Мать радостным, ломким голосом рассказывала: «Хорошо подоилась Чернушка, все молоко отдала, не затаилась... Слава тебе Господи! А я уж распереживалась: а как затаится? Не даст молока, и все! Али подойник будет бить? Всяко бывает! И удойная ведь: после такого треволенья... Они ведь все понимают, думаете – нет? Понимают, хоть и бессловесные... Дорога, опять же: клок травки урвала да глоток воды в Зилиме испила... А ведь вот: цельный подойник! Слава тебе Господи, услышал сиротские молитвы... Завтра, Витенька, попасти ее надо хорошенько. На выгоне-то овечки траву, словно бритвой, поди, свели. На луга бы, на отаву ее...»

Еще летом, когда мы жили у тети Маши в Малышовке, издалека, молчком, тихой сапой или скорее явочным порядком, подружился я с Санькой, белоголовым пастушком: пас он на выгоне стадо ягнят, овец, коз, телят (коровье стадо с подтелками и нетелями пас другой пастух на дальних неугодьях, в подлесках и лесных опушках).

Моему старшему брату Вовке было тринадцать, и он собирался учиться в Краснозалимской семилетке. Санька был постарше брата, жил он с дедом-бобылем на про-

тивоположном от нас конце деревни, у самой уремы. Что такое «бобыль», я не знал, но догадывался, что это и есть человек, вроде Санькиного деда: старенький, сухой, седоголовый, живет на отшибе, без бабьего догляду, ездит на долбленке и ставит на старице морды и вентера.

Летом в Малышовке днем никого не оставалось: в колхозе работали люди. С деревенскими ребятами своего возраста я не сошелся: немного и было их, постоянно занятых какими-то своими привычными делами, поэтому я с самого приезда осваивал окружающий мир в грустном одиночестве, бывало, что и всплакивал, лежа во ржи на спине и глядя на высокие облака, медленно плывущие в бездонной голубизне неба: жалел погибшего на войне папку, Косиху и друзей – Пашку Гречнева, Витьку Соколова... Но больше всего – папку... Ведь если бы он пришел с войны, то и остальных бед не было бы: жили бы мы в Косихе и радовались жизни.

Иногда я засыпал или что-то меня отвлекало от горестных мыслей: то жаворонок, то васильки, которыми была засорена рожь, а то и просто шорох остистых голубовато-зеленых колосьев... Да и сама земля, из которой росли ржаные или васильковые стебли, привлекала внимание: сухая, растрескавшаяся, а гляди ж ты – вон какая рожь выколосилась! А повилика – совсем зеленая...

Неширокая пойма речки даже в самой Малышовке поросла лозником и широкими, раскидистыми ветлами, а выше деревни она расходилась пологими логами, на склонах которых возвышались над подлеском огромные, корявые понизу березы: были среди них наклонные, лироподобные, почти стелющиеся по земле с вертикальными стволами-сучьями, надломленные, видимо, в раннем возрасте да так и не оправившиеся. Среди этих берез я тоже проводил много времени, свивая на пологих ветвях гнезда. Брат и старшая сестра с матерью работали в колхозе, младшая сестра-малявка крутилась возле болевшей тети Маши, играла с соседскими девчущками. А я, если мне

надоедало одиночество, шел на выгон – к Саньке, садился где-нибудь в стороне и строгал лутошку. Постепенно дистанция стала уменьшаться, и я стал подходить к нему совсем близко, а когда стадо в жару располагалось в тени трех исполинских берез, троеперстно исходивших, как из ладони, от общего корня, присаживался к нему на овчинку, служившую ему и подстилкой, и укрытием в ненастье. «Утэр, кунак, – говорил он, скаля в улыбке молодые зубы, – и добавлял еще несколько башкирских срамных слов: это я уже знал. Он чуть отодвигался, уступая мне место. – Сивый ты и белобрысый! – говорил он, запуская в мои выгоревшие волосы пятерню, легонько теребя. – Те чо, у тебя волос густ да прям, а вот мне – прям бяда: не то что гребень, пятерня не лезет в мою куделю! Воши замаяли... – и он сердито дергал себя за густые, мелкокудрые, ржаной соломы волосы.

Он часто делился со мной немудреной едой, которой, по обычаю, в свой черед, снабжали пастухов хозяйки: сначала, пораньше, после дойки, коровьего, позднее – овечье-телячьего. Бутылка молока, краюшка хлеба, картошка в мундире, соль – обязательный набор. В середине лета меню разнообразилось: пучок лука, огурчиков пара, морковка, реже – яйцо, блины, пирога кусок... Мясa, масла не бывало.

Санька научил меня делать из ивы и липы свистки на разные голоса. Выбирать ровные молодые липки, обдирать с них лыко; во время сокодвигения, стоило сделать аккуратный продольный надрез и разъять кору руками в два-три прохода, и лутошка выскакивала из своей одежки: белая, осклизлая – поскребешь ножиком, слизнешь студенистую массу – вкусно! Полежит лутошко на воздухе, обсохнет, станет желтой, как свечка, и такой же мягкой. Пытался Санька научить меня плести лапти, но не удалось, зато очищать лыко от наружного слоя и резать его на узенькие длинные ремешки я смог и стал вить впрок веревки и веревочки разного диаметра и длины из двух и

трех прядей, четыре и шесть – оказались мне не по силам. С помощью Саньки сплел я трехколенный кнут, из дубового сучка вырезал рукоятку, изукрасил ее подобием резьбы, прожег раскаленным гвоздем отверстие под петельку и, просунув в нее руку, небрежно таскал кнут за собой. Эх, если бы еще научиться свистеть, как Санька, сунув пальцы в рот, да оглушительно щелкать кнутом! Занятная штука – кнут! Санька – что хочешь, с ним делает: раз – кончик кнута обмотался вокруг рогов козла-коновода, и он как привязан, р-раз – срезана алая колючка чертополоха, р-раз – плоская галька, с вибрирующим звуком, будто козодой закричал, исчезла в воздухе...

К вечеру Санька подгонял разношерстное стадо к берегу старицы, за которым начиналась урема, ближе к Красноярке; солнце уже уходило за береговые вязы и осокори, в предвечернем заустенье трава сочнела, и животные торопливо щипали ее. Санька оставлял стадо на меня, а сам шел к Зилиму: скупнуться. «Витек, я – щас! Ширну-мырну – и тута!» – а сам купался до посинения: я порой начинал мандражить уже и поскуливал, не решаясь ни гнать стадо в Малышовку, ни оставить его. Он появлялся всегда неожиданно, из-под берега, переполошив и стадо, и меня лешачьим гоготом и свистом; мне он приносил какой-нибудь «суприз»: огурчик, морковку или головку недозрелого мака – это значило, что Санька с речки шел красноярскими огородами...

Так что к своей участи – пастьбе Чернушки – я был в какой-то степени подготовлен и морально, и «технически»: у меня было в запасе несколько лыковых веревок и был кнут. Я связал веревки в одну, сложил ее в моток, и, развернув, захлестнул, как это делают с вожжами, на удавку. Было еще очень рано, но мать уже хлопотала: подоила Чернушку, дала ей поила, а мне кружку молока и кусок хлеба, с собой дала баранку – «ярмоночный гостинец» и кусочек хлеба с крупной солью: «Чернушке дашь, ежли чо...» Был уже август, с утра зябко, и я надел

старенький пиджак брата, опоясался ремнем, сделанным из портупей отца (сам поясной ремень широкий, строченый, с командирской пряжкой, взял, конечно, брат по праву старшего), сзади засунул за пояс, как это делал дядя Петя, с грехом пополам остренный топор, мало ли: колышек затесать, вбить... Я взялся за поводок, привязанный к широким, с загибом вперед, Чернушкиным рогам, и вывел ее за изгородь под радостно-пугливое благословение матери...

Я вел Чернушку в поводу, и она шла послушно, понурив черную, цвета зяби, по которой мы шли, с сизоватым отливом, звездчатую голову и могучую, в складках, шею: темно-лиловые глаза ее, прикрытые белесыми ресницами тускло поблескивали: мне понятны были ее чувства, и я даже не заметил, как стал разговаривать с ней: «Ничего, Чернушка, не печалься! Это сперва здесь только так. А потом – ничего. Может, даже и понравится! А чо?.. Я тебя счас на поляну одну приведу, там трава – ого-го какая травка! Санька туда стадо не гоняет, боится, что в куртинах ягнята потеряются...» И я привел Чернушку к устью лога, на склонах которого и сейчас еще попадалась томленая крупеника, а на опушках, по обе стороны лога, и среди куртин в начале лета росла земляника. По этому логу легко было спуститься к Речке, а по ней попасть в Малышовку; к концу лета Речка совсем обмелела – можно перепрыгнуть, и только изредка попадали ямы-омуты, в которых, как говорили в Малышовке, было «глыбко».

Я временно привязал Чернушку к одинокой березке, а сам занялся «вожжами»: памятуя дядипетин наказ, не решился отпустить корову без привязи. Я вытесал и забил кол, прикинув длину вожжей, так, чтобы Чернушка могла, по желанию, пастись в холодке или на солнышке.

Сначала Чернушка паслась неохотно: пощиплет-пощиплет траву, подымет голову, словно прислушиваясь – даже ушами поводит, на губах трава и тонкая, длинная,

как паутина, слюна по ветерку тянется. Но голод не тетка, взял свое: смотрю, энергичнее стала она «косить» высокую траву. Наблюдаю: интересно! Языком, словно жница левой рукой под серп, или мотовило у жнейки под ножи, пучок травы в рот направила, зубы сомкнула – легкий мах головой вверх, и уже комок по горлу прокатился, и уже снова язык жменьку травы в рот заправил, кивок – и ком по горлу катится... Только трескоток и шелест и изредка глубокий, утробный выдох... «Глокает не жевавши!» – делаю я открытие. Насмотревшись, как она пасется, я принялся шарить по склонам: ягоды попадали возле муравейников, возле куртин бересклета. Проведав Чернушку, я спустился к Речке, в надежде найти заросли ежевики или черемухину, чтоб полакомиться дарами леса, но тщетно: ягоды были обобраны, и мне пришлось довольствоваться пахучей гирляндой хмеля, уже начавшего желтеть; обмотавшись хмелем крест-накрест, я появился возле Чернушки: она перешла к березкам, в тень; слышав шаги, она мельком глянула на меня и продолжила свою трапезу. Отойдя чуть в глубь леса, там, где начинался осинник, я решил начать заготовку дров. Вообще, я был приметливый малый: когда дядя Петя плотничал (он ставил себе Большой дом), я краем глаза следил за его действиями: как он держит топор, как рубит, тешет. У него получалось легко – будто топор сам все делал! Но у него ведь и топор-то был плотницкий: небольшой, с оттянутым вниз острым лезвием на горбатом топорище... Да и сила была с моей несравнимая! Хворост рубить мне приходилось, но свалить настоящее дерево я решился впервые... Если бы я видел, как это делается, дела мои продвигались бы успешнее, а тут – у меня пупок присасывался к позвоночнику, когда поднимал в замахе топор, а проку от удара было мало: я скорее зубами бы уже перегрыз несчастную эту осину, чем неподъемным топором. Я плакал от бессилия, но бросить начатое дело не мог: садился, отдыхал и вновь начинал моча-

лить несчастное дерево, оно, обточенное, как карандаш, со всех сторон, все держалось... Но когда оно, странно вздрогнув, – и это содрогание передалось мне! – стало падать, я испытал целый комплекс разноречивых, но сильных чувств: тут было и торжество победителя, и сожаление, и сочувствие к побежденному, жалость – когда дерево с шумом, тяжким вздохом и треском ударилось о землю. У меня хватило сил обрубить сучья, очистить крупные от веток и сложить их у предполагаемой поленницы. И тут я услышал низкий, призывный голос Чернушки. Всадив топор в бревно, я побежал на ее зов.

Долго я провозился с валкой дерева! Солнце уже давно перевалило полуденную горку и приближалось к кронам осокорей и вязов, что сторожили урему; как только оно докатится до темной, непросвечивающей уремы, пора будет и домой. Чернушка стояла на солнце, и ее черная спина и бока отливали микрорадужными искорками. Она не жевала, и опять тягучая слюна ее отсвечивала серебром паутины. Она снова замычала коротко и требовательно. «Пить, чай, захотела! – догадался я. – Пошли на речку, Чернушечка, испей, испей водицы! В Речке хороша водица – ключевая, родниковая!»

Чернушка пила воду долго, в несколько приемов. Ветерок затих. Слышно было, как журчала, чуть пониже, Речка на перекате, и звонко цокали, стекая с коровьей морды, крупные капли, разбивая четкое отражение Чернушки на фоне матово-серебристых тальников.

Домой Чернушка шла сбоку и чуть впереди меня, смешно закидывая в стороны задние ноги; временами она глубоко, с отрыжкой, вздыхала и трубно взмукивала. Меня интересовало: найдет она дорогу к Лизочкиному дому или мне придется вести ее? Нашла сама, к моей радости! Ворот в загоне не было, я дал Чернушке подсохший кусочек хлеба с солью и стал убирать съемные жерди, чтобы пропустить ее. А тут и мать вышла с теплой водой в ковше и чистой тряпицей и ведром с пойлом: помыла вымя и при-

нялась доить. День мне показался длинным-длинным. Я едва осилил ужин и, засыпая прямо за столом, не успел толком рассказать о своем первом пастушеском дне. На следующее утро мать едва подняла меня...

С Чернушкой мы подружились, так мне казалось. Я уже подумывал: а не пустить ли ее на вольную пастьбу, раз она привыкла ко мне, к матери, к своему загону и стойлу?.. Особенно в ненастье появлялось такое желание. И она, по-собачьи как-то, всей шкурой стряхивая с шерсти мокреть, смотрела с жалостью на меня, укрывшегося рогожным кулем, словно хотела сказать: «Чо маешься-то, дитятко? Иди на сенник, в избу на полати али на печку да и сладко подремли...» Но что-то меня удерживало, и я пас ее на привязи, удлинняя с каждым днем «вожжи».

Как-то, уже перед самой школой, пригнал свое стадо в мои места Санька. «Э-э, а ишшо ипташляром, другом, я тя считал! – укорил он меня. – А ты, оказыватца, кулак-единоличник! Вместе, чай, веселей пастись. Костерок сейчас сгношим, картовки печеной сладим: и при деле будем, и курсак мало-мало набьем. Тут колхозна картовка недалече. Рассыпчата... Скусная, спасу нет! Пригляди маненько за скотинкой, я слетаю». С тех пор мы «паслись» вместе...

А тут начались занятия в школе...

В школе было три человека: директор Петр Яковлевич, учительница Елена Васильевна и уборщица тетя Марта, наша соседка. Елена Васильевна вела занятия одновременно с первым и третьим классами, а директор – со вторым и четвертым. Занятия начались с того, что директор научил нас определять время по большим старинным часам с маятником и боем. А еще он принялся стричь ручной машинкой наши выгоревшие шевелюры. Четвероклассники – там были уже настоящие женихи! – выторговали себе, если не водились у них «воши», так говорили и в Красноярске, и в Малышовке, право носить чубы, а всех остальных Петр Яковлевич стриг «под Котовского». Когда очередь дошла до меня, я пошел в ка-

бинет директора как на казнь, и не зря! Директор был крупный, черноволосый мужчина в офицерской гимнастерке и синих галифе, в хромовых скрипучих сапогах. Он бесцеремонно сдавливал голову сильными волосатыми пальцами, крутил ее, словно хотел отвинтить от туловища; по всему чувствовалось, что с машинкой он имеет дело впервые: мало того, что он пребольно вырывал волосы клочьями, но умудрился еще в нескольких местах поцарапать меня до крови. Открытым текстом, почище хромого дяди Вани-конюха, он материл машинку, мои жесткие волосы («Что за волосы, тра-та-та! Проволока колючая, а не волосы, ...!») – и все на свете! – после такого начала в школу не больно-то хотелось, и я с радостью забирал после уроков Чернушку, крутившуюся на тощей луговине возле дома, и гнал ее на жнивье или на отаву, где стояли в огородах стога, и нужно было держать ухо востро, особенно Саньке, чтобы ягнята и овцы не пролезли к стогам за изгородь.

Однажды, теплым, отрадным днем бабьего лета, когда красивые бабочки-осенницы порхают над последними невзрачными цветами, когда летают на паутине маленькие паучки и поговаривают о копке «картовки», сидели мы с Санькой на овчинке: он вскоре сморился под благостным солнышком, задремал, а я остругивал дубовую трость-палку – для защиты от Артура-Роберта: он не давал мне проходу ни в школу, ни из школы, и я вынужден был каждый раз выбирать какие-то окольные пути. Я был занят своими мыслями и не сразу понял, отчего мирно пасшееся стадо вдруг шарахнулось в сторону, и не сразу заметил бегущую в сторону леса серую собаку с закинутым за спину ягненком. «Санька! – заорал я. – Смотри: собака! Ягненка...» Саньку как подкинуло: схватил кнут, свистя и щелкая им, он побежал следом за собакой... но, тщетно: она скрылась в подлеске...

Санька возвращался расстроенный: «Собака, собака...» – передразнил он меня. – Волк это серый, волк!

А ты: «Собака»... Разобраться надо: чей ягненок. Не дай бог, если Егорыча... Со свету сживет...»

Волк утащил ярочку тети Машиной соседки, Нюрочки Анчутиной, вдовы солдатской, у которой и коровы-то не было, а была коза, овечка да эта ярочка, и две девчонки, с которыми водилась моя сестренка. Когда я рассказал об этом случае дома, мать поахала: «Волчий угол, истинно волчий угол. Надо ж: середь бела дня! И у кого? Господи, у сирот!»

Кончились погожие денечки, забусило, заморосило, замозжило: Куян-Тай темной тенью в подбрюшье туч мелькнет и опять серым-серо. При такой погоде в школе и то веселей сидеть: палочки с наклоном царапать да другие палочки складывать-отнимать...

Букварей и арифметик у учеников не было, только у учительницы. Тетрадей на руки тоже не выдавали. У учительницы была четырехгранная дубовая линейка: пока мы, сопя и пыхтя, срисовывали с доски палочки, крючки, закорючки, т.е. элементы букв, она, перекатывая линейку по странице, ловко чертила косую линейку – для выработки наклона письма. Только в третьем классе, для чистописания, – был такой предмет, мы получили фабричные лощеные, в косую линеечку тетради. Этой же линейкой, выведенная из себя озорством или тупостью, Елена Васильевна могла и приласкать виноватого по чему придется. Я как-то, наблюдая за падением огромных, толстых, как лопухи, тополиных листьев, так увлекся, что не услышал ее обращения ко мне, и очнулся, только получив линейкой по своей круглой, стриженной голове: удар был очень болезненный, и я чуть не занюнил. Конечно, после этого пастьба Чернушки покажется раем: никто не кричит, линейкой не стучает, сам себе хозяин! А в школе – чо? Пришей-пристебай! Тетя Марта орет: «Грязный русска малайка, ноги мойт?!» Пока босыми ходим – почему бы и не помыть? Мне ладно: мы из Косихи кое-какую кожаную обувь привезли, а другие – в лы-

ковых лаптях ходят! И вообще, что Малышовка, что Красноярка – беднящие деревни! Редко-редко дома-пятстенки, а то все больше избы, крытые соломой и без сеней. В Красноярке только школа, правление да наш, Лизочкин, вернее, дом под железом. (Я тогда не мог предположить, что и мы будем жить в однооконной избенке, без сеней, под двускатной, продувной крышей из осоки, и сапоги и ботинки, которые я научусь ремонтировать, сносятся, я буду плести липовые лапоточки на мать и младшую сестренку; старшие брат с сестрой к тому времени уедут в Уфу: одна – работать будет, второй – учиться в техникуме.)

А пока... Пока я ходил в школу, избегая встреч с соседом, прошмыгивая удачно мимо толстого прокурата. Похлебав с куском хлеба супец или щи, про которые мать говорила: «Щи – хоть кнутом хлещи: пузыри не вскочат, брюхо не обкормят!» – я отвязывал Чернушку и вел ее на прокормистые, травные приложья, часто натыкаясь на Саньку с его к осени явно подросшим, посолидневшим стадом, и только козы, как прежде, вскакивали на похилое дерево и обгладывали молодые паветви до твердой древесины. «Мотри, мотри! – кричал мне Санька. – Мотри, куда дура неповитая взъелошилась: ежли брякнется, рога сломат, ей-бог! Прокуратка... Ты откелича пришедши? – спрашивал меня. – Из дому иль с выгона? Посторожи маненько, а то я совсем захороводился с имя, в лес сбегая на вырубку, опят порыскаю...» Прихватив вязовый кузовок, Санька шеметом исчез в лесу, даже не выслушав моих сомнений насчет того – доспею ли я с такой оравой в перелеске? Нехорошие предчувствия загомосились во мне. Поскорее привязал я Чернушку одаль, на чистине, принес ей от стога оберемок сена, и начал разнопородное стадо из прилеска выгонять на улог. Будто бы всех выгнал, а нет: козел-коновод боталом в лесочке бренкает. Пока нашел его да выгнал, Чернушка отвязалась, и не видать ее окрест. Вот грех-то! Каждый день

чего опасался, то и случилось! И Чернушку искать надо, и стадо бросить боязно: подведу Саньку... «Эге-гей! – кричу: – Санька-а!..» В ответ безумолчный лесной воркот. «Чернушка! – зову корову. – Черну-у-щечка! – тяну плаксиво. – Черну-у-щечка!..» – то же самое. А из лесу в лога сутемень стекает, белесым туманом прикрывается. Мечусь я как оглашенный, кричу-кричу, а козел-коновод уже в сторонке бренкает: в Малышовку стадо поворачивает... Все: не найди теперь мне притула и спасения! Проворонил корову... И вдруг, словно выстрел, слышу щелк кнута. Выбежал я за кусты, а там – Санька идет, а впереди него – Чернуха... «Держи свою блудню! Каба не кнут – не возвернул ба! – не зря коворят: «В бане веник господин, в печке – кочерга, а в стаде – кнут!» Тапереча ты, ипташляр, должник мой. Во!»

Я уж не стал ему возражать, что, если бы он не пошел за опятами, никуда бы у меня Чернушка не делась, да не до этого было: самое главное, что вот она, бокастая, в блестях дождинок, идет впереди, откидывая ноги в стороны, чтобы не потревожить набухшее вымя, и от нее пахнет мокрой шерстью, парным молоком, а за белую метелку черного хвоста ее зацепилась сухая былка: ни паутов, ни мух сейчас нет, и хвостом она не хлещет себя, он ей сейчас как бы и без надобности.

А тут и зима... На трудодни, заработанные матерью, братом и сестрой, ничего не дали. Своей картошки в тот год у нас не было, поскольку приехали летом, и питались мы покупной. Лугов нам не выделили, и сено для Чернушки пришлось покупать: по первопутку привезли несколько возов, сложили сено на коровник, а часть сметали на чердак. Дров, благодаря моим заготовкам, не покупали. Но для выпечки хлеба они не годились, для этого дела требовались дуб, вяз или береза, а у меня – осина да ветла. Вязовый сухостой мы промышляли со старшим братом в казенном лесу, в пойме Зилима. Он ходил в Краснозилимскую семилетку и в сильные холода квартировал там у дальней родни.

Коровник был теплый, сена оказалось в достатке, и Чернушка перезимовала нормально. Зимой на колхозные работы мать наряжали редко, и она приглядывала за коровой. На мою долю приходилась чистка коровника да подача сена с чердака. На чердаке я бывал и по другой причине: я почему-то часто угорал. И отлеживался в этом случае на чердаке: зарывался в сено и читал. Из книг, доступных мне, у нас была «Хрестоматия» для ликбезов. Читать по складам я выучился еще до школы, в Косихе, а в первом классе уже читал про себя довольно бегло. В «Хрестоматии» были лермонтовские «Тамань», «Княжна Мэри» и «Бэла» – я был очарован щемящей грустью повестей, чем-то созвучной моему тогдашнему настрою. Такое ощущение навевали на меня и мартовские сырые ветра с запахом талого снега: по дороге в школу я даже останавливался лицом к этим юным ветрам и втягивал вдруг загустевший воздух с непонятной тревогой. В марте же произошло у меня решительное столкновение с Артуром-Робертом: он достал меня, и я, в порыве отчаянья, на большой перемене так прижал его к стенке, что чуть не задушил. Сам он вырваться был не в силах, спас его директор – Петр Яковлевич. После этого мы с ним поменялись ролями: теперь он обходил меня стороной.

Зимой мать купила небольшой сруб. Дядя Петя перевез его, и, как только потеплело, мать устроила помочь, и сруб собрали на мху (мы позже теребили его из пазов и «курили» понарошку). Все остальное – тесал и укладывал пол и потолок – тесу-то не было! – ставил оконные и дверные косяки, связал и вставил рамы и навесил дверь – все сделал дядя Петя. Прясла вокруг двора, загон, немудрящий коровник – было делом рук моего старшего брата-семиклассника при моей скромной помощи «подай-принеси». Брат, плотничая, почти отрубил средний палец левой руки, меня он при этом, под страхом избиения, заставил этот палец приставить и так держать, пока он бинтовал его тряпкой; палец сросся, но действовал огра-

ниченно, и позже из-за него брата из военно-морского училища списали в матросы на флот.

Чернушка нас здорово выручала: она давала по два подойника молока, и оно было повышенной жирности. Так что нам молочный налог в литрах, при пересчете жирности к требуемой, даже скащивали.

Однажды пастух просмотрел, и почти все стадо попало на клевере, в том числе и наша Чернушка: к вечеру она раздулась и готова была лопнуть от газов. Чем бы все кончилось, не знаю. Но вовремя пришел деревенский коновал и обычным прокаленным шилом проткнул ей бока в определенном месте, и они вскоре опали, как проколотый надувной матрас. И Чернушка стала спокойно жевать свою жвачку. Но поволновались мы за нее здорово. Зимой Чернушка отелилась: телочку, ярко-рыжую, с белой звездочкой на лбу, называли Зорькой.

А на будущее лето взбесившийся колхозный бык пропорол Чернушке живот, и ее прирезали. Дали за нее нам мешок пшеницы с викой и мышинным горошком. Начались для нас трудные времена...

20 – 26.01.98 г.

Пестрый

В середине августа 1961 года я и двое «хлопцев з Донбассу», с пересадками и ночевками на «песках», добрались наконец до Ярсомовского участка глубокого бурения. Встречало нас все оставшееся население поселка: человек пятнадцать мужиков, несколько женщин с детишками на руках и у подолов и стайка ласковых пушистых собак.

Приняли нас радушно: жилье – на выбор, продукты и инвентарь – под запись, спецодежда – на вырост. Определились тут же и с работой: кому – кем и в какую вахту ходить. Не забыли и про досуг: коробка домино, колода карт

и несколько книжек без корок. И самое главное – вооружили! Продали нам – в долг – ружья со всеми охотничьими припасами и причиндалами. А удочки и прочие рыболовные снасти, сказали, «колхозные»: на берегу Кривого озера, но червей – каждый сам себе копает, остатки на берегу занюхивает. Мы решили следующим же утречком порыбачить. Сопроводить нас вызвался ближайший сосед.

Каким бесконечным ни казался день прибытия, но и он завершился. Медленное, нежаркое солнце зависло над кромкой соснового бора, в котором – нам это врезалось – было зимовье хозяина этих угодий Миши-ханта. Солнце как бы зацепилось в кронах: долгое время оно было неподвижным, лишь меняло цвет, становясь все краснее и краснее, – словно наливаясь брусничным соком, и, отяжелев, быстро закатилось за горизонт. Утомленные, сытые, мы забрались в спальники и уснули молодым сном...

Наш сосед, Петро, по прозвищу Выколотка, поднял нас, сонных, как рыбы, в безбожную рань: в четыре утра.

На Кривое озеро вела тракторная заросшая дорога. Сосняк начинался почти от крыльца, местами был вырублен, словно выстрижен: неаккуратно, клочьями. Вскоре мы свернули с дороги и пошли по предболотью по едва заметной тропе, петлявшей меж темными, в коростах и мхах, огромными осинами, елями и березами. Кое-где под ногами хлюпала вода, остро пахло болотом.

«Эх! – вздохнул Петро. – Зарастают уже стежки-дорожки!»

Вышли к озеру. Оно оказалось плавно-лекально кривым! «Меандра Югана», – предположил я. На его низких берегах росла осока, округлые кусты ивняка касались воды. Напротив темнела стена ельника. Справа, в лучах восходящего солнца, бронзово плавилась стволы сосен. Рядом, возле коряги, стояла притопленная долбленка с наращёнными бортами, в ней – снасти. Мы выбрали что кому пришлось по душе, Петро дал червей, мы наживили их и...

Ох, какой же это был клев!

В детстве мне доводилось удачно рыбачить на Зилиме, Белой, Деме, но такого клева – близко не было! А уж про «хлопцив з Донбассу» – говорить не приходится: Павло захлебывался от восторга.

В самый разгар клева за спиной раздался громкий собачий лай.

«Шо цэ такэ? – встрепенулся Павло. – На кого это лайки гавкают?»

«Лайки!.. – засмеялся Петро, смешно сморщив длинный нос. – Лаек-то даже у Миши-ханта нету. Это все – помесь лайки с дворнягой. К тому же – старые и глухие. Потому и брошенные: хозяева-то – кто в Усть-Балыке уже, кто в Пиму... Лайки не лайки, а – хорошие были собаки! Во, – Петро прислушался, – утробно, низко лает – это Пестрый, он еще и слепой. Надежный был охотник: что на лося, что на медведя. Не заметили? Медвежья шкура, а то и две – у каждого. Во, слушайте, позвонче, с подскулежом, это – Пальма. Да, хлопцы, тута, под зимуто, остались, что люди, что собаки, – безответные да турканые... Кто поздоровше да понахрапистей – те уж на новом месте охотятся да мхом обрастают... Ну, покеда! Мне с восьми на вахту».

Петро взял снасти, сложил в лодку, вытащил улов и пошел домой. И тут мы заметили, что он хромает.

Домовитый Грицко пошел следом: уху варить. Вытащив из воды наш общий кукан, на котором трепыхались красно-серые красавцы окуни, он рассудительно произнес: «Як разумию, достаточно! Даже не перший раз».

Мы с Павлом решили прокатиться на лодке: убрали снасти, вытащили на берег, опрокинули, вылив воду, и спустили на воду; весла не было, гребли руками. Выплыли на середину озера.

Солнце благостно припекало. Озеро – словно круглое зеркало в малахитовой оправе. Берега – один к одному – отражались в нем. Изредка по озерной глади, будто кто-

то тонким пером или иглой чиркал, – штрихи и плавные линии... Тишина и покой. Вдруг под бортом: бульк! Вот она, водяная крыса – ондатра! Нам говорили, что ее здесь не счесть. Все же противная: один хвост чего стоит! Но и забавная. Наблюдали за их жизнью, пока лодка чуть не затонула: не успевали консервной банкой отчерпывать.

Снова заливисто залаяли собаки. Поддавшись охотничьему азарту, крадучись, с мурашками по коже, двинулись мы на их призывный голос.

Возле гигантской сухостойной осины бесновались две собаки, одна – черно-белая, крупная, с басистым хриплым голосом, вторая – темно-серая с перепелесинкой. Остервенело лая, они кидались на серо-шелковистый комель дерева, когтили его, обнажая белую, бескровную плоть осины. Когда мы подкрались близко, они, почуя нас, переместились, подставляя тем самым того, кого «держали», под выстрел... («Чтоб дробь – под перо!»)

Однако, сколь мы ни вглядывались, ни дичи, ни даже белочки не обнаружили... «По нюху работают! Облаивают запах!» Стало досадно и обидно за собак. Мы пошли домой, собаки следом за нами. С тех пор Пестрый стал «нашей» собакой. Грицко, наш мажордом, кормил его, а на охоту бегали мы с Пашкой, благо, работали в разных вахтах.

Морда у Пестрого была черной, только кончики ушей (одно было обморожено) белели. Чепрак черный, а по бокам, к ляжкам, и по ним крупные белые клинья; на груди – белый галстук, переходящий в подбрюшье. На бровях, белым по черному, таинственный знак, наверняка означающий ум. Ах, если бы не тусклая, словно целлофановая, пленка на глазах! Жалко было этого могучего еще и умного пса, которому обоняние заменило все.

Утолив свой охотничий азарт, в тайгу ходили мы как в курятник: били дичи только на день. И рыбачили так же. В неделю мы потребляли пяток рябчиков, пару косачей, пару-две уток и дюжины две окуней, иногда в

Югане блеснили щук. Правда, если Грицко бастовал, приходилось добывать больше – для соседки, за «скубление» дичи.

В тот год стояла на Большом Югане необыкновенно длинная золотая осень. Даже в октябре, когда ночами изморозь покрывала крыши наших домов, а по утрам на коньках изб удивленно таращились прилетевшие на дымок косачи и глухари садились на балконы вышки – послушать рев дизелей, – днем, особенно в заустенье, солнышко грело ласково, любовно, и набухали на шиповнике бутоны, зацветала вечнозеленая брусника. А на березах почки высывали свои шеломообразные головки...

В один из таких дней я подался за уткой: на заказ.

На Кривом озере водились местные чирки и нырки, но их добывать было себе дороже: с первого выстрела не возьмешь! Перелетная утка кормилась на Круглом озере, правее зимовья Миши-ханта; подходы к нему были открытые. Приходилось подкрадываться по-пластунски, я однажды наткнулся на гадюку и больше не ползал: стрелял, как у нас говорили, «с подбега».

Пестрый никогда не лежал у нас на крыльце и не мог видеть наших сборов на охоту, но только стоило войти в лес, он либо уже ждал на тропе, либо вскоре догонял.

Так случилось и в этот раз, правда, с небольшим опозданием.

Уже меж стволов выпукло, мениском, готовое перелиться, засинело Круглое озеро, и я глазами искал – в какой стороне разводья, замирал, пытаюсь услышать характерный гомон кормящихся уток, и тут за спиной раздался громкий, захлебывающийся лай Пестрого...

«Все! Не видать Грицку уток, придется идти за косачами!»

Возвращаюсь на перешеек.

Поперек дороги там старая колода: корневищем в сторону Кривого, обломанной вершиной обращена к Круглому озеру, только что перешагивал через него, а Пест-

рый его облаивает – загривок дыбом, из пасти пена. Тро-нул его: пошли, мол, старпер, ошибочка вышла – не идет, еще неистовее мечется. И я рассердился: уток распугал, меня задерживаешь! И как прикладом по колоде стукну, айда, мол, а то брошу, и хоть сто лет тут беснуйся.

Как все получилось – не могу понять! Едва я стукнул по колоде прикладом, из колоды что-то метнулось чер-ной молнией. Ружье мое курковое, словно ковбойский кольт, крутанулось в руке и бабахнуло... В пороховом дыму – дымный был порох у нас тогда – увидел я метнув-шегося за этим черным Пестрого...

Такое довольство, чувство удовлетворенности было у пса, когда он положил у моих ног добычу! Нечто похо-жее довелось мне наблюдать позже, когда герой анекто-тов получал очередную «звездочку»!

Наша «добыча» напомнила мне сказочного кота-ба-юна: черный когтистый зверек не вызвал во мне хоро-ших чувств, и я перекинул его через наклоненный ствол дерева, где повыше, и пошел с Пестрым за косачами.

(Кеша, наш общий друг, которому я вечером поведал об этом случае, сказал, что это – кидус, внебрачное дитя собо-ля и куницы. И если тебе не надо, сказал он, то я заберу и выделаю его – на воротник дочурке. Ради бога, одобрил я его предложение. Тем более что это – заслуга Пестрого, похоже, я только спугнул кидуса, а изловил его – он.)

В самом конце октября погода резко испортилась. Стало не до охоты. Главная забота была – отгрузить обо-рудование до ледостава. Оборудование отгрузить успе-ли. Людей тоже: последних вывозили диковинными в то время вертолетами – до собак ли было?

Пашка улетал одним из последних. С его слов точно знаю: Пестрый остался в бывшем, раскатанном по брев-нышку и вывезенном в Усть-Балык, поселке.

Если Миша-хант пристрелил его, и то хорошо. Хуже – если ушел он в зиму один: зима была в тот год хоть и снеж-ная, но лютая.

...Прошло тридцать шесть лет. Многие бывшие владельцы «пестрых» оказались сейчас в их положении: хорошо поработали на своего хозяина – Государство, много открыли, разведали, добыли «черного золота». Жаль: здоровья нету! Да и тем, у кого еще осталось, не легче: на месте – кормежки нету, а в хлебные края податься – не на что...

*Ноябрь 1961 г., январь 1997 г.
п. Усть-Балык, г. Мегион*

Про Мишку, Жучку и рыжего кота

Квартировали мы в 62-м году с Мишкой Савиным в Сургуте, на Черном Мысу, в закутке у тети Нюры. Мишка был капитаном катера «Академик Зелинский». Осенью, из-за «вскрытия рек и острой производственной необходимости», навигация, после планового закрытия, была продлена, и вставшие было на отстой теплоходы двинулись с баржами в «последний и решающий» рейс. Однако разнюнившийся было по-весеннему ноябрь вдруг закусил удила и резко повернул на морозы: многие суда и караваны с грузами оказались замороженными. Не избежал этой участи и Мишка: вмерз его «Академик» с баржей в Тром-Агане, и он всю зиму, вместе со своим механиком и шкипером баржи, «вымораживал» суда, т.е. пешнями они обдалбливали лед вокруг корпусов так, чтобы вода не проступала; это давало возможность избежать повреждений при весенней подвижке льдов. Одновременно с этим велся ремонт, шла подготовка к новой навигации. В Сургут Мишка прилетел, чтобы сходить в баньку, набрать продуктов, инструмента и запчастей в караванке РЭБ флота и, разумеется, гульнуть. В такие дни, если я был дома, мне волей-неволей приходилось составлять ему компанию.

Когда я приходил с работы, он уже бывал дома, обычно – подшофе. «Хорэ! – многозначаче произносил он любимое слово-паразит с интонацией, исключаящей наиздания и нотации. И пояснял: – В караванке, с утра, то... се... Потом сбросились по-«рваному», снарядили гонца и – хорэ! А по дороге у Толика, кэпа «Ермака», ну, ледокольного катера, добавили... Хо-рэ...»

Мишка всхрапывал, гортанно посмеивался, крутил чернявой головой и таращил светлые, и без того навыва-те, нахальные глаза.

«Жучка! – начинал звать хозяйкину собачку, смесь таксы с дворняжкой. – Жу-чка!..» Собака с подвывом, словно в губную гармошку дула, отзывалась. Мишка вскакивал, шарился в рюкзаке, вытаскивал водку, копченую колбасу и начинал угощать Жучку. После этого дуэтом они давали концерт.

Впервые я наблюдал за ними с любопытством. Жучка, наевшись вымоченной в водке колбасы, начинала пошатываться на своих коротких кривых ножках, потом ложилась на пол и, задрав голову с блестящими, в слезах, коричневыми, с урюковую косточку глазами, выла жалобно, многоголосо, копируя Мишкин хрипловатый, с надсадой, голос. Я, можно сказать, восхитился Жучкой: музыкально одаренная собачка. Но в следующий раз я устыдился: «Капитан! Что делаешь?! Зачем издеваешься над животным?!» И пригрозил: «Пей тогда с Жучкой. А я с тобой – не буду!» – «Хорэ, хорэ! Стопуюем: на этом деле вяжем узел!» – пообещал мне Мишка. Тут и тетя Нюра появилась. «У, лихоманец! – замахнулась на Мишку полотенцем. – Кыш отседа, шалава балованная!» – притопнула на Жучку чуней из валенка; та виновато, вихлявисто засеменила из закутка.

«Вторая Онкя, пра! – вздохнула тетя Нюра, заправляя серые, седеющие волосы под теплый, в клетку, повязанный домиком полушалок. – Кутенком, шутя, чай, приучили. Та же Онкя, сношенька, а то и Санькя, зять: как

шары нальют, так пошуметь горазды. Жучка – безобидна, – чо, как не поглумиться? Вот над тоим ба котом, что у нас ране был, попробовал ба кто поизгаляться, – да он ба ему первому зенки-т и выцарапал! Вот какой кот был, пра! А ласковый был на диво... Ласковый-то ласковый, да только с тверезыми! Как учует, что винищем несет, зафырчит, спину горбом, хвост трубой, когти наготове – того гляди, сунься только, в ключья изорвет! Седни бы Михайле патрет изрисовал, а може, и ишо чо. Да и мне ба, грешной, досталосси...» Тетя Нюра пригубила рюмку, промокнула уголком полушалка вянущие губы. «Жили мы тады, как щас, через стенку. И было у нас три кота: наш, суседский, и этот, рыжий, общий как ба. Да, как колхозный. Рыжмя был он рыжий! Да здоровущий какой! Тигра настоящая, без полос тока. И вот ведь ишо чо: окромя пьяных – свово брата-кота – не любил! Што нашего, што суседского – измордовал их в конец! Загонит того али энтого куда ни то в угол и давай бить: ну как мужик какой свирепый, пра! Загонит и лапой, бедолаге, по морде, хлесь – другой! До крови, злодей, бывало-чи исхлещет... Тот орет, как резаный, а вырваться – мочи не хватает ай духу... А с нами, с хозяйками, ласков был: ку-ды! И ведь чо? Привадился с нами на ту сторону Оби, на заимки, плавать: на дойку коров! Мы, энто, с суседкой, на лодке: на гребях, а он – самостоятельно за нами... – тетя Нюра мелко посмеялась, вытерла заслезившиеся глаза. – Как живого вижу, пра! Мы на гребях, а он за нами шпарит, окаянный, – как на мотоциклетке! Хвост трубой, усы вверх топорщит, а лапами-т, лапами – как на педали жмет! Аж разводья за ним, разводья... Куды ондатре до него! Мырять в воду умел ба, по ондатру с ним можно бы хаживать. Да, вишь, слыхала, нельзя кошкам мырять: вода в уши попадет, утопнуть могут. Ну, энта, мы к берегу пристаем, а он уж нас дожидатца, лихоманец! Третца, кренделя под ногами пишет, мурлычет. На усатой морде тако довольство, така гордыня, тако благоприятство, словно

сказать хочет: проходите, мол, хозяйюшки дорогие, все тут баско, мол, как в сказе, вас токо и не хватат! Куда дениси? С первого подойника парного молочка в чаплыжку ему и нальешь. Да и соседка тож не пожалкует: плеснет. Испокон ведется: ласковое-то теляти двух маточек сосет!»

Тетя Нюра допила рюмашку, как-то подобралась и будничным голосом закончила: «Убил его мой хозяин, не тем будь помянут. Давно грозился! Ишь, мол, фонбарон какой, винный дух ему не ндравится! Возьму Пальму натравлю али удавку наброшу, а?.. Ну и кадысь пришел выпимши, кот-то и зашипил. Хозяин взял ружжо да и стрелил его... Потом сам жалел: больно уж кот был памятный, пра! Тоих-то котов и забыла напрочь, а рыжий – все блазница. – Тетя Нюра встала и погрозила Мишке шуточно: – Ты, Михайло, Жучку-т не пои вином больше. Чо, так меня кликни: канпанию всегда составлю!»

«Теть Нюр, хорэ! – Мишка взгоготнул. – Идейный смысл политбеседы усек! Хоть «рыжий» и котом был, – но душа у него была, получается, мариманская? Разрешите налить на помин его души «четырнадцать капель»? Хорэ?»

Больше Мишка Жучку не провоцировал. И только съезжая с квартиры, позволил себе расслабиться: позывали они на прощанье виртуозно и жалостливо – так, что страшно хотелось присоединиться к ним! Грусть была ненапрасной: с Мишкой мы больше не встретились. Справлялся я о нем позже у тети Нюры. Ответ ее был туманен. Сказала она, что, будто, плавает он где-то «в морях-окиянах»...

*1967 г., Сургут
29.01.98 г., Мегион*

«Н – Нь – Нга...»

Окрутились мы с женою брачными узами скоротечно, без проверки временем своих чувств.

«По-хорошему же ж надо было! В известность поставить... Заявление на жилье подать... – тяжело вздыхая, корил меня Гена Шаталов, замещавший на время отпуска нашего шефа, Виктора Петровича Федорова. – Комсомольскую свадьбу сыграли бы... Может, и ключи от хаты бы поднесли. Прямо, не знаю...»

Петр Кононыч Рагинский, председатель разведкома, офицер в недавнем прошлом, к которому мы пришли с Шаталовым, рассудил по-военному кратко: «Свидетельство о браке? Так... Пиши заявление. Рассмотрим, известим. А пока – квартируйте! Люди в отпусках – договаривайтесь».

«Поквартировали» у нескольких отпускников, даже в федоровском «скворечнике» – ключи были у Шаталова – немного пожили. А в сентябре получили мы свою первую в жизни квартиру!

«Квартира» – четвертинка бревенчатого дома, с окнами, выходящими на север, с дощатыми сенями и широким крыльцом. Кирпичная плита широким дымоходом-обогревателем делила квартиру на «залу» и кухню. Сени были разгорожены перегородкой на коридор и кладовку. От старых хозяев остались всевозможные полки, грубо сколоченные табуретки и кухонный стол. Напротив окон – палисадник, служивший загоном для поросят, и полудровяник-полусвинарник; вдоль ограды палисадника деревянный тротуарчик к сараю и туалету.

Выскребли мы свою квартиру, побелили, обои наклеили (скорее, «навесили»: стены горбатые!). К старому пружинному матрасу приделал ножки, заменил обивку – тахта получилась, ковра на нее не хватало: дефицит тогдашний! Из смолистых фугованных дощечек, найденных в дровянике, сделал я овальной формы столешницу, наждачной бумагой отшлифовал, марганцовкой оттонировал, покрыл лаком, примастрячил три разновеликие ножки – модный журнальный столик получился! Несколько навесных полочек ступенькой – под книги, чемоданы

горкой... Ширмочки, занавески, скатерочки... Плиту подмазали, побелили: тепло, не дымит. Под «залой» подполье: вычистили, запасы разместили (мешок картошки, коробку тушенки, ящик китайских яблок в стружке). Перед отпуском – в октябре мы собирались показаться родителям и съездить на юга – я промазал все три окна, перекопал землю в палисаднике (уж больно дурно пахло порослячим «удобрением!»), а жена, по совету соседки Юлии Николаевны, в зиму посадила чеснок, бутун и что-то еще. У крыльца и вдоль палисадника я посадил в удобренные широкие ямки несколько березок: благо лес был чуть не за порогом. Наш дом был вторым по нечетной стороне улицы Центральной. Собственно, с наших домов начинался поселок геологов, расположенный между Сургутом и Черным Мысом, где в тридцатые годы селились «враги советской власти» – бывшие так называемые кулаки, а по сути – тот средний класс, на котором стояла Российская империя... И, парадокс, именно в это время начал новую борьбу с церковью и «тунеядцами» великий реформатор Никита Сергеевич Хрущев (шел в Сургутском кинотеатре «Октябрь» фильм: «Наш дорогой Никита Сергеевич...») – это было жизнеописание «вождя»: молодого, зрелого, мудрого, но всегда – энергично размахивающего кулаком над головой (лысой или бритой, со смятой фуражкой в жменьке или с потной туфлей в ладошке над трибуной с «Кузькиной матерью» на устах, с бернесовской убедительной хрипотцой в голосе), но всегда – с ленинской заботой о народе, особенно о женщине: «В колхозе нарабатывается, придет домой: корову надо доить! Хлебы ставить! Ликвидировать частный сектор! Освободить, понимаешь, людей от непроизводительного личного хозяйства!» Откликнулась ведь партия! А народ и партия – едины! Именно в это время, когда, как обещал «наш дорогой», зори коммунизма должны были засветить, целина и кукуруза обанкротились... И с «великим другом и соседом» – с Китаем, то есть – промашка вышла.

Побывав у своих в Перми, в Уфе, пожив в Гантиади, делая набег на города всего побережья, возвратились в Сургут мы через Москву, т.е. выполнив отпускную программу на «все сто» и с восхищением прибархлившись: жена – везде, я – в московском магазине «1000 мелочей»!

Новые тюлевые занавески, тяжелые тафтовые портьеры и чехлы, атласные и синтетические занавески преобразили наше «гнездышко». А всякие прибамбасы и мелочи сделали квартиру привлекательно уютной.

Запасы свои мы пополнили и сделали более разнообразными: в подполье рядом с ящиком китайских яблок появился ящик с шампанским; штучно, но зато армянский, коньяк. В кладовке – пусть без икры, с рыбзавода, но – почти пудовый осетр. Там же – орсовский паленый поросенок... Почта: практически все, что можно выписать, и – более того: до женитьбы я жил у тети Нюры, а ее дочь к этому времени стала начальником одного из двух отделений связи, поэтому в подписке у меня и шикарное приложение к «Огоньку»!

Родителям – она моим, я ее, понравились: побранили нас, но – приняли!

На работе – тоже все нормально. Виктор Петрович, только из отпуска, оклад повысил: «Жене на финтифлюшки!.. Чтоб другие – не перебили!»

Живем и радуемся! Неделю, другую... Месяц! Хоть вслух и не говорим, но чувствуем: чего-то не хватает! Чего? – сами не знаем, но – какая-то внутренняя неудовлетворенность! Дискомфортность, как сейчас говорят. Нет, себе и друг дружке – не прискучили, но...

Где-то уж середина ноября была... Морозы были! Я пару раз уж и в командировки слетал: в Тайлаково, в Ларьяк... Пришли на обед как-то. Тихо... Слабенький морозец. Солнышко – сковородкой анодированной (в моду только входили, а у нас – что ни сосед, то – москвич, что ни соседка – то ленинградка! Моднящие все!).

Не греет солнышко, но – светит! Подходим к крыльцу – жена: ойк! Я – к ней: ты чего, мол? Хоть и на югах уже знал: понесла! Я ее попридержал, а она снова: «Ой-к! Да ты посмотри: что там за чудо сидит?!»

А и вправду: на крыльце нашем, возле двери сенной дощатой, сидит громаднейший, серый с прозеленью моховой, – не от Бабы ли Яги посланец? – сидит таинственный кот... может, не столь таинственный, сколь – страшный! А нам – хоть бы что! Переглянулись мы с женой и поняли: его-то нам и не хватало!

Пока я вынимал из пробоя застрявшую дужку амбарного замка, навешивали, как все – для вида, кот продолжал сидеть отрешенно, по-йоговски глядя сквозь нас на серо-шелковистую дверь. И только когда я распахнул ее и сам отступил в сторону, сказочный кот встал, потянулся, поднял толстый, как у волка, хвост трубой и соизволил обратить к нам свою усатую широкую морду с округлыми, как у соболя, ушами; янтарно-желтые зенки его, с узкими, вертикально-острыми лезвиями зрачков глянули на нас строго, требовательно, даже зло. Выдержав паузу, кот хриплым басом мяукнул... нет, прорычал: «Н-нъ-нга-а?!»

Мы расхохотались, одновременно сделали ручкой в темноту сеней: «Нга!.. Нга... н-нъ-нга-а! Милый! Только тебя нам для полноты счастья и не хватало!»

Мы – поняли! Мы поняли, что нам не хватало не этого конкретного кота, странного «н-н-ги», а – просто нового объекта, о ком мы могли бы сообща заботиться! Нам было мало заботы друг о друге: мы непроизвольно и естественно испытывали зарождение родительских чувств! Забот! Как все же предусмотрительна природа! До появления собственного чада было еще далеко, и мы стали приручать и заботиться о так странно появившемся нашем «брате меньшем»...

Мы предположили, что когда-то он жил здесь: у прежних хозяев. Но соседка опровергла наши домыслы.

Был Нга на удивление здоров и тяжел! Когда он ночью спрыгивал с припечка, где имел привычку млеть, казалось – хороший телок!

Вел он себя независимо! В те времена был излет «хрущевской оттепели», и мы в каком-то издании прочли лаконично широкую программу Джона Кеннеди. Новизна да и сама манера обращения к читателям-гражданам, произвели на нас сильное впечатление – после многочасовых выступлений и многостраничных изложений хрущевских тезисов: как догнать и обогнать США. И я сделал к кличке кота добавление: Джон-нга.

В полу было отверстие, через которое он проникал в подполье, а оттуда – ведомыми только ему путями, на свет божий.

Клинило ли что-то у него в системе навигации, или выходы были «одностороннего» действия, но возвращался домой он только через дверь.

Сколько ему пришлось высидеть под дверью в жестокие морозы, знает только он один.

Другой раз, на его счастье, чаю или клюквенного морсика переберешь, посреди ночи в «удобства», которые во дворе, идешь – а он сидит на крыльце и сипит: «Н-нъ-нха-а!..»

Потрепанный, отощавший, весь в шрамах и вередах! Отлучки его бывали часты и длительны: от недели до двух.

Вернувшись, прежде всего прыгал он на припечек – где vareжки и носки сушились. Помлев, оживал. Ел все что ни дашь: миску супу – так супу, борща – так борща (любил свекольники!), чебаков дашь – одного-двух оприходует, после этого кусок мяса и котлету, колбасу – сколь дашь, все съест – до отвала. А отвалив, спит сутки-двое! Без просыпу, переносишь, будто парное мясо: сквозь пальцы проседает!

А уж когда отоспится – сама благодарность!

На крыльце только замок снимаешь, слышно: проснулся и очухался «Джонга... Встречает! Мурлычет!»

О, мурлыканье Нги-Джонги! Оно было ему под стать! Зависело, оно, конечно, от степени его благодарности.

Вы слышали, как тарыхтит непрогретый трактор по утрам?

Его мурлыканье иногда было похоже на это тарыхтенье.

Вам не приходилось ли случайно в те времена, когда путевки были дешевы, бывать на Камчатке и слышать непредсказуемо клокочущие гейзеры? Если слышали, значит, имеете представление о характере самого нежного мурлыканья «Нги».

А ведь при этом он свои тигриные зенки жмурит, подпаленный и драный в драках лоб, словно бульдозер, под ладошку вашу подводит: дружески бодается! И тупые свои, ломаные когти из твердых, как у мамонта, копыта, из так называемых подушечек выпускает и нежно-нежно начинает трогать то, на чем сидит. Обычно это называется «когтит»! В предчувствии подобных «нежностей» я предусмотрительно брал его не переодевшись – в геологическом костюме.

Признавал он только нас. Гостей не любил. Особенно не выносил – когда обращались с ним как с кошечкой: сюсюкали, восторгались, гладили...

В этом случае он мог фыркнуть, резко прыгнуть – оставляя своими жестокими по-звериному когтями, даже через одежду, болезненные царапины.

Полгода не прожил у нас, несмотря на ласковое с ним обхождение, могучий сибирский кот по имени Нга, но запомнился по сию пору.

Куда делся?

Погиб ли в драке с собаками или с такими же могучими соперниками?

Может, как нас, осчастливил кого своим таинственным явлением?

Остается только гадать...

...Боже! А сколько мне потом, за долгие годы работы на Севере, в том числе Крайнем, попадало подобных ему мужиков!

Трудно понять их натуру.
Но они есть.
И живут по сию пору.

1996 г.
Мегион

Пестуны

– Смотри, смотри, Николаич! – затормошил меня водитель. – Ей-бо, медвежьи следы!

И остановил машину.

Мы ехали на головном бензовозе, и вся колонна остановилась.

– Что случилось, шеф? – заглянул в кабину начальник БПО Валерий Агапов, вопросительно вскинув густые черные брови и озабоченно сверля меня лихими светлыми глазами.

Незадолго до этого, мотаясь по буровым в болотниках, я застудил ноги, и меня страшно мучил гайморит.

Дорога по лесу шла более-менее сносная, я было задумал, и – на тебе! – из-за каких-то медвежьих следов разбудили.

– Да вот, – показываю на рыжеватого водителя, – Федя, оказывается, юным натуралистом был: медвежьими следами интересуется.

А сам, поддерживая голову руками, выбираюсь на волю.

По времени – глухая ночь. Но сухая, вроде манки, снежная крупа, выскристаллизовываясь из воздуха, создавала видимость предрассветной брезги. Крупа припорошила деревья, просевшие обочья зимника и сам зимник, кое-где взрытый до ягельника или торфа, а больше заполненный полый водой: за ночь колеи заледенели и вкусно, словно комковым сахаром, похрустывали под протекторами колес.

В ночь на Первомай у нас сгорела буровая, инструмент упал на забой. Для восстановления буровой и добуривания скважины нужно в первую очередь горючее. И хотя переправу через Вах мы уже закрыли, пришлось, не без риска, порожние «Уралы» перегонять, а заливать их более легкими «зилками». Водители и сопровождающие еще до выезда намаялись и сейчас, после шести часов нелегкой езды, были рады размяться.

Все собрались перед нашей машиной и в свете фар изучали следы.

– Свежайшие следы! И давно впереди нас топают.

– Двое! У одного сорок шестой размер, у другого по мене: сорок первый...

– Пестуны! Старшему – третий год, младшему – второй!

– А где же мамка?

– С нонешним, верно... А их – выгнала!

– В люди?

– На вроде того. Ну!

Побазарили на этот счет, кофейку из термосов хлебнули, кто и пожевал – и в путь, пока погода работает на нас!

Вскоре на одном из поворотов фары выхватили идиллическую картину. Словно братишки, идущие в садик, остановились медвежата: плечо в плечо стоят, будто при переходе улицы транспорт пропускают!

Кто-то не удержался, засигналил...

Пестуны подхватились и, смешно подкидывая бесхвостые зады, скрылись за таежным буреломом.

Пошли «гнилые» места. Колонна наша, в сцепке, двигалась медленно, многотрудно... И все же к рассвету ближе, преодолев «помойки» (так на шоферском жаргоне зовут зыбистые даже в лежневке места), въехали мы в гривастый бор, где зимник был сносным. И тут снова увидели следы пестунов...

На этот раз следы были очень четкими и темными.

Федя снова остановился. Вышел и я.

По размерам следы были прежними, – но почему такие черные?

– Будто им лапки дактилоскописты смазали!

– Да, хоть сейчас на экспертизу: отпечатки – что надо!

– Это они, видно, муравейник нашли и разорили: любят мурашей!

– Пробки после спячки, видать, стрельнули – есть захотели.

– Да, вон недалеко и муравейник!

На этот раз пестуны нас поджидать не стали: свернули в сторону загодя. И больше нам не встречались, может, попали на клюквенное болото или шиповник нашли.

Нам еще оставалось километров двадцать пути, когда солнце жарко задышало, наст стал рушиться. Машины то резали верховой зимник, то съезжали с его горбатого позвонка, буквально ложась на талый, прессующийся снег. Но благодаря сцепке мы к обеду добрались до буровой.

На буровую территорию переместили АТСы своими гусеницами, и на подъездах и вокруг было много сверкавших на солнце луж: в них то и дело садились пролетные утки и весело брызгались, не пугаясь техники и людей. Во избежание ЧП мне пришлось у рьяных охотников забрать до поры ружья. Но некоторые уже успели отвести душу, и вечером была похлебка с утятинной.

За десять дней мы восстановили буровую, подготовили цементный мост для зарезки нового моста.

Все это время была плюсовая температура, и благостно припекало солнце. Но накануне нашего вылета с буровой ударил мороз более двадцати градусов и вновь заковал все водоемы, включая налившиеся талой водой болота, в ледовую броню, вполне державшую порожние машины.

– Каково-то сейчас там уткам? – сочувственно сказал кто-то.

– А боровой дичи? Она-то в снегу ночует: что, если так и погибнет под ледяной коркой?

Когда пролетали над теми гривками, где нам повстречались пестуны, я вспомнил их и посочувствовал им – пожалел!

...А кто бы меня пожалел: после той поездки гайморит перешел в хроническую форму, и избавился я от него только месяца через два.

Грэй

Наш ладный бревенчатый дом строился на двоих хозяев. Предполагалось изначально, что жить будут они мирно, в дружбе. Поэтому обнесенный штакетником двор был общий, на одной его половине – спаренный дровяник, на другой – туалеты, в ограде – две калитки. Строительство вела бригада шабашников из Закарпатья: бревнышко к бревнышку, досочка к досочке подогнаны, профугованы. Даже тротуарчики вокруг дома и к «службам» были выстланы струганым материалом. Мастерски работа справлена, ничего не скажешь!

Сосед у меня появился немного погодя, да и то в одиночку: семью собирался привезти по теплу. В мае наконец собрался: улетел.

После нескольких дней пребывания на буровой, уставший, механически как-то, словно старый конь с пахоты, шел я домой. Так же бездумно открыл калитку и тут очнулся... Из-за угла, с моей стороны дома, на меня надвигалась с громоподобным рыком... собака Баскервилей! Прыжок – упруго сыграл тротуар, еще прыжок – и я буду опрокинут на спину тяжеловесным монстром...

К счастью, тотчас появилась хозяйка собаки. Уж и не помню, что она сказала псу, но он мгновенно успокоился и тут же доверчиво, без внутреннего сопротив-

ления, позволил потрепать себя по загривку – мощнейшему и дал почесать за упругими ушами. И, пока соседка извинялась, потом представлялась и рассказывала о родословной своего «мальчика», мы с ним вполне подружились.

Грэй, так звали «мальчика», по собачьим меркам, молодой, но прибыл к нам по взрослому билету: в холке он был с хорошего телка и весил 68 кг!

В спокойной обстановке он показался мне красавцем: мощный и в то же время поджарый. У него умные темные, без звериной красноты, глаза, сторожкие уши; голова, загривок, чепрак – черные, грудь могучая, темно-серая, такие же и бока, но подпалинами, светлеющие к животу; хвост – темный, пушистый, плавно приспущен.

– Теперь можете быть спокойными! – она потрепала загривок «мальчика». – Грэй взял весь двор под охрану: будет дозором обходить.

На новоселье сосед расхвастался: родословная у Грэя – благороднейшая! Собачья родословная, возразил я из духа противоречия, это – для городской квартиры или цепи. А вот поживет, говорю, он вольной жизнью в поселке, будет вместе с поселковыми собаками по помойкам шастать, блохами обзаведется, любовь с какой-нибудь Пальмой закрутит... Сосед завелся: ни-ко-гда! Хотите, говорит, из ваших рук брать ничего не будет и со двора не выйдет никуда!

Ну-ну, говорю, поживем – увидим...

На следующий день, забыв, кстати, о споре с соседом, вынес я Грэю «мосолок»: берцовую кость лося с остатками мяса и сухожилий, полагая, что он обгложет ее. К моему ужасу, Грэй перекусил ее словно куриную косточку! А тут, как на грех, соседка появилась. Я смутился: ругать будет? Она рассмеялась: «Не страшно: пусть клыки поточит! А вот куриных косточек – не давайте. – И пояснила: – Они острые, желудок ему могут поранить».

Разместили соседи Грэй в сенцах, в летней кладовке. Тонкая переборка вздрагивала, когда он облаивал непонравившихся гостей.

Я заметил, что поток ходоков к нам уменьшился, стали чаще пользоваться телефоном. А вот дети, особенно после того, как соседи привезли младшего сына, повадились: Грэй позволял им делать с собой все что угодно.

Невзлюбил Грэй зама по общим вопросам, сиповатого, суетливого мужчину, и грузного начальника хозяйства – не раз загонял он их в снег и держал до прихода хозяев или кого-нибудь из нашей семьи. Уж как его ни стыдили, как ни наказывали, пересилить себя пес не мог.

На следующее лето чуть не пострадал я...

Как-то я выходил из наших общих «удобств во дворе», когда хозяйка, закрыв калитку за ушедшим замом, выпустила исходившего лаем Грэя. Ослепленный яростью, в два прыжка он оказался возле меня, а моя левая рука очутилась в его пасти...

Хозяйка еще только собралась истошно завопить, а Грэй, тормознувшись всеми четырьмя лапами, уже разжал пасть... Опустив голову, издал виноватый взвой и, виляя хвостом, закружил вокруг, поскуливая. Побледневшая соседка стала массировать мою руку, на которой остались лилово-красные следы от прикосновения клыков Грэя... А память воскресила хруст, с каким он разгрыз лосиную мосолыгу...

Наступила зима. Грэй за ограду не выходил. «Сказал ему: охраняй. И – все! Так и будет!» – хвастался сосед.

В конце февраля я прихворнул и, выздоравливая, ранним утром (по-северному) стал на лыжи и выехал со двора по сугробу, под которым штакетник и не виден. Впервые за зиму встав на лыжи, я пошел тихо, почти на ощупь, опасаясь, – вдруг где-то пацаны «подлянку» заделали. Фокус заключался в том, что в феврале, на стегу, в заустенье, эту самую «подлянку» – трамплинчик! – глазом и

не различишь: почувствуешь, только съезжая, когда тебя центростремительная сила подкинет!

И вот, съезжая вполуприсед, не увидев – почувствовав трамплин, я в полете столкнулся с кем-то темным, стремительным, мохнатым... Это был Грэй: мы с ним врезались в сугроб и долго барахтались в нем, выбираясь...

Сосед чуть смутился: «Так ограды ж фактически нет: замело. Задание оказалось некорректно поставленным, и Грэй посчитал себя вправе и ту территорию взять под свой дозор... Да и команда давно не подтверждалась. Завтра посмотрим!»

На следующий день я покатался с горки спокойно и с трамплинчика полетал без падений. Потом пошел по реке, свернул в лес с намерением проложить лыжню круговую километров на пять для тренировки: через каждые сто шагов на снегу отмечал пикеты. На шестом пикете я заметил пробиравшегося ко мне Грэя... Лыжня не держала его. Казалось, он плыл по рассыпчатому снегу, только уши да хвост виднелись порой.

Представив, какие муки пришлось ему перенести из-за своей страсти к шуршащим, похожим на двигающиеся уши острым концам лыж, я развернулся и «наострил» их к нему – пусть утешится!

Но ему было уже не до игры: весь в мыле, язык чуть не на плече, бока так и ходят... Я потрепал его и угостил карамелькой. После отдыха мы двинулись домой. По снежной траншее обратно Грэю было идти легче, а мне, наоборот, пришлось рядом прокладывать новую лыжню.

На реке я заскользил быстрее, Грей пришел в себя и, игриво обгоняя, кусал кончики лыж в движении. Что за притягательная сила в них? И именно – в движении?

Перед подъемом в гору я приказал ему: «Домой! Охранять!»

Прошла секунда, две, и до Грэя дошло: что он наделал! С мольбой он глянул на меня и наметом помчался вверх по крутому склону.

Соседи пришли почти одновременно со мной, но – чуток пораньше! Грэй был дома. Хозяев приветствовал радостно, как обычно. Потом подошел ко мне сторожко. Я ему заговорщицки подмигнул: молчу, мол. Он, словно поняв, вернулся к хозяевам и стал весело ластиться, оглашая глухие февральские сумерки радостным рыком. Пора была уже предмартовская, и сумерки наступали голубоватые и медленные.

Летом соседи уехали и увезли Грэя. (По полному билету!) Вспоминаем мы их изредка, и если уж честно, сначала Грэя, а потом его хозяев – хороших людей и добрых соседей. И те времена, когда шлерку дверную запирали на палочку, а Грэй убежал на лыжню.

Сегодня бы он сидел за железной дверью, а гулять выходил с хозяином: нынче одного и Грэя запросто уведут! Совсем люди запутались в родословных. Не в собачьих, в своих.

Мартын

Однажды на каникулы дочь приехала с красивым котенком тигровой масти. А обратно не взяла. Так и остался у нас. Названный в честь месяца своего рождения – марта, для моих женщин он был Мартиком, а для меня – Мартыном.

Был он веселый, отзывчивый на ласку, «законопослушный»: ходил в отведенное ему место. А наигравшись и наевшись, тархтел громче будильника. Однако мирная жизнь шла до поры до времени.

Как-то жена купила у браконьера крупного муксуна, замалосолила и, завернув в кальку, для просола оставила в тепле: в кухне на подоконнике. Вечер прошел как обычно: с Мартиком, для снятия стресса, поиграли. Да и как было с ним не играть: цеплялся за тапок, за руку, стояло шевельнуться. На сон грядущий – покормили его.

Утром, встав чуть раньше обычного – до гимна, – побрившись, я зашел на кухню: чай поставить.

Мартик спал и на кухне: у него там был старый стул, мягкое сиденье которого мы для тепла обтянули старой шерстяной кофтой. Это было, как мы говорили, его запасное логово: обычно он у нас спал в кресле.

Что походка, что прыжки Мартика обычно были легкие, воздушные, беззвучные.

На этот раз его прыжок был тяжел: будто не котенок прыгнул, а теленок.

Я пригляделся к Мартику: бока у него были раздуты, как у телка, обожравшегося клевером, такое в детстве мне приходилось видеть.

Я поймал сонливого Мартика под столом.

«Ого! «Газы» столько весить не должны!» – подумал я.

Так и оказалось: вся спинка муксуна – что там калька! – была выжрана!

Жену, услышавшую наше «объяснение», я урезонил: нечего было кота вводить в соблазн!

«Дуров», конечно, из меня не вышел!

Заставши однажды кота за «неправомерными» действиями, я наказал его веником. Понятия о законности и морали, как он посчитал, у нас с ним – разные! И начал Мартик – с этих времен жить по своим... законам.

Понятно, что он посчитал меня – агрессором. Может, более того, оккупантом! И стал вести против меня партизанские действия...

Было бабье лето... Я знал одно заветное местечко, где весь сезон водились красноголовики. И главное – рядом! В пределах маршрутного автобуса. В незаметной колке.

На работу я часто ходил в «геологическом» костюме: иногда прямо с планерки приходилось лететь на «горящую» буровую. А в этот раз – «вырядился»! Пришлось бежать домой переодеваться.

Джинсы, куртку, кеды и – студенческой рысью к автостанции. Успел! Автобус переполнен. Крутили-вертели

меня несколько остановок, за город выехали, уже спокойнее. Протиснулся в более-менее свободное пространство между креслами. Стою. В окно посматриваю, пригнувшись: где едем? Совсем освоился и расслабился, на сидящих соседей взглянул...

Смотрю: с этой стороны вроде бы принохиваются... Повернулся: и эти носами позашмыгивали...

Естественно, у меня сразу «подозрение буларга киряк» – присловие у меня такое, когда что-то подозрительное.

Со стыдливой тревогой я руку в задний карман джинсов, за платком, – пот меня прошиб, когда я это самое «подозрение буларга киряк» почувствовал, в общем, полез я за носовым платком в карман джинсов, чтобы пот вытереть, а платок-то... мокрющий! И карман! И то, что под ним – все насквозь мокро! И так, не вынимая руки из заднего кармана, стал пробираться я к дверям – чтобы дернуть сигнал аварийного выхода.

«Ну, Мартын... Ну и зараза же ты... Гад ты, Мартын! За что позоришь?!»

И что еще обидно: джинсы ведь не валялись: аккуратно лежали на прикроватной тумбочке. Наказывать его не стал. Впрочем, он мне и на глаза не показывался. «Чует кошка, чье мясо съела!»

После этого мы достаточно долго жили в мире и благодати. Где-то около года, верно. Были у нас с ним повседневные «моменты», не более.

А в жарком июле мы оказались на некоторое время вдвоем.

Жена, уезжавшая по родственной надобности, велела: если полечу на буровую, то должен поручить Мартика соседским заботам. Так и было: раза два-три. А тут просят: на одни сутки слетать. Ну, думаю, одни-то сутки и Мартын перетопчется! Положил ему хорошего подъязика, воды в достатке, на всякий случай, колбасы сухой кавалерийской... Как, Мартын, мол, сдюжишь? Нажрался, согласительно муркает.

Вместо суток-то – трое не был я дома! Не по своей охоте: разнепогодилось. Приезжаю: еще с лестничной площадки чую вой тигриный и... запах зверинцевый из своей квартиры...

Что тут было – вспоминать не хочется!

И я виноват, но и он тоже – мог бы быть поаккуратнее!

Сделал я уборку, накормил его как следует, вычесал, спать даже позволил рядом с собой... И так сладко я сыпанул, что чуть не опоздал на утреннюю семичасовую планерку.

Бегу это... А сам вопросы свои служебные оттачиваю: чтоб на планерке решить их в первую очередь... Ну, и о жизни рассуждаю... Знаете ли, как сейчас пишут, идет «поток сознания»... И вклинилась в этот «поток» струйка этакая хозяйственная... Жена давно говорила: подбей, мол, подметки у этих туфель, сам коли разучился, отдай – подбьют! Подошва-то кожаная: истончилась, того и гляди, туфли каши запросят... Куда деваться? Конечно, из-за ее советов не раз влипал, но тут-то, как и во многих случаях, она права... Смотри: дыра, верно, уже, хлюпает в правом туфле! Починить... надо... или... выкинуть!

«Фу! Слава богу, успел!»

Я сел на свое «разнарядочное» место и включился продуманно в работу... Когда перешли к делам других служб, чуть расслабился: стал оборачиваться вправо, влево. И вдруг вывел закономерность: как только я закидывал свою правую ногу на левое колено, сосед мой слева начинал, как добрый спаниель, поводить носом. Стоило мне переместить ногу в другую сторону, начинал дергать носом сосед, сидевший справа... И тут до меня дошло: в окнах-то небо голубое! Какие тут подошвы...

Повеселив разнарядку, я побежал переобуваться.

Кота нигде не было!

Как я позже догадался, он заранее предусмотрел для себя «запасной» аэродром: стал прятаться за батарею, где я его не мог достать ни веником, ни рукой...

За исключением подобных эпизодов, жили мы с ним мирно.

И он, и я любили такое занятие. Я брал его «подмышки», то мордой к себе, то от себя, и качал как на качелях... Он потягивался («релаксировал», говорила старшая дочь, если ей случалось видеть наши упражнения), мурлыкал, почти хрюкал. И каким-то шестым чувством определял, когда я выпущу его, и всегда делал ловкий кульбит и приземлялся достаточно мягко на «все четыре»!

Прожил Мартын до восьми лет. Жил бы возможно и дольше, но случилась перестройка: исчезли или стали не по карману непрезентабельные продукты, к которым Мартын привык. А может, железистая вода, которую так и не научились чистить, доконала: в последние часы своей жизни Мартын очень часто ходил на тазик; чувствовалось, что мучается, но он не стонал, как и подобает представителю «мужеского» пола. Так, без звука, он испустил дух, сохранив однако выражение муки в тигровых загадочных глазах.

Закопали мы его на берегу Мегионской Оби в березовых посадках: среди берез – его ровесниц.

Белочка с пригревочка

Стоял август. Белые ночи потемнели, – так светлоголовая в детстве белобрыска начинает русеть в девичестве, а к бабьему лету, глядишь, стала темно-русой. Так и августовские ночи: темным-темны. Коротки они, не более трети суток, но, словно темные холодные воды разлива, ежедневно, неумолимо подтапливают светлый берег дня. Вот и сегодня новые минут пять–семь дня ушли в сумерки.

Было пять часов новых суток. Рассвет брезжил давно и предвещал ясный денек: заря разливалась красно-золотистыми потоками.

Я закончил свои дела на буровой и размышлял: идти спать или пробежаться вокруг в поисках грибков? Решил: по грибы! Вокруг были светлые чистые сосняки, матерые и молодые. Я взял вместо корзины накомарник и пошел от солнца: почти горизонтальные лучи его не били в глаза; влажные шляпки маслят, моховичков, красноголовиков, сибирских груздей золотисто посверкивали и были сказочно живописны на фоне ягельника и хвои.

Воздух был прохладен и смолист. Я не испытывал ни чувства голода, ни желания покурить. Ни одной какой-то определенной мысли не циркулировало в моей голове. Может быть, только бессловесные образы. Я был язычником. Первобытным человеком. Частью природы, понимающей ее душу, как свою, всеми органами чувств, известными и неизвестными. Меня переполняло чувство благодарности к окружающему миру. Солнцу – за его свет и тепло, игру лучей, натянутых, казалось, между соснами, словно парчовая основа в кроснах. Сосны я благодарил за озон и тень, за зелень, радующую глаз. Мхи – за ковровую мягкость при ходьбе и за то, что они сохраняют влагу и укрывают грибы и бруснику. Грибы – за то, что они выросли, показались мне на глаза, доставили радость находки... Кому-то Высшему, смутно осознаваемому, – за то, что есть все, что есть я, что я вижу, хожу в этом чудесном лесу...

Часа через три накомарник стало тяжело таскать. Я оставлял его где-нибудь на полянке и ходил вокруг по спирали, собирая грибы в капюшон куртки.

Солнце уже высоко поднялось, хорошо пригревало. Роса испарилась, и ягельник был достаточно сухим, но не хрупким. Иногда я отдыхал: ложился на спину и, раскинув руки и ноги, смотрел в купоросно-синее, без единого облачка, высокое небо.

Строчил я медленно, казалось, вырезал грибы подчистую, но, возвращаясь по своим следам, находил еще и еще. И даже рядом с накомарником: там-то многожды ходил!

Вышел к сухому предболотью. Хорошо заметив место, где оставил «корзинку», пробежался налегке по болотистым удолям и взлобкам: одни обабки, да и те – переростки. Все же полон капюшон, иду с бережью, прогалинку свою ищу. Тормознусь, головой поверчу: здесь ай нет? И дальше. Солнце чуть справа бьет: правильно иду! Леший, что ли, кружит? Жалко будет, коль не найду: ведра два в накомарнике, не менее. Стою. Ориентируюсь.

Вдруг белочка привлекла внимание: с ветки на ветку попрыгала и на землю... Слежу за ней, из-за сосенки выглядываю. Белочка по земле прыг-прыг... Глянул в направлении ее движения и... увидел свои грибы! «Ах, ты белочка-с-пригревочка! Пока я шлындаю по лесу, грибы ищу, ты их у меня потаймя берешь? Как оброк? Ну, тащи, тащи... Опрастывай место – капюшон надо освободить».

Белочка повозилась у накомарника (москитную сетку грызет?) и неторопко попрыгала обратно, придерживая грибок передними лапками. Замерла у сосны, поозиралась, блестя глазками-бусинками, и скрылась в хвое. С полминуты ее не было. Появилась она неожиданно, с противоположной стороны. Белочка была некрупная, нежно-рыжая, с сероватым дымчатым оттенком, но – аккуратненькая, изящная. Она присаживалась на ягель, наклонившись, раздвигала передними лапками мох и проверяла качество гриба; пушистый хвост ее, похожий на остистый янтарно-красный колосок, то изгибался вдоль спины, то плавно отходил от нее. Забрав один, другой грибок, зигзагами она вновь приблизилась к моим, скрылась за ними; только по вздрагивающей кисточке хвоста можно было догадаться, что она не сидит неподвижно, а копошится. Вот она появилась с грибком (сыроежка или волнушка?) и вспрыгнула наверх по стволу. А вновь на прогалину спустилась с соседней сосны: как перемещалась она внутри хвойных оподолей, мне не было видно.

Еще несколько раз появлялась она в моем поле зрения. Иногда она замирала столбиком, совсем по-сусличьи, неожиданно громко цокала.

Воздух был недвижим. Я затаивал дыхание: меня она как-то чувствовала или ее настораживало присутствие кого-то другого, невидимого?

От долгого стояния у меня, как у мавзолеевского часового, затекли ноги, и я, забывшись, переступил, как мне казалось, неслышно. Но этого было достаточно, чтобы белка в один прыжок, распутив хвост, скрылась в кроне...

Грибы мои были целы. И я обиделся на белочку: «Что ж ты, дорогуша, моими-то погребовала, привередничаешь?» Да не на шутку обиделся! Так, что когда одумался, смешно стало: «Это люди, как говорил Витя Петров, «не свое, а берут!». Зверье – своим трудом живет».

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Как же так: не свое, а берут?

В каротажной партии экспедиции работал механиком Витя Петров, симпатичный бравый чуваш. Витя окончил автодорожный техникум, полгода поработал и – в армию, служил механиком-водителем. Когда я познакомился с ним, он уже получал пару северных надбавок, приказ на третью надбавку я ему подписывал.

А познакомился я с ним вот по какому поводу.

У бравого коммуникабельного механика появились на Большой земле кое-какие связи в части приобретения дефицитного автомобильного навесного оборудования, особенно для машин последнего выпуска. И по протекции начальника каротажки он сделал несколько удачных «поездок». А на этот раз должен был привезти кое-что из электрооборудования и для транспортного цеха экспедиции. И заказ он выполнил! Но...

В Нижневартовский аэропорт он прилетел под вечер. В город не поехал: решил перекантоваться ночь в аэропорту – до вертолета, который должен был идти на базировку в экспедицию.

Поставив свой неподъемный рюкзак в уголке зала ожидания, с портфельчиком Витя сходил в буфет, пообщался с дежурным персоналом, с тем, другим: легко это у него получалось, приветливо, балагурно... Земляков искал! И находились, но – кто улетал, кто в город уезжал. А пообщавшись с людьми, Витя и дремануть сладко успел. Про рюкзак свой он, в общем-то, не забывал:

взглядывал временами, даже подходил несколько раз, демонстрируя, что вот он, мол, есть хозяин!

Утречком пораньше прошел в летный отряд, дождался экипажа: командир оказался земляком, в полетный список внесли его без тренировок, он даже успел чуть потрепаться с земляком. Потом экипаж пошел в медпункт измерять давление, а Витя побежал за рюкзаком...

Рюкзак исчез!

Исчезли тамблеры, магнето, карбюраторы, вентиляторные ремни и прочая дорогая «мелочовка»! Причем полученная не по накладной, а приобретенная за наличный рубль! Как теперь отчитываться?

И Витя Петров произнес свой знаменитый афоризм под дружный хохот вертолетчиков:

– Как же так?! Не свое, а берут!

Ко мне он пришел с объяснительной по этому поводу, на которой была виза начальника каротажной партии: «За проявленную халатность механику В.Н. Петрову объявить выговор и удержать одну треть месячного заработка».

– Деньги деньгами! – Витя недоуменно, мучительно надламывал тонкие брови. – Главное, как так?! Не свое, а берут!

В его искренности не приходилось сомневаться. Хотелось обнять его, прижать к груди, чем-то утешить, но что-то мешало.

«Господи, – думал я, – неужели все когда-то будут такими?»

У вас одно «место»

В процессе «специализации» каротажную партию из экспедиции выделили, должности механиков партии ликвидировали, и Витя Петров переведен был в новую «контору». Те же процессы происходили и со связью: радистов у нас забрали, радиоаппаратуру, аккумуляторы, под-

зарядные устройства и прочее имущество передали на баланс конторы связи, открывшей у нас свой узел. В результате у нас вместо одной радистки, экспансивной, острой на язык, виртуозной специалистки и матерщинницы Маргариты Николаевны Б., или просто Риты, – как будто ей в противовес – появился еще и начальник узла связи, абсолютно положительный Иван Ефремович Пильщиков....

С первого же разговора с ним я понял: нет, Витя Петров не одинок, есть у него единомышленники!

Внешне Иван Ефремович совсем не походил на Витю: Витя строен, по-чепаевски худощав, быстр, этот – увалень в сравнении с Петровым; по годам они были равней, но Ваня (на людях я его звал Иван Ефремович) был холостяком, Витя же успел настрогать троих к этому времени. Объединяло их неизменное следование, как тогда говорили, «кодексу строителя коммунизма», а проще – сохранившиеся в деревенской глубинке традиции, основанные на христианских заповедях: оба они были из глухой провинции.

Классный радиоспециалист, Ваня был мастером на все руки. Один отремонтировал и устроил «большую рацию» – за обитой железом дверью с предупреждением «Посторонним вход запрещен», и маленькую – для связи с буровыми, находившуюся в конце коридора, в закутке, провел ко мне в кабинет дублирующую линию – так что я мог в любое время связаться с буровыми или вмешаться в разговор мастеров с начальником смены. И все это – за спасибо! «Оформи рацпредложением! – советовал ему не раз. – Или составь наряд на ремонт – оплатим!» – предлагал. Он отмахивался: «Да, все равно делать нечего!»

Рита своего шефа нагло игнорировала: то приходила с глубокого бодуна, то вообще прогуливала; на замечания Ивана Ефремовича порой отвечала таким матом, что ей мог бы позавидовать самый изощренный боцман-матерщинник. (Меня коробит от бранных слов, произносимых женщинами. Но, услышав однажды ее страстный

монолог, я был восхищен: ненормативный русский язык в устах бывшей красавицы, выдавшей вида, звучал возвышенной соловьиной трелью! Иногда, после порожних радиоразговоров с начальством, от которых становилось тошно на душе, я просил ее: «Рита, как это по-русски? Скажи, а?» – «Николаич, – говорила она, – не принимай близко к сердцу, пошли их ...!» И ведь отпускало – благодаря Рите и «великому и могучему»...)

«Что с Маргаритой Николаевной делать, хоть вы посоветуйте, – приходил расстроенный Иван Ефремович. – Совсем она распряглась. Я ей не нравлюсь, ладно! Но работа-то при чем? Я и так график выходов составил льготный для нее. Прогуливает, грубит. Брак в работе допускает – даже вам из главка замечание делали! Вот сейчас табель отправлять – у нее за этот месяц пять невыходов!..»

«Что-что! – говорю ему. – Распустил ты ее, вот что! Ставь прогулы, пиши докладную уволить по 33-й. Или пусть забирают в контору. А тебе пускай пришлют молоденькую, неопытную. Пока будешь ее натаскивать, глядишь, она тебя захомутает. И женишься...»

Ваня по-юношески пунцовел, но не отвлекался от цели визита: «Поговорили бы вы с ней, В.Н., вас она уважает, – может, одумается? Жалко ведь человека! Как так? Столько работать, и по глупости биографию испортить?..» И Ваня продолжал пахать за двоих, хотя я с Ритой поговорил. «Что ж ты, Рита, – сказал я ей, – села на Ефремыча и ножки свесила? Ты б его, в таком раз, хоть изредка голубила! В самом деле: куда смотришь? Чуб у парня какой: есенинский! И в глазах есенинская синь, приглядишь...» На что она неожиданно, с серьезной горечью ответила: «Эх, Николаич, сбросить бы десяток лет, послушалась бы тебя... Что, я не понимаю – какой Ефремыч? Скучноватый он, конечно, но – душевный».

Не прошло и года, как поселковые свахи «выдали» Ваню за его лет учительницу.

Ваня отремонтировал квартиру, построил стайку для коровы, заготовил сена и к осени купил корову в соседнем старинном поселке, так что к тому времени, когда молодая жена пошла в декрет, он поил ее собственноручно надоенным парным молоком...

Вскоре они купили на окраине Саратова домик с участком, после окончания учебного года с годовалым ребенком покинули экспедицию.

Года через два я встретил его в Новоаганске, он работал вахтовым методом по специальности, а в Саратове с трудоустройством были проблемы. «Да и денюжки надобны – обустроиваюсь! – Иван Ефремович стеснительно тронул русые густые усы. – Здесь все-таки заработки повыше, чем на Большой земле».

Я рад был встрече, Ваня тоже. У меня было около часа свободного времени, и мы пошли ко мне в гостиницу. Обмениваясь новостями, вспоминая совместную работу, общих знакомых и, конечно же, Риту, мы чуточку выпили. Ефремыч сразу слегка захмелел. «Ну, даешь! – подкольноул я его. – Так и не научился пить – а еще бывший северянин!»

«Ой, В.Н., не говорите! Аля и то смеется: на пробку, говорит, наступишь – и косеешь. – Он тихо, стыдливо посмеялся. – Такой вот: ни курево, ни вино не люблю...»

Чуть помолчав, снова посмеялся, словно что-то вспомнив. Принялся рассказывать.

«Со мной с трезвым-то, В.Н., чуть не на каждом шагу всяки чепе случаются, а уж с хмельным-то – представляю что было бы!.. Вспомнилось, как мы из экспедиции уезжали... Вещи я упаковал и багажом отправил: в Вартовск специально ездил, контейнер брал. А все необходимое уложил в два чемодана и рюкзак. Устроили отвальную... Жаль, вас в поселке не было. Вот. На отвальной Алины подружки, школа, в общем, ковер подарили. Не знаю, как уж они смогли достать его в орсе... Может, кто свой пожертвовал... Люди от души подарили, а для меня проблема: как везти? Отправить багажом? Не успеваю. Решил на себе тащить: плотно

свернул, засунул в чехол и под клапан рюкзака. Концы ковра согнул коромыслом, чтоб не болтались, прикрепил к бокам рюкзака. Попробовал: рюкзак на плечи, чемоданы в руки – видок, конечно, как у папы Карло, но двигаться можно... У Али – ребенок и сумка... В Вартовск прилетели удачно: ждали мало. А в Тюмени снова пересадка, окошко между рейсами большое. Решили сдать вещи в камеру хранения и съездить в город. Приемщик, показывая на рюкзак с ковром, спросил: «Это как – оформлять как одно место или как два?» В.Н.! Чесслово, не из жадности и не из-за лени, что лишний раз увязывать-развязывать, – не подумавши, без задней мысли, говорю: – Как одно».

...И вот, посадка – в ТУ-134...

Подают мне один чемодан, второй чемодан, рюкзак... но – без ковра!

«А-а... ковер где?» – «Какой ковер?.. Давайте квитанцию, если сдавали». – «Как так? Какую квитанцию? Ковер был вот здесь: под клапаном рюкзака, привязан был вот здесь к рюкзаку...» – «Рюкзак – одно место, ковер – другое! Рюкзак получили? Проходите, не мешайте работать!.. А то милицию вызову!»

Диктор приглашает уже «граждан, опаздывающих» на саратовский рейс. Аля психует: «Опоздаем – на ковресамолете полетим?» Так и пришлось без ковра улететь!» – закончил Ваня свой рассказ об одном из чепе и резюмировал: «Обращался потом в аэропорт; они посмеялись, верно, вдоволь да и отписались вежливо: слова, мол, к делу не пришьешь... Акты нужны, свидетели.. А хмельной-то я, может, кладовщику морду набил бы да и загремел в милицию из-за какого-то ковра: что бы с семьей тогда?»

Проторговался

– Налетай, подешевела! – гостеприимно и зычно, на весь районный базар, зазывал к себе покупателей Фрол

Козлов, крепкий рыжебородый старикан: продавал он отборную, под стать ему – с рыжинкой – картошку.

Лет ему было уже за семьдесят, но ни кудлатой шевелюры густого каштанового цвета, ни морковно-огненной бороды не коснулась еще седина. Щеки его были сродни южным наливным яблокам, а глаза – синими васильками цвели среди ресниц – будто остей ржаных...

И только когда он щерился в ответ на шутки-прибаутки знакомых мужиков, его выдавали, как коня на ярмарке, съеденные зубы... Но он был еще тот конь: не одни еще удила мог перегрызть!

Один недостаток имелся у Фрола Козлова – был он абсолютно неграмотен! Всю жизнь прожил в благодатной деревушке, затерянной в заустеньях отрогов Южного Урала, и дальше райцентра не бывал. Неграмотностью своей он не гордился, как некоторые хвастаются: университетов, мол, не кончали! Но и не переживал: «На мой век трудбы хватит! Навоз, энто... Скотина... Мало ли! Грамотному – стыдоба, а мне – само то!» Устный счет он, конечно, знал. И в деньгах, дореформенных, разбирался. А к новым – «маленьким, нарошным каким-то» – не привык.

Случай, о котором идет речь, произошел весной 61-го года, следом за денежной реформой.

Фрол Козлов зазывал покупателей, ворочал мешки, насыпал картофель, а рассчитывалась с ними – называла сумму, давала сдачу, – внучка его, пятиклассница, кукольно-розовая, рыженькая, с голубенькими глазками, в белых ресничках-лепестках, Нюра: в аккуратной светлой курточке, в белых нарукавниках...

Красиво шла торговля, воодушевленно!

Дед играючи вскидывал очередной дерюжный мешок, развязывал мочальную вязку, показывал рыжеватую, глазастую и оттого будто улыбчивую картошку... Внучка похрустывала купюрами, позвякивала серебром...

Удачно шла торговля!

Ближе к обеду покупателей стало мало, да и те, как городские, брали килограммами. Впрочем, и картошки уже оставалась самая малость: ведер пяток...

– Дедынька! Дедынька!.. – дернула за рукав Фрола Козлова внучка. – Гли-ко, дедынька! Морожено хрусткое привезли. Вон, Файка-т соседская хрумтит вовсю! Миленький, постой один, а? Сбегаю, а? – сама уже совала ему тугой кошель в карман. – Без меня не торгуй! – наказала, убегая, – только ее и видели...

Постояла внучка в очереди, чуть-чуть с подружкой перемолвилась и вдруг сквозь утихающий гул базара услышала отчаянно-хриплый, почти рыдающий голос деда.

«В Микиту!.. В денежны реформы!.. В советску власть!.. Нюрка-а!..»

А Нюрка как тут и была:

– Чо базлашь, дедынька?!

– Где пропадашь, язви тя! Всю картошку продал и сдачи дать нечем!..

...В стороне надрывалась от хохота группа молодых баб и мужиков. Вдоволь нахохотавшись, вытирая глаза, одна парочка подошла к деду с внучкой. Остановились, участливо спросили:

– Ай недостача случилась? Проторговался, никак? – И успокоили: – Бывает! После той, сталинской ишо реформы, баушка сказывала, ей за махорку тоже каких-то облигаций надавали...

Фрол Козлов молча сворачивал, вытряхивая о коновязь, дерюжные мешки.

– Дед, магарыч ставишь? – вдруг спросил его веселый мужик.

– Ет-та с какого?..

– А вот с ентого самого! – мужик из бокового кармана вынул руку с пачкой мятых кредиток и хлопнул на прилавок... А в чайной пояснил: – Это, дед, мы – шутя, нарочно, а до нас-то тебя в самделе – объегорили! Сосчитай – на много ли?

– Шшитай теперя не шшитай, не прибавится!

Приобнял внучку:

– Ниччо, Нюрка, не горюй! Не корову в войну увели!

1998 г.

Мегион

Горобец

В 68-м году мы поехали отдыхать в Крым. В Симферополе сели на ялтинский троллейбус, но, едва увидев море, сошли в Алуште. Без проблем сняли комнатку в одноэтажном доме, недалеко от автовокзала, внизу, в долине речки. С нами была четырехлетняя дочь, быстро загоревшая до шоколадного цвета белобрыска. Народу в Алуште было много, приходилось мне рано утром бегать на городской пляж: занимать места у кромки прибоя и брать пару лежаков и шезлонг.

Я купался натошак, встречая в море восход солнца (восхитительное зрелище!). Чуть обсохнув, шел через неширокий бульвар, через дорогу, к стоявшей в тени кипарисов бочке с вином «Ркацители» (двадцать копеек кружка!). На первый «винопой» (так шутила дочка) можно было пройти в плавках, но на второй, часов в одиннадцать, нужно было надевать шорты и майку, иначе блюстители порядка заворачивали: грозили штрафом за «посягательство на нравственность».

В девятом часу приходили жена с дочкой и начинался активный отдых: на пляже дочка переходила на мое попечение. Мы «плавали» с ней в прибое, собирали камушки, строили «города», «булькали» и выбирались к лежакам, чтобы перекусить: отсутствием аппетита не страдали. В полдень обедали в кафе на склоне парка или обходились люля-кебабом в фольге с вкусным фиолетовым луком и черным хлебом. Часа в три пополудни шли тенистыми дорожками к себе, умывались под колонкой во дворе пре-

сной водой и отдыхали: читали, кемарили или крепко спали. По окончании фиесты готовили блюдо салата из шикарных крымских помидоров, лука и малосольных огурчиков со сметаной, иногда варили картошку. И фрукты, конечно же. И какое-нибудь сухое вино. А в легких сумерках, приправленных пахучим дымком то ли из летних кухонь, то ли от сжигаемого мусора, шли к морю...

Бродили по приморскому бульвару среди нарядно одетых, ставших красивыми и загадочными женщин, мужчин и присмиривших детей. Иногда ездили на прогулочном катере в море. Но каждый вечер ели шашлыки, пили вино, спускались потом вниз, к морю, которое то ласково плескалось, то слегка шумело по мокрой гальке, и бросали плоские камушки: «пекли» блинчики. Домой возвращались часу в одиннадцатом, когда теплая темь заливала Алушту с гор и погружалась в море. Мы шли по-ночному таинственным улицам и проулкам. Фонари прятались за кронами деревьев, и хотя ветра не ощущалось, их узорные тени казались живыми. Дочь шла посередине, взяв нас за руки. Она подпрыгивала, напевала, но иногда ей, судя по напряженной цепкости, было страшновато. Думаю, иной раз ей очень хотелось «на ручки». Когда мы выходили на небольшой, поросший травой, хорошо освещенный пустырь перед домом, веселела! И в одно из возвращений она вдруг сделала поразившее ее (да и нас!) открытие. «Ой, – вскричала она, – смотрите: мы ходим буквой «мэ»!» И в самом деле: позади нас горел яркий светильник, и наша тень очень походила на букву «М»!

Через некоторое время у нас появились соседи: в освободившейся комнате поселилась молодая русоволосая женщина с сынишкой – ровесником или чуть постарше нашей дочери, шустрым, тоже белобрысым пацанчиком. Дети, будто прежде в садик в одну группу ходили, сразу подружились: бегали во дворе, плескались у колонки. Мы были заняты взрослым разговором, когда вдруг услыша-

ли звонко-восторженный возглас мальчика: «Горобец! Горобец!..» Мы с женой, заинтригованные, глянули, чем он там так поражен... и увидели воробья, купающегося в пыли. Жена подошла к детям и потрепала выгоревший чубчик пацаненка, приговаривая: «Горобец! Да ты сам-то как воробышек серенький... Го-ро-бец!» Так мы его и стали звать – Горобец.

Не доставляя нам хлопот, и во дворе, и на море дети играли свои наивно-фантастические ребячьи пьесы... В случавшиеся ненастные дни ходили в кино; в такие дни занимала их мать Горобца, знавшая наизусть все сказки Пушкина, Корнея Чуковского, Бориса Заходера. Ездили на экскурсии в Гурзуф, Ялту, Ливадию – в Ботанический сад.

Теснотой и неустроенностью соседке городской пляж не понравился, и мы стали ездить в курортную часть Алушты – в Рабочий Уголок. Вообще-то, он и не так далеко: мы не раз бывали там во время вечерних прогулок. Однажды произошел забавный случай. Мы возвращались из Рабочего Уголка по кромке прибоя и занимались с дочерью «своим» делом: море было зеркально-спокойное, и мы «пекли» блинчики-оладушки (по звуку различали). У обрывистого склона дорога начинала поворот с подъемом. Чтобы не возвращаться, я поднимал на подпорную стенку дочурку, затем помогал жене и последним – дочь подавала руку – выбирался сам. В тот вечер мы прошли чуть дальше обычного, и стенка оказалась высоковата. Заметив нас, от группы парней, явно из международного молодежного лагеря, отделился идеально черный негр и, ослепляя улыбкой, протянул руку... Дочь, не глядя, подала свою и только на асфальте дороги взглянула на любезного дядю, чтобы сказать спасибо, да так и замерла с открытым ротиком и немигучими, полными страха и любопытства голубыми глазами-ромашками... Веселый негр помог жене и мне и, лопоча что-то, кажется, по-французски, побежал догонять свою компанию, оборачиваясь и помахивая

вая рукой. Мы не раз вспоминали этот конфуз, и дочь смеялась, подтрунивая над собой, громче всех.

То, что прохладными вечерами доставляло удовольствие, в послеобеденную жару превращалось в испытание мужества. Поэтому приходилось пользоваться автобусами. Весь путь от конечной до конечной занимал не более двадцати минут, но какие это были минуты! Автобус на остановку приходил иногда минут за десять – пятнадцать до отправления. Раскаленные, пышущие жаром люди (на две трети упитанные тети и девицы!) набивались в автобус и исходили потом... Мы обычно старались уехать до или после часа пик. Но однажды и нам пришлось проехать...

Мать Горобца решила, что непременно в Бахчисарай надо съездить. Горобец стал собираться, дочь – за ним следом. Пришлось составить компанию.

Я с дочерью на руках вошел через заднюю дверь, на сиденье не успел сесть, но хотя бы встал у открытого окна, не очень зажатый, в меру изогнутый. Остальные втиснулись впереди. И – поехали. На ровной, казалось, дороге попадали выбоины или камни, автобус тогда тяжело переваливался, стонали рессоры, прогибалась перекладина, за которую мы держались... Кокетливые: «Ах, простите...», сдавленные: «Ох!..», неразборчивые, утробные непечатные...

Проехали несколько остановок, сзади стало чуть по-свободнее. И вдруг впереди раздался женский вопль: «Ай!..» и возмущенная слезливая скороговорка. Потом еще женские голоса, еще... Один будто знакомый... Мамаша Горобца! А вот и переливчатый голосок жены. И вдруг залиvistый рев самого Горобца: «Что там могло стрястись?» – заволновался я. Ехали мы уже по городу. Я хотел продвинуться вперед, чтоб узнать, в чем дело, но жена крикнула: «Выходим!..»

Вышли. У Горобца слезы на веснушках еще не высохли, а женщины сотрясаются от внутреннего смеха. На мой

немой вопрос отвечают, еле сдерживаясь: «Оказался Горобец между двумя тетями. Точнее, между их «мягкими местами». Вертел головенкой, вертел: дышать ребенку же надо! А тут, у курортной поликлиники, готовясь к выходу, они так повернулись, что зажали ему рот и носопырку. Что оставалось ребенку – не задыхаться же! – вот он и куснул то, что в рот ему вдавилось»...

У нас приближалось время отлета. Мать Горобца тоже засобиралась. Обменялись адресами. Я им выслал пачку фотографий, но они не ответили. Горобец улетел безвозвратно.

Где подвеска?

На буровую Р-131 Мохтиковой площади я прилетел на спуск эксплуатационной обсадной колонны. Проверил маркировку обсадных труб, фурнитуру. Осматриваю баулы с цементом, считаю. Пнул в баул носком сапога, если мягко, – свежий цемент. Зашиб пальцы, стал проверять каблуком: пять баулов – сплошной монолит! Надо довозить десять тонн. Пошел в культбудку – сделать заказ по рации.

В культбудке буровой мастер Виктор Ч., крепкий, ядерный, как боровик, смешливый: постоянно лыбится.

– Передай начальнику ЦИТС: спуск колонны не начну, пока не довезут цемент. И анализ пусть повторный сделают. А БПО (базе производственного обслуживания) – втык! Пусть смотрят – что цепляют на подвеску! Приеду – рапорт напишу.

– Сеанс будет, передам. Де-сять тэ-эн цемента, – закусив полную губу, записывает мастер в журнал заказов. – Чо еще? – и, вкусно посапывая, дополняет составленную мною заявку. Хлопнув по журналу полной, в ямочках, рукой, спрашивает: – Все? – и, хохотнув, говорит: – Эт-т, Николаич, чо: цемент, хоть и схватившийся, все ж цемент! А вот дают мне недавно команду: отправить коллектора

на 315-ю, к Кравцову. Я Аньке сказал – та собралась мигом, сидит на вертолетке, ждет... Ну! После обеда вертолет плюхается, такелажники стропы выбрасывают, шарятся по вертолетке: что-то ищут. Потом бегут ко мне и с матюками: где, мол, подвеска? Почему не приготовили?! Первый раз слышу, грю. Вот, показывают задание: коллектор. Выхлопной коллектор! До меня дошло: вон, грю, ваша подвеска сидит! Вон – коллектор! Ну! Тут и до такелажников дошло, и до экипажа, все – пали со смеху... В Аньке весу-то... А ее – на подвеску запланировали! А камень... Так это БПО, видно, склады зачищает, вот и отправляет все на буровые: спишут, мол, мастера...

Виктор взгиркнул, поперхнулся смехом:

– Да на вас вот напоролись – вы, слышно, не расчетный расход цемента на заливку подписываете, а фактический...

СВЯТ-СВЯТ-СВЯТ...

«Поехали с Толиком Г. – знаете же этого баламута? – как только зимник окреп, цементировочную технику перегонять. Толик – как обычно: загрузили мне его в кабину, спит. Потом началось! Очнется – свет в кабине врубит. Выключу – он, погода, опять зажжет. Надоело мне: «Ты, чо, – говорю, – погнал, что ли?» А он: «А темно-то чо?» – «Так ночь же, так тебя перетак, – говорю, – агрегаты перегонять едем». – «А!.. Дошло!» – и успокоился. Один агрегат завели, перегнали, другой. Толик уже в норме, крутится. Переночевали у монтажников на лабазной, наутро – на Сиктор поехали. А там такая грободина: к вечеру только завели! Гидроусилители не работают, генератор дохлый, да и фар нету... Но не ночевать же на мертвой буровой: поехали в ночь. А чо? Голь на выдумки хитра! Когда совсем смеркалось, ведро с соляркой, факел на штанге перед радиатором приспособили – Змей Горыныч, а не агрегат, но ехать можно. Все бы ни-

чего, да на гриве зимник петлять начал: чуть не врезались во-от в такую кедрину. Что делать? Давай, говорю Толику, бери ведро с факелом и впереди, как Сусанин, иди. Толик порыпался, но куда деваться: не хочешь, говорю, факелом светить – зажги, как Данко, сердце. Да ведь весь тогда сгоришь: проспиртован! Пошел с ведерком... Приезжаем на буровую – темно, как... Вдруг одно окошечко кошачьим глазом заморгало: повариха встает, догадались, время-то ее: пять часов! Завтрак готовить пора вышкарям... Постучались мы к ней культурно, входим...

Как увидела она нас – пятиться стала и креститься: «Свят-свят-свят». Пожилая повариха-то, перед пенсией с Большой земли приехала: средний заработок поднять, не привыкла еще к нашей жизни длиннорублевой.

«Да не бойтесь, мамо, – успокаиваю ее, – то не черти, то мы – тампонажники!» А на Толика при свете-то взглянул: дьявол не дьявол, но и на человека мало похож. Толик на меня скалится: сам такой! Тут и повариха в себя пришла, за живот держится, зеркальце тащит... взглянул я: ну и видок у меня!

Теперь-то да по бетонке, чего не ездить... Зато гаишники, вроде чертей, за поворотом пугают...»

Укысло

Василий Иванович, по прозвищу Укысло, старший техник-взрывник. Он невысок, худощав, узколиц. В маленьких синеватых глазках затаенная хитринка. Он себе на уме. Даже при очевидности чего-либо, но не привычного, нарушающего сложившееся у него представление о мире, он отводит взгляд в сторону, тонкие губы недоверчиво кривятся, а в резком голосе, когда он соглашается: «Ага... ага!.. так... так...» – ощущается явная подозрительность. Можно было, с натягом, назвать эту черту его характера дотошностью. И черта эта была превали-

рующей, ибо свое прозвище получил он благодаря ей. Шел он к нему, как к подвигу, всю жизнь и мгновение. Помимо всего на попечении Василия Ивановича находился склад ВМ (взрывчатых материалов) и, соответственно, в подчинении завскладом и сторожа.

С некоторых пор стал замечать Василий Иванович, что вся обслуга склада, как ни придешь, под легким хмельком. Заглянет он во все подозрительные уголки сторожки – ненароком, чтоб люди не подумали, что обыск, – ничего! И в одно мгновение его осенило: огнетушители! Бирки бирками, а внутри – что? Попробовал поднять – так и есть: тяжелее обычных! Вскрыл – дух и пена пошли... Приятный дух, соблазнительный... Не удержался Василий Иванович – и попробовал: хорошо приложился! Только оторвался, чтоб воздуху перехватить, сзади голос раздался ехидный:

– Ну, как?..

Василь Иваныч по инерции и ответь:

– Укисло...

С тех пор и пошло: «Укисло» да «Укисло»...

...И родился уже ветерок, или Предопределение

Иван Чешуин пришел на работу с большого бодуна: накануне был у соседа на дне рождения. В экспедиции «сухой» закон до первой орсовской самоходки. На базе орса есть, конечно, и коньяк, и водка, и шампанское, и сухешник. Есть, да не про всех: начальник наложил «лапу», для всяких комиссий да инспекций зарезервировал. Отпускают со склада прямо по его запискам. У соседа жена – орсовская, и без записки расстаралась: отвели душу алкашую – всё выпили, даже на опохмелку не оставили. Теперь майся! В цехе задание дали: в рейс... А какой рейс, когда и от ходьбы голова, того и гляди, раз-

валится. Тракторист, с которым в рейс собирались, подсказал: «У Нюськи Козловой бражка есть. Попробуй. Хотя: вряд ли! Мужу не дает!» Нюсю Козлову, или Захаровну, уговорить – это надо уметь! Иван – сумел. Когда поставил на гусянку трактора двухлитровку со светлой, под сыворотку, бражкой, напарник и тракторист присвистнули от восхищения! И полезли в свои сидоры: за тарой и закусоном.

Широкой души человек – Иван! Нет бы – снять крышку с банки, приложиться к краю и вынуть причитающиеся ему по-братски две трети литра бражки, нет, он ждал, когда напарники приготовятся...

А между тем, в стороне, уже родился ветерок, который подлетит к ним в тот момент, когда Иван будет подавать банку и разобьет ее дверью кабины...

Костя, зайди!

Константин Иванович С., главный механик управления, накануне капитально посидел в ресторане с благодарным «толкачом» одной из северных экспедиций. Он, хотя и из практиков, хорошо владел и аппаратной работой. Через привычное «Ой, скорее бы обед!» он порешал оперативные вопросы с экспедициями, подписал необходимые бумаги, взбучил провинившегося сотрудника отдела, остальных озадачил и собрался ехать «по объектам» (звонил начальник комплекточной базы, похвастался – чешское пиво достал: восемнадцать процентов! Или градусов? Неважно: крепкое!). Подался одеваться было – телефон заверещал. Взял трубку – главный инженер: «Костя! Зайди». И – гудки...

Пришел. Поздоровался. Сел на стул. Люди заходят-выходят. Решаются вопросы какие-то. Иногда и Константин Иванович слово вставит. А то и вообще что-то по его службе всплывет. Обед уж доходит, а ему вопрос свой:

«Н.М.! Зачем вызывали?» – не удастся вставить. Да и топтать начальство – не в его правилах. «Наспрашиваешься на свою задницу!» – его кредо. Наконец остались одни. Главный инженер на него смотрит:

– Ну, с чем пришел, выкладывай! А то, гляжу, как на булавке, сидишь – вертишься.

Константин Иванович смутился:

– Дак... это... сами ж вызывали, по телефону... «Костя, найди!»

Главный инженер заржал:

– По телефону? По городскому? Если бы я вызывал, то я бы тебя вызвал вот по этому – по своему! Понял? Подшутили, Костя, над тобой подшутили. Число-то сегодня не смотрел? Первое апреля...

Пересолили

Владимир Иванович К., ведущий специалист главка, особа, приближенная к начальнику, иногда, при решении щекотливых вопросов, личный его и полномочный представитель, имел более свободный распорядок дня, чем другие специалисты, и в буфет мог приходить до звонка. Это был крупный, импозантный, с благородными залысынами мужчина. Сидел он за столом один и чинно, благородно кушал. После звонка к нему на стол поставил молочный суп, азу и кефир другой Владимир Иванович – С. Пока другой В.И. ходил за ложкой-вилкой, первый высыпал в его молочный суп солонку соли.

Вернувшись и попробовав суп, второй В.И. устроил буфетчице скандал, заставив сочувствующих продегустировать несъедобное блюдо из его тарелки. Когда выяснилось, что суп горько солон только у второго В.И. и ему заменили порцию, первый В.И. вышел на улицу и там загоготал.

Рекордный прыжок

«По весне на спуске колонны было. По закону бутерброда цементирование колонны, как всегда, на ночь приходится. Но все удачно: залили колонну цементом удачно. «Стоп» поймали. Обратные клапана проверили – держат. Все, короче, как учили. Настроение хорошее, можно и расслабиться. Не люблю в сортиры ходить на буровых: как на вокзалах, загажено. То ли дело на просторе! Оно, конечно, не дома, но – воздух свежий, на звезды можно посмотреть... И тут... Выбрал пару хороших кочек, притоптал и кайфую: небо в звездах! Созвездия нахожу... Про инопланетян размышляю... То, се... Вдруг... по одному обнаженному месту... чем-то влажно-горячим мне провели... Вот про резервные возможности человека говорят – есть они, точно! Я ведь так сиганул с места – потом прикинул: с разбега такое расстояние не взял бы никогда. А все просто, пока я звезды считал, собачара тихо подошла – и лизнула. Человек – ого-го! – все может».

Фу-ыкайка

Толика Г. знаете ж? Ну вот, он как-то с похмельюги нарисовался в цехе – на ремонте стояли, – а через часок исчез.

Появляется перед обедом – уже «хорош»! Ему ведь зарплату стали в сберкассу переводить, а книжка – у жены. Она ему ни рубля не дает: курево – сама покупает. А он где-то все ж перехватывает! Ну! Прихожу на обед, а мой сынишка радостно прыгает: «А к тебе дядя Тоя пьиходий!»

Посиди-ка один, когда в детсаде карантин, – рад будешь и дяде «Тое».

– Ну и чо, – спрашиваю, – дяде надо было?

Сын прыгает:

– А он спьясий, где ты. На яботе, говою. Он моим носом побибикай и спьяшивает: «Где такая фу... фуыкайка, из которой ты поссе бьитья фуычишь?» Я говою «Вона». Он с фьякона фуыкайку свейнуй и все выпий. А мне пузыек дай и говоит: «На, игай!» Вота я им игаю».

Витамин «Ж»

В конце дня встречаю Николая Алексеевича С., старшего инженера ПТО, выполняющего временно обязанности «маршала авиации». У него соловый взгляд и раскованная речь. Разговаривая, он что-то перекидывает во рту – леденец или жвачку, а то и мускатный орешек: за ним не заржавеет! Ага! Перекинул, да неловко: лавровый лист.

– Запах перебиваем?

– Обижаете, В.Н., – нашелся Н.А., – десна укрепляю! В лаврушке ж уйма витаминов, чтоб кариеса зубов не было!

На утреннюю разнарядку является в веселой голубенькой «бабочке», но с мрачным, помятым лицом, время от времени морщится.

– Не здоровится, чи шо? – интересуется начальник.

– Отравился, верно. Вчера в столовке на ужин кусок мяса дали такой, что режешь его – он зеленым отливает...

– А, может, от витамина «Ж»? – подаю реплику я. – Может, водка несвежая была – зеленым отливала?

– Обижаете, В.Н., хотя намек и понял. Мой организм водкой нельзя отравить, тем более – если она выдержанная. Водка, чтоб вам было, кстати, известно, свежая вредна для желудка. Как хлеб: желудочникам – черствый дают.

– Хватит! – прервал Н.А. начальник. – А то я вам витамин «Х» пропишу.

Дымокур

Эт-т на Сабуне ишшо. Едем по зимнику. На атээлке. Догоняем цуг: трактор балки ташшыт. А в балках печки топят. Дым из труб идет. Ну! На болотине – прям сине море – белый пароход. Ага. Ну. Нич-чо, думаю: щас выкурим на палубу! Ну! С атээлки-т, с капота, и – на крышу. И трубу-т – куфайкой заткнули. Ага. Сами – по газам, обогнали цуг, в заболотье, на гриве, тормознулись, ждем: чо делать будут? Ага... Оне, сначала-т, один дверь отворит головой, как глухарь на току, повертит, другой: туда-сюда смотрит... а никого: чисто поле! Болотина!.. Ну! А из двери-т, как из дымокура, дымище-т, волнами: пуф-пуф... Ну смех! Куды им девацца: головешки стали в дверь швырять... Вот. Капельня натуральная получилась! Нам смех, а оне, как узнали, чуть не в драку... ага. Ну! Нич-чо! Шутя ж мы... Чо уж?

Буровицкий чай

Я, как устроился в экспедицию, мне с Толиком Г. пришлось работать на пару. Он, конечно, старшина, а я – салага северная, на подхвате. Он, конечно, даже в шахматы не гроссмейстер, но в тампонажном деле, если честно, с учетом северной специфики, я кое-что у него в эндшпиле перенял. Но и, так сказать, по его милости в цейтнот попадать приходилось. Я ж первое время без семьи кантовался, в общаге. Ну, а Толик, чуть что, в гости пригласит. А я, если «масть» пойдет, Толику фору могу дать. И пришлось как-то с глубочайшей похмельюги лететь на буровую. Вертолет МИ-4. Бензином воняет, – едва выдержал. Агрегат стал готовить к работе – на воздухе отходить стал. Тут что-то понадобилось в буровой. Побыл в дизельной, взял у помозка, что надо было, собрался идти – бурильщик по газам как даст, все дымом заволокло. Только вдохнул гари – меня и завыворачивало.

– Ты чего-эт? – за плечо меня кто-то тронул.

Обернулся (послать подальше хотел!) – сам начальник экспедиции. Вот, думаю, некрасиво. Только устроился – и на те! Но виду не подал.

– Да, – говорю, – буровики чаем напоили. Не чай, а сплошной чефир.

Засмеялся он:

– Это тебе с непривычки! Я пил только что – нормальный чаек. Хороший, крепкий. Привыкнешь... – И отошел с мастером по своим делам.

А я пошел к агрегату – по своим. Иду и радуюсь: ловко вывернулся!

Тигровый ус

Пацанами были. В поселке жили. В уссурийской тайге. Да, где уссурийские тигры. Про тигра и рассказ. Случай вот был. Лесник застрелил тигра – тот вроде бы напал на его сына. Так или нет, но зверь в Красную книгу занесен: расследование началось.

Приехал инспектор: акты составляют, объяснительные берут и прочее. А тигр, как вещдок, во дворе на брезенте лежит. Громадный зверюга! Пацаны, издали, перешептываясь, разглядывают его. Любопытно! Потом ближе, ближе. Самый смелый – дерг за хвост – и драпать. И начали друг перед другом пацаны выхрабряться. Кто-то уже за усы дернул: надгубье поднялось, клыки обнажились... Страх напал: тигр будто ожил, оскалился. А погода – снова осмелели! Один намотал ус на палец да и выдернул! Вот такой, сантиметров тридцать... как толстая жилка, ус-то... ну, пятнадцать – уж точно! Короче: дерг да дерг, и когда инспектор с хозяином спохватились – тигр безусый был, побритый словно. Дак они на нас – не хуже тигра зарычали! Жилку, должно, впаивали потом. Хранился у меня этот ус где-то. Да теперь не помню где.

Двойное имя

Сродный брат у меня, на западный манер – кузен, тезка. Но не совсем: у него двойное имя. А получилось так. Через какое-то время после роддома записали его, как положено, в ЗАГСе, выдали свидетельство: Владимир Батькович! А потом и окрестить решились: мода уже пошла, но особо крестины не афишировались. Вот и сродного брата моего окунули в купель, все остальные обрядовые таинства совершили и вручили родителям. Пока те одевали-пеленали чадо, крестные родители – кум да кума – пошли с дьячком новокрещенного раба Божия в церковную книгу записывать. Все данные записали, а самого главного вспомнить не могут: каким именем крестника нарекли. Дьячок торопит, а они, хоть убей, вспомнить не могут! Спросить – родители уже вышли. Тогда кумовья, посоветовавшись, решили: «Да нехай! Пышы: Мыкола!» Так и стал мой сродный брат, кузен на западный манер, Владимиром-Миколой, обладателем – тоже на западный манер – двойного имени...

Экскаваторное фуэте

Экскаваторщик у нас один... дело прошлое, имя называть не буду, грамотный, опытный. Работяга! Хоть на Доску почета вешай. Да срывался: в те времена «хорошо» употреблял.

Еду, значитца, я в карьер к ним. По своим делам. Ночь уж, но карьер работает: машины навстречу с грунтом идут. Смотрю: два экскаватора. Один, как полагается, машины грузит, а второй... Второй – черт те что делает! Ковш со стрелой приподняты – словно ножка у балерины, и все это дело крутится. У балерин – «фуэте» называется, дочку водил, знаю. А вот у экскаватора... Главное, все освещено, дизель работает, экскаваторщик в кабине

сидит. Фантастика! Как в американском кино: тени мечутся, свет играет... Выбрал я момент – пересек опасную зону и в кабину... И что? Машинист спит, дрыхнет, как барбос! Уснул, а ногу с педали не снял. А может, потянувшись, нажал. Выключил я поворот, бужу его: «Что ж ты, обалдуй делаешь?» А он: «Да ты чо?! Я ж только глазом сморгнул, какое, ..., фуэте!»

Как в кино

А вот... Покачевскую дорогу перекладывали, значитца. Технология была такая. Первая смена плиту снимает, корыто делает. Потом монтажный слой завозится, цемент – все перемешивается. И тогда плита новая кладется.

Приехали мы – крановщики, монтажники, строполя, во вторую смену. Смотрим: там-сям кучи песка, грейдер вдалеке шебутится, перегазовывает. Ну, думаем, пока он основание планирует, до ума доводит, отдохнем с дороги. Прикорнули чуток. Потом меня кто-то из наших подымает: иди глянь-ка, что там грейдерист робит.

Вышел из автобуса, пошел к грейдеру: все как было, так и есть. Подхожу ближе – и что? Грейдер завис на куче намывного песка – намывной-то песочек, сволочной! – грейдер завис, колеса пробуксовывают, машина трясется, а машинист – знай перегазовывает, от выхлопного газа все, как в тумане, газует да отвалом пошевеливает... Работает, значитца! Забегаю вперед, отмахиваю – газ сбросил, из кабины потянулся. «Чо делаешь?» – спрашиваю. «Как чо? Планирую: «утюг» уже можно таскать, приглаживать. Заканчиваю!» – отвечает. «Эх ты – «утюг»! Погляди!»

А ему чо: потрясывает, отвал шевелится... работает! Как в кино, значитца, на тренажере. Может, и кимарнул: далеко за полночь дело было.

Разрядки на разрядке

А я приказываю!

«Маршал авиации» (в экспедициях так именуют инженеров по использованию арендной авиатехники) возражает начальнику:

– В.И.! Эту работу двумя бортами не выполнить. А у нас на базировке один вертолет. По буквам: Ольга – Дмитрий – Иван – На...

Начальник:

- А я приказываю тебе: сделать все, что я сказал.
- Ну, хорошо: сделаем!
- Давно бы так.
- Только – завтра...

Ну и ножки...

При перевозке буровой установки была повреждена нога вышки, и монтаж ее на новой точке задерживался.

Начальник только что из командировки. Съездил он, видимо, удачно: обсуждение ситуации идет спокойно, конструктивно. На некоторое время его отвлекает телефон: по репликам можно понять, что – из райкомпарта. Разговор тоже доброжелательный: как съездил, мол? Настроение? Как насчет дополнительных обязательств? Отвлек телефон начальника! Положил он трубку, в окно так задумчиво посмотрел, потом встряхнулся и почти по-лекторски спросил:

- Так на чем мы остановились?
- О ногах говорили, Г.Г., – подсказал главный механик. Глаза «железного» Г.Г. мечтательно затуманились:
- Эх, и ножки же у нее, доложу вам... Да. Гм! – Г.Г. прокашлялся и повел разрядку далее в своем привычном жестком стиле.

«Командировка кончилась!» – прыснул кто-то довольно громко.

Г.Г. и ухом не повел.

Вигоню!

Первая разрядка, на которой я присутствовал 31 августа 1961 года, врезалась мне неизгладимо в память. Было это в Сургутской экспедиции. Вел разрядку мало известный в то время Фарман Курбанович Салманов. Как только не коверкали его имя! Фирман, Фурман, Фирган, Фургон... Были и другие варианты. Фарман Курбанович в долгу не оставался: с русским языком был весьма не в ладах. И хотя со многими он говорил грубо и в оскорбительном тоне, налево и направо раздавая резким голосом свое знаменитое: «Вигоню!» – присутствовавшие на разрядке руководители служб и начальники производственных подразделений, к моему удивлению, «не возникали»! И дело было не только, как ныне говорят, в менталитете советского человека той поры, но и в разрядке – снятии психологического напряжения смехом: дружным коллективным хохотом.

– Ты что ржешь, как... как это – лошадиный муж?..

– Жеребец! – льстиво подсказывает главный механик Мищенко.

– Мне, Фурбан Курбаныч, мяукать не личит – фамилия не позволяет! – гулким басом, перекрывая всеобщий гогот, говорит в ответ механик по фамилии Жеребцов.

– Вигоню! Дело надо делать, а не болтать. Сто раз скажи халва, во рту слаще не станет, гласит народная мудрость.

«А я не люблю халву: мне бы сальца шмоток да горилки глоток»...

Может, споем?

На Покачах было. С самого начала не заладилось: как не с той ноги встали или с цепи сорвались. Не планерка, а рэкетирская разборка, стрельбы только нет – поскольку безоружные. До рукоприкладства, правда, тоже дело не дошло: выдохлись! Тишина – комара слышно. Но молчат все напряженно, угрюмо: кто в стол, кто в пол глядят.

А Покатаев там был. Бульдозерист. Анатолий. Опытный мужик: себе на уме! Вот он возьми да и скажи душевно так:

– Ну, чо, споем, может?!

Чо вроде бы и сказал-то – а усмеялись все до потери пульса. И пошли работать – весело, с легким сердцем.

А ты: барахли-ит...

Сидим, эт-та, на разнарядке, тоись, как-та... Ну, цирк, прям, натуральный! Ну, день, эт-та, как для сердешников, бывает, выпал, только – для цирка. То один, то другой да и отмочит что ни то.

Сусед мой слева, эт-та, вопрос перед начальником подымат: на ремонт становитца надо, потому как, эт-та, пускач барахлит.

А справа сусед, – он с открытыми глазами кимарить мастак, – возьми да и всхрапни! Да резко так: точь-в-точь – пускач будто на морозе!

Начальник суседу слева-т возьми и скажи: «Нормально ж схватывает! А ты: барахли-ит, барахли-ит...»

Ну! Животы надорвали, будто в цирке, эт-та. Прям день такой.

В дыму, как в Крыму...

Не-ет! Как тот год, другого похожего – не бывало! Горели не только гривы, предболотья дымились, торфя-

ники тлели. Дыму было... От пригарья в горле першило. Дождь пройдет, прибьет малость пепел, очистит воздух, а мшаники – сизнова задымят... Не-ет! Хоть топор вешай – в курилке словно. График был такой: на выходные уезжали все. В жилпоселке только дежурный оставался да ягодушки. Базировались тогда прямо в карьере. Подберезовики как раз поперли, второй слой: соблазнился я, остался тоже. Морошка попадала – по старым зимникам, в выворотнях.

Хоть и белая ночь, а все – прохладнее, свежее. Дым к утречку расслоился: внизу дышать стало полегче да и развиднелось – морошка, красноголовик ли, издали видны. Отвел душу. Возвращаюсь. К своему вагончику свернул – и обмер! За столовой, на помойке... копается медведь! – Не-ет! Какой – «показалось»? Натуральный медведище. Сутки держал в заложниках. Но вел себя культурно: ничего не порушил. Не-ет! Технику угнать не пытался... Как ушел, не заметили. И чего приходил? Дыму, что ли, в лагере было меньше?..

На друга надейся, да сам не плошай

Коллектив у нас дружный. Взаимовыручка. Один другого заменит и подменит. Каждый и швец, и жнец, и на дуде игрец. Сработались: не одну пятилетку вместе отмантулили. Задачу схватывают на лету: разжевывать не надо, обидеться могут. «Ты перед нами общую задачу ставь, а уж на сомножители – сами разложим!» – такое правило было на участке. Но и проколы случались... Задачу иному ставишь, вроде внимательно слушает: слово каждое ловит, головой кивает. Переспросишь: все ясно? Он тебе: ага! Требовать «Повтори» неудобно. А потом выясняется, что он все наоборот сделал. И не потому ведь, что тям у него не хватило или попереч-

ный он такой, а просто, когда слушал, на какое-то время на «свое» переключился, раздвоил внимание, вот и поменял «плюс» на «минус» – помнилось! А то друг на друга понадеялись...

Бригада бульдозеристов стояла на отсыпке... Пять бульдозеров: исправные и при машинистах. Фронта работ не было. И вдруг шум: простой по их причине. Не успел шум оборотов набрать – отбой: все пять бульдозеров в работе! Опять фронта нету. А заминка из-за чего вышла? Накануне чепе у одного из них был день рождения. Именинник, само собой, на друзей понадеялся, а те – друг на друга. Договорились бы заранее: один вышел на работу – и никакого шума. А так каждый подумал: может, у другого-то похмелье легче – он и выйдет? А как узнали, что прокол вышел, и примчались все пятеро. У нас – так.

А самому – слабо?

Мастером я – или прорабом? – работал. Пригнал машины с плитой, кран. Строполя со мной, монтажники. А замполотно – не готово! Смотрю: грейдерист, с одной ямой волохается, раз сорок прошел, а яма – все яма. Понять можно, бывает! Я сам грейдеристом работал, знаю: от настроения многое зависит, от куража, значитца. Это как у танцора или у футболиста: то легко, играючи, как по маслу, все идет, то – хоть испсихуйся, ничего не выходит. По себе тоже знаю. Вот.

Подхожу, значитца, к грейдеристу, говорю: не психуй, а сделай так и так. И чтоб над душой не стоять, – сам не люблю – отошел. Занимаюсь чем-то для близиру и за ним наблюдаю: не ладится у него опять! Подхожу, а он – издали – кричит: «Советовать – все мастера! А самому – слабо?» – «Вылазь!» – завелся я. И за четыре ходки – ямы как не бывало! Кураж нашел: красиво так получилось, самому удивительно...

Мужики того парня долго потом «напрягали». Хоть он и не знал, что я еще в армии на грейдере мантулил, урок ему – за нежелание слушать старших.

Приказ-рассказ

Впервые словосочетание «приказ-рассказ» я услышал году в 66-м от управляющего одного из новоиспеченных тюменских трестов Николая М., в недавнем прошлом геолога-поисковика, сентиментального литератора в душе.

Мягко передвигаясь по кабинету или плавно бросая свое могучее тело в тяжелое кресло за громадным письменным столом, он делился впечатлениями: в деловой поездке попутно посетил места, связанные с героем-пионером Павликом Морозовым, и узнал некоторые, неизвестные простому обывателю нюансы этой истории.

Рассказывал он по-андронниковски смачно, но я – он, видимо, забыл – уже слышал его рассказ, поэтому при первой возможности перебил: как, мол, в новом ампула работается?

Николай задумался, чуть наклонив вправо красиво сидящую на мощной шее темно-русую голову. Волосы, прикрывавшие начесом левое ухо, вернее, то, что оставалось от него, отошли в сторону, открыв ушное отверстие с отростком козелка, и собеседник представился мне каким-то инопланетянином....

Я знал, что он потерял ухо молодым, в разгар спортивной карьеры, но каждый раз не мог видеть без внутреннего содрогания этой картины. Мне всегда – фантомно – мерещилась та боль и те страдания, которые должен был испытать человек в тот момент, когда его соперник по ковру, проводя какой-то прием для броска, железным бицепсом или лучезапястной костью, словно чешуйку с рыбы, «снял» с противника такую, оказывается, необходимую деталь человеческого облика, как ухо...

«Что касается рудников – я имею в виду приуральские экспедиции, – с теми проблем нет, – ответил он, поправив густые, чуть волнистые волосы. – А вот с вашим братом... – он напустил кислую гримасу на широкое добродушное лицо, – с буровиками... Прости! – спохватился он. – Знаю: нет правил без исключения... Но все же! Моего главного инженера знаешь же, опытным буровиком считается! С ним договорились: в буровые дела я не вмешиваюсь. Все отдаю ему. Кроме, конечно, стратегических, так сказать вопросов... Но, воленс-неволенс, замечаю ограниченность его как инженера просто даже!»

Мне приходилось и ранее сталкиваться с противостоянием геологов – «белой кости» и буровиков – «кувалд», «переводников», «убэтэ»; впрочем, в интеллектуальном плане, как я заметил, первые действительно были несколько выше, хотя на полевом уровне это практически не бросалось в глаза. Поэтому в дискуссию я не вступил, хотя у меня кое-какие аргументы были. А Николай продолжил:

«Я вот тебе сейчас покажу одно его творение...» – он гибко, легко для его солидной фигуры, нагнулся и вынул из нижнего ящика стола несколько листочков, держа их на отлете двумя толстыми пальцами. – Вот первый его приказ... Проект, разумеется. И, думаешь, о чем? О рациональной организации работ? Или о совершенствовании технологии бурения, улучшении производственных показателей? Или о предупреждении аварийности в бурении? Нет! О непорядках в работе базы! Хлеб у зама по общим вопросам решил отнять!

Пишет... ага! Вот: «...Из моего кабинета видно, что вторые сутки без движения стоит бензовоз. В десять утра сего дня я обнаружил, что у бензовоза протекает сливной вентиль. Я поставил ведро и путем хронометража установил, что оно наполняется за полчаса, что в сутки составляет 480 литров бензина или две бочки...»

И весь «приказ» – в таком стиле! Нет чтобы найти зама или позвонить ему, а вентиль – закрыть! О, экспериментатор! Разобраться я поручил заму, а этот приказ-рассказ – храню... – и он убрал его в стол.

Об этом словосочетании и, соответственно, случае я вспомнил недавно, изучая в архиве материалы, связанные с историей нефтеразведочных работ в Нижневартовском районе. В этих документах есть много любопытного и весьма невероятного с точки зрения современного читателя. Впрочем, читайте сами:

«Приказ № 157 по Нижне-Вартовской нефтеразведке Новосибирского геологоуправления от 22 декабря 1958 г.

Содержание: О выявленных недостатках по магазину Мегионского бурового участка.

Учитывая исключительно трудные жилищно-бытовые условия, связанные с удаленностью Мегионского бурового участка от ближайших крупных населенных пунктов, для обеспечения рабочих продуктами и промтоварами первой необходимости, администрацией разведки в августе месяце была принята на работу тов. Макарова Зинаида Ивановна, в обязанности которой вменялось производить доставку необходимых продуктов и промтоваров на буровой участок из магазина Рыбкоопа (д. Мегион) и магазина ОРСа нефтеразведки и их реализации среди рабочих.

Поскольку специального помещения под магазин на участке не было, продажа продуктов и промтоваров временно производилась на квартире тов. Макаровой, для чего ей была выделена отдельная квартира.

Никаких официальных сигналов на неудовлетворительное состояние торговли от тов. Макаровой за весь период ее работы в адрес администрации разведки не поступало.

Однако в работе тов. Макаровой имели место отдельные отрицательные моменты.

Так, в октябре месяце по неофициальному сообщению тов. Макаровой стало известно о недостатке 17 бутылок водки, которые якобы были похищены на квартире тов. Макаровой.

Тогда же руководством нефтеразведки было обращено внимание и.о. начальника Мегионского бурового участка тов. Дудзинского Г.Т. на необходимость серьезного вмешательства в работу Макаровой З.И. во избежание неблагоприятных последствий. Однако ни со стороны администрации (тов. Дудзинского Г.Т.), ни со стороны профсоюзной организации (тов. Герасимова) никаких мер по упорядочению работы магазина принято не было. В результате этого создалась благоприятная обстановка для бесконтрольности и порочной самостоятельности в работе тов. Макаровой, и вследствие чего оказались возможными случаи прямого хищения государственных ценностей.

Работе магазина тов. Макарова стала за последнее время уделять очень мало внимания. Доставка продуктов из магазина ОРСа нефтеразведки на буручасток неоднократно производилась не лично тов. Макаровой, а передоверялась другим лицам, не несущим материальной ответственности. Несмотря на неоднократные предупреждения о необходимости личного прибытия на базу нефтеразведки для проведения выверки подотчета перед завмагазином Разиновой С.А., тов. Макарова за период с 1 ноября по 20 декабря не сочла нужным прибыть на базу.

Подобная преступная халатность тов. Макаровой привела к тому, что в результате проведенного зав. магазином тов. Разиновой С.А. снятия остатков по состоянию на 2 декабря 1958 года у тов. Макаровой была выявлена недостача в сумме 6 384 руб. 90 коп., включая сюда акты на списание продовольствия от порчи на сумму 673 руб. 50 коп.

Таким образом, факт недостачи выражается в сумме 5 711 руб. 40 коп.

На основании изложенного, приказываю:

§ 1

Учитывая установленную недостачу в сумме 5 711 руб. 40 коп., что явилось следствием преступной халатности, допущенной лично тов. Макаровой З.И., и, принимая во внимание уголовный характер недостачи, выразить тов. Макаровой полное недоверие и немедленно отстранить от работы продавца в магазине Мегионского буручастка. С 23 декабря тов. Макарову З.И. перевести на разные работы по 3-му разряду хозсетки...»

Далее З.И. Макаровой предлагается погасить недостачу до 1 января 1959 года, иначе «дело будет передано в следственные органы для привлечения к уголовной ответственности», предусматриваются также меры «по недопущению подобного впредь».

Приказ подписан старшим геологом нефтеразведки Семеновым Н.Д., исполнявшим в то время обязанности начальника.

В 1961 году автору этого материала приходилось пользоваться услугами «магазина», подобного тому, о котором речь идет в приказе, только уже в Ярсомовском участке глубокого бурения Сургутской экспедиции. Продавцом работала жена старшего инженера участка. Я знаю, что недостачи, подобные допущенной Макаровой, покрывались обычно клиентами магазина в складчину, типа сельской «помочи», если, конечно, продавец не была явной выжигой. Самой Макаровой, при работе по 3-му разряду хозсетки (самой низкой!), и за десять лет не рассчитаться!

Хочется еще привести один «приказ-рассказ», характеризующий производственно-жизненную обстановку в первом «нефтяном» нижевартовском предприятии – Нижневартовской нефтеразведке, предшественнице всех нынешних ее «дочерних» монстров: компаний и обществ.

«Приказ № 2 по Нижневартовской нефтеразведке Новосибирского ТГУ от 5 января 1959 года. Содержа-

ние: О фактах пьянки, допущенных и.о. завхоза тов. Разинова А.В.

Бурильщик тов. Разинов по приказу № 152 от 20 декабря 1958 года был назначен и.о. завхоза. Однако за короткое время тов. Разинов при использовании (!) обязанностей завхоза показал себя с явно отрицательной стороны и допустил ряд недостойных поступков, проявив недисциплинированность.

27 декабря 1958 г. тов. Разинов в конце рабочего дня выехал на лошади нефтеразведки в село Нижне-Вартовск, где организовал пьянку вместе с бухгалтером тов. Черноскутовым. В результате этой пьянки была поломана кошевка, а лошадь доставлена на базу только поздно вечером.

30 декабря 1958 г. утром тов. Разинов отправился по производственным делам в деревню Мегион в нетрезвом виде, данное ему поручение полностью не выполнил. Так, например, счет на приобретение лошадей в колхозе имени Калинина оформлен не был, работа по трелевке леса и заморозке льда через протоку Мега проверена не была.

3 января 1959 г. тов. Разинов А.В. в рабочее время в три часа дня самовольно забрал выездного коня и вместе с кладовщиком тов. Жаворонковым устроили пьянку в селе Нижне-Вартовске, продержав лошадь до 10 вечера. При этом лошадь была доставлена на конюшню детьми-учениками, поскольку тов. Разинов и Жаворонков сами этого сделать не могли, находясь в сильно пьяном состоянии.

4 января 1959 г. тов. Разинов появился в 11 часов утра и производительно трудиться не мог после устроенной пьянки.

Таким образом, за столь короткое время, всего за двенадцать дней, и.о. завхоза тов. Разинов допустил ряд нарушений дисциплины».

В приказной части тов. Разинову объявляется выговор, он строго предупрежден, как принято говорить, о соответствии исполняемой должности, с него и его сото-

варищей удерживается солидарно стоимость одного коне-дня и ремонта кошевки, а конюху тов. Ишметовой предписывается для личных нужд «выделять лошадь только по письменному распоряжению администрации». Основанием приказа явились докладная тов. Ишметовой и объяснительная тов. Разинова. Подписан приказ и.о. начальника Семеновым Н.Д.

Производственные приказы аналогичны цитируемым, но менее информативны. Но будь все они написаны бюрократически грамотно (может быть, и были бы более действенными!), они бы не дали такого красочного, детального представления о том времени, в котором были изданы, и о людях: авторах и героях приказов, подобных этим – поистине приказам-рассказам! Вполне вероятно, что читатель узнает некоторых из них – как прототипов героев книг, посвященных первым нефтеразведчикам.

...Но, рассекая сегодня голубую даль на иномарках и отечественных машинах, вспомним добрым словом этих людей, оставивших нам не только приказы-рассказы....

21.08.99 г.

На лесном пожаре

Лето 64-го года в Сургуте выдалось сухое. Нас то и дело сдергивали на тушение пожаров. Нас, в смысле холостяков.

В принципе, я был женат, но поскольку жену отправил рожать в Пермь, меня и занесли в прежнее сословие – холостяков.

Только вернувшись с очередного таежного пожара, на тушение которого нас, в чем были, забросили из конторы на вертолете, кое-как отмывшись, я пришел на работу. Меня тут же вызвал к себе заместитель начальника экспедиции по общим вопросам Николай Иванович Чабан и приказал:

– Забирай аэропартию, взрывчатку и с Клепачем, районным пожарным, летите на Черную речку – вот сюда, – он развернул секретную пятиверстку и ткнул в обведенное красным карандашом кольцо: – Там перешеек болотистый между двумя лесными массивами, – и здесь, когда фронт пожара будет приближаться, взрывами собьете его!

– Николай Иванович! – менторски стал возражать ему я. – Взрывчатку мы не сможем получить, во-первых, т.к. образца вашей подписи на складе базисном нет. Во-вторых, надо разрешение РГТИ на производство взрывных работ. И в-третьих, у нас у всех есть право руководства взрывными работами только в скважинах, открытыми – только у Германа Телятникова.

Николай Иванович, во время войны – начальник разведки кавалерийского полка, смотрел на меня уничтожающе – как на пленного, немецкого, танкиста!

– Тебе решения «тройки» мало?!!

– Во-первых, какой «тройки»? И, во-вторых, где оно, где оно – решение?..

Он готов был разорвать меня.

– Ты в какой стране живешь?!! Ты советской власти не хочешь подчиниться?!!

Красив Николай Иванович был в гневе! Густые, без единой сединки волосы его разметались книжным развалом, короткие брови домиком встали над разящими ястребиными глазами, мужественные складки пересекли зарозовевшие щеки... волевой подбородок, рот... Ей-богу, я струхнул: шашку ему в руку и – ничего не останется от моего незаматеревшего тела, от беспородного облика и ищущей равновесия души...

– Вот! – он распахнул картонную папочку и швырнул мне в лицо пару листков. – Вот: решение «тройки»!

Я бегло взглянул на недружественно поданные бумаги: секретарь райкома, предрика, начальник милиции... Чрезвычайная комиссия... Подписи, печати...

– Это другое дело! – сказал я. – Но мне нужен официальный приказ! Без приказа я не полечу! Спешка кончится, а потом я – расхлебывай перед «органами»?!

Слово «органы» на Николая Ивановича подействовали: он обмяк, стал обычным.

– Короче. Вот тебе полномочия. Делай, как надо. Главное – чтоб дело сделать, не допустить огонь к первой, можно сказать, в районе буровой. Так меня на «тройке» озадачили, понял? Чо надо – говори, подключусь. И – по коням!

Мне надо было Германа Телятникова, прораба буровзрывных работ: хоть беглый, предварительный, но проект взрывных работ с предварительными расчетами надо было составить и утвердить до отлета. И еще: Женю Кашепаву, и.о. начальника аэросейсмической партии. Вернее, взрывников его партии, техническое оснащение: взрывчатка, катушки с боевой магистралью, взрывмашины и прочее.

С обоими у меня были своеобразные отношения.

У Германа за плечами был техникум и несколько лет «суровой» полевой работы (в это время я учился в институте).

«Нас по вертолетам разбросали, сунули авансы в зубы нам, доброго пути не пожелали и отправили – ко всем чертям!»

Он чуть «эр» не выговаривал, был длинен, как бамбуковый отросток, близорук, с удлинненным, почти лошадиного типа, лицом и добрейшими бирюзовыми глазами, без очков – совсем беззащитными... Имел цепкую память, старался прослыть героем. Я уже знал, как с ним обращаться, и, когда надо было, давал ему возможность почувствовать свою значительность. Я понимал незтичность своего поведения в отношении его, но других способов управлять им я тогда не знал...

Когда он появился, в его распоряжении была машинистка и все оформбюро... Герман диктовал, объяснял

чертежникам, копировальщикам, составлявшим графическую часть проекта... Был на «высоте»!

С Женей Кашепаевой я еще недавно жил в одной комнате. Женя – бакинский еврей. Его мечтой было – накопить денег на кооперативную квартиру и вызволить мать из полуподвальной квартиры, – что, в общем, он, ведя, в противоположность нам с Валеркой Ртвеладзе, третьим нашим соседом, экономный образ жизни, уже и сделал: хвастался, упрекая нас в транжирстве. Второй сокровенной мечтой его было стать начальником сейсмопартии... «Как только появится запись в трудовой книжке, что «имярек назначен начальником сейсмопартии...», тотчас же возвращаюсь в Баку... В какой-нибудь НИИ устроюсь, женюсь...»

И вот с этим Женей Кашепаевой я стал подбирать бригаду взрывников... «Женя! Есть возможность отметить-ся!» – шутил я.

Хоть тогда и спокойные были времена, но контроль за использованием взрывчатки был жестким и продуманным. «Списать» взрывчатку, которая на самом деле живехонька, было трудно. Это при обычной технологии. Без вмешательства «тройки». А тут, в спешке, некоторые могут и попытаться «списать» пару-тройку шашек тротила...

Настоящий начальник аэросейсмопартии был в это время в отпуске. Женя у него работал старшим инженером-интерпретатором. Народу у них было несколько десятков. Я полагал, что Женя всех их знает поименно. Но он вытащил записную книжку, стал листать и каждому, о ком я спрашивал, давал необходимую характеристику.

Многих из взрывников я знал либо по работе, либо по курсам двухгодичной давности, которые вел. Но – межсезонье: тот – в отпуске, тот – учится... Кого-то я сам не хотел брать. Осталось – еще одного найти...

– Женя, а вот... Как его? Сивый такой... Здоровый лоб! Как раз бы подошел: ящики-то 25 кэгэ, по мшаникам потаскай-ка... Петров! Петр Петрович?.. Помнишь?

– Из бывших зэков, что ли? Как не помнить! – Женя мелконько баритонисто засмеялся. – Он при мне устраивался... Только устроился, спрашивает: «А у вас курсы по изучению истории нашей любимой коммунистической партии есть? Запишите меня!» А сам в тот же день полученную спецодежду и аванс пропил...

– Так здесь он?

– Здесь.

– «Спецодежда» у него сейчас есть? Ну и давай его!

Не помню, кто взял с собой фотоаппарат, но у меня сохранилась фотокарточка, бледная, сменовская, недо-закрепленная...

На переднем плане старший лейтенант Клепач, в форме, с накомарником поверх фуражки, на плащпалатке полулежа, что-то вертит в руках. Чуть в стороне – несколько ящиков с тротилом (если память не изменяет, по 25,2 кг в каждом). Вторым планом – согровая тайга в дыму и смутные силуэты людей, это – Петры Петровичи...

Кроме этой фотографии у меня хранится записка Николая Ивановича Чабана, сброшенная с вертолета вместе с продуктами.

«Товарищи взрывники! Спасибо за работу! Скоро вас вывезем!»

Остальные документы мне пришлось сдать с отчетом об израсходовании ВМ (взрывчатых материалов).

...А осенью, как обычно, начался у нас учебный год политпросвета...

1964 г., Сургут

2001 г., Мегион

Овладение дедукцией

В Малышовке, года через два после отъезда из Косихи, мы совсем обносились. Я стал заправским сапожни-

ком: ловко пришивал заплатки на сапоги и ботинки, сушил и смолил дратву, вошил ее. Нарезал ножовкой березовые кругляши-блины, сушил их и колол узенькими пластинками, из которых потом сапожным ножом строгал березовые гвозди – колки, и затем, пользуясь четырехгранным шилом, сапожной лапкой и молотком, этими березовыми «гвоздями» в два-три ряда подбивал подметки. И надо сказать, что, разбухнув, они держали подметки крепко, снашиваясь вместе с ними. Со временем латка на латку, сверху еще латка, и обувь стала непригодной к ремонту, – пришлось мне осваивать изготовление лаптей: обычной обуви малышейцев. А для этого требовалось лыко и мочало.

На лыко шел луб молодых лип. Заготовка его начиналась во время сокодвижения. Использовали обычно побеги, густо росшие вокруг спиленных зрелых лип: кора – на лыко, лутошки – на тын, верхушки – на корм скоту в виде веников, ими любили лакомиться ближе к весне телята и ягнята. Лес от Малышовки был рукой подать, и я таскал вязанки на себе. Если попадался илемовый или вязовый сушняк, брал у дяди Пети тележку на железном ходу и привозил уже целый воз хвороста и липовой поросли. Ободрать липку нужно было сразу же: вдоль делался надрез ножом, затем он расширялся заостренной палочкой, небольшое усилие – и лутошка, телесно-белая, скользкая, стыдливо выскакивала наружу из своей одежды. На солнышке, на открытом воздухе она вскоре желтела. А лутошкина одежда сворачивалась изнанкой наружу и вешалась на просушку в тень на чердак или в сени. Перед использованием лыко заваривалось крутым кипятком и резалось на ремни потребной ширины, и только после этого с него снимался наружный слой: лыко, свежее пахнущее, эластичное, матово-золотистое, было готово! Плести себе лапти, кузова, кнуты, коврики, веревки... Но одним лыком не обойтись – без мочала...

Мочало... Слово уже само за себя говорит: это нечто моченое, причем – хорошо моченное! На мочало шел луб взрослых и старых лип. Хорошие, ровные липы росли в чащобе: длинные, без сучков, толстокорые. Я днями пропадаю в лесу, с топором за поясом. И по самому не совсем понятным признакам у меня начинали складываться представления о жизни природы, ее укладе, но многое постигалось опытом, бывало, и горьким. Кстати, как замачивать липовую кору, мне никто не показывал: просто я слышал, что надо замачивать надолго. Было лето 47-го года. Мне вот-вот должно было стукнуть десять лет. В Малышовке и предыдущие два года жили впроголодь, а летом 47-го по настоящему голодали. От недоедания я был изнурен, малосилен, от лебеды и крапивы, кислицы и пучек рахитично-золотушный. Предельная мечта тогда была – большая деревянная ложка пшенной каши: часто стояла она перед глазами – рассыпчатая, золотистая, с таким неповторимым сытным запахом! Шатаюсь по лесу, я не брезговал борщевиком, саранкой, липовым молодым листочком с припенечной поросли, не пропускал и молодые сережки ветлы. А когда после первых теплых гроз пошли вешенки по вязовым колодам, я занялся поиском этих колод в памятных мне местах и аккуратно, слой за слоем, снимал с них урожай. Были у меня и заветные полянки с ягодой крупникой, и лога и вырубки с земляникой. А когда я впервые решился запасти мочало, мне память подсказала одно маленькое лесное озерцо.

На почин я свалил недалеко от озерка пару липок-маломерок, не без труда снял кору и свернул ее в неплотный обод. Вырубил и заточил пару колышков. Скинув штаны (пацаны в Малышовке трусы не носили – такого понятия вообще не было: с холодами пододевали кальсоны, которые вместе с нательной рубашкой называли одним словом – исподнее), я притопил перевязанное в нескольких местах лыком колесо и наклонно вбитыми колышками закрепил его в таком положении.

Выбравшись на берег, с ужасом увидел присосавшуюся в сгибе под коленом пиявку. С грехом пополам преодолев брезгливость, я оторвал ее и бросил в воду. А из ранки между тем кровь продолжала течь, и меня охолол страх: ну а вдруг теперь не остановится... вся истечет?! В Малышовке, несмотря на голодное время, воровства не было: избы и сараи, погребы и коровники на замки не закрывались, замки висели только разве что на бабкиных сундуках, на колхозных амбарах да на магазине (по-местному, «лавке») в Красноярске, которая, по словам матери, до переворота была Покровкой. Также не зорились чужие верши, морды и хвостуши, не трогалось сено в стогах и дрова из чужих поленниц. Также и замоченные лен или корье. Исключенье составляли огуречные и морковные грядки и мак на огородах малышовцев да горох – на колхозных делянках, – этим, презирая страх быть настеганными крапивой, занималась деревенская мелкота.

В сентябре я пошел в третий класс. В моем развитии незаметно произошел какой-то качественный скачок: все мне в школе стало понятно, и я по всем предметам получал одни пятерки, уроки много времени не занимали.

В один из дней бабьего лета я пошел на лесное озеро – проверить: как оно, мочало, не поспело?

Вода в озерке была сонно-темной, но прозрачной, густо усыпанной золотистыми липовыми листьями. Оно ничуть не обмелело, было опущено изумрудно-зеленой осокой и перепелесым уже пыреем. Корье загадочным силуэтом темнело сквозь темную вуаль с золотистыми мушками. (Позже, увидев впервые картину Васнецова «Аленушка», я был поражен: до чего же изображенное там озерцо было похоже на это – мое лесное озерко!) Боясь пиявок, я полез в воду в чем был. Кора набухла, и я с трудом вытащил на берег специфически пахнущий, кисельно хлюпающий моток. Внут-

ренний слой луба превратился в вощаные, восково-желтые, легко разделяющиеся, тонкие, как бумага, широкие полосы, средний слой был поглубже, слизистый, как бы ячеистый, похожий на соты, непрочный. Разобрав мочало по сортам, я как следует прополоскал его в озере и развесил для просушки. Когда оно слегка обветрилось, свернул его в две восьмерки, связал их и, перекинув через плечо, понес домой. Подсохшее мочало пахло диковато и нежно. Просушив и обмяв его, я плел веревочки различного применения, в том числе и вязки для лаптей, длинные веревки – вожжи, короткие, толстые – для увязки бастрига (гнета) при перевозке сена и прочие, какие требовались в деревенском хозяйстве. Вроде простое это дело – сплести веревку, да смекалки требует! Но в основе смекалки все же лежат наблюдательность и размышления. Гораздо позже, когда я учился в Уфе, в девятом классе, учитель математики Иван Григорьевич Ширяев, выпускник Санкт-Петербургского университета, смекалку называл подсознательным проявлением метода дедукции... Жизнь малышовская, выходит, требовала постоянно этой самой «дедукции» – чтобы выжить!

Итак, пришло время, и одежда у нас обносилась донельзя, а обувь разбилась вконец. Мать со слезами, а порой и с неумелыми матюжками, чинила-перечинивала, как она говорила, «ремни», перешивала, перелицовывала нам с сестренкой вещи взрослых. «Голым задом», по крайней мере, как она признавала, мы не сверкали. И благодаря мне, пятками тоже не сверкали: ходили в лапотках из липы!

В Малышовке ходили в лаптях башкирской модели: с тупыми носами. Русские лапти были остроносыми, плавных обводов. Башкирские лапти плелись с носка, русские – с пятки. Технологию плетения я освоил быстро, умел наращивать подметки, каблуки, т.е. ремонтировать, но – башкирские лапти... Русские же мне оказа-

лись не по зубам: видно, методом «дедукции» я владел еще не вполне, хотя образец у меня был: мать, будучи как-то на «ярманке», покупала себе пару. «Русские-т лапотки дед твой Грегорий ловко работал! – ударяя на последний слог, утешала она меня. – Работай каки получатся – и ладно, все не покупать!»

И я «работал» башкирские лапотки.

Размер лаптей по ширине определялся количеством и шириной лыка, а по длине – количеством переплетений. Изготовление лаптя начиналось с выбора соответствующей веревочки, длинной – если концы ее предполагалось использовать в качестве вязок для закрепления онучей, и короткой – когда она являлась только периметром лаптя, но такой, чтобы петлю, сделанную из нее, можно было натянуть на ступню и колено. На коленке под веревочку продевалось необходимое количество мягких, распаренных лык, и носок лаптя, с тремя углами – центральным и двумя боковыми, – выплетался на коленке, далее плелись подошва и борта до пяточных углов; после выплетания задника часть концов обрезалась, а с помощью других «подбивалась» подметка и каблучок, но для этого требовался уже специальный инструмент – кодочиг, своего рода изогнутое шило, только толстое и широкое, позволяющее пропускать лыко под сплетение при «подшивке» или ремонте. В заднике и по бортам оставлялись отверстия для продевания веревочек или ремешков сыромятных... Вместо стелек в лапти клался обычно пучок сена или мягкой овсяной соломки. Хорошо сплетенные лапти воду не пропускали, но тяжелели, набухая. Сухонькие же лапоточки были легки, ходишь в них – как босой! С шерстяным носком и суконными онучами тепло было в них и в крепкие морозы. Я не раз вспоминал их добрым словом, замерзая и в меховых сапогах и в унтах, не говоря уж про «прощай молодость», которые носил, когда был студентом...

В Косихе у нас (у брата) были фабричные лыжи, в Малышовку – за тридевять земель! – их не повезли. Первую зиму, когда мы квартировали в Красноярске-Покровке, мне было не до лыж. А вот когда в Малышовке мы «поставили» свою избу на «своем» огороде, обгородили его пряслами, соорудили коровник, короче, зажили своим хозяйством, понадобился различный инвентарь: вилы, грабли, тележка, санки... корзинки... кадушки... корыта и корытца... кузова, тески... А инструмента у меня было всего ничего: тупой топор, пила, треугольный подпилоч (напильник), молоток, клещи и... нож-складешок, который я берег пуще всего. В качестве стамески и долота я использовал толстый гвоздь с расплюснутым концом. Отверстия обычно прожигал раскаленной железкой. И здесь мне помогла «дедукция»: я обратил внимание на то, что остуженная в снегу железка плохо поддается подпилку, и стал таким образом закаливать свою самодельную стамеску. Заметил я и то, что перекал делал металл хрупким. Поэтому искал золотую середку: окунув в снег, остужал в тепле, затачивал свой инструмент кирпичом или на куске мельничного камня. Остроту наводил бритвенным оселком, оставшимся от отца на память (саму бритву забрал брат в Уфу, как тогда говорили, для понта: он не брился еще, а как орудие самозащиты вряд ли смог бы употребить). И вот в таком «всеоружии» я решился смастерить себе лыжи! Еще с лета я выбрал в лесу подходящую березку – чтобы без сучка, подходящей толщины. Для этого мне пришлось углубиться далеко в лес, в низины, в сторону зимнего обиталища волков: в февральские стылые вечера оттуда частенько слышался волчий вой. Там, дальше, говорили, находится деревушка под названием Волчий Угол. По светлому времени я их не особо боялся: летом по берегу речки волки забегали к нам в деревню за гусями и таскали даже ягнят из смешанного стада, пасшегося между Малышовкой и Краснояркою, чему я сам был несколько раз свидетелем. Дру-

гое дело зимой, в поле, особенно в феврале, когда у них гон! В памяти стояла страшная история про учительницу, которую волки чуть не с одежкой сожрали между Красным Зилимом и Архангельским райцентром. Правда, и летом, когда рядом начинали всполошно стрекотать сороки, неприятные мурашки пробегали по спине. Поскольку дорога предстояла дальняя, я решил все же прямо в лесу заготовку обработать: расколол вырубленное бревешко на две части, вытесал из них подходящие по толщине дощечки и понес домой. Чтобы при сушке заготовки не треснули, затер глиной торцы и привязал их к слегам нашей соломенной крыши. А как выпал снег, приступил я к изготовлению лыж. Первым делом надо было прожечь отверстие под крепежные ремни. Изба наша обогревалась русской глинобитной печью и каленкой – так звали в Малышовке жестяные буржуйки. Печь до настоящей зимы топили только для выпечки хлеба, а для обогрева и приготовления немудрящей пищи топили каленки (любимым нашим с сестренкой блюдом были «печенки»). Для их изготовления картофеля режется на пластины толщиной с сантиметр и пришлепывается к алым бокам каленки; присыпанные солью, вкусны они были с молоком (это бывал наш завтрак перед школой). На этой каленке я грел в чугунке кипяток, в ее зеве калил полоску железа и, когда она алела, зажимал ее клещами и выбегал на крыльцо – приставлял ее к заготовке. Раздавалось шипенье, парок шел вверх, вырывался сначала голубенький, затем черный дымок, пахло брошенной в снег березовой головешкой. Пока полоска калилась вновь, складешком, затем «стамеской» отверстие зачищалось до чистой древесины. И так по нескольку раз с той и другой стороны. Когда «туннели» смыкались, дело было, считай, сделано. После этого можно было приступать к стесыванию передней и задней части лыжины до нужной толщины. Распарив в кипятке не заостренные пока носки лыжин, я с помощью ручек сундука за-

гибал их, закреплял в нужном положении и оставлял до просыхания; заострял я их осторожно ножом. Рубанка у меня не было, поэтому заусенцы, оставшиеся от топора, удалял осколком стекла – подобным образом я зачищал топорище, рукоятки и черенки.

Приладив ремни, я опробовал лыжи: скользили они плохо, зато хорошо юзили! Я это связал с отсутствием желобков, и стал их буквально выцарапывать ножичком. С грехом пополам получились они у меня треугольной формы и кривоватые. А перед воцелением я догадался лыжи нагревать над каленкой: воск стал как бы впитываться, и лыжи заскользили! И я начал ими пользоваться: катался с сугроба, наметенного возле коровника, делал вылазки в лес, ходил вдоль Речки, на болота – на разведку, узнать: как там жизнь?.. Жизнь и зимой продолжалась! Я видел множество мышинных, заячьих и птичьих следов, растерзанные ягоды шиповника, калины, боярышника, огрызки желудей, липовых и кленовых семян... Домой принес вязанку сушняка, мороженого шиповника. Потом сделал и палки с кружочками; с ними преодолевать подъемы стало легче, а так, на ровном месте – они мешали. С тех пор чуть свободное время – я на лыжи и на горку или в лес...

В зимние каникулы, свернув свои плановые дела, я решил немного размяться: хоть по огороду пройтись на лыжах. В избе я был один: мать с сестренкой ушли к тете Маше попрясть на ножной прялке... Я оделся, обулся. Мать недавно мне подогнала пальтишко, сделанное из армейского ватного бушлата, оставленного папкой, приезжавшим летом 42-го в Косиху на трехдневную побывку. Он тогда много оставил своих вещей: полушубок, бушлат, шлем, фуражку, планшетку, подшлемник, рукавицы с отдельным указательным пальцем и офицерскую портупею. И карманные часы с крышкой. Широченный, красиво простроченный ремень с латунной пряжкой, в которую была встроена ажурная звезда, забрал брат, а

мне достался только наплечный портупейный ремень: он был в два раза уже, но красиво отделан. Бушлат тоже носил брат, мне он достался после него. Что он зимой носил в Уфе, я не знал: он приезжал только летом на каникулы. Я почистил в коровнике, принес охапку дров в избу, после этого надел лыжи и походил по огородной лыжне. Ночью, видимо, мело: лыжня была запрессована мелким, как пыль, снегом: лыжи по нему, словно по бересте, совершенно не скользили. Воздух тоже был какой-то тормозной, жесткий, нескользящий, словно насыщенный шероховатой пылью: дышалось трудно. Да и зябко было, хотя светило солнышко и тень на снегу уже налилась густой синевой. Я зашел в избу. Изба за это время успела выстудиться. Я задумался: затопить каленку или пойти за матерью? Стояла почужевшая тишина, даже сверчок не подавал голоса. Бухала кровь в ушах. И вдруг внутреннюю тишину нарушило хриплое, с многоголосым подсвистом... мое дыхание!.. Я затаился... и снова воцарилась холодная гнетущая тишина. Выдохнул – и опять у меня запело многоголосо в груди. Задержал дыхание – притихло. «Неужели воздух такой был острый, морозный, что с легкими моими что-то случилось?» Я не на шутку испугался. Такого со мной не приключалось прежде: кашля нет, а скрип есть – что бы это значило? Чем это мне грозит? Наконец я решил, что надо протопить каленку, а позже продолжить выяснение феномена. Добросердечна каленка: не таит в себе жар, сразу отдает! Я и не заметил, как разболочся. И праздничный обед себе решил нечаянно устроить: печенок из чищенной картошки сготовить! Складешок, доверенный мне братом, был о двух лезвиях, шиле и штопоре, который я, используя как буравчик, обломил. Картошку чистить я научился от брата: высшим шиком считалось – когда кожура снималась одной тонюсенькой, до просвечивания, витой стружечкой, на худой конец – двумя... Я чистил малым лезвием – оно было всегда остро заточено, деревяшки я им не

строгал, чтоб не тупить. Посверкивающую крахмальными искорками картошку я разрезал на кружочки, натер толченой солью наружные стороны и приклепнул их к рдеющим бокам каленки. Соль все же попадала на каленку и с треском разлеталась хвостатыми искрами. Некоторые печенки по готовности отскакивали сами, другие приходилось отделять деревянной лопаточкой. Перекидывая с руки на руку и таким образом остужая их, я начал есть вкуснейшие картофельные печенки. Некоторые были с сыринкой, но это не портило их вкуса. Молока у нас не было: нетель Зорька обещала дать приплод где-то ближе к весне. Поэтому молоко мы видели редко, довольствовались морковным чаем, шиповниковым настоем, пареной калиной да душицу заваривали (мать душицу звала духмянкой, и в самом деле, когда заваривали ее, – такой духмяный шел аромат...). И в этот раз, запив печенки отваром, я умиротворенно вздохнул... и вспомнил про посторонние звуки: их не было! Подышал по-всякому: с остановками, с резкими вдохами-выдохами, с голосом и без голоса, все – как обычно! «Почему ж одетый я со свистом, со скрипом дышал?» Я подергал ремень – такой же, как всегда. Надел бушлат, опоясался ремнем, глубоко вздохнул – «музыка» опять появилась... И хотя теперь я знал, что с грудью моей ничего не случилось, таинственные звуки подействовали на меня угнетающе. Я еще пару раз раздевался-одевался, но причину не мог найти. И только когда я нашарил во внутреннем кармане и извлек тонюсенький листочек бересты, неизвестно как туда попавший, «музыка» прекратилась! «Вот-те и сапоги со скрипом!» – посмеялся я от души.

Пикирующие «бомбардировщики»

На нашей, почти безлесной, периодически подтапливаемой гривке, в два-три рядка, где жмутся, где приволь-

но разворачиваются с полсотни дачно-огородных участков. На самом хребте есть по-настоящему обустроенные и обихоженные дачи; у большинства же – маломальски огороженные картофельные посадки с овощными грядками возле отслуживших свой срок на буровых балков или непритязательных разномастных строений; есть и совсем заброшенные наделы, с покосившимися межевыми столбами. Соседние грядки похожи на нашу. «У вас дача где?» На этот вопрос обычно отвечают: «На Оби, за гидронамывом...»

В начале лета у нас дуют иссушающие западные и северо-западные ветры. Чтобы как-то оградиться от них, все стараются хотя бы с этих сторон поставить заборы. Года два назад отгородился от этих ветров и я. Да и балок поставил с северной стороны, у границы зоны подтопления, разделив участок таким образом на зоны «уверенного» и «рискованного» земледелия. (Впрочем, паводки 98–99-го годов показали условность этого деления, тогда пик паводка пришелся на вторую декаду июня, и у меня вымокли не только взошедшая картошка и овощные грядки, но и все ягодники: земляника, малина, смородина и даже калина, и только черемуха, оказавшаяся к тому же в заустенье, после этих подтоплений бурно пошла в рост.)

«Потоп» 99-го года, вызванный, по слухам, залповым сбросом воды из Обского водохранилища, отразился не только на отношении дачников к своим участкам, но и, как я заметил, на дикой фауне и флоре. У нас появились невиданные прежде сорняки, почти исчезли нежно пиликавшие кулички, а вместо них появились... дрозды. И только кукушек по-прежнему оставалось несметное количество.

Этой весной я сподобился – к великому удивлению жены! – завезти порядочно отменного навоза и надумал первым делом замульчировать молодые посадки малины, что росла у забора на самом высоком месте. Мы с женой принесли несколько носилок навоза, и я стал разбрасывать его вилами...

Через некоторое время, опершись на вилы, решил отдохнуть и... опешил: на плоском торце столба, в полуторах метрах от меня вязаной шапкой сидело гнездо! С четверть в диаметре и с ладонь высотой. Я заглянул в него: в нем лежало изумительно красивое малахитового оттенка с лазуритовыми разводами и коричневыми пятнышками яичко... Сантиметра полтора по большой оси и в сантиметр по малой...

Я натурально обмер!

«Когда же я в последний раз видел гнездо с кладкой дикой птицы? – стал я вспоминать, скачкообразно углубляясь в прошлое. – В Белокурихе? Нет, это не считается: голуби прямо на цементе лоджии неслись, лентяи и грязнули! Пожалуй, в детстве! – пришлось признаться. – В Малышовке... полвека назад! Боже ж ты мой!..»

Чье же это гнездо?

Я стал присматриваться. Но к гнезду никто не подлетал.

Окончив работу, я пошел на нижнюю половину, за балок, – развести огонь в очаге. Едва оказавшись там, услышал характерное – будто кто маракасами балуется или потряхивает пригоршню монет – дроздиное стрекотание и заметил двух птиц: одна из них, сидевшая на засыхающей осине, что растет у балка, спланировала на трансформаторную будку, другая медленно, по-вертолетному зависая, перелетела с забора на опору электросети.

Я понял, чье гнездо. Только почему они держатся так далеко от него?

Вечером, перед отъездом, я заглянул в гнездо: яичек было два!

С поистине детской радостью я рассказал о своей находке домашним и был обижен их довольно прохладной реакцией на мою находку.

Приехав через день, я обнаружил в гнезде три яичка, а вечером их было уже четыре!

В тот же день мне довелось дважды наблюдать, как дрозды охраняют свою территорию от визита непрошенных гостей.

Обернувшись на слишком воинственный птичий галдеж, я увидел сидящую на сухой вершине ворону и баражирующих над ней угрожающе стрекочущих дроздов: две пары, отменно владеющие высшим пилотажем.

Ворона не выдержала и зигзагом полетела в сторону трансформаторной будки. Преследователи отважно, по-соколиному, атаковали ее так, что она потеряла несколько мелких перышек. Чуть позже с таким же неистовым напором они прогнали кукушку: та, бедняга, с каким-то куриным квохтаньем, но, как крылатая ракета, огибая все неровности рельефа, резво удирала от них...

«Молодцы!» – восхитился я, не предполагая, что в скором времени меня самого ждет такая же судьба.

Раз две пары воют, значит, где-то есть второе гнездо, рассудил я и решил осмотреть ту часть забора внизу, откуда обычно снималась одна из птиц. И точно: на прожилине, между столбом и укосиной (при строительстве трансформатора забор повредили, и мне пришлось укреплять его и подпирать), было такое же гнездо, что и наверху, только хорошо замаскированное, с таким же количеством голубовато-зеленых яичек.

Во мне проснулся дух юного натуралиста! И я решил вести дневник наблюдений. Вот что я записал:

1. Продолжительность строительства гнезда неизвестна (отс. наблюдений).

2. Начало кладки – 27 мая, конец кладки – 1 июня, кол-во яиц – 6 шт.

3. Начало высиживания – 2 – 3 июня.

4. Появление птенцов – 16 – 17 июня.

5. Вылет (слет, отсюда «слетки») – 22 июня (последние два – утром 23-го).

В верхнем гнезде яички стали темнеть. Видимо, пара бросила кладку из-за шума (рядом дорога) или с ней что-то случилось (по гриве шатается много беспризорных кошек, есть и собаки). Жалко!

Первое время мы с нашими постояльцами мирно сосуществовали. А потом началось!..

Как-то, после недельного отсутствия, поработав «наверху», я пошел «вниз» разводить очаг. Гнуса в тот день практически не было, я был в шортах и легонькой трикотажной маечке. И в соломенной шляпе. Наклонившись над очагом, занятый растопкой, я был отрешен от остального мира. И вдруг горячая очередь, прошившая меня от правого колена до левого плеча, вернула в реальность нижнего огорода: с довольным стрекотом, с крутым разворотом дрозд выходил из пике. Ощущение горячей, прострельной очереди было виртуально-реальным: реальность – жидкий экскремент, выпущенный с большой скоростью из «сопла», или «пушки», «пикирующего бомбардировщика», да еще горячий: температура у птиц на несколько градусов выше, чем у человека... Между тем, пока я приходил в себя, «дристун», как я тут же наименовал «штурмовика-бомбардировщика», заходил в новую атаку... разгоняясь от трансформаторной будки. Я взмахнул шляпой, и он был вынужден «отстреляться» заранее и развернуться в сторону.

С тех пор – ни по воду сходить, ни обед сварить: живого места не оставят, всего обдрищут! А когда подходил к гнезду – для наблюдений! – заклевать готовы! Несмотря на то, что я постоянно рядом, на столбе, оставлял им и червей, и семена, и хлебные крошки. Особенно агрессивными стали птицы после появления птенцов: теперь они действовали уже вдвоем! И продолжалось это еще в течение двух дней после того, как гнездо покинул последний дрозденочек... «А если бы и верхнее гнездо было обитаемым, незаброшенным?» – не раз с ужасом вопрошала жена. И тут же, в соответствии с женской логикой,

жалела: «Неужели «отказники»? Нет, случилось, видно, что-то с одним из них, а то бы непременно высидели птенцов!»

Свежий взгляд

На госэкзамен по спецподготовке прибыл генерал-лейтенант из округа. Военная кафедра стояла на ушах. Наши майоры, подполковники и полковники словно помолодели! Подтянуты, до блеска выбриты и надраены. Генерал что надо: высок, дороден в меру, с грозным взглядом и погромыхивающим голосом.

Наш УфНИ в то время был разбросан по многим корпусам. Военная кафедра также располагалась в нескольких местах: сама кафедра и спецтехника – во дворе главного корпуса, а учебные классы – в 7-м.

Наша группа, точнее, взвод в последнее время занималась все больше в классе тактической подготовки.

Класс был просторный, светлый. В центре стоял макет местности, соответствовавший участку топографической карты со всеми высотами, населенными пунктами, мостами, дорогами и ориентирами в виде отдельно стоящих деревьев, напорных башен и хуторов с немецкими названиями. Вдоль всей передней стенки класса тянулась «доска»: полоса коричневого линолеума в речной окантовке. Величина ее позволяла производить все расчеты для принятия решения в роли комвзвода, роты, батальона...

Нашим классным наставником был подполковник Ар-в, невысокий, худощавый, с хорошей выправкой, суховатый, но незлобивый человек. За все три года мы его только раз разговорили. Он вспомнил войну с финнами. «Нас тогда не столько финны и их «кукушки» донимали, сколько мороз! – оживившись, стал вспоминать он, и даже что-то юно-лейтенантское проглянуло в нем: творожистые глаза засинели, нездоровая кожа порозовела... –

В сортир, извините, сходить была проблема! Ширинку, пояс еще только расстегнешь, а уж застегнуться – не можешь, в землянку бежишь вот так...» – он прижал руки к бедрам и трусцой пробежал сколько-то вдоль доски; остановившись, то ли посмеялся, то ли привычно покашлял в кулак...

«Невезучий, видно, мужик! – жальливо-снисходительно говорили мы о нем. – За двадцать лет службы только до подполковника дослужился...»

Но относились к нему лояльно: без выходов и подначек. К нам в группу генерал пришел на исходе экзаменов. Подполковник красиво отдал рапорт и спросил изволения продолжать экзамен.

Ар-в с нашим взводным, старостой группы, бывшим старшим лейтенантом, суворовцем, что называется военной косточкой, натаскали несколько студентов по билетам: они сидели в ожидании генерала, и их час пришел.

Генерал ответами остался весьма доволен, в том числе и теми, что были даны на его вопросы.

В заключительном слове он похвально отозвался о нашей общевойсковой и специальной выучке, отметил удовлетворительное оснащение кафедры спецтехникой, пообещал доукомплектовать ее современными образцами; понравился ему и наш тактический класс...

Голос его мягко погромыхивал, словно отзвук прошедшей грозы – где-то уже там, у горизонта...

Он умолк.

Мы ждали прощальной команды.

А между тем с лицом генерала происходило что-то странное: оно краснело – словно это была колба, которая стала наполняться каким-то красно-фиолетовым, вроде фенолфталеина, реактивом... И, когда оно стало равномерно красно-фиолетовым, он трахнул ладонью по доске:

– А вот эт-та... что за безобразие?!

Все вздрогнули – будто генерал каждого огрел по башке! И – прозрели! Все! Вдруг! И замерли с открытыми от удивления ртами...

На доске, как на рядовом заборе возле рыночного туалета, аршинными буквами магически проступили три пресловутые буквы... Нет, они не были только что нацарапаны: в них намертво запрессовался стираемый не только нашей группой мел, но и мел предыдущих двух-трех курсов: они четко белели на поблескивающей коричневыми влажными боками, чисто вытертой учебной доске...

– Немедля убрать безобразие! – почти добродушно пробурчал генерал.

– Слушаюсь! – пружинисто вытянулся наш наставник. – Бу-сд, тц рал!!

...Вот что значит свежий взгляд! А если серьезно: как порой его не хватает везде!

СОДЕРЖАНИЕ

БЛУЖДАЮЩИЙ РУЧЕЙ. Повесть 3

ПРЯМОЙ ПОЕЗД АЭРОФЛОТА.

Рассказы разных лет 99

Гурманы 100

Мячик на резинке 110

Персональное дело 125

Календарь 135

Пургайские встречи 149

Золотарь 171

Отпечаток 181

Казак Пацюк 195

Голодание по Брэггу 206

Засада 215

Как теща зятя разговорила 226

Прямой поезд Аэрофлота 233

О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ 259

Чернушка 260

Пестрый 276

Про Мишку, Жучку и рыжего кота 282

«Н – Нъ – Нга...» 285

Пестуны 292

Грэй 295

Мартын 299

Белочка с пригревочка 303

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ	307
Как же так: не свое, а берут?	308
У вас одно «место»	309
Проторговался	313
Горобец	316
Где подвеска?	320
Свят-свят-свят...	321
Укисло	322
...И родился уже ветерок, или Предопределение	323
Костя, зайди!	324
Пересолили	325
Рекордный прыжок	326
Фу-ыкайка	326
Витамин «Ж»	327
Дымокур	328
Буровицкий чай	328
Тигровый ус	329
Двойное имя	330
Экскаваторное фуэте	330
Как в кино	331
Разрядки на разрядке	332
А я приказываю!	332
Ну и ножки...	332
Вигоню!	333
Может, споем?	334
А ты: барахли-ит...	334
В дыму, как в Крыму...	334
На друга надейся, да сам не плошай	335
А самому – слабо?	336
Приказ-рассказ	337
На лесном пожаре	343
Овладение дедукцией	347
Пикирующие «бомбардировщики»	357
Свежий взгляд	362

Козлов В.Н.

К 59 Блуждающий ручей: Повесть, рассказы. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. – 368 с.

ISBN 5-7529-0015-8

Виктор Козлов живет и работает в Тюменской области с 1961 года. Участник открытия и разведки более двадцати месторождений нефти и газа, он написал и издал несколько сборников стихов и прозы, посвященных этому краю, где, по его мнению, живут необыкновенные люди и вершатся великие дела. Его новая книга включает повесть «Блуждающий ручей» и рассказы разных лет.

ББК 84.Р7

Козлов Виктор Николаевич

БЛУЖДАЮЩИЙ РУЧЕЙ

Повесть. Рассказы

Редактор Е.В. Черняк

Компьютерная верстка Н.И. Бочкарева

Технический редактор Н.Н. Штоколова

Корректор М.Ф. Худякова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 064913, выдана 14.01.97 г.

Подписано в печать 27.08.2001 г.

Бумага офсетная. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура Times New Roman Cug. Печать офсетная.

Усл. печ. л 19,3. Уч.-изд. л. 15. Тираж 1000 экз.

Зак. № 388.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции –
005-93, том 2 – 953 000.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ГИПП «Уральский рабочий»,
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

X



205622004
Окружная библиотека

